О ФЕЛИКСЕ ДЗЕРЖИНСКОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авторами настоящей книги являются соратники Ф. Э. Дзержинского, сотрудники, работавшие под его руководством, члены семьи. В их очерках и воспоминаниях он предстает как пламенный революционер, выдающийся партийный и государственный деятель, справедливый и чуткий человек, заботливый муж и отец, верный друг и товарищ. Книга (первое ее издание выходило в 1977 году) дополнена новыми материалами, часть которых публикуется впервые. Выходит по просьбе книготоргующих организаций.

Адресуется массовому читателю.

- О ФЕЛИКСЕ ДЗЕРЖИНСКОМ
  - Воспоминания, очерки, статьи современников
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР
    - А. Э. ДЗЕРЖИНСКАЯ-КОЯЛЛОВИЧ
    - Я. Э. ДЗЕРЖИНСКАЯ
    - Б. КОШУТСКИЙ
    - А. ГУЛЬБИНОВИЧ
    - А. Б. БАРСКИЙ
    - Ю. КРАСНЫЙ
    - Ю. ЛЕЩИНСКИЙ
    - Я. Г. ДЗЕРЖИНСКАЯ
    - Д. М. ФРЕНКЕЛЬ
    - М. М. КОНСТАНТИНОВ
    - К. Е. ВОРОШИЛОВ
    - Е. Д. СТАСОВА
    - С. С. ДЗЕРЖИНСКАЯ
    - И. С. УНШЛИХТ
    - КЛАРА ЦЕТКИН
    - БОГУМИР ШМЕРАЛЬ
  - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЧК, ОГПУ
    - Я. Х. ПЕТЕРС
    - Л. Б. РИВИН
    - В. Н. АЛТАЙСКИЙ
    - С. Г. УРАЛОВ
    - М. И. ЛАЦИС
    - Я. Я. БУЙКИС
    - В. И. ТАЛЛЕРЧИК
    - В. Н. МАНЦЕВ
    - Н. А. РАВИЧ

- О. Э. РЕДЛИХ
- Р. П. ОЙДЕМАН
- М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ
- В. И. ГЕРСОН, А. Я. БЕЛЕНЬКИЙ
- В. Н. ЧАЙВАНОВ
- С. Г. ТИХОМОЛОВ
- П. И. СТУДИТОВ
- Ю. В. САДОВСКИЙ
- В. Р. МЕНЖИНСКИЙ

○ НА ХОЗЯЙСТВЕННОМ ФРОНТЕ
- Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ
- В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ
- Ю. В. РУДЫЙ
- И. П. ЯВОРСКИЙ
- К. М. БАРТАШЕВИЧ
- С. А. ЛЕДЕР
- А. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ
- Н. П. БОГДАНОВ
- Ж. Л. ТАНЕР-ТАНЕНБАУМ
- М. Г. РОШАЛЬ
- А. П. ИВАНОВ
- Н. М. ФЕДОРОВСКИЙ
- А. Л. МИЛЮКОВ
- Д. Ф. СВЕРЧКОВ
- В. И. МЕЖЛАУК
- И. М. ГУБКИН

○ НАСТАВНИК ЮНОСТИ
- А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
- Р. П. КАТАНЯН
- В. В. ШИШКИН, М. П. ШРЕЙДЕР
- В. В. ОВСЕЕНКО
- Н. П. ДУБИНИН
- А. С. МАКАРЕНКО

○ ЛЮБЯЩИЙ ЖИЗНЬ И ЛЮДЕЙ
- Я. Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ
- Л. Л. ФОТИЕВА
- Я. М. ГЕНКИН
- В. В. СОКОЛОВ
- А. Х. АРТУЗОВ
- Г. И. СЕРЕБРЯКОВА
- Е. К. САМСОНОВА
- И. П. БАРДИН
- М. Я. ЛАПШИН
- Ф. Т. ФОМИН

■ КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

О ФЕЛИКСЕ ДЗЕРЖИНСКОМ

Воспоминания, очерки, статьи современников
Издание второе, дополненное

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Один из героев польской и литовской социал-демократии, публицист, организатор партийной прессы, соратник Ленина, создатель ВЧК, легендарный наркомпуть и председатель ВСНХ — Феликс Эдмундович Дзержинский умер 20 июля 1926 года, в 16 часов 40 минут.

Софья Сигизмундовна Дзержинская так описывает тот срединный летний московский день: «Надеясь встретиться с Феликсом… я раньше обычного пошла в столовую, находившуюся тогда в Кремле в несуществующем уже сейчас так называемом кавалерском корпусе… Феликса там не было, и мне сказали, что обедать он еще не приходил. Вскоре в столовую пришел Я. Долецкий (руководитель ТАСС) и сказал мне, что Феликс… почувствовал себя плохо; где он находится в данный момент, Долецкий но знал. Обеспокоенная, я побежала домой, думая, что Феликс уже вернулся на нашу квартиру».

Прервем пока воспоминания жены Феликса Эдмундовича и зададимся вопросом: что же происходило 20 июля? Седьмой день продолжался Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Отчего так долго? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться несколько назад и, хотя бы в самых общих чертах, восстановить политическую обстановку страны в конце 1925 — начале 1926 года.

Борьба с «новой оппозицией»; превращение Ленинградской губернской партийной организации в центр антипартийной борьбы, а «Ленинградской правды» — практически в параллельный центральный орган партии… Иными словами, складывалась ситуация, реально угрожавшая единству партийных рядов. Обращаясь к лидерам оппозиции, Дзержинский так оценил их действия: «…вы подняли знамя восстания протпв единства нашей большевистской партии».

Фракционеры пытались обвинить Дзержинского в «зажиме» демократии; в ответ на это он сказал:

«Демократия, которая нами должна проводиться в гораздо большей степени, чем до сих пор, должна проводиться на известной почве, на известной платформе. Эту платформу создал наш съезд, и эту демократию можно и должно развивать только на той платформе, которую дал нам партийный съезд».

Выступление Феликса Эдмундовича неоднократно

прерывалось ожесточенными репликами оппозиционеров. Что же заставляло их отбрасывать прочь правила, скажем так, хорошего тона? Суть — самый смысл полемики, ибо речь шла о путях и методах индустриализации, о том, как превратить огромную аграрную страну, только-только закончившую восстанавлрхвать экономику после тяжких лет войны империалистической, войны гражданской, антантовской интервенции и той невидимой, но от этого не менее жестокой войны, которую развязала внутренняя контрреволюция, в страну промышленную, высокоразвитую. Думающим политикам было ясно, что сохранить завоевания Октября, отстоять дело российского пролетариата можно лишь при условии создания социалистической индустрии. Владимир Ильич указывал, что, в отличие от революции буржуазной, революция социалистическая только начинается с завоевания власти. Следовательно, иа пленуме речь шла о путях развития пролетарской революции.

Оппозиция настаивала: для индустриализации необходимо обобрать «мужика», обобрать до последней нитки, до последней копейки. Дескать, только это позволит изыскать необходимые средства для развития тяжелой индустрии. На самом же деле такая позиция означала отторжение крестьян от рабочего класса, что в стране — по преимуществу все еще крестьянской — грозило поражением революции.

Страстно борясь за единство партии, за грядущую победу социализма, Дзержинский бросает в лицо оппозиционерам слова, полные негодования: «Если послушать вас… то… как будто тут нет союза рабочих и крестьян, вы не видите этого союза, как основу Советской власти, при диктатуре пролетариата, который сознательно ведет страну к определенной цели, к социализму… Этот совершенно ошибочный политический уклон может быть и для нашей промышленности и для всей Советской власти убийственным».

Еще за полгода до этих событий «новая оппозиция» пытается навязать XIV съезду ВКП(б) дискуссию. 15 декабря 1925 года Центральный Комитет партии большинством голосов принимает документ, подписанный девятью членами ЦК, в том числе и Дзержинским, о недопустимости такой дискуссии. Съезд осудил оппозицию. В феврале 1926 года на Ленинградской губернской партийной конференции оппозиционеры были разгромлены. Секретарем Ленинградского губкома стал Сергей Миронович Киров.

Но битым, как известно, неймется. И к апрелю 1926-го складывается новая антипартийная сила, занесшая руку на ленинский кооперативный план, на основополагающие принципы

новой экономической политики, утвержденной и одобренной большевиками-ленинцами.

Удивительно ли, что одним из самых непримиримых и последовательных борцов против попытки раскола партии был Дзержинский? Напротив, абсолютно закономерно и естественно. Столь же естественно, что именно он был поставлен по предложению Ленина во главе образованной 20 декабря 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Одно дело — бороться с врагами, которыми движет классовая ненависть. И совсем иное — противостоять тем, кто раньше считался товарищем по партии, коллегой по работе в Центральном Комитете.

Богумир Шмераль, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии, присутствовавший на июльском Объединенном пленуме, вспоминал на следующий день после смерти Феликса Эдмундовпча: «Итак, вчера в 12 часов он говорил в последний раз… На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, и это можно было принять за ораторский жест…»

Это не был ораторский жест. Дзержинскому было больно, потому что он сражался против тех, кого ранее считал товарищами; это было ему физически больно. Разрывалось сердце…

II

Он никогда не отличался железным здоровьем. Да и откуда ему было взяться, такому здоровью?!

По свидетельству Елены Дмитриевны Стасовой, отвечая в 1921 году на вопрос анкеты, подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октября, Дзержинский написал: «Арестовывался в 97, 900, 905, 906, 908 и 912 годах, просидел всего 11 лет в тюрьме, в том числе и на каторге (8 + 3), был три раза в ссылке, всегда бежал».

За лаконизмом этих строк — многое: 11 лет в тюрьме и на каторге…

«Ковно, ротмистру И. Н. фон дер Гроссу для поручика отдельного корпуса жандармов Г. В. Глазова.

Глеб Васильевич!

Ротмистр Иван Никодимович фон дер Гросс, как я полагаю, соизволит пригласить Вас на экзекуцию… Дзержинского, с тем чтобы потом Вы провели с ним беседу… В случае, если экзекуция не поможет (получено разрешение на порку Дзержинского березовыми палками, но не более пятидесяти ударов, дабы не последовало смертельного исхода в связи со слабым здоровьем последнего), следует лишить арестанта прогулок. Не приходится сомневаться, что двадцатилетний юноша не вынесет подобных испытаний и откроет Вам то, что надлежит выяснить в интересах как Ковенской, так и Варшавской охраны.

Ротмистр В. И. Шевяков».

Двадцатилетний юноша ничего не открыл.

«Милостивый государь Владимир Иванович!

На экзекуцию, которая была применена дважды, ротмистр И. Н. фон дер Гросс меня с собою не взял. Лишение пищи Дзержинского проводилось три раза на протяжении последних пятнадцати дней. Лишь после того, как стало ясно, что все попытки И. Н. фон дер Гросса склонить Дзержинского к чистосердечному покаянию оказались безуспешными, мне было разрешено допросить его, что я делать отказался во избежание досадного, но, к сожалению, бытующего у нас правила перекладывать вину за неуспех с больной головы на здоровую.

Прошу Вашего согласия на возвращение мое в Варшаву, поскольку проводить работу с Дзержинским нецелесообразно, ибо арестованный заболел чахоткою в острой форме с обильным горловым кровотечением.

Вашего благородия покорнейшим слугою имею честь быть

поручик Глазов».

…Из ссылки и каторги «всегда бежал».

Имепно так, бежал, причем рискуя смертельно, чтобы продолжить борьбу. Об одном из этих побегов — вместе с эсером Сладкопевцевым — он потом напишет рассказ, высоко оцененный Максимом Горьким.

Вот как это было: Сладкопевцев хотел было передвинуться

ближе к Дзержинскому, но в это мгновение ватную тишину тумана разорвало грохотом, треском, леденящим холодом — лодка налетела на сук, торчавший из воды. Дзержинский оказался в быстрине, пальто стало вмиг тяжелым; он ухватился за ветку, но она хрустко сломалась, оставшись в зажатом кулаке, и, собрав последние силы, Дзержинский выпрыгнул из быстрины и ухватил второй сук, и все это происходило в считанные доли секунды; и тумана уже не было, он оказался неким рубежом жизни и смерти, и вторая ветка хрустнула в его мокрой руке. Он ощутил сначала сладкую прелесть студеной чистейшей воды, а потом понял, что вода эта, поначалу казавшаяся прозрачной, и есть мрак, могила, погибель…

Сладкопевцев, каким-то чудом выброшенный на камни, ухватил Дзержинского за воротник пальто, когда тот, взмахнув руками, исчез в дымной темноте воды, потащил к себе, оскользнулся, но удержался все же, не упал и, застонав от напряжения, поднял товарища к дереву, торчавшему страшно, как чудовище на врубелевской иллюстрации. Дзержинский обхватил мокрый ствол руками; сделал два быстрых рывка, как в гимназическом, далеком уже детстве, ощутил под ногами не пустоту, а камень, упал на берег рядом со Сладкопевцевым и зашелся кашлем, а потом ощутил теплоту во рту: тоненько, из самой далекой его глубины пошла кровь, ярко-красная, легочная…

Здоровья не было. Была самоподдерживающая воля. Вот что вспоминает один из деятелей литовской социал-демократии конца XIX века Андрей Гульбинович: «Яцек (один из псевдонимов Дзержинского в годы революционной работы в Вильно и Ковно. — *Ю. С.)* был моложе меня на три года… Как-то мы шли вместе ночью и разговаривали, Я ему говорю:

— Почему ты так не бережешь себя, так растрачиваешь свои силы? Нужно немного поберечь себя, иначе потеряешь здоровье.

— Чего уж там, — отвечает, — здоровье мое никудышное. Врачи сказали, что у меня хронический бронхит и порок сердца, что жить мне осталось не больше семи лет.

Вот и нужно эти семь лет как следует, полностью использовать для рабочего дела.

Я похолодел от этих слов. Я очень любил его…» Огонь не только разрушает, но и закаливает. Металл, в частности. Внутренний огонь, огонь революции поддерживал Дзержинского всю жизнь. Вплоть до 20 июля 1926 года.

Вернемся к воспоминаниям Софьи Сигизмундовны. «Но и здесь (на кремлевской квартире. — *Ю. С.)* его не было. Я

позвонила в ОГПУ секретарю Феликса В. Герсону и узнала от него, что у Феликса был тяжелый приступ грудной жабы и что он лежит еще в одной из комнат Большого Кремлевского дворца. Не успела я закончить разговор с Герсоном, как открылась дверь в нашу квартиру и в столовую, в которой я в углу у окна говорила по телефону, вошел Феликс, а в нескольких шагах за ним сопровождавшие его… Я быстро положила трубку телефона и пошла навстречу Феликсу. Он крепко пожал мне руку и, не произнося ни слова, через столовую направился в прилегающую к ней спальню. Я побежала за ним, чтобы опередить его и приготовить ему постель, но он остановил меня обычными для него словами: «Я сам». Не желая его раздражать, я остановилась и стала здороваться с сопровождавшими его товарищами. В этот момент Феликс нагнулся над своей кроватью, и тут же послышался необычный звук: Феликс упал без сознания на пол между двумя кроватями».

Ему не было еще и сорока девяти…

Он многое не успел сделать. Но главное — успел. Этим главным — в условиях той поры — была его речь на пленуме.

19 июля 1926 года началось рассмотрение вопроса «О хлебозаготовительной кампании». Докладчиком был Каменев. Содокладчиком — еще один из лидеров оппозиции, заместитель Дзержинского по ВСНХ — Пятаков. Они предлагали повысить розничные цены на изделия промышленности, что, бесспорно, не могло не ударить по крестьянам.

После выступления Пятакова, говорившего от имени Высшего совета народного хозяйства, Дзержинский не мог, не имел права молчать. Опубликованная во втором томе его избранных произведений речь занимает 11 страниц. Примерно полчаса звучания. За это время оппозиционеры перебивают его, бросают реплики, вступают в пререкания, не дают говорить. И тогда Дзержинский произносит слова, в иной обстановке для него невозможные:

— А вы знаете отлично, моя «ила заключается в чем? Я не щажу себя никогда. *{Голоса с мест:* «Правильно!») И потому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь иа них.

Именно в этот момент Дзержинский прикладывает обе руки к сердцу; это не изысканный жест опытного оратора — немилосердно теснит грудь…

Человек, который всю жизнь берег единство партии как зеницу ока, человек, которому принадлежат слова: «Перед

товарищами не капитулируют, перед товарищами признают свои ошибки», человек, для которого не было ничего дороже революции, — и во имя этой революции он согласился делать, по выражению Б. Шмераля, «самую тяжелую, самую черную и вместе с тем самую чистую работу» — этот человек последний бой дал противникам единства, искренне веря, что логика развития обязана стать выше личных амбиций тех, кто противостоял большинству.

III

Этот сборник воспоминаний о Дзержинском выходит к 110-й годовщине со дня его рождения. С того дня, как не стало Феликса Эдмундовнча, прошло свыше 60 лет. Казалось бы, годы безвозвратно уходят в прошлое, и реальности нашей жизни далеки и резко отличны от тех лет. Но отчего-то душа наша, то светлое в ней, во имя чего и была совершена революция, стремится как можно ближе подойти к ленинской гвардии и к таким ее славным представителям, как Дзержинский. Приблизиться, чтобы познать до самых глубин суть их, смысл их жизни. И происходит это потому, что в людях, подобных Дзержинскому, в их жизни и смерти, в мыслях и поступках сконцентрировано все лучшее, что нашло свое выражение в Октябрьской революции.

Робеспьер революции, председатель ВЧК, Феликс Эдмундович больше всего заботился о том, чтобы у чекиста были горячее сердце, холодная голова и чистые руки. Вячеслав Рудольфович Менжинский, автор воспоминаний, вошедших во вторую главу книги, писал: «Организатор ВЧК, в первое бурное время, когда не было ни опыта… ни людей, сам ходивший на обыски и аресты, лично изучавший все детали чекистского дела, столь трудного для старого революционера довоенной выделки, сросшийся с ЧК, которая стала его воплощением, Дзержинский был самым строгим критиком своего детища».

Известно, что «красный террор» был объявлен только после того, как в Петрограде эсеры убили близкого друга и соратника Дзержинского, председателя Петроградской ЧК Урицкого, а в Москве тяжело ранили Владимира Ильича. До того — под честное слово прекратить борьбу против Советской власти — были отпущены из Петропавловской крепости царские генералы; они не сдержали своего слова. До того были выпущены за границу графиня Панина, черносотенец Пуришкевич, через неделю примкнувший к белой гвардии на Дону. Чрезмерность доверия,

рыцарства или веры в благоразумие политического противника? Видимо, все вкупе.

Примечательно, однако, что даже враги революции отзывались о Дзержинском в высокой степени уважительно.

Нарком путей сообщения, председатель ВСНХ — странные назначения? Нет! Они логичны и абсолютно оправданы — на эти посты назначается человек, который обладает двумя крайне важными качествами — умением учиться и страстным желанием крепить новое общество. Не случайно ныне так возрос интерес к этим сторонам деятельности Дзержинского.

В недавно вышедшей книге известного отечественного экономиста и публициста Отто Лациса «Искусство сложения» напечатан очерк «История из жизни строителя». Он посвящен Дзержинскому-хозяйственнику. Автор начинает свой очерк следующими словами: «Кто не читал, не смотрел, фильмов о Дзержинском-чекисте, о Дзержинском-революционере! А кто читал о Дзержпнском-хозяйственнике?» Сравнимы ли по драматизму сюжеты из жизни председателя ВЧК с сюжетами из жизни председателя ВСНХ? Таким вопросом задается О. Лацис и совершенно справедливо отвечает: «Он всегда оставался человеком страстным, всегда оставался революционером, всегда искал истину. Да и к тому же экономика в любые времена умеет быть не менее драматичной, чем, скажем, ловля шпионов, а экономика тех лет была особенно драматична».

Глубоко симптоматично, что в книгу очерков, вышедшую накануне XXVII съезда КПСС, который сообщил всему нашему обществу ускорение социально-экономического развития, Лацис включил очерк о Феликсе Дзержинском.

Разве не актуальны сегодня слова из последней речи председателя ВСНХ: «А если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас». Разве не движет нами и сейчас стремление освободить экономику от всего того, что мешает ей развиваться поступательно? Разве не пытаемся мы ныне высвободить творческую инициативу людей? Разве не движимы мы волей отказаться работать спустя рукава, от безынициативности, очковтирательства, рутины?

О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, крупнейшем руководителе и организаторе восстановления транспорта, реконструкции всего хозяйства Страны Советов, рассказывают на страницах книги Г. М. Кржижановский, В. Д. Бонч-Бруевич,

Н. П. Богданов, М. Г. Рошаль и другие.

На обороте одного партийного документа, заполненного Дзержинским уже после Октября, секретарь первичной партийной организации написал: *«Член ЦК РКП и вместе с тем* (курсив наш. — *Ю. С.) образцовый коммунист, связанный с рядовой партийной массой».* Как важно именно сегодня помнить об этой стороне нравственного облика коммуниста — быть с народом, а не только уметь отвлеченно рассуждать о его благе.

В последние главы книги включены материалы, характеризующие Дзержинского как человека кристальной нравственной чистоты, высокой духовной культуры. Читатель познакомится с человеком, горячо любившим жизнь и людей, наставником молодежи, чутким товарищем, внимательным собеседником.

Как не вспомнить совет Владимира Маяковского молодому поколению делать жизнь «с товарища Дзержинского»! Образ «железного Феликса», очищенный от украшательства и елея, нужен ныне каждому — во всей своей правде и открытости, — для того чтобы возрастало наше собственное уважение к самим себе и к Отечеству. Ибо для нас, нынешних и грядущих поколений, творили революцию Ленин и Свердлов, Дзержинский и Цюрупа, Фрунзе и Крыленко, Луначарский и Антонов-Овсеенко; за нас, нынешних и грядущих, отдавали жизнь свою сотни тысяч рабочих и крестьян. Их жизнь в каком-то смысле — пролог нашей. Та почва, на которой имеют право произрастать лишь благородные злаки…

И об этом вновь напоминает книга, которую раскрывает читатель.

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Не стоило бы жить,
если бы человечество
не озарялось
звездой социализма,
звездой будущего.

Ф. Э. Дзержинский

А. Э. ДЗЕРЖИНСКАЯ-КОЯЛЛОВИЧ ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ

Мне было семь лет, когда родился Феликс.

Было это 11 сентября (н. ст.) 1877 года. Наша семья — отец, мать и четверо детей жили в своей усадьбе Дзержиново, в Виленской губернии. Отец наш, преподававший с 1866 года в мужской и женской гимназиях Таганрога физику и математику, уже не работал. Он был болен туберкулезом и последние годы жил в деревне, получая пенсию. Отец был справедливым человеком, и крестьяне соседних деревень, чтобы подтвердить достоверность чего-либо, говорили: «Так сказал Дзержинский». Они очень уважали его и часто приходили за советом и помощью. Отец им никогда не отказывал. Мы жили в маленьком старом домике на берегу реки Усы. Домик этот не сохранился.

Мама, имея большую семью, всегда много работала по дому, стараясь содержать детей в чистоте и порядке. Она сама шила для нас.

Детские годы Феликс провел в Дзержинове, в тихом, уединенном, но живописном уголке. Ближайшая деревня Петриловичи находилась в 4 километрах. До железной дороги было 50 километров. У самого дома красивая река Уса. Она вилась голубой лентой среди зеленых лугов, со всех сторон окруженных густыми сосновыми лесами Налибокской пущи.

В 1880 году наша семья переехала в новый дом, построенный на холме несколько дальше от реки. Но он также был расположен в красивом месте, среди дикой и живописной природы. Там не было ничего искусственного. Не было ни подстриженных аллей, ни посыпанных желтым песком дорожек, обычно отличавших помещичьи усадьбы. Дом наш был окружен деревьями и густорастущей зеленой травой, по которой дети с большим удовольствием бегали босиком. Мы все очень любили Дзержиново, любили эту дикую родную природу и обстановку простой деревенской жизни.

Феликс рос резвым, но чутким ребенком. Оп очень любил природу, любил животных и не позволял обижать их. Позже, в своих письмах, Феликс неоднократно вспоминает о годах, проведенных в Дзержинове. В раннем возрасте он обычно играл с сестрой Вандой, которая всегда подчинялась его воле. Во всех играх с ней и младшим братом Владиславом вожаком был Феликс.

Наши мальчики росли на свободе. Большую часть летнего дпя

они проводили у реки, купались, ловили рыбу. Нередки были случаи, когда кто-нибудь из них и то-пул — в реке было много ключей, — тогда остальные братья[1] бросались на помощь и сообща вытаскивали на берег.

Любимым занятием Феликса были рыбная ловля и охота за раками. Мы всегда радовались, когда к ужину на столе появлялось блюдо с целой горой красных вареных раков. В такие дни Феликс был горд своими успехами и особенно доволен том, что доставил удовольствие маме, очень любившей раков.

Любил он также лесные походы за ягодами и грибами. В наших лесах их было очень много, и мы часто отправлялись туда веселой гурьбой. С наслаждением ели мы потом пироги с черникой, которую сами собирали.

С ранного детства Феликс любил ездить верхом. Но так как мама не позволяла малышам этого делать, то мальчики нередко ловили на лугу неоседланных лошадей и на них мчались вскачь куда-либо в лес, подальше от взоров взрослых. Это доставляло им огромное удовольствие. Феликс ни за что не хотел отставать от старших братьев, но если те кое-как справлялись со своими лошадьми, то 6—7-летний Феликс нередко оказывался на земле. Однако чувствовал он себя героем.

Феликсу были присущи все детские проказы и шалости, но он никогда не совершал жестоких или грубых поступков.

Детские годы Феликса прошли в скромной домашней обстановке, без всяких излишеств.

В 1882 году отец наш умер, и молодая 32-летняя мать осталась с восемью детьми на руках. Мне, самой старшей, было 12 лет, Феликсу — 5 лет, а самому младшему — 1 год и 3 месяца.

Материальное положение нашей семьи было довольно трудное. Усадьба доходов никаких не приносила, а пенсия отца была очень мала. Нам помогала бабушка Янушевская, у которой воспитывалось двое детей: Казимир и Игнатий.

Мама в этой скромной обстановке умела создавать нормальные условия жизни и дать каждому ребенку все необходимое для его духовного развития. Она была очень доброй и чуткой, все дети ее сильно любили. Мама была культурной, образованной женщиной. Она владела иностранными языками, знала музыку, много читала. Оставшись без мужа, она целыми днями была на ногах, работая по дому, и являлась примером трудолюбия для нас, детей.

Феликс горячо любил свою мать, боялся причинить ей малейшее горе и всегда относился к ней с болыним вниманием. В одном из писем ко мне, вспоминая о своем детстве, он говорил, что был очень упрямым ребенком и что только доброта и чуткость

матери ломали это упрямство. Он действительно рос очень настойчивым. В этой настойчивости были зачатки той железной воли, которая помогла ему перенести много испытаний на его тяжелом пути и выйти победителем из борьбы.

Учась в гимназии в Вильно и приезжая на летние каникулы в Дзержиново, я старалась помочь маме, чем могла. Я много занималась со своими младшими братишками и сестричкой, ходила с ними гулять в лес, читала им книжки и рассказывала. Феликс очень любил слушать чтение и рассказы.

Когда Феликсу исполнилось шесть лет, я начала учить его читать и писать, сначала по-польски, а с семи лет мы стали изучать и русский язык. К девяти годам я подготовила его для поступления в гимназию, и в 1887 году осенью он вместе со мной поехал в Вильно, где и выдержал экзамен в первый класс первой Виленской гимназии.

Начало учебы у Феликса было не особенно успешным, несмотря на его большие способности. В первом классе Он остался на второй год, главным образом потому, что слабо знал русский язык. В семье мы всегда говорили по-польски. В России же в то время официально было запрещено разговаривать по-польски, и во всех общественных местах говорили только по-русски. Помню, как я сама получила переэкзаменовку на шестом году обучения по русскому языку. И только потому, что не смогла объяснить одного слова. Когда педагог спросил меня: «Что такое студеная вода?» — я ответила, что это вода из студни. Он не понял, и тогда моя одноклассница объяснила, что я полька, а по-польски колодец называется студней. Узнав, что я дома говорю по-польски, он заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!»

У Феликса были большие способностп к математике. Все мои братья проявляли способности к математике. Может быть, это передалось от отца, хорошего математика.

Занимаясь в гимназии, Феликс с 14–15 лет начал давать уроки. Бедных он учил даром. Получаемые за уроки деньги оп отдавал бедным, а позднее — на социал-демократическую организацию.

В последний год своей учебы Феликс жил у бабушки на Поплавах и там на чердаке печатал листовки, воззвания, обращения к рабочим. Он мне неоднократно говорил, что судьба фабричных рабочих очень тяжела и о них надо заботиться.

О своей революционной работе этого периода Феликс в семье никому не рассказывал. Особенно скрывал он это от матери. Его деятельность была связана с большими опасностями, а он не хотел волновать ее, тем более что мама в это время была уже

серьезно больна.

14 января 1896 года наша мать скончалась. Во время ее болезни Феликс часто ездил к ней в больницу в Варшаву. Сам он тогда жил и учился в Вильно. Смерть горячо любимой матери была тяжелым ударом для Феликса.

После смерти матери Феликс ушел из гимназии и весь отдался революционной работе. В это время он жил у меня на Поповской улице в Вильно. К нему часто приходил известный социалист доктор Домашевич.[2] Они забирались куда-нибудь в уголок и там тихо, чтобы я не слышала, вели свои беседы. Я знала, что Домашевич нелегальный, и я боялась, что его выследят и арестуют у меня на квартире: я воспитывала двух младших братьев. Они учились в той же гимназии, из которой добровольно ушел Феликс, оставив у дирекции недобрую память о себе. Вопрос об уходе из гимназии был им продуман и решен. Но, покидая гимназию, Феликс высказал педагогам прямо в лицо всю правду об их методах воспитания. Он вошел в учительскую и, обращаясь к преподавателю русского языка, по фамилии Рак, которого гимназисты особенно ненавидели за шовинизм и притеснение учащихся-поляков, заявил, что национальное угнетение ведет к тому, что из учеников вырастут революционеры, что педагоги-притеснители сами готовят борцов за свободу.

Это выступление Феликса застало педагогов врасплох. Они были так ошеломлены, что не успели принять никаких мер. Дома Феликс весело рассказывал обо всем этом, чувствуя большое удовлетворение от выполненного долга.

После этого случая отношение в гимназии к двум нашим младшим братьям резко изменилось, учиться им было очень трудно. А через год директор заявил, что лучше будет, если они переедут в другой город, ибо аттестата зрелости в Виленской гимназии им все равно не получить. И хотя братья учились хорошо, они вынуждены были уехать кончать гимназию в Петербург.

Чтобы не беспокоить меня своей нелегальной работой, Феликс в январе 1897 года переехал на другую квартиру, в Заречье (в дом Миллера), а в марте того же года перебрался в Ковно. Там через четыре месяца Феликса арестовали. Об этом я узнала только из его письма от 25 (13) января 1898 года из Ковенской тюрьмы.

Перед его отправкой в ссылку в Вятскую губернию я поехала в Ковно повидать брата и попрощаться с ним. Приехала я поздно вечером и, узнав на вокзале, где находится тюрьма, отправилась туда. Мне пришлось ждать всю ночь до рассвета у стен тюрьмы. Вдруг раздался стук открываемых ворот, и вслед за этим

послышался звон кандалов. Я очнулась, подошла к воротам, из которых в окружении жандармов медленно выходила партия заключенных. Они были закованы в кандалы. Среди них был и Феликс. Сердце мое сжалось, когда я увидела брата. Я заплакала. Я пыталась подойти к нему, но жандарм не разрешил, и я услышала несколько слов Феликса:

— Успокойся, не плачь, видишь, я силен и напишу тебе.

Это был его первый арест и ссылка. Ему было тогда 20 лет. В этот первый раз, как и во все остальные, он был силен духом и уверен в правоте своего дела. Он знал, что все выдержит и доведет свое дело до конца.

Из ссылки он писал мне, выражая надежду, что скоро вернется. По письмам было видно, что он непоколебим.

В конце августа 1899 года Феликс бежал нз ссылки в Варшаву. Но там его вскоре снова арестовали и сослали в Сибирь. Оттуда он также удачно бежал и явился в Поплавы, к нашей двоюродной сестре Станиславе Богуцкой. Привожу ее рассказ:

«В один сентябрьский полдень 1902 года неожиданно в дом вошел Феликс. Вид у него был усталый, одежда порвана, на ногах дырявые сапоги, ноги опухли от долгой ходьбы. Но, несмотря на усталость, Феликс был весел и очень доволен своим возвращением. Он сразу начал играть с детьми, которых очень любил. Умывшись и переодевшись, он вместе со всеми сел обедать. Во время обеда Феликс много рассказывал о ссылке, о том, как он бежал со своим товарищем в лодке. На следующий день он отправился к своим друзьям Гольдманам, а затем уехал в Краков».

Перед отъездом за границу Феликс приехал ко мне в Мицкевичи Слуцкого уезда. Возвращаясь с прогулки с детьми, я увидела Феликса, сидящего у нас на крыльце. Несказанно обрадованная, я бросилась его обнимать, а он шепнул мне: «Я Казимир».

Четырехлетний сын мой очень удивлялся, что я называю его то Казик, то, забывшись, Феликс, и спрашивал: как же зовут дядю? Феликс всегда был очень осторожным и просил меня называть его Казимиром, чтобы кто-нибудь случайно не узнал, что он здесь. Через два-три дня Феликс уехал за границу, и я стала получать от него письма из Швейцарии.

Следующая наша встреча произошла в 1909 году, когда он в третий раз удачно бежал из ссылки.

Зимой 1909 года мы жили в Вильно на Полоцкой улице. Как-то к концу дня я получила письмо из Сибири от Феликса, но не смогла его сразу прочитать, занятая детьми. Только уложив их спать и освободившись от остальных хлопот, часов в 11 вечера, я

распечатала письмо и села его читать. Не успела я дочитать до конца, как раздался звонок в сенях. Я была страшно удивлена такому позднему звонку и, подойдя к двери, спросила:

— Кто там?

В ответ раздалось:

— Открывай скорей.

Недоверчиво приоткрыв дверь, я увидела на пороге человека в высокой серой папахе и тулупе с поднятым воротником, так что видны были одни глаза. Я растерялась и не знала, что делать. Неизвестный же сказал:

— Разве ты не узнаешь меня? Впускай же скорей!

Это был Феликс, бежавший из Сибири. Долго еще не могла я прийти в себя от радости и удивления, он явился быстрее, чем я успела дочитать его письмо.

Всю ночь сидели мы втроем — Феликс, я и брат Станислав — и не могли наговориться. Феликс рассказывал о приключениях во время своего побега, о том, как в вагон вошел человек, который видел его в кандалах и арестантской одежде, когда его вместе с другими политическими везли в Сибирь. Боясь быть опознанным, Феликс вынужден был лежать на полке, повернувшись лицом к стенке в течение целых суток, пока этот попутчик не сошел.

В Вильно Феликса хорошо знали. Он провел в этом городе все ученические годы. Необходимо было принять меры к тому, чтобы его не опознала полиция. Наутро было решено превратить брата из светлого шатена в брюнета. Мой младший сын быстро сбегал в аптеку за черной краской, и мы принялись гримировать Феликса. Но не успели мы еще закончить эту процедуру, как раздался резкий звонок. Он показался нам необычным, и мы немедленно приняли меры предосторожности. Мой сын вывел Феликса из дома черным ходом к реке, захватив с собой и краску.

Они успели уйти вовремя. В дом ворвались жандармы, искавшие Феликса. Мы все сказали, что его здесь нет и быть не могло. Я выразила крайнее удивление и показала письмо, только что полученное от него из Сибири. Так Феликс удачно избежал на этот раз ареста. Пробыв в Вильно до конца дня, он к ночи уехал из города.

Следующая наша встреча, которая была последней, произошла в феврале 1914 года в X павильоне Варшавской цитадели. Феликс был измучен двухлетним пребыванием в тюрьме, но духом был так же стоек, как всегда.

Наша встреча произвела на него большое впечатление. Об этом он писал мне потом в письмах. Как всегда, он расспрашивал про моих детей, которых очень любил, и мечтал увидеть, какие люди из них выйдут.

Вскоре брата увезли в Орловский централ, и оттуда я получила от него только два письма.

Я тогда не предполагала, что больше никогда уже его не увижу. О смерти его я узнала из литовских газет. Эта невосполнимая утрата потрясла меня, была страшным, непоправимым горем.

Рассказы о Дзержинском.

М., 1965, с. 51–58

Я. Э. ДЗЕРЖИНСКАЯ
НАШ ФЕЛИКС[3]

Мои воспоминания о Феликсе самые нежные, не только как о брате, но и как о человеке.

Отец наш Эдмунд Руфим Дзержинский был учителем физики и математики в Таганрогской гимназии. Заболев туберкулезом, он оставил педагогическую работу и по совету врачей уехал в Дзержиново.

Жизнь наших родителей была нелегкая. Большая семья — восьмеро детей — требовала забот и внимания. Семья жила на отцовскую пенсию. Хозяйство никакого дохода не приносило. Земли за небольшую плату сдавались в аренду (42 рубля в год). Отношения между родителями и окрестными крестьянами установились прекрасные. Отец, подготавливая нас в гимназию, вместе с нами бесплатно учил детей арендатора и детей из соседней деревни Пстриловки.

Мать была вечно занята хозяйством, поэтому старшей сестре Альдоне и мне приходилось заниматься с ребятами.

Феликс рос упрямым, шаловливым ребенком. Но и в детстве его характерной чертой была необыкновенная честность. Он никогда не лгал.

Память у него была замечательная. В четыре года он декламировал наизусть отрывки из поэмы «Пан Тадеуш» Мицкевича, стихи Словацкого, рассказывал сказки и басни…

Десяти лет Феликс поступил в 1-й класс Виленской гимназии. В те годы в гимназии, как и во всей Литве, преследовалось все польское. В коридорах гимназии и на дверях висели надписи: «Говорить по-польски строго воспрещается». Это особенно возмущало моего брата.

У Феликса было очень отзывчивое сердце. Помню такие случаи. Мать купит ему новые ботинки или форменную рубашку, смотрим, он приходит домой в каких-то рваных ботинках или старой рубашке. Оказывается, Феликс обменял с нуждающимся товарищем лучшее на худшее. Очень часто он свой завтрак, положенный ему в ранец, отдавал тому, у кого его не было.

Чувство справедливости и любви к угнетенным он пронес через всю свою бурную жизнь.

* * *

В 1914 году, после начала первой мировой войны, Феликса увезли из варшавской тюрьмы в Орел, где он отбывал каторгу за побег из сибирской ссылки, а затем, в марте 1916 года, его перевели в Москву, в Таганскую тюрьму.

Война заставила меня с дочерью покинуть Вильно. Мы уехали оттуда летом 1915 года с последним эшелоном беженцев. Целый месяц добирались до Москвы. В таком большом городе я очутилась впервые в жизни, никого не знала. Что тут делать? Денег у меня оставалось 20 копеек. Поступила сначала на первую попавшуюся работу. Позднее, прочитав в газете, что Польскому комитету помощи беженцам нужна корреспондентка, знающая иностранные языки, я пошла туда, и меня приняли на службу. Помещался этот комитет на Большой Лубянке, дом 20.

Когда Феликс оказался в Таганской, а затем в Бутырской тюрьме, я не пропустила ни одной возможности свидания с ним, аккуратно носила ему передачи. Но он никогда одни не ел и не курил. Все, что я посылала, он делил поровну между товарищами.

В мае 1916 года состоялся новый суд над Феликсом. Он происходил в Кремле, в Московской судебной палате, и мне удалось присутствовать на нем. Феликса приговорили к шести годам каторги за партийную работу в 1910–1912 годах. Я сидела на скамейке среди публики, и мне трудно было удержаться от слез, видя изнуренного Феликса. Он заметил мои слезы и погрозил пальцем, чтобы я но плакала. Он утешал меня своей улыбкой.

Во время свиданий в тюрьме он меня всегда уверял, что революция скоро наступит. И действительно, 1 (14) марта 1917 года Феликс вместе с другими политическими заключенными был освобожден из Бутырской тюрьмы. В этот день он много раз выступал перед рабочими Москвы и только к ночи, еще в арестантской одежде, добрался ко мне домой. Я тогда жила с дочерью в Кривом переулке. Феликс поселился у нас.

Из Польского комитета я принесла пальто и костюмы для брата и его товарищей.

Феликс был делегирован от Москвы на VI съезд РСДРП (б), где его избрали в ЦК партии. Он остался в Петрограде, принял активнейшее участие в Октябрьской революции. Вернулся Феликс в Москву весной 1918 года, когда уже работал председателем ВЧК.

Как-то раз, желая побаловать брата, я напекла целую груду его любимых оладышек. Муку, конечно, купила у подвернувшегося на улице спекулянта. Когда пришел Феликс, я с важностью поставила оладышки на стол. Но он, прежде чем их попробовать, спросил строго:

— А не у мешочника ты купила муку?

Когда я подтвердила — все мои оладышки полетели за окно. Феликс сказал, что мы должны давать пример даже в мелочах в том, чего требуем от других…

Кристально чистый, самоотверженный, бескорыстный, Феликс всю свою жизнь с 17-летнего возраста отдал делу революции.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 107–109

Б. КОШУТСКИЙ
В НАЧАЛЕ ПУТИ

С Феликсом Дзержинским я познакомился в конце 1895 года в Варшаве на тайном съезде делегатов нелегальных ученических организаций. Почти во всех гимназиях на территории бывшего Королевства Польского в царские времена, когда в школах запрещалось говорить па польском языке, существовали такие организации. Они ставили своей целью не только изучение польского языка и истории Польши, но и вовлечение учащейся молодежи в борьбу с царизмом, посылали своих делегатов на съезды, собиравшиеся ежегодно в Варшаве. Кроме делегатов от средних школ там участвовали также и студенческие делегации.

В 1895 году на такой съезд впервые прибыли представители городов вне пределов Королевства Польского. В числе участников съезда был и Феликс Дзержинский из Вильно.

Я был тогда учеником 8-го класса, представлял Келец-кую гимназию. Состав делегатов по своим политическим взглядам не был однородным. На съезде явно начали вырисовываться политические расхождения.

Феликс Дзержинский горячо выступил как решительный сторонник интернационализма. Уже эти первые выступления Феликса, тогда 18-летнего юноши, носили черты, характерные для всей его позднейшей деятельности: глубокую веру в правильность революционной идеи и вместе с тем твердую волю и стремление воплотить в жизнь эти идеи, бескорыстность и бескомпромиссность.

На съезде солидарную с Феликсом позицию занимали я и еще два или три делегата. Мы составляли левую группу съезда. Это сблизило нас…

О впечатлении, какое произвел на съезде Феликс, свидетельствует следующий факт. Когда мы беседовали о съезде с председателем общества «Братской помощи» Варшавского университета, который был значительно старше нас, то он охарактеризовал Феликса как «чистое золото».

После окончания гимназии мне пришлось эмигрировать из Королевства Польского в Галицию, являвшуюся в то время «заграницей». Будучи студентом в Кракове, я узнал от появлявшихся там время от времени политических эмигрантов из Королевства, что организационная работа в СДКП в конце 1899 года оживилась после приезда в Варшаву молодого деятеля, выступающего под кличкой Франек. Этим человеком был Феликс.

В феврале 1900 года я был вызван в Лейпциг на партийную конференцию членов СДКП, проживавших за границей. Конференцию организовал Залевский. В числе ее участников был и Юлиан Мархлевский.

Думаю, что мою фамилию указал Феликс, ибо до этого Залевский меня не знал. Очевидно, в работах Лейпцигской конференции принял бы участие и Феликс, но этому помешал его арест в начале февраля в Варшаве.

Основной целью конференции было подготовить объединение заграничных организаций социал-демократии Королевства Польского и социал-демократии Литвы в общую организацию — СДКПиЛ в соответствии с соглашением, достигнутым в Вильно в декабре 1899 года. Объединение заграничных организаций состоялось на Лейпцигской конференции, как известно, в Королевстве Польском решение об объединении было принято лишь в августе 1900 года, на партийном съезде в Отвоцке.

Когда Феликс после вторичного побега из Сибири появился за границей, то немедленно приступил к организационной работе, приняв участие в августе 1902 года в работе конференции СДКПиЛ в Берлине.

Узнав, что у Феликса больные легкие и ему угрожает туберкулез, я связался с ним через Юлиана Мархлевского, предложив приехать в Закопане для лечения и отдыха. В то время я был ассистентом в санатории «Братской помощи» для студентов в Закопане. Использовав свое положение, я записал Феликса в санаторий как учащегося зубоврачебного училища под именем Юзефа Доманского. Имя Юзеф стало его партийной кличкой.

После приезда Феликса в Закопане мы вместе с главным врачом санатория Жухонем подвергли его медицинскому обследованию и установили, что состояние его легких не вызывает опасений за жизнь…

У молодежи в санатории Феликс пользовался большой симпатией. Пробыл он там всего два или три месяца. В конце января или начале февраля 1903 года Феликс приехал в Краков. Он поселился на улице Згода (Согласия), в доме № 1, на третьем этаже, заняв комнату рядом с моей.

В Кракове Дзержинский с присущей ему энергией занялся партийной работой, организуя перевозки нелегальной литературы, налаживая связи между партийными организациями и отдельными товарищами.

В марте 1903 года мы переехали с ним на Флорианскую улицу, 41 (или 43), и поселились при канцелярии Товарищества народного университета имени А. Мицкевича, где я работал секретарем.

Феликс работал некоторое время в одной из краковских типографий корректором, знакомясь при этом с техникой печатного дела.

В Кракове по конспиративным соображениям Феликс назывался Юзефом Подольским. Кроме организаторской работы он принимал непосредственное участие в редакционных совещаниях, вел систематическую переписку с товарищами и партийными организациями в Королевстве Польском и с заграничными деятелями. Неоднократно ездил по партийным делам в Королевство Польское и за границу на съезды и конференции.

Перед началом революции 1905 года Дзержинский выехал в Королевство Польское и с головой ушел в партийную работу.

По его многочисленным письмам в Заграничный комитет СДКПиЛ, которые, по существу, были рапортами о положении в стране в период революции, видно, что он уделял внимание не только организационным вопросам вплоть до мельчайших деталей, но что он прежде всего стоял на страже революционной линии партии.

С Феликсом я встретился еще в 1906 году на V съезде СДКПиЛ в Закопане… Съезд состоялся на окраине Закопане, на так называемых Каспрусях, в специально для этой цели нанятой вилле.

На V съезде Феликс под фамилией Франковский выступал с обстоятельным отчетным докладом о деятельности Главного правления СДКПиЛ.

В 1907 году я уехал из Кракова в Москву, где пробыл до 1909 года. С Феликсом мне уже больше не удалось встретиться.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 42–45

А. ГУЛЬБИНОВИЧ
НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Однажды Домашевич привел с собой юношу высокого роста в мягкой шляпе и представил его нам как интеллигента Якуба. Он нам сразу пришелся по душе. Был он простой в обращении, подвижный, энергичный. Мы полюбили его, он нас, кажется, тоже.

Этот товарищ Якуб и был Феликс Эдмундович Дзержинский. Но настоящую его фамилию я узнал лишь через несколько лет.

Товарищ Якуб был юношей пламенным, быстро загорающимся. На собраниях он не выступал с длинными речами или докладами. Говорил кратко и ясно. Он всей душой отдавался делу сам и любил, чтобы другие тоже работали добросовестно и преданно. Если он за что-нибудь брался, то обязательно выполнял, готов был делать все, везде, за всех. Он работал неутомимо и нас увлекал. Нужно было провести собрание на Шешкиной горе, он шел из Заречья шагал 4 километра в Снепишки, на другой конец города.[4] Нужно было отпечатать на гектографе несколько сот прокламации и ночью расклеить их по городу, он охотно и печатал сам и расклеивал…

Однажды рабочие нам сообщили, что какой-то подлец донес начальству, что некий Якуб ведет агитацию среди железнодорожников. На нелегальном собрании мы решили, что нужно сменить псевдоним Якуба. Предложили заменить Якуб на Яцек. Дзержинский согласился, и с тех пор мы его все время называли Яцеком.

Еще летом 1894 года я организовал кружок слесарей. Мы создали «кассу сопротивления» и кассу взаимопомощи,[5] Я был кассиром в кассе взаимопомощи и вел просветительную работу среди слесарей. Но что это было за просвещение! Я сам был весьма слаб в вопросах просвещения; кроме того, 12-часовая физическая работа притупляла мозг и выматывала силы. Но как я умел, так работал.

До появления у нас Яцека мы были очень слабы. Он начал читать нам брошюры и объяснять их. В числе прочитанных тогда брошюр помню: «Кто чем живет?», «Умственная работа и машины», «Эрфуртская программа» и другие. У меня был кружок, состоявший из 14—17-летних ребят. Я читал им брошюры: «О происхождении Земли», «Откуда берутся дождь и снег», «Откуда взялись камни на наших полях» и т. д. Тут Яцек мне во многом помогал. Хотя он и говорил, что учится среди нас революционной работе, но, учась сам, Яцек в то же время и нас ушл.

Как-то на нелегальном собрании я вступил в спор с представителем ППС.

— Если в России вспыхнет революция раньше, чем в Польше, и царь будет свергнут, что будет тогда делать ППС? — спросил я.

Он ответил:

— Ну что же, мы будем добиваться своей, Польской республики, нам с русскими не по пути.

На это я заявил:

— А мы, рабочие Литовской социал-демократической партии, пойдем с русским пролетариатом, нам с ним по пути.

Яцек широко разъяснял нам эти актуальные, волновавшие нас вопросы. И, разумеется, в совершенно ином, не националистическом, а интернационалистском духе.

Однажды, когда Яцек жил в Заречье, я, будучи у него, увидел на полке книжку стихов Н. А. Некрасова на русском языке. Я попросил его дать мне почитать, так как любил поэзию и сам писал стихи. Яцек подарил мне эту книгу.

Жил он очень скромно. Летом носил простой пиджак и черную шляпу, зимой — осеннее пальто, довольно потертое, и ту же шляпу. На какие средства он жил, не знаю, говорили, что на заработки от частных уроков.

Мы праздновали 1 Мая 1896 года в Каролинском лесу. Нас, рабочих, собралось там 49 человек. Перед собравшимися выступили Яцек и я. Мы пели революционные песни, а на высоком шесте развевалось красное знамя с лозунгом. Потом рабочие подхватили Яцека и меня и начали нас качать. Яцек за это отругал товарищей, но никто не обиделся. Его все очень любили. К замечаниям Яцека прислушивались, с ним считались уже в те годы.

У нас не было достаточно законспирированной квартиры, где можно было бы хранить гектограф и без особой опаски печатать нелегальные издания. Яцек взялся организовать это дело и организовал. Он нанял квартиру на Снеговой улице, рядом с полицейским участком. Прихожу к нему на новую квартиру, а Яцек печатает вовсю прокламацию на гектографе, даже пот с лица течет.

— Такая работа около самой волчьей пасти, пожалуй, не очень безопасна, — говорю ему.

Он пожал плечами:

— Как раз, — отвечает, — тут безопаснее всего. Им и иа ум не взбредет искать рядом с собой «нелегальщину». Вот лучше помоги мне, тогда быстрее кончим.

Я помог.

Накануне 1 Мая 1897 года[6] мы собрались в 8 часов вечера,

чтобы отправиться расклеивать но городу листовки. Я купил несколько пачек махорки, раздал каждому, чтобы в случае, если нагрянет полицейский, швырнуть в него и бежать. Каждому досталось по 50 экземпляров прокламаций. До четырех часов утра нужно было все расклеить. Яцек тоже взял свои 50 штук и клей. Но я забыл объяснить ему технику этой работы…

Яцек самым добросовестным образом расклеил свои листовки на улицах в порученном ему районе. Но сам при этом весь вымазался клеем.

— Ну, — говорю, — если бы ты попался, то не выкрутился бы.

— Глупости, — отвечает, — у меня была твоя махорка и мои длинные ноги, они бы меня спасли.

Действительно, ноги у него были длинные, сам — тонок и строен, как тополек, красивый, ладный. На него заглядывались наши девушки-швеи, но, увы, без взаимности.

Яцека направили в Ковно на партийную работу. Через несколько месяцев он приехал и привез с собой номер газеты «Роботник ковеньски» («Ковенский рабочий»), отпечатанный на гектографе. Рассматривая газету на заседании комитета ЛСДП, мы обратили внимание на то, что первые страницы были четко и красиво написаны, а дальше — мелкими буквами и не везде разборчиво. Мы сказали об этом Яцеку. Он объяснил это недостатком времени и тем, что всю газету писал один, сам же и печатал, сам распространял, сам бегал от фабрики к фабрике и агитировал.

Яцек был моложе меня на три года. Мне тогда было 22 года, ему 19 лет. Как-то мы шли вместе ночью и разговаривали. Я ему говорю:

— Почему ты так не бережешь себя, так растрачиваешь свои силы? Нужно немного поберечь себя, иначе потеряешь здоровье.

— Чего уж там, — отвечает, — здоровье мое никудышное. Врачи сказали, что у меня хронический бронхит и порок сердца, что жить мне осталось не больше семи лет. Вот и нужно эти семь лет как следует, полностью использовать для рабочего дела.

Я похолодел от этих слов. Я очень любил его…

Прошло много лет. После ареста, ссылки и скитаний по России я в 1917 году случайно на станции Калинковичи увидел на избирательном плакате в Учредительное собрание имя Феликса Дзержинского. Так я узнал, что он жив и продолжает вести активную революционную работу.

Уже после Октябрьской революции я часто мечтал: скоплю денег на дорогу и махну в Москву, чтобы увидеть Яцека, хотя бы издали. Как он выглядит, такой ли стройный и подвижный, как

когда-то? Насколько состарился?

Жадно просматривал я каждый номер «Гудка», настойчиво искал его портрета или статьи, расспрашивал красноармейцев, не видел ли кто-нибудь из них его или не слышал ли его выступлений. Наконец однажды в газете «Гудок» я увидел его фотографию. Он стоял на трибуне с поднятой рукой, в которой держал карандаш. Я долго смотрел на эту фотографию. Неужели это Яцек, тот молодой энтузиаст? Зрелый человек, с острыми чертами лица смотрел на меня с газетной полосы. Ничего удивительного. Многолетняя тюрьма и напряженная работа наложили свой отпечаток.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 48–52

А. Б. БАРСКИЙ
ТОВАРИЩ ЮЗЕФ

Для Феликса Дзержинского научный социализм служил оружием в борьбе за новую жизнь. Идеи для Дзержинского существовали, чтобы их претворять в действие, чтобы за них бороться, воплощать в жизнь. Мысли и дела у него всегда органически сливались в единое целое…

Будучи в 8-м классе, на пороге университета, Дзержинский бросает гимназию, считая, что «за верой должны следовать дела».[7] Он знает, что можно учиться в гимназии и в университете и в то же время, по мере возможности, вести революционную работу. Он знает, что так делают другие. Но для него такая половинчатость невозможна. Делу рабочего класса он должен целиком посвятить себя, он должен отдать ему всю свою душу, всю свою жизнь, все свои мысли, все свои силы. И он с головой уходит в рабочее движение.

Таким был Юзеф, когда мы впервые увидели его после вторичного побега из восточносибирской ссылки. Он приехал к нам за границу больной туберкулезом. Как же невероятно трудно было уговорить его лечиться! Ведь в партии его ждало столько работы! С необычайной жадностью набросился он на новинки марксистской литературы, читал запоем на польском и русском языках. В то же время он в невероятно тяжелых условиях организовал транспортировку нелегальной литературы и материалов в российскую часть Польши, наладил связи с подпольными организациями СДКПиЛ. Сам он часто выезжал туда для нелегальной работы. С этого момента начинается неустанный рост партийной организации и революционного влияния СДКПиЛ на трудящиеся массы в Королевстве Польском.

Юзеф, так же как Роза Люксембург, становится наиболее популярным, наиболее любимым вождем польского рабочего класса. И с этого времени никто из польских товарищей не может себе представить СДКПиЛ без Юзефа.

Юзсфу никогда не хватало времени и сил, чтобы уравновесить свою глубокую «веру» с «делами», день был для него слишком коротким, сутки слишком малы, человеческие силы слишком ограниченны. Но по мере роста движения и приближения 1905 года Юзеф вырастал в какого-то гиганта воли и энергии, а когда наступили январские дни и он сразу же в январе переехал на постоянную работу в Варшаву, силы его как-то удесятерились, он был вездесущий, полон свежей инициативы и

энергии, неутомимый, заражающий других своей волей и энтузиазмом. В наступившем разливе революционной стихии, на этом все расширяющемся поле действия Юзеф жил всеми фибрами души — это была его стихия, его жизнь, кипучая, полная, богатая радостями партийных успехов в нарастающем движении.

Таков был молодой революционер Юзеф, таким он вступил в ряды борцов Великой Октябрьской революции, умудренный страданиями многих лет тюрьмы и борьбы, и таким он остался до конца своей короткой, но богатой жизни.

И неудивительно, что именно этот бесстрашный и благороднейший рыцарь пролетарской революции, в котором никогда не было ни тени позы, у которого каждое слово, каждое движение, каждый жест выражал лишь правдивость и чистоту души, призван был стать во главе ВЧК, стать спасающим мечом революции и грозой буржуазии.

Именно ему судьба предназначила наиболее опасную работу в тот момент, когда широкая волна внутренней контрреволюции и интервенции международного капитала грозила залить и затопить твердыню международного пролетариата.

Но как могло случиться, что именно Дзержинский, который в жизни своей не написал ни одной статьи на экономические темы, который никогда не был ни экономистом, ни техником, а в течение всей своей жизни был только профессиональным революционером-подпольщиком, как могло случиться, что именно он взялся за задачу восстановления разрушенного до основания железнодорожного хозяйства огромной страны и что он с задачей этой великолепно справился? Как случилось, что именно на его плечи, как руководителя Высшего совета народного хозяйства, легла такая гигантская задача, как поднятие из разрухи дезорганизованной промышленности? Почему же именно ему, этому недавнему профессиональному революционеру-подпольщику, доверили роль руководителя и организатора строительства социалистического хозяйства революции? Вспомните простые слова из его автобиографии, и вы поймете, может быть, этот любопытный исторический факт… «За верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и с ней самому учиться».[8]

Юноша Дзержинский обладал верой в социализм и в рабочий класс. И эту глубокую, нерушимую веру он сохранил до последней минуты своей жизни. Но вместе с тем он обладал несокрушимой волей воплощать свою веру в дела. И Дзержинский не только в юношеском возрасте, но и до конца жизни знал, что «надо быть ближе к массе и с ней самому учиться». Отсюда его

метод руководить и поднимать народное хозяйство при участии масс, отсюда его непрестанная инициатива в проведении массовых кампаний, связанных с развитием, улучшением или удешевлением производства.

Свои хозяйственные планы Дзержинский строил не на голом администрировании, а на вовлечении рабочих масс в сознательное участие в социалистическом строительстве промышленности.

У него была вера, способная свернуть горы, у него была огромная воля к действию. Но у него был также огромный талант организатора, умение сплотить вокруг себя работников в ВЧК, в Наркомате путей сообщения, в промышленности, в управлении, в бесчисленных организациях и учреждениях. Он умел передавать им могучие импульсы своей воли, заражать их своим великим подъемом в труде.

Свою собственную работоспособность он умел поднимать до неслыханных границ человеческой силы. Дзержинский был гением труда. Вот почему этот многолетний подпольщик и политкаторжанин, располагая большим умом и необычайными способностями, вечно горящий неугасимой жаждой воплощения своей веры в жизнь, смог стать великим строителем социалистического хозяйства революции…

Боец революционного подполья, боец гражданской войны, боец социалистического строительства, он по сути своей оставался на всех этих фронтах все тем же юношей Дзержинским, который раз и навсегда принял решение отдать всего себя, всю свою могучую волю делу строительства социализма.

Это была жизнь, полная необычайного, сверхчеловеческого напряжения воли и энергии, это была могущественнейшая революционная жажда действия, борьба, сжигающая все силы, борьба, на которую способны лишь великие духом. В этой борьбе было много адских мук, но было и много радости действия. В этой борьбе была и его жизнь, и его смерть.

Мог ли он жить иначе?

На этот вопрос уже давно ответил молодой Дзержинский, ответил, когда писал свой необыкновенно интересный дневник в X павильоне… Вот что записал он 31 декабря 1908 года:

«В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнения в правоте нашего дела. И теперь, когда, может быть, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошено в снежные тундры Сибири, — я горжусь. Я вижу огромные массы,

уже приведенные в движение, расшатывающие старый строй, — массы, в среде которых подготавливаются новые силы для новой борьбы. Я горд тем, что я с ними, что я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам многое выстрадал вместе с ними. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно… И тем не менее если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость…»[9]

Нельзя себе представить Феликса Дзержинского иначе как в образе рыцаря революции, в одной руке держащего меч, направленный против врагов революции, а другой рукой закладывающего фундамент здания социализма. Но это не только образ Дзержпнского. Это образ самой пролетарской революции, которая борется со всем враждебным и могущественным миром капитала и в то же время шаг за шагом воздвигает здание социализма. Образ революции и образ Дзержинского гармонически сливаются в единое целое.

Дзержинский был одним из тех, кто взвалил на свои плечи наибольшую тяжесть в революционной страде, кто взялся за самую трудную работу в строительстве нового мира на развалинах старого. Он был одним из тех, кто воплощал в жизнь, кто превращал в дела гениальные мысли и планы Ленина. Среди героев пролетарской революции он выделялся своей невероятной работоспособностью и самопожертвованием, он был величайшим организатором в борьбе и в строительстве.

Кто знал Дзержинского раньше, до Октябрьской революции, до империалистической войны, когда он был еще только «нашим Юзефом», пламенной душой СДКПиЛ, неутомимым ее строителем и борцом, тот уже тогда мог разглядеть в нем характерные черты Дзержинского — грозы контрреволюции и одного из любимейших руководителей масс в ленинской партии.

Я помню, как после очередного побега из ссылки, оказавшись в 1910 году среди нас в эмиграции за границей, он тут же, не желая слушать об отдыхе, стал рваться на нелегальную работу обратно в Королевство Польское. Это повторялось каждый раз после многократных его побегов. Но на этот раз мы все решительно запротестовали из-за его сильно подорванного здоровья. Мы хотели, чтобы он отдохнул и подлечился. А он писал нам: «Не возражайте против этого, ибо я должен либо весь быть в огне и подходящей для меня работе, либо меня свезут… на кладбище».

Сколько таких писем писал нам Юзеф! Сколько раз спорил с нами, настойчиво добиваясь разрешения немедленно вернуться в Королевство Польское.

С самого начала XX века он был одним из крупнейших строителей нашей партии, находясь всегда в огне борьбы и действия. Он всегда горел неизменно ярким пламенем и в этом пламени сгорел.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 58–62

Ю. КРАСНЫЙ
В ТЮРЬМЕ

Одно время я сидел в тюрьме вместе с Феликсом Дзержинским. Нас привлекали по одному и тому же делу. Хочу привести несколько эпизодов из нашей тюремной жизни.

Провал наш в Варшаве в конце 1906 года произошел при следующих обстоятельствах. Полиция захватила конспиративное совещание социал-демократов по вопросу о выборах во II Государственную думу. Было арестовано пять человек, в том числе и я.

После ареста полиция устроила в моей квартире трехдневную засаду. Ей повезло… У меня на квартире, во дворе и па улице перед домом полиция арестовала около 40 человек. В числе арестованных оказался и Дзержинский, только что вернувшийся из Лодзи, куда он ездил в связи с локаутом в текстильной промышленности…

Товарищи, арестованные на совещании, но знали о том, что происходит у них дома в это время. Не знал также и я о засаде в своей квартире. Из полицейского участка нас привели в ратушу, где арестованных рассадили по камерам. Там я встретился с Дзержинским и с другими товарищами. На вопрос: «Каким образом и где арестован?» — я то и дело слышал в ответ: «У тебя».

Трудно описать, что творилось в те времена (1906–1907 годы) в знаменитой варшавской ратуше. В камере, рассчитанной всего на 10 человек, сидело по 60 и больше. Люди спали попеременно. Ложились по очереди. В ратуше не было подходящего двора, и заключенных месяцами не выводили на прогулки. Они вынуждены были дышать гнилым, отравленным миазмами воздухом. Вместо прогулки в течение часа ежедневно мы бродили по тюремному коридору — арестованные из всех камер (их было пять или шесть, точно не помню) одновременно. Нельзя себе даже представить, что там творилось. Но все же коридор этот оказал нам услугу. Товарищи, сидевшие в разных камерах, встречались там и договаривались, как себя вести во время следствия, что говорить на допросах, пересылали письма на свободу и т. д.

Канцелярия и камеры для женщин помещались на первом этаже, общие мужские камеры, о которых идет речь, были на втором этаже. На третьем этаже находились небольшие камеры и одиночки. В одной из этих одиночек, в камере № 17, в марте 1906 года сидела Роза Люксембург. На стене этой камеры она

выдолбила свою фамилию.

Дзержинский, попав в тюрьму, немедленно наладил связь с товарищами из женского отделения, которые находились еще в худших, чем мы, условиях. Но через несколько дней нас перевели на третий этаж, где сидела «аристократия» — заключенные, которых считали наиболее опасными. Наша связь с остальными товарищами прервалась.

Мы оказались, таким образом, «наверху». Перевели нас туда под вечер, в сумерки. В камере не было ничего, кроме нар на два человека и параши. На парах лежало что-то длинное, прикрытое серым одеялом. Как оказалось, под одеялом лежали два молоденьких паренька. Они испуганно таращили на нас глаза. Мы заговорили с ними. Выяснилось, что за какие-то школярские проделки политического характера оба они (16- или 17-летние гимназисты) были административно приговорены к трем месяцам тюрьмы. Неизвестно, зачем их привезли из провинции в Варшаву. Жандармам не удалось возбудить против них никакого серьезного дела, и они отсиживали в ратуше свой административный срок. Помощи они не получали, денег не имели и в течение всего времени питались только скудными тюремными харчами. У нас было немного съестного. Дзержинский сразу же заботливо занялся юношами, и они перестали нас бояться. Через час мы были уже друзьями.

После общей вонючей камеры внизу новое помещение показалось нам дворцом, хотя в темноте мы не очень разглядели его. Освещение в этой проклятой тюрьме было ужасное. Маленькая керосиновая коптилка находилась в коридоре над дверью — одна лампочка на две камеры. Свет проникал через окошечко величиною с тетрадку. Но в тот первый вечер после недели, проведенной внизу, мы не были критически настроены и вскоре собрались на покой. Нам дали матрацы с сеном. На них уже спали сотни наших предшественников, и насекомые всех видов вывели там свои многочисленные потомства, ведя борьбу с человеческим родом.

Мы улеглись у стены друг подле друга и впервые после мучительной недели великолепно спали.

Утром, проснувшись, мы увидели страшно грязную камеру. Грязь залепила окно, свисала со стен, а с пола ее можно было лопатой сгребать. Начались рассуждения о том, что нужно, мол, вызвать начальника, что так оставлять нельзя и т. д., как это обычно бывает в тюремных разговорах.

Только Дзержинский не рассуждал по этому поводу. Для него вопрос был ясен и предрешен. Он знал, что следует делать. Вступив в переговоры с надзирателем, он потребовал горячую

воду, швабру и тряпку. Тюремщик стал торговаться: можно, дескать, мыть и холодной водой, а швабры вообще нет. Все же Дзержинский настоял на своем. Прежде всего он разулся, засучив штаны до колен, пошел за водой, принес швабру и тряпку. Через несколько часов в камере все: пол, двери, стены, окно — было чисто вымыто. Работал он с таким азартом, мыл и скреб так старательно, точно уборка камеры была важнейшим партийным делом. Помню, что нас всех удивила не только его энергия, но и простота, с какой он работал за себя и за других. Это крепко врезалось в память и не раз вспоминалось мне. Ведь Дзержинский уже тогда был старым членом Главного правления нашей партии.

Вечером — скандал по поводу лампы. Дзержинский перенес ее из коридора в камеру. Надзиратель заметил это, вошел как бы случайно в камеру и, прежде чем мы успели спохватиться, унес лампу, запер двери на ключ. Па следующий день повторилась та же сцена, но на этот раз Дзержинский подготовился заранее. Он стал в дверях, готовый к борьбе и защите. Надзиратель ругался, пытался оттолкнуть Дзержинского, казалось, дело вот-вот дойдет до драки, по прошла минута, другая, и Феликс победил. Лампа осталась у нас в камере…

По соседству с нами сидели женщины. Мы с самого начала переговаривались с ними. Стены в ратуше в то время были так разрушены, что через отверстия передавались газеты, сахар, даже колбаса… В течение нескольких дней мы жили почти общей жизнью; посылали письма женщин на волю, договаривались, как им быть на следствии, менялись едой, переправляли газеты и т. д. Организатором всего этого дела был Дзержинский.

Наконец нас перевелн в «Павиак». Потянулись длинные месяцы жизни в подследственной тюрьме. В то время условия в «Павиаке» были «хорошие». Двери камер и коридор были днем открыты. Заключенные имели своих старост, библиотекарей. Мы все время поддерживали связь с внешним миром. Например, если кто-нибудь получал обвинительное заключение, то в тот же день посылал его адвокату…

Некоторое время нашим старостой был Дзержинский, но недолго. Он организовал школу и «назначил» себя ее инспектором. В школе этой преподавали все, начиная с азбуки и кончая марксизмом. «Посещали» школу 40 учеников. Занятия велись групповые, по четыре-шесть человек в камерах, рассчитанных на одного, но где в то время часто сидело по нескольку человек. В «Павиане» такая камера имела шесть шагов в длину и три в ширину. Хотя у нас хватало лекторов, однако руководить школой было нелегко. Нужно было обеспечить ежедневно для занятий пять-шесть камер, распределить часы так,

чтобы лекции на разные темы не проводились одновременно и чтобы слушатели в связи с этим не уходили с одной лекции на другую. Дзержинский все время носился по коридору с тетрадкой в руке, уговаривал освободить под занятия камеру, тащил лекторов, рассаживал слушателей и т. д. Это была очень сложная работа. Школа держалась не только благодаря авторитету Дзержинского, но и благодаря его организаторским способностям и неиссякаемой энергии.

Бывали у нас и общие собрания. Они проходили в конце длиннейшего коридора, в комнате, отделенной от коридора стеклянными дверьми. Во время собрания публика размещалась налево и направо вдоль стен, так, что, если смотреть вдоль коридора, никого не было видно. Как-то раз во время общего собрания нагрянуло тюремное начальство (начальник тюрьмы Калинин знал, что камеры открыты, вообще знал обо всем, но просил старосту, чтобы, когда он или другое начальство является, все было по-тюремному, то есть арестанты — в камерах, тишина и прочее).

Смотрят — камеры пусты, никого не видно, слишком тихо. Мы уже услыхали необычный шум, разговоры, но все-таки продолжали собрание. Дзержинский председательствовал. Наконец администрация подошла и к месту нашего собрания. Начальник просит немедленно разойтись. Положение очень неловкое. Одну секунду стоим смирно. Вдруг мне пришло в голову поставить предложение начальника на голосование. Дзержинский мигом смекнул, что есть удобный выход из положения. Голосуется предложение начальника разойтись по камерам. Все поднимают руки, все «за». Таким образом разрешился назревавший конфликт.

В «Павиаке» шла постоянная оживленная дискуссия с членами ППС. Много читали, по вечерам иногда играли в шахматы.

Состояние здоровья Дзержинского тогда оставляло желать много лучшего. Он был переутомлен, страдал болезнью легких. Мы все горячо желали его освобождения из тюрьмы. Мы знали, что на воле хлопочут об этом, по время тянулось медленно.

Наконец в июне 1907 года Дзержинского освободили под залог. Юзеф вышел на свободу и снова стал во главе руководства партии.

Мы были несказанно рады, что ему удалось вырваться из жандармских лап. А он на следующий же день пришел в тюрьму на свидание и целый час стоял у решетки, беседуя с семьями своих товарищей по заключению.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 87–91

Ю. ЛЕЩИНСКИЙ
ВОЖДЬ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ

Феликс Дзержинский войдет в историю как образец революционера-большевика, на героических делах которого будут учиться нынешнее и будущее поколения. Это была фигура, словно вытесанная из цельного куска гранита. Самые славные традиции революционного движения в Польше и самое ценное в русской революции объединились в этом большевистском монолите, гармонически слились в его характере, отличавшемся удивительной разносторонностью. В нем сочеталась безумная храбрость с необыкновенной осторожностью, стальная воля с утонченной впечатлительностью.

Дзержинский обладал пламенной верой в победу пролетарской революции. Эта вера сопутствовала ему всюду: в партийном подполье Варшавы, Лодзи и Домбровского угольного бассейна, в тюремных застенках и в далекой сибирской тайге, в боях Великого Октября и на фронтах гражданской войны, наконец, на невероятно трудном участке социалистического строительства. Эта вера породила в нем энтузиазм, заражавший других и преодолевавший любые препятствия и трудности.

Он с одинаковой страстностью выступал когда-то на партийных кружках и рабочих массовках в Польше, выстукивал длинные беседы в камерах X павильона Варшавской цитадели, организовывал коммуну в орловской тюрьме, учил заключенных читать и писать, мыл тюремные полы, а потом, после революции, освободившей его с каторги, выполнял самые ответственные задания большевистской партии и Советского правительства.

Но этот огненный энтузиазм всегда сочетался с подсчетом практических возможностей, с математически точной выкладкой цифр.

Смелость Дзержинского вызывала изумление. Ярким примером этого был дерзкий побег из Сибири в 1902 году. Царская охранка назвала Феликса Эдмундовича в публикациях о розыске «нахальным человеком». Он бежал по пути следования в ссылку из-под «явного», как гласила жандармская характеристика, «политического надзора».

Своей смелостью и мужеством Юзеф заставлял даже самых ярых врагов склонять перед ним голову. Помню один из таких случаев. Было это в 1914 году, вскоре после начала империалистической войны. Я сидел тогда в знаменитом X павильоне. В тюрьму я попал через год после ареста Юзефа,

который в Варшавской цитадели считался почти постоянным жильцом.

Царские власти распорядились перевезти политических заключенных из Варшавы в Орел. Я оказался в одном вагоне с Дзержинским. Нам было весело, хотя и голодно: нас отправили так внезапно, что семьи не успели доставить заключенным продукты на дорогу. На всех станциях по пути мы пели революционные песни. В наказание нас лишили и тюремной пищи. Голод все больше и больше давал себя чувствовать. Наступил такой момент, когда его не могла уже заглушить и боевая песня. Некоторые товарищи начали терять сознание от истощения.

Все наши требования конвойные оставляли без ответа. Мы слышали, как начальник конвоя говорил, что черт его знает, для чего эти церемонии, что, собственно, следовало бы нас расстрелять на месте и что мы можем подыхать с голоду.

Тогда Юзеф категорически потребовал, чтобы начальник явился к нам.

Он пришел вечером на третий день. В ответ на требования Юзефа начальник конвоя заявил: никаких поблажек не будет, а если заключенные осмелятся протестовать, то он прикажет стрелять в них как в «бунтовщиков». Возмущейный до глубины души, Юзеф резким движением разорвал ворот рубашки и, обнажив грудь, крикнул:

— Стреляйте, если хотите быть палачами, но мы от своих требований не отступим. Мы ваших угроз не боимся.

В его словах была такая внутренняя сила, что начальник буквально окаменел. Лица окружавших его стражников и солдат отражали большое беспокойство. Наступила длительная минута гробового молчания. Все заключенные тесно сплотились около высокой, напряженной, как натянутая струна, фигуры Юзефа. Глаза начальника скрестились со сверкающими гневными молниями глазами Дзержинского. Это был бескровный поединок. Начальник конвоя не выдержал, отвернулся и ушел из вагона. Не прошло и часа, как мы получили хлеб, селедку и махорку. Настроение сразу поднялось, нами овладела радость одержанной победы.

Через пять дней мы прибыли в орловскую тюрьму.

Это были очень тяжелые времена. Отрезанные от своих родных мест, заключенные длительное время не получали никакой помощи. В тюрьме же нас держали впроголодь. Почти каждую неделю смерть уносила кого-нибудь из наших рядов. Настроение было не из веселых. Но Дзержинский не пал духом. Он стойко занимался хозяйством камеры, насчитывавшей 70

жильцов. Устраивая внутреннюю жизнь коммуны, ложился последним и вставал первым. Как мать, заботливо ухаживал он за больными. Делился последним куском хлеба.

Организовывал защиту наших «тюремных прав» от посягательств администрации. Нас хотели заставить встречать начальника тюрьмы коллективным приветствием: «Здравия желаем, ваше благородие». Мы решили всеми силами воспротивиться этому издевательству. Была объявлена голодовка. В наказание нас лишили соломенных тюфяков. Мы спали на голых досках и каменном полу. Однако не уступили.

Тогда начальник тюрьмы прибег к последнему средству. Зная, какой популярностью пользуется Дзержинский, он распорядился заковать Юзефа в кандалы. Когда мы запротестовали, он заявил, что готов расковать нашего товарища при условии, что мы согласимся на указанную позорную форму приветствия. Однако Юзеф первый выступил против любых уступок тюремщикам.

— Мои кандалы должны стать для вас стимулом к дальнейшей борьбе, — заявил он товарищам.

Дзержинский был подлинным большевиком. Как один из вождей СДКПиЛ, он воплощал все то, что в ней было большевистского: ее революционный размах и многолетнюю борьбу с национализмом и оппортунизмом в рабочем движении Польши. Он был воплощением самых лучших традиций этой партии.

В орловской тюрьме Юзеф вел неустанную борьбу с бундовцами и меньшевиками, которыми руководил известный оппортунист Медем.

Сразу же по выходе из тюрьмы Дзержинский включился в деятельность московской организации большевиков. А за ним пошли все те товарищи-поляки, кто видел в нем свое знамя, своего вождя. Он всегда был звеном, связующим революционное движение в Польше с русской революцией. Такую роль он играл с момента возникновения СДКПиЛ и до самой своей смерти. Таким он шел и в Польшу в 1920 году под знаменем Красной Армии, отражавшей захватническое нашествие войск Пилсудского. С мыслью о рабоче-крестьянской Польше Дзержинский призывал коммунистов-поляков изучать опыт русской ревслюции. Он всегда интересовался делами КПП. В письме рабочим Дов-быша он писал, что «для Польши, для ее судеб является решающим дело союза рабочего с крестьянином под руководством коммунистической партии». И, ставя перед КПП задачу защиты независимости Польши, продаваемой польской буржуазией иностранному капиталу, Дзержинский в то же время подчеркивал, что «если делу свободы и независимости Польши

может в будущем угрожать опасность, то не со стороны рабоче-крестьянского государства, которое в своей Конституции воплотило принципы свободы и братства народов»[10]

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 103–106

Я. Г. ДЗЕРЖИНСКАЯ
ЭТО НАВСЕГДА ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ

Хорошо помню, как моя мать Ядвига Эдмундовна Дзержинская заботилась о Феликсе Эдмундовиче во время его заключения в 1916 году в Таганской и Бутырской тюрьмах в Москве, как она аккуратно, каждую среду ходила в тюрьму и носила ему передачу. Меня на свидания не пускали, но я часто сопровождала маму до ворот тюрьмы, с волнением ждала ее возвращения и с тревогой спрашивала о здоровье дяди Феликса.

В мае 1916 года в Московской судебной палате состоялся суд над Ф. Э. Дзержинским и его товарищами.

Был ясный весенний день. Но он не радовал сердце. Большой зал судебной палаты в Кремле казался особенно неуютным. Публики мало, на этот суд пропускали лишь по особым пропускам.

Мама и я сидим во втором ряду. Впереди слева большая загородка, где должны находиться подсудимые. С нетерпением ждем их привода… Но вот они входят, занимают места за барьером. Около них становится стража. У всех заключенных изможденные бледные лица.

Мама крепко сжимает мою руку и тихо шепчет: «Смотри, вот Фелек». И мне кажется, что я слышу, как стучит ее сердце…

Тихонько соскальзываю с места и приближаюсь к загородке. Дядя Феликс следит за каждым моим шагом, и, когда я подхожу близко к барьеру, он, ласково улыбаясь, тихо говорит:

— Яденька, как ты выросла! И в таком наряде?

Я была в костюме сестры милосердия. В то время я училась в фельдшерском училище и работала в военном госпитале.

Дядя Феликс был совсем близко от меня, он сидед у самого края скамейки. Мне так захотелось сказать ему несколько ласковых слов, сказать, что мы всегда помним и любим его, радуемся его письмам…

Но сказать ничего не успела, стражник заметил меня, перегнулся через барьер загородки и грубо приказал мне сесть на место, а Феликсу Эдмундовичу — замолчать.

— Прошу встать, суд идет! — раздалось вдруг.

Все встали. Затем прочитали обвинение. Начался допрос. Феликс Эдмундович стоял бледный, но спокойный. На все вопросы он отвечал твердо и ясно.

Суд продолжался два дня. В эти дни мы страшно беспокоились за судьбу близкого и дорогого нам человека.

Его приговорили к шести годам каторги с зачетом уже отбытых в Орловском централе трех лет.

Когда осужденных уводили из зала судебной палаты, дядя Феликс попрощался с нами улыбкой, на его лице не было ни тоски, ни уныния.

После суда Феликса Эдмундовича держали в Таганской тюрьме, а потом перевели в Бутырки. Он был закован в ножные кандалы.

Мама со слезами на глазах рассказывала мне, что ей стоило немало сил и выдержки спокойно разговаривать с братом через железную решетку и даже улыбаться ему, в то время как сердце ее разрывалось от жалости и печали. Когда он шел, кандалы звенели, и этот ужасный звон долго ее преследовал…

На одном из очередных свиданий мама заметила, что Феликс прихрамывает. На вопрос, что с ним, он сказал, что под кандальным кольцом образовалась рана, которая его очень беспокоит.

Мама стала ходатайствовать, чтобы с него сняли кандалы до заживления раны. Но всюду получала отказ. Тогда она добилась приема у градоначальника. Дом его находился на Тверском бульваре — белый с колоннами. Попав в кабинет градоначальника, она стала горько плакать и умолять его помочь, чтобы хотя бы временно, пока заживет рана, сняли кандалы. Тот даже растерялся от обилия ее слез и стал успокаивать:

— Что вы, что вы, мадам, не надо такой красивой женщине так расстраиваться, да еще из-за кого, из-за каторжника!

— Но поймите, он брат мой, — сквозь слезы ответила мама, — я люблю его, сейчас он так страдает от раны.

Градоначальник обещал сделать все, что возможно. Но, конечно, своего обещания не выполнил. Не помогла даже врачебная справка, когда заболевшего плевритом Феликса Эдмуидовича в августе поместили в тюремную больницу. С него сняли кандалы только в декабре, и то лишь на время работы на ножной швейной машине в тюремной мастерской, обслуживающей армию.

* * *

1 (14) марта 1917 года осталось самым замечательным днем в моей памяти. В этот день победивший революционный народ освободил Феликса Эдмундовича Дзержинского из Бутырской тюрьмы вместе с другими политическими заключенными.

Мы тогда жили в Москве, в Кривом переулке, в доме № 8.

Поздний вечер, но мы еще не спали. Я сидела за книгой, а мама была чем-то занята. В передней прозвучал звонок. Хозяин квартиры открыл дверь, послышался мужской голос, а вслед за тем раздался стук в нашу комнату.

— Войдите, — сказала мама. Дверь открылась, и в комнату вошел высокий мужчина в серой тюремной одежде и такой же серой арестантской шапочке.

— Принимаете? — спросил он.

Мама вскрикнула и бросилась к нему. Я не сразу узнала дядю Феликса. Он показался мне выше, моложе, чем тогда, в судебной палате, почти год назад. Но, узнав, я кинулась к нему, не помня себя от радости.

Весь день, до прихода к нам, он был в гуще народа, выступал на многих митингах в разных районах Москвы.

Так, в тюремной одежде, с котомкой, в которой находилась недокуренная махорка и последняя прочитанная книга, Феликс Эдмундович вступил в новую жизнь свободной России для борьбы за счастье всего человечества.

Первое время Феликс Эдмундович жил у нас, но вскоре ему пришлось уехать лечиться. Здоровье его было очень сильно подорвано. Потом революционные события подхватили его, и мы снова увиделись только весной 1918 года, когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву,

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 110–113

Д. М. ФРЕНКЕЛЬ
ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ

До 1915 года я проживала в Варшаве, работала в мастерской женских головных уборов. С 1914 года состояла членом Польской социалистической партии «левица».

В 1915 году партийная организация Варшавы направила меня нелегально под именем Яники Тарновской в Москву для организации помощи польским политзаключенным. Здесь я устроилась на работу по своей специальности и вступила в союз швейников.

По указанию руководителей профсоюза мы собирали среди рабочих фабрик и заводов деньги и теплые вещи и через нелегальный Красный Крест передавали их в тюрьмы заключенным. Дважды направляли меня в Орел, где с помощью орловских товарищей оказывалась помощь заключенным, содержащимся в Орловском каторжном централе и в Орловской губернской тюрьме, в их числе Ф. Э. Дзержинскому.

После перевода Дзержинского из Орловского централа в московскую тюрьму мы и здесь продолжали оказывать ему помощь.

1 марта 1917 года, в день победы Февральской революции в Москве, меня вместе с другими представителями профсоюза швейников включили в один из летучих отрядов, сформированных Московским военно-революционным комитетом, для освобождения политзаключенных из тюрем. Нашему отряду предстояло освобождение революционеров из Бутырской тюрьмы.

Когда наш отряд на грузовике прибыл к Бутырской тюрьме, там уже собралась большая толпа народа… Мы вихрем ворвались в тюремные коридоры. Из камер повсюду неслись революционные песни. Растерянные надзиратели послушно открывали камеры. Но наше нетерпение было настолько сильным, что часть дверей мы взламывали принесенными ломами и кувалдами. У некоторых заключенных зубилами снимали оковы.

На пороге одной из камер мы встретили Дзержинского. На Феликса Эдмундовича больно было смотреть: бледный, изможденный, в каторжной одежде и немного прихрамывал — последствие ножных кандалов. Я сразу же прикрепила ему на грудь свой красный бант. Рабочие на руках отнесли сияющего от счастья революционера из тюрьмы и усадили в машину…

В начале мая 1917 года мне вновь пришлось встретиться с

Ф. Э. Дзержинским. Произошло это при следующих обстоятельствах. Среди освобожденных из московских тюрем революционеров оказалось много больных, изможденных, не имевших ни жилья, ни средств для существования. Московское бюро помощи освобожденным из заключения и прибывшим из далеких ссылок организовало в Москве ряд временных… лазаретов, где освобожденные могли бы подлечиться, окрепнуть, определить свою дальнейшую судьбу. В один из таких «санаториев»… в начале мая 1917 года и был помещен Ф, Э. Дзержинский.

Бюро помощи назначило меня на работу в этот «санаторий» в качестве снабженца. Почти ежедневно я приносила туда продукты, медикаменты, белье…

Мне не раз приходилось быть свидетелем горячих политических споров между больными с участием Дзержинского. Помню, как врач Вайнштейн выражал недовольство по поводу того, что больные без конца спорят, и требовал аосолютного покоя.

Срок пребывания в «санатории» был небольшой — 12–15 дней, затем одни выезжали на родину или устраивались на работу в Москве, других направляли на более длительное лечение в больницы или в настоящие санатории.

У Феликса Эдмундовича было обнаружено затемнение в легких — последствие туберкулеза, которым он болел в тюрьме, и его направили на лечение кумысом в Оренбургскую губернию.

Перед отъездом из «санатория» больные решили сфотографироваться вместе с врачом, обслуживающим персоналом и представителями бюро помощи освобожденным политическим. Местом фотографирования был избран уголок Ботанического сада на Мещанской улице, примыкавший *в* «санаторию». Эта фотография как ценнейшая реликвия хранится у меня до сих пор.

Публикуется впервые

М. М. КОНСТАНТИНОВ НА ПУТИ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Весной 1917 года на всем лежал отблеск великих политических событий, открывавших путь к Октябрю. Когда, приехав из Твери, мы — делегаты Московской областной конференции большевиков — зашли в Московский комитет партии, то были поражены колоссальным размахом работы, которую вели москвичи в массах.

Комнаты, куда мы вошли, коридоры — все было заполнено тюками литературы, газетами «Правда» и «Социал-демократ». Бесконечным потоком шли сюда представители фабрик и заводов, местных большевистских организаций, делегаты с фронтов. Преобладал серый цвет солдатских шинелей. Везде слышались горячие споры, все стремились разобраться в политической обстановке, рабочие и солдаты жадно тянулись к политике. Переход от вынужденного молчания к свободному обсуждению всех самых острых вопросов был исключительно резким, быстрым и поразительным.

На Московской областной конференции, состоявшейся 19–21 апреля (2–4 мая), было праздничное, приподнятое настроение. Партия только недавно вышла из подполья. Проходила конференция в одном из залов Политехнического музея. Она была многочисленной: Московское областное бюро объединяло ряд партийных организаций Центрально-промышленного района, в том числе и Тверскую.

В дни конференции московские улицы заполнили рабочие и солдаты, демонстрирующие против Временного правительства, против политики продолжения империалистической войны.

Конференция должна была определить политическую линию московских большевиков в новой сложной обстановке. Все споры велись вокруг Апрельских тезисов Ленина, недавно опубликованных в газетах «Правда» и «Социал-демократ».

С большим подъемом делегаты приняли приветствие Владимиру Ильичу. Задачи, поставленные им в Апрельских тезисах, не всем выступавшим на конференции были ясны. И только в результате товарищеского обсуждения по основному вопросу — об отношении к Временному правительству — была утверждена резолюция в духе ленинских тезисов. Правда, к ней был добавлен один ошибочный пункт «о контроле» над всей жизнью страны, что без завоевания власти рабочим классом и

беднейшим крестьянством было, конечно, невозможно.

На областной конференции присутствовали многие видные деятели большевистской партии: одних мы знали уже хорошо, с другими встретились впервые. Участвовали в работе конференции П. Г. Смидович, Г. И. Ломов, И. И. Скворцов-Степанов,[11] запомнился мне А. С. Бубнов[12] какой-то своей совершенно особенной серьезностью и сосредоточенностью. Горячо выступал Г. А. Усиевич,[13] предложивший положить в основу резолюции ленинскую оценку Временного правительства, что и было единодушно принято конференцией.

Здесь я впервые увидел Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Шло первое заседание конференции. Председатель объявил, что сейчас с приветствием от имени польских социал-демократов выступит Дзержинский.

Из-за стола президиума быстро поднялся высокий, худощавый человек в полувоенной форме и сделал несколько шагов вдоль стола (в зале не было особой трибуны для ораторов).

По его бледному, истощенному лицу нетрудно было заметить, что он длительное время провел в заключении в царских тюрьмах и ссылках. Голос оратора, когда он обращался к находившимся в зале делегатам, звучал дружески, задушевно. Он говорил, что польские социал-демократы разделяют взгляды большевиков и вступают в их ряды.

Присоединение к большевикам польских социал-демократов в дни, когда всюду шло резкое размежевание политических сил и течений, когда повсюду еще широко были распространены оборонческие и полуоборопческие настроения, когда сеялась пущенная буржуазной печатью клевета по адресу Ленина и большевиков-ленинцев, означало многое. Это было присоединение верных друзей, вступление их на палубу корабля, идущего вперед по бурным волнам — навстречу новой революции.

Дзержинский в своей речи высказал солидарность с основными положениями, развитыми Лениным в его тезисах, которые тогда отстаивались в борьбе с полуменьшевистской позицией Каменева, незадолго до конференции опубликовавшего в «Правде» свою статью «Наши разногласия».

В краткой секретарской записи (лишь часть материалов областной конференции стенографировалась) речь Ф. Э. Дзержинского передана так:

— Товарищи! Мне поручено от имени польской[14] группы социал-демократии, составляющей часть РСДРП, приветствовать вас. Мы желаем вам успеха в борьбе за укрепление нашей революционной социал-демократии, успеха в укреплении III

Интернационала, желаем победы над империализмом, прийти к введению социализма. И от ее имени я приветствую вас здесь, товарищи![15]

Лаконичная речь Ф. Э. Дзержинского хорошо запомнилась мне. Выступил также с приветствием от латышских социал-демократов Данишевский.

Мы, делегаты, избранные на VII Апрельскую конференцию, по окончании Московской конференции выехали в Петроград. Среди нас был и Феликс Эдмундович Дзержинский, горячий сторонник ленинского плана борьбы за социалистическую революцию.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 114–116

К. Е. ВОРОШИЛОВ
ВЕРНЫЙ СОРАТНИК ЛЕНИНА

Необычайная и героическая жизнь Феликса Эдмундовича Дзержинского, обаятельный облик этого выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства запомнились всем его современникам. И я счастлив, что и мне довелось встретиться с ним еще задолго до Октябрьской революции и сохранить дружеские, товарищеские отношения… до его последнего часа.

Первое мое знакомство с Ф. Э. Дзержинским состоялось в апреле 1906 года в Стокгольме, столице Швеции, где проходил тогда IV (Объединительный) съезд РСДРП. Кроме делегатов из различных промышленных центров России на этот съезд прибыли также представители некоторых национальных социал-демократических организаций. В составе делегации СДКПиЛ как-то сразу выделился Феликс Дзержинский, выступивший под псевдонимом Доманский.

Работы съезда проходили в Народном доме, который был предоставлен в наше распоряжение шведскими социал-демократами. В целях конспирации большинство из нас, делегатов съезда от большевиков, также замаскировали свои собственные фамилии. У М. И. Калинина была конспиративная фамилия Никаноров, у Н. К. Крупской — Саблина, М. В. Фрунзе именовал себя Арсеньевым, о. В. Боровский — Орловским, А. С. Бубнов — Ретортиным, С. Г. Шаумян — Сурениным, А. В. Луначарский — Воиновым, И. И. Скворцов-Степанов — Федоровым и т. д. Я участвовал в работе съезда под фамилией Володин.

Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому в то время но было и 30 лет, но за его плечами уже была мужественная борьба против царского самодержавия. Феликс Эдмундович дважды побывал в ссылке, откуда оба раза бежал, закалился в огне первой русской революции и сформировался как один из руководителей польского рабочего класса.

При первом же знакомстве он произвел на меня неизгладимое впечатление. Чувствовалось, что это человек непреклонной воли, истинный социал-демократ, не терпящий никакого соглашательства с идейными противниками, подлинный борец за рабочее дело, за социализм. В то же время этот испытанный в боях политический деятель был удивительно простым и скромным. Во всем облике Доманского угадывались

настойчивость и задор, а лицо его освещала добрая улыбка сердечного человека. Он сразу же вызвал у всех нас уважение и симпатию.

На съезде разгорелись жаркие схватки с меньшевиками. И это было естественным — диаметрально противоположные позиции разделяли большевиков и меньшевиков.

Заседания съезда длились свыше двух недель, и все это время Феликс Эдмундович полностью и неизменно был на стороне Ленина, большевиков. С громадным удовлетворением встретил Феликс Эдмундович принятое съездом решение об объединении СДКПиЛ с РСДРП; за это объединение он с неутомимой энергией боролся в сложных условиях польского рабочего движения.

Феликс Эдмундович был введен в ЦК РСДРП в качестве представителя СДКПиЛ; вошел в состав редакции центрального органа партии. Это давало ему возможность еще более активно вести борьбу против меньшевиков. Однако вскоре он был снова арестован.

После этой встречи с Дзержинским, запомнившейся мне на многие и многие годы, я вновь услышал о нем в 1907 году на V (Лондонском) съезде нашей партии. Феликс Эдмундович не смог участвовать в работах этого съезда, так как находился в тюрьме, но мы, делегаты съезда, заочно избрали его в состав Центрального Комитета нашей партии.

…Волнующей и многозначительной стала жизнь Феликса Дзержинского после свержения царского самодержавия в России. Вся его жизнь, как и жизнь всех нас, его товарищей по совместной борьбе, наполнилась новым содержанием.

В бурном потоке великого семнадцатого года было лого событий, с которыми связаны были наши встречи с Феликсом Эдмундовичем. Не буду говорить о роли Феликса Эдмундовича в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Роль эта была громадной Достаточно напомнить, что он был одним из самых вечных и последовательных помощников Ленина, руководившего Октябрьским переворотом. Ленин, партия высоко пенили Дзержинского и ввели его в состав Военно-революционного центра по руководству восстанием.[16]

Все мы знали, что Феликс Эдмундович — один из руководителей Военно-революционного комитета,[17] деятельность которого направлял лично Ленин. Я по указанию Центрального Комитета вел тогда работу по организации восстания в Луганске и в 1917 году возглавлял Луганский комитет РСДРП(б), был избран председателем Луганского Совета рабочих и солдатских депутатов. Рабочие Украины твердо поддерживали большевиков, и в результате этого я был избран делегатом на Демократическое

совещание,[18] а позднее — членом Учредительного собрания от Екатеринославской губернии. Это дало мне возможность в начало ноября 1917 года выехать в Петроград и здесь вновь встретиться с Ф. Э. Дзержинским.

После победы Великого Октября Дзержинскому было поручено наводить революционный порядок в Петрограде и по всей стране. По заданию В. И. Ленина он стал председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Наркомом внутренних дел РСФСР был назначен Григорий Иванович Петровский, мэром, или городским головою, Петрограда стал Михаил Иванович Калинин. Меня назначили комиссаром Петрограда, и мне пришлось заняться делами бывшего петроградского градоначальства, как оно называлось при царизме. Так я снова очутился в кругу своих товарищей.

Работа наша, и в частности та, которой приходилось заниматься лично мне, была новой и весьма сложной, многогранной, необычной для всех нас. Председатель ВЧК Феликс Дзержинский был по горло загружен неотложными, сугубо важными делами: свергнутое правительство и все контрреволюционные силы были подавлены, но не сложили оружия и стремились любой ценой вернуть старое, восстановить свое былое господство. Тут надо было быть постоянно начеку.

Для изоляции особо опасных, тайно и явно действующих контрреволюционеров необходима была тюрьма. В моем непосредственном распоряжении находилась так называемая «внутренняя тюрьма», и Феликс Эдмундович как-то сказал мне:

— Давайте работать вместе. Приспособим к нашим нуждам бывшую тюрьму градоначальства, организуем свою пролетарскую охрану.

Я согласился. Дзержинский сообщил мне, что он поставил перед ЦК партии вопрос о вводе меня в состав ВЧК, и вскоре я стал представителем этого весьма важного революционного органа. С тех пор мы стали ежедневно встречаться с Дзержинским. Это дало мне возможность в непосредственной близости убедиться, какой это поистине большой, благородный и обаятельный человек.

Приходилось работать днем и ночью. Мы буквально сбивались с ног. Но в редкие свободные минуты Феликс Эдмундович успевал все же рассказать мне о своей семье, жене, о сынишке, с которыми на многие годы его разлучали тюрьма, каторга. Семья находилась еще в эмиграции. Сына Ясика Дзержинский видел всего один раз, в 1912 году, когда тому исполнилось восемь месяцев. Сынишка рос, Феликс Эдмундович

любовался получаемыми в тюрьмах фотографиями.

Иногда Дзержинский вспоминал свою родную Польшу. Он подробно рассказывал о ее рабочем классе, его полном борьбы и лишений героическом пути. Но главным для него была та работа, которая была поручена ему Центральным Комитетом партии, В. И. Лениным.

Эта работа требовала гигантского напряжения сил, но Дзержинский не знал отдыха: едва оправившись от болезни, он проявлял неутомимую энергию. Огромное внимание уделял Феликс Эдмундович точному соблюдению революционной законности, строгой дисциплине всех работников, основанной на глубокой политической сознательности, самоотверженности, беззаветной преданности революции, социализму.

Феликс Эдмундович был глубоко гуманным человеком, и не только в отношении трудящихся, но и во всей своей сложной работе по борьбе с явными и скрытыми врагами, в разоблачении происков внутренней и международной контрреволюции. По его указанию вся следственная работа проводилась в строгом соответствии с революционным законодательством. Не допускалось никаких злоупотреблений властью. Арестованных уличали фактами, документами, свидетельскими показаниями. Невиновных же после проверки тут же освобождали и помогали им в определении на работу, в устройстве с жильем. Такое же вниманио оказывалось в ряде случаев и семьям контрреволюционеров, если в ходе следствия было точно установлено, что они не знали о преступлениях, совершаемых главой семьи, и не оказывали ему никакого содействия в контрреволюционной деятельности.

Однако гуманизм Дзержинского не имел ничего общего с мягкотелостью и беспринципностью. Феликс Эдмундович во всей своей деятельности следовал примеру В. И. Ленина. Так же как и Владимир Ильич, он сочетал гуманное отношение и внимательность к людям с самой строгой требовательностью и беспощадностью к врагам революции и их пособникам.

Ф. Э. Дзержинский постоянно советовался с товарищами по работе. Логика, доводы разума всегда побеждали. Могу судить об этом на основе множества фактов, когда мне приходилось соприкасаться с Феликсом Эдмундовичем и в более поздние годы. Самые разнообразные вопросы возникали перед ним на посту председателя ВЧК, на фронтах гражданской войны и на хозяйственном поприще, и он всегда решал их с учетом коллективного мнения, ясно и четко, в интересах нашего общего дела.

Дзержинский был верным и близким соратником великого

Ленина, прошел большую ленинскую школу жизни, и это помогало ему во всей его работе, в практическом осуществлении идей марксизма-ленинизма. Он был очень справедливым человеком, соединяя в себе много прекрасных человеческих качеств. Своим революционным порывом и личным примером он вдохновлял товарищей по совместной борьбе, учил их целиком отдавать себя делу партии, делу коммунизма.

Неизмеримо много сделал Феликс Эдмундович Дзержинский для упрочения Советской власти, революционных завоеваний. Он весь горел на любой работе, которую поручали ему Ленин, партия и правительство. В тревогах за партию, за судьбы страны ушел от нас этот великий революционер, всей своей жизнью показывавший непреклонную верность партии, народу, великим идеям коммунизма.

Рассказы о Дзержинском.

М., 1065, с. 119–125

Е. Д. СТАСОВА
ВСЕГДА С МАССАМИ

…Жизнь, прожитая Дзержинским, характеризует его как большевика, без остатка отдавшего себя делу пролетарской революции.

Заполняя в 1921 году личный листок, Дзержинский на вопрос, подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции, написал:

«Арестовывался в 97, 900, 905, 906, 908 и 912 годах, просидел всего 11 лет в тюрьме, в том числе и на каторге (8 + 3), был три раза в ссылке, всегда бежал». На оборотной стороне анкеты, под рубрикой «характеристика», рукой секретаря первичной партийной организации написано: «Член ЦК РКП и вместе с тем образцовый коммунист, связанный с рядовой партийной массой».

В этой предельно сжатой характеристике сказано то, что составляло главную особенность Феликса Эдмундовича. Он был действительно образцовый коммунист, он умел идеи коммунизма претворять в жизнь. Именно этим объяснялись любовь и уважение к нему со стороны Владимира Ильича Ленина и всей нашей партии.

Владимир Ильич хорошо знал Ф. Э. Дзержинского. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции Ленин ценил его как неустрашимого польского социал-демократа, много сделавшего для соединения польского рабочего движения с общерусским в целях борьбы против царского самодержавия.

В свое время ленинская «Искра» извещала читателей побегах из царской ссылки и новых арестах отважного революционера, принявшего на себя удары царизма в 20-летнем возрасте. В период первой русской революции Ленин восхищался геройским пролетариатом, как он говорил, геройской Польши, одним из руководителей которого в его революционной борьбе был Феликс Дзержинский.

На состоявшемся в Стокгольме (Швеция) в апреле 1906 года IV (Объединительном) съезде РСДРП Владимир Ильич лично познакомился с Дзержинским и с интересом слушал его выступление, направленное против меньшевиков. Председательствуя на одном из заседаний съезда, Ленин горячо приветствовал вхождение польской социал-демократии в состав РСДРП.

В тяжелые годы столыпинской реакции Владимир Ильич постоянно видел в лице Ф. Э. Дзержинского стойкого защитника

революционной партийной линии и решительного противника оппортунистов всех мастей. Дзержинский неустанно, даже находясь в тюрьме, заботился о том, чтобы борьба большевиков и их вождя Ленина за партию, против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов была широко известна партийному активу и каждому польскому социал-демократу. В 1910 году в письме к одному из товарищей по партии Ф. Э. Дзержинский с радостью сообщает: «Мы получили оттиск из № 12 «Социал-демократа» — «Голос» ликвидаторов против партии» — это мне… нравится… такой мощный голос, как когда-то «Искра» против экономистов».

Дзержинский имеет в виду выступление В. И. Ленина с разоблачением тех, кто, испугавшись трудностей и поражений после революции 1905 года, стал на позицию ликвидации партии рабочего класса, соглашательства с буржуазией и постепенных реформ.

В июне 1911 года В. И. Ленин созывает в Париже совещание членов ЦК РСДРП для обсуждения задач борьбы против всякого рода оппортунистов. Совещание приняло ряд важных решений, в том числе решение о созыве Пражской конференции. Сохранился замечательный ленинский Документ — «Договор Ленина с Юзефом». Это обмен записками между Владимиром Ильичей и Дзержинским на совещании в Париже. На вопрос Владимира Ильича, необходимо ли исключить голосовцев из партии, Дзержинский, как это записал Ленин, воскликнул: «Это необходимо сделать».

Нельзя не вспомнить четкой и ясной линии Феликса Эдмундовича в предоктябрьские дни по вопросу о явке В. И. Ленина на суд контрреволюционной керенщины. Решительно выступив против явки Ленина на суд, Феликс Дзержинский заявил: травля против Ленина — это травля против партии, против революционной демократии… мы не выдадим Ленина…

Мне приходилось часто встречаться с Феликсом Эдмундовичем: ведь он был бессменным членом ЦК после победы Великого Октября. Все мы, соприкасавшиеся с Ильичей по работе, видели, чувствовали, какой поддержкой и уважением пользовался Феликс Эдмундович с его стороны. И это было вполне естественным. Бесстрашие Дзержинского, отвага, правда и чистота его жизни были известны всем.

Мне уже приходилось рассказывать о том, как Владимир Ильич, узнав, что Дзержинский доработался до кровохарканья и не хочет отдыхать, позвонил мне и предложил принять решение ЦК, обязывающее Дзержинского пойти на две недели в отпуск. Для отдыха Феликса Эдмундовича Ильич наметил один из

подмосковных совхозов, где можно было получить хорошее питание и где не было телефона: следовательно, Дзержинский не будет звонить на работу и сможет лучше отдохнуть…

Феликс Эдмундович был одним из крупнейших организаторов восстановления и реконструкции народного хозяйства нашей Родины, председателем ВСНХ. Не зная отдыха и покоя, налаживал он работу железнодорожного транспорта, руководил восстановлением разрушенной промышленности. Его заслуги в индустриализации страны, в укреплении ее обороноспособности хорошо известны нашей партии и советскому народу. Грозный председатель ВЧК уделял немало времени и заботе о детях, об их воспитании.

Верный сын партии, Феликс Дзержинский активно боролся за ленинское единство партии, против раскольников, за торжество дела коммунизма. Как бы радовался он, если бы дожил до настоящего времени, когда наша Родина успешно строит коммунизм…

Воспоминания о Дзержинском.

М., 1962, с. 3–6

С. С. ДЗЕРЖИНСКАЯ ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

В один из ясных морозных дней в Варшаве в начале февраля 1905 года я пришла на квартиру члена социал-демократии Королевства Польского[19] и Литвы (СДКПиЛ) Ванды Краль. В залитой солнцем комнате стоял высокий, стройный светлый шатен, с коротко остриженными волосами, с огненным взглядом проницательных серо-зеленоватых глаз. Это был Феликс Дзержинский, которого я в тот день увидела впервые.

Но еще до этой встречи я много слышала о товарище Юзефе от Ванды и других подпольщиков. Настоящего его имени и фамилии я, разумеется, тогда не знала.

Он в то время был уже членом Главного правления (ЦК) СДКПиЛ, любимым руководителем польских рабочих.

Я слышала легенды о его революционной деятельности, неиссякаемой энергии, о его мужестве.

Юзеф поздоровался со мной крепким рукопожатием. Меня удивило, что он знает обо мне, о выполняемых мною партийных поручениях, мою фамилию. Он посмотрел на меня пристально, и мне показалось, что он насквозь меня видит. Как выяснилось, до своего приезда в Варшаву он несколько раз присылал из Кракова нелегальные партийные письма на мой адрес.

Я отдала Юзефу принесенную корреспонденцию и, согласно требованиям конспирации, сразу ушла, взволнованная и обрадованная неожиданной встречей.

Позднее, когда я ближе узнала Феликса Дзержинского, он рассказывал мне, а затем писал из тюрьмы о своей полной опасностей жизни революционера-профессионала. Многое потом я слышала от наших товарищей, а многому свидетельницей была и сама. Еще 17-летним юношей, находясь на школьной скамье, дал Феликс клятву бороться до последнего дыхания с гнетом, несправедливостью, «со всяким злом». Эту юношескую клятву он свято выполнил.

Уже в начале своей революционной деятельности Феликс находился под влиянием Ленина и созданного им петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Из статей Феликса, помещенных в печатных органах литовской социал-демократии «Литовском рабочем» и «Ковенском рабочем» (на польском языке), видно, что ои был знаком с работой В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Незадолго до второго ареста Феликса, в январе 1900 года, в Варшаве, в одном из домов на улице Иерусалимские Аллеи, где жили рабочие — члены социал-демократической организации, была обнаружена под лестницей в тайнике связка нелегальной литературы. Там были листовки, отпечатанные на польском языке, а также четыре русские брошюры, изданные «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», и «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии».

В акте обвинительного заключения по делу Феликса Дзержинского сказано, что на собрании рабочих в квартире сапожника Малясевича Дзержинский выступал «с речью о необходимости объединения польской рабочей партии с русскими социал-демократами для свержения царизма, причем он обещал снабдить присутствующих нелегальной литературой, изданной в Петербурге».

С первых шагов революционной деятельности Феликс Эдмундович был интернационалистом. Он страстно доказывал польским рабочим, что у них и у русского пролетариата, как и у пролетариев всех национальностей России, одни и те же интересы и цели, один и тот же враг: самодержавие, капиталисты и помещики.

В 1901 году Феликс Эдмундович был приговорен к ссылке иа пять лет в город Вилюйск Якутской области. По пути бежал из Верхоленска, чуть не утонул в бурной Лене, наконец добрался до Варшавы. Оттуда он, перейдя нелегально границу, отправился в Берлин, где находилось Главное правление СДКПиЛ.

В Берлине в августе 1902 года была созвана конференция СДКПиЛ, которая вынесла решение об издании центрального партийного органа — «Червоный штандар» («Красное знамя»). Дзержинский был избран секретарем Заграничного комитета СДКПиЛ. С тех пор он многие годы работал в партии под псевдонимом Юзеф.

Осенью 1902 года его послали для лечения в Швейцарию, затем он лечился в туберкулезном санатории в Закопане (Австро-Венгрия). Пробыл он там два месяца, а затем поселился в Кракове, в Галиции, в то время находившейся под властью Австро-Венгерской монархии. Там организовал издание «Червоного штандара» и другой партийной литературы, пересылку их через границу в Королевство Польское.

Еще в Берлине Дзержинский познакомился с ленинской «Искрой». Книга В. И. Ленина «Что делать?» и его статьи, печатавшиеся в «Искре», произвели на Феликса глубокое впечатление…

После II съезда РСДРП Юзеф на стороне Ленина,

большевиков.

Особенно бурно развернулась партийная работа Юзефа во время революции 1905 года. В начале года он переехал в Варшаву для постоянной подпольной работы в Королевстве Польском. Никто из членов Главного правления СДКПиЛ пе был так тесно связан с подпольной организацией и рабочими массами в стране, как Юзеф. Никто так хорошо не знал партийного актива во всех промышленных центрах Королевства Польского, как он.

Революционные события 1905 года целиком захватили Юзефа. Он выступал на митингах и собраниях, руководил работой партийных организаций в Варшаве и других городах, помогал создавать подпольные партийные типографии и склады нелегальной литературы, участвовал в деятельности Военно-революционной организации (ВРО) РСДРП. Он был первым представителем СДКПиЛ в Варшавском комитете ВРО. Работе в армии он уделял много внимания.

Никогда не забуду я кровавую расправу царских властей с рабочей демонстрацией в Варшаве в день 1 Мая 1905 года. На улицы города в тот день вышло свыше 20 тысяч рабочих. Первомайская демонстрация была расстреляна полицией и царскими войсками. Было убито 50 и ранено 100 человек. Убитых увезли в морг. Я поспешила туда. С тревогой думала я о товарищах. Страшное зрелище предстало перед моими глазами в морге. Вдоль всех стен лежали трупы мужчин и женщин, людей разного возраста, был тут даже трупик ребенка. Среди убитых я не увидела ни одного знакомого липа.

Из морга пошла прямо к Ванде Краль, где в то время жили, находясь на нелегальном положении, Юзеф и Мартин.[20] Ванду я застала в большом беспокойстве. Юзеф и Мартин еще не вернулись.

У Ванды я пробыла до позднего вечера. Вернулся Мартин, живой и невредимый, но о Юзефе ничего не было известно. Только на следующий день я узнала, что он, пренебрегая грозящей ему опасностью, спасал на месте расстрела раненых, пряча их от полицейских и помогая поместить в больницу наиболее тяжело пострадавших.

Юзеф срочно созвал Варшавский комитет СДКПиЛ. Комитет призвал рабочих к забастовке в день похорон жертв первомайской демонстрации. 4 мая в Варшаве остановились все фабрики, заводы и мастерские, прекратилось всякое движение, магазины и лавки были закрыты, не вышла ни одна газета, не работал ни один театр.

Всеобщая первомайская забастовка охватила рабочих и других городов. В Лодзи во время стычки демонстрантов с

полицией и войсками было убито 10 человек.

Массовые забастовки в Лодзи переросли в июне 1905 года в стихийное вооруженное восстание и баррикадные бои. В. И. Ленин назвал эти бои на улицах Лодзи первым вооруженным выступлением рабочих в России.

Юзеф, которого лодзинские события застали в Варшаве, немедленно организовал выпуск листовки от имени Главного правления СДКПиЛ, призывавшей рабочих всех городов выйти на улицу, вооружаться и принять участив в демонстрациях поддержки лодзинских рабочих.

Летом 1905 года, находясь на отдыхе вблизи городка Казимеж на берегу Вислы, в Любельщине, я узнала от бывшей там Ванды Краль о провале 17 (30) июля Варшавской межрайонной конференции СДКПиЛ, которая проходила в лесу вблизи железнодорожной остановки Дембы Бельке, под Варшавой. В числе арестованных был и руководивший этой конференцией Юзеф, который взял на себя всю ответственность за нелегальные материалы, обнаруженные полицией на месте. Юзеф был заключен в X павильон Варшавской цитадели, отличавшийся особо строгим режимом.

Ему угрожала каторга. Но новый подъем революции, всеобщая октябрьская стачка — и Юзеф на свободе. Он был освобожден 20 октября (2 ноября) 1905 года.

В тот же день я неожиданно встретила его. Вопреки законам конспирации, запрещающим здороваться на улице, он еще издали поклонился мне и остановился. Мы пожали друг другу руки. Юзеф сиял. Он смеялся и шутил, радовался, что на свободе, что из тюремных стен его вырвала революция, что можно снова отдать всего себя без остатка партийной работе. Он уже куда-то торопился. Поговорив с минуту, мы разошлись. Тюрьма оставила свой след на лице Юзефа, но глаза его горели.

Прямо из тюрьмы Юзеф с несколькими товарищами, освобожденными из «Павиака»[21] и женской тюрьмы «Сербия», отправился на чрезвычайную конференцию СДКПиЛ, созванную в связи с нараставшей революционной обстановкой.

Участник этой конференции Красный вспоминал, что из выступления там Юзефа ему запомнились слова:

— Теперь надо к оружию, к оружию, только с оружием…

Юзеф говорил о необходимости готовить вооруженное восстание.

Тогда же его видели в рабочих районах, где он выступал на митингах до поздней ночи, призывая не верить царскому манифесту, а готовиться к новым боям против самодержавия и буржуазии.

В копце ноября 1905 года на краевой конференции СДКПиЛ в Варшаве Юзеф выступил с докладом «Партийная работа в армии». Сохранилось написанное его рукой следующее предложение, внесенное им на конференции: «В настоящее время наша работа в армии должна ставить своей целью подготовку солдат к вооруженному восстанию».

В апреле — мае 1906 года на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме произошла первая личная встреча Феликса Дзержинского с В. И. Лениным. Па этом съезде при непосредственном участии А. Барского, Ф. Дзержинского и Я. Ганецкого СДКПиЛ вошла в состав РСДРП.

Объединение партий имело огромное историческое значение и было воспринято всеми организациями СДКПиЛ с величайшей радостью.

В мае 1906 года я принимала участие в работе районной конференции СДКПиЛ Мокотовского района Варшавы. От Главного правления этой конференцией руководил Юзеф. Он сделал доклад о IV (Объединительном) съезде РСДРП, о текущем положении и задачах партии.

Содержание доклада Юзефа после стольких лет стерлось, конечно, в моей памяти. Но хорошо помню, с каким подъемом он говорил о слиянии партии польского пролетариата с РСДРП. Ведь это издавна было его горячим желанием.

Я тогда впервые слышала Юзефа-оратора. Вначале он говорил медленно, казалось, даже с некоторым трудом. Но вскоре загорелся и говорил так пламенно, с такой горячей верой в победу революции, так захватывающе, как может говорить только настоящий народный трибун.

Во втором своем выступлении на этой конференции Юзеф изложил проект составленного им нового Устава СДКПиЛ. Его первый параграф, определявший, кто может быть членом партии, был сформулирован в ленинском, большевистском духе. Устав этот затем утвердил V съезд СДКПиЛ, состоявшийся в июне 1906 года. С отчетным докладом на этом съезде от Главного правления выступал Юзеф. Съезд единогласно принял резолюцию, одобрявшую слияние СДКПиЛ с РСДРП.

Глубокой осенью 1906 года царские власти приступили к массовым репрессиям. 18(31) декабря вечером, накануне Нового года, арестовали собрание партийного актива СДКПиЛ Мокотовского района Варшавы. В числе арестованных была и я. Нас поместили в тюрьму в здание ратуши.

Через несколько дней я узнала, что арестован и Юзеф; находится он в общей камере в ратуше. И в тюрьме Юзеф нашел поле деятельности. По пути на кухню за кипятком он ухитрялся

завязывать связи с товарищами, ободрял нас, сидевших в женских камерах в худших условиях, чем мужчины.

Вскоре, однако, Юзеф был переведен в следственную тюрьму «Павиак». Меня за неимением улик освободили. При обыске во время ареста у меня ничего не нашли.

После освобождения я несколько раз ходила в «Павиак» на свидания к своему товарищу по мокотовской организации Тадеушу (Францу Горскому). Свидания давались одновременно семи-восьми заключенным и проходили через две решетки, между которыми прохаживался стражник. Говорили все одновременно, стараясь перекричать друг друга. В комнате стоял такой крик, что трудно было что-либо понять.

Родители Ф. Э. Дзержинского — Елена Игнатьевна Дзержинская, Эдмунд Иосифович Дзержинский.

Дом в Дзержиново, в котором 11 сентября (30 августа) 1877 г. родился Ф. Э. Дзержинский.

Дом Миллера в г. Вильно (в Заречье), в мансарде которого жил Ф. Э. Дзержинский и где собирались его друзья-подпольщики. 1896 г.

Ф. Э. Дзержинский в Седлецкой тюрьме после второго ареста. 1901 г.

Ф. Э. Дзержинский. 1905 г.

Ф. Э. Дзержинский в Орловском централе. 1914 г.

X павильон Варшавской цитадели, в котором содержался в заключении Ф. Э. Дзержинский.

Ф. Э. Дзержинский — член Военно-революционного партийного центра по руководству восстанием. 1917 г.

Ф. Э. Дзержинский во время лечения в госпитале после освобождения из Бутырской тюрьмы. 1917 г.

Во время одного из свиданий с Тадеушем я вдруг услышала знакомый голос и заразительный смех. Посмотрела ту сторону и увидела за решетками бледное, но улыбающееся лицо Юзефа. Мне удалось улучить минутку, когда стражник чем-то отвлекся, и подойти поближе. Мы обменялись с Юзефом через решетки несколькими словами. Он был оживлен, в хорошем настроении и подшучивал над каким-то товарищем, который, не слыша из-за невероятного шума, что ему говорят, совсем повесил нос на квинту. Юзеф стал посредничать в его разговоре и делал это так остроумно, что все рядом стоявшие заключенные и их посетители хохотали. Он сумел разрядить тяжелую атмосферу, влить бодрость в своих товарищей.

Юзеф находился еще в тюрьме, когда в Лондоне собрался V съезд РСДРП. Его заочно избрали на этом съезде в члены ЦК РСДРП.

О позиции Юзефа после V (Лондонского) съезда РСДРП писал Станислав Бобинский:

«Когда я с ним встретился в 1908 году за границей, то не раз слышал от него страстную защиту большевизма. В Кракове, в своей скромной комнатке, он зачитывался большевистской литературой… В партийных кругах уже тогда Юзефа считали ленинцем»,[22]

Дзержинский был освобожден из тюрьмы «Павиак» под залог 22 мая (4 июня) 1907 года. Царские власти потребовали, чтобы он указал место, где будет проживать. Они собирались установить над ним полицейский падзор. Он указал Дзержиново в Виленской губернии — место своего рождения. Но туда не поехал, а, отдохнув немного в семье брата Игнатия на Любельщине, снова с

головой ушел в нелегальную партийную работу: в августе 1907 года он участвовал в работах III конференции РСДРП в Котке (Финляндия), в сентябре руководил конференцией Гурного (Верхнего) района СДКПиЛ в Лодзи, потом в Ченстохове, в Домбровском угольном бассейне, а в ноябре был уже в Гельсингфорсе — на IV конференции РСДРП.

В конце января 1908 года Юзеф приехал в Варшаву. Это был необычайно трудный период самой черной реакции. Партийная организация совершенно разгромлена. Тюрьмы переполнены. Неустойчивые элементы отошли от партии. Царила апатия. Работа шла вяло. Но вот появился Юзеф, как обычно полный революционного порыва и энергии. Настроение товарищей круто изменилось. Все оспрянули духом, точно живой родник влил в них новые силы.

По заданию партии я в то время вела корректуру «Червоного штандара» и прокламаций, печатавшихся в Варшаве нелегально, но в легальной типографии, за большие деньги. По этой работе я была связана с товарищем Радомским (настоящая его фамилия Цедербаум), руководившим центральной партийной техникой. Изобретательный и находчивый, он как нельзя лучше подходил для такой работы.

Радомский рассказал мне, что первые экземпляры отпечатанных партийных изданий он всегда посылает по почте варшавскому генерал-губернатору: пусть тот знает, что, несмотря на аресты и разгром, мы живем и действуем.

Лишь значительно позднее узнала я, что Радомский в данном случае следовал совету Юзефа.

Уже в Советском Союзе, куда Радомский приехал после смерти Феликса Эдмундовича, он говорил мне, что в 1908 году он одно время в Варшаве жил вместе с Юзефом. Когда ему удавалось быстро и хорошо выполнить какое-нибудь трудное и опасное поручение Юзефа, тот в восторге хватал его в охапку, прижимал к себе, целовал и кружился с ним по комнате, весело напевая. Радомский горячо и беззаветно любил Дзержинского…

Шла подготовка партийных изданий к 1 Мая 1908 года. В это время Юзеф несколько раз заходил ко мне на квартиру. В последний раз он пришел 15 апреля, довольный, что специальный номер «Червоного штандара» и листовки не только отпечатаны, но и разосланы на места. Юзеф пришел попрощаться, намереваясь уехать из Варшавы, чтобы не попасть в руки полиции, обычно устраивавшей перед 1 Мая массовые облавы на революционеров. Но уехать не успел. На следующий день он был арестован при выходе из здания Главного почтамта.

И снова мрачный X павильон Варшавской цитадели, у стен

которой царские палачи вешали революционеров. Дзержинский очень тяжело переживал это. Он верил в неминуемый новый подъем революции. Обо всем этом он писал в своем «Дневнике заключенного», который мы с большим волнением читали потом в «Пшеглонде социал-демократычном» *«Пшеглонд социал-демократычный»* («Социал-демократическое обозрение») — нелегальный теоретический орган СДКПиЛ.].

Приведу лишь несколько слов из этого дневника, характеризующих безграничную преданность Юзефа делу рабочего класса, его стойкость и веру в победу социализма.

Не стоило бы жить, — писал он, — если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего».[23]

В канун Нового, 1909 года, в пятый раз встречая Новый год в тюрьме, он писал:

«В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в правоте нашего дела… Здесь, тюрьме, часто бывает тяжело, но временам даже страшно И тем не менее если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал».[24]

Вновь встретились мы с Юзефом в Кракове, в эмиграции, весной 1910 года. В одно из воскресений марта Юзеф пришел ко мне. Прошло лишь несколько дней после его приезда в Краков. На лице еще сохранился загар — результат месячного пребывания в Италии. Но на висках я заметила глубокие морщины — следы тяжелых переживаний в X павильоне, а затем во время следования этапом в Сибирь. Однако Юзеф был весел и оживлен. С восторгом рассказывал он о волшебной природе Капри, о «певце пролетариата», как он называл Максима Горького.

Юзеф предложил мне помочь ему привести в порядок архив партийных изданий. Я с радостью согласилась, на следующий же день пришла к нему на квартиру. Шил ои за городом, в Лобзове, вместе с товарищем. Квартира состояла из большой комнаты и кухни, также превращенной в жилое помещение. Юзеф и его товарищ спали на полу на сенниках, готовили себе чай на примусе, обедали в какой-то столовой в городе. В комнате на полулежала большая куча разбросанной в беспорядке нелегальной литературы на польском и русском языках. Помню ярость и возмущение Юзефа, когда он показывал мне эту «свалку», оставленную его предшественником по партийной работе в Кракове.

В начале мая Юзеф переехал в город, на улицу Коллонтая, поближе к почте и железнодорожному вокзалу. Небольшая квартирка помещалась во флигеле на втором этаже и состояла из

двух комнат и кухни. В одной комнате жил Ганецкий, в другой — какой-то товарищ, а в проходной кухоньке — Юзеф. Вся обстановка состояла из маленького письменного столика, этажерки с книжками, стула и короткого диванчика. На этом диванчике спал Юзеф, без подушки, которой он не имел. Были в этой кухоньке еще табуретка с тазом, кувшин с водой и ведро. На покрытой газетами плите стояли примус и чайник.

Привезли на улицу Коллонтая и партийный архив, поместив его в большой комнате. Я продолжала приводит архив в порядок.

Юзеф был очень загружен партийной работой и не отдыхал даже по воскресеньям. Немало трудов стоило вытащить его иногда в воскресенье на прогулку в живописные окрестности Кракова. Когда он отказывался, я приносила ему вечером огромные букеты полевых и лесных цветов. Он принимал их с радостью и за неимением ваз развешивал на стенах. Все же нам удалось совершить вместе несколько незабываемых прогулок на Паненские скалы, где как раз в это время цвели фиалки, наполняя воздух одуряющим ароматом. Ходили в Тынец к живописным руинам древнего монастыря. Они утопали в кустя цветущей сирени. Чудесны были также прогулки по регу Вислы.

Общая наша работа расширялась. Я стала писать письма, между строк которых Юзеф вписывал лимонной кислотой конспиративные тексты товарищам в Варшаву, Лодзь, Ченстохову, Домбровский угольный бассейн, Белосток. Надписывала адреса на конвертах, так как почерк Юзефа был хорошо известен полиции и жандармерии в Королевстве Польском. В то же время начала помогать Юзефу переписывать материалы для «Червоного штандара». Приходила я на улицу Коллонтая рано утром, и мы работали, с короткими перерывами на обед, до позднего вечера. Я диктовала из рукописей, присланных из Берлина а Юзеф писал мелким, бисерным почерком, очень четко и разборчиво на маленьких листочках бумаги. С точки зрения конспирации их было удобнее пересылать. Юзеф научил меня подсчитывать количество печатных знаков в рукописях. Я стала это делать, чтобы избавить его такой кропотливой работы.

Однажды Юзеф дал мне прочитать продолжение своего тюремного дневника, которое он написал во время следования этапом осенью 1909 года на вечное поселение в Сибирь. К сожалению, это продолжение ранее написанного тюремного дневника до сих пор не найдено.

В то лето мне пришлось наблюдать, как горячо любит Юзеф детей. Я часто заставала в его квартире ребятишек, бегавших, шумевших, делавших из стульев трамваи и поезда. Юзеф собирал со двора детвору бедноты и устраивал для них у себя в квартире

нечто вроде детского сада.

Однажды, придя утром, я увидела такую картину: он сидел за письменным столом и работал, на коленях него малыш что-то старательно рисовал, а другой, вскарабкавшись сзади на стул и обняв Юзефа за шею, внимательно смотрел, как он пишет. Юзеф уверял, что дети ему никогда не мешают, а доставляют большую радость.

В конце августа, получив возможность неделю отдохнуть, Юзеф предложил мне вместе поехать в Татры. Из Закопане мы пешком отправились дальше в горы. До сих пор не могу забыть волшебной красоты горных вершин, покрытых снегом, и глубоких ущелий, стремительных, бурных потоков и водопадов, прозрачных озер и зеленых чудесных долин, которыми мы тогда любовались с Юзефом. Но отдых был коротким, и мы вернулись в Краков.

Став женой Юзефа, я переехала к нему на улицу Коллонтая. Мы перебрались в небольшую комнату, освободившуюся после отъезда проживавшего с Юзефом товарища.

Юзеф был строгим конспиратором. Однажды мы с ним закончили работу над подготовкой очередного номера «Червоного штандара» поздно ночью. Собираясь лечь спать, я увидела, что Юзеф что-то мастерит с куском картона и даже не думает о сне. Я напомнила ему, что пора на отдых. Он ничего не ответил, продолжая свою работу с картоном. Чем он тогда был занят, я узнала позже, когда в ноябре 1910 года уезжала на нелегальную работу в Варшаву. Юзеф сказал мне, что материалы к очередным номерам «Червоного штандара» будет высылать в картонном паспарту, замаскировав какой-нибудь невинной картинкой.

Главное правление СДКПиЛ направило меня в Варшаву на два-три месяца. Но жизнь распорядилась иначе. Наша разлука с Феликсом продолжалась восемь лет. Через месяц я была арестована на нелегальном собрании партийного актива и приговорена к ссылке на вечное поселение в Восточной Сибири. Пробыла в тюрьме почти полтора года. В женской тюрьме «Сербия» в Варшаве летом 1911 года родился наш сын Ян. Веоной 1912 года меня выслали в Иркутскую губернию, в село Орлинга Киренского уезда. Взять с собой сына — значило обречь его на верную смерть. Феликса очень беспокоила судьба Ясика. Это отразилось в его письмах сестре Альдоне. В Варшаве друзья помогли поместить сына в детские ясли, где под видом дяди его навестил Феликс. Здесь он впервые увидел своего сына…

Находясь в 1910–1912 годах в эмиграции в Кракове и являясь секретарем Главного правления СДКПиЛ, Юзеф руководил

партийными организациями в Королевстве Польском, неоднократно приезжал туда нелегально. Партийная организация в плачевном состоянии. Не хватало людей для работы. Направляемые из-за границы на подпольную работу товарищи проваливались один за другим. Главное правление СДКПиЛ было оторвано от страны. Все это чрезвычайно беспокоило и угнетало Дзержинского.

В январе 1910 года состоялось пленарное заседание ЦК РСДРП, на котором в результате ареста ряда членов ЦК — большевиков преобладали неустойчивые элементы. Эти элементы, и среди них представитель СДКПиЛ Тышка, протащили на пленуме примиренческие решения, содержащие, как писал Ленин, «чрезмерные уступки» ликвидаторам и отзовистам.

Дзержинский, узнав о решениях январского пленума ЦК РСДРП, писал из Берна члену Главного правления СДКПиЛ З. Ледеру:

«Резолюция ЦК не нравится мне. Она туманна — неясна. В объединение партии при участии Дана не верю. Думаю, что перед объединением следовало довести меков[25] до раскола, и Данов, ныне маскирующихся ликвидаторов предварительно выгнать из объединенной партии».[26]

Ту же мысль высказывал он летом 1910 года в письме к Тышке: «Свой взгляд на общепартийные вопросы я уже не раз высказывал. Решениями пленарного заседания ЦК я не был удовлетворен. В этом отношении я согласен с Лениным, с его статьей в номере втором «Дискуссионного листка».[27]

Резко осуждал Юзеф антипартийную деятельность Троцкого. В письме Главному правлению СДКПиЛ от 23–24 декабря 1910 года он предлагал не оказывать никакой моральной поддержки фракционному органу Троцкого — венской «Правде», всячески поддерживать большевистскую «Рабочую газету».

В июне 1911 года в Париже состоялось организованное по инициативе В. И. Ленина совещание членов ЦК РСДРП, находившихся за границей. На приглашении, разосланном заграничным цекистам, рядом с подписью Ленина стоит подпись Дзержинского. На этом совещании от СДКПиЛ участвовал также Тышка. На вопрос Ленина, необходимо ли исключить «голосовцев» (меньшевиков-ликвидаторов. — *С. Д.)* из партии, Дзержинский ответил: «Это необходимо сделать!»

После совещания Юзеф вернулся в Краков, Тышка же некоторое время еще оставался в Париже. Дзержинский опасался, что он ведет там примиренческую политику по отношению к ликвидаторам. В письме к Барскому в Берлин 10 (23 июня) 1911 года, уже после возвращения туда Тышки, Юзеф спрашивает: «Что

нового привез Леон?[28] Напишите несколько слов. Мое большевистское сердце в тревоге».

Пребывание в эмиграции было для Юзефа очень тягостным. Он всеми силами рвался в Королевство Польское на нелегальную работу, обеспокоенный положением в партийных организациях. Почти в каждом письме в Главное правление СДКПиЛ он требовал послать его на подпольную работу…

Но Главное правление, зная, что в случае ареста Юзеф будет неминуемо приговорен к каторге, и считаясь с его слабым здоровьем, не давало согласия на возвращение в страну.

Несколько раз, нелегально переходя границу, Юзеф объезжал партийные организации разных городов Королевства Польского, а в 1912 году, добившись наконец согласия Главного правления, окончательно перебрался в Варшаву.

Однако он недолго работал в Варшаве.

1 (14) сентября 1912 года Ф. Э. Дзержинский был в шестой и последний раз арестован. Я узнала об этом накануне своего перехода через границу после побега из Сибири.

Еще летом Феликс прислал мне в Орлингу деньги и паспорт на чужое имя, искусно вклеив его в собственноручно сделанный переплет малоинтересной потрепанной книги под заглавием «Сила». В письме он посоветовал мне внимательно прочесть эту книгу, добавив, что в ней «много бодрящих мыслей, придающих настоящую силу».[29] Я поняла, что в книге надо искать паспорт для побега.

Убитая известием об аресте Феликса, я не помню, как переехала австро-венгерскую границу и оказалась в Кракове.

Дзержинского приговорили к трем годам каторги за побег из ссылки. Он писал сестре Альдоне 20 мая (2 июня) 1914 года из X павильона Варшавской цитадели: «Чем ужаснее ад теперешней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный гимн жизни, гимн правды, красоты и счастья, и во мне нет места отчаянию. Жизнь даже тогда радостна, когда приходится носить кандалы».[30]

И потом, в Орловском каторжном централе и в Бутыр-ках, где Дзержинский отбывал каторгу, он сохранил спокойствие и силу духа, веру в рабочий класс, в победу революции.

Письма Феликса говорили о его убежденности в том, что война ускорит революцию. Почти в каждом письме он иносказательно выражал эту мысль. 31 декабря 1916 года (н. ст.) он писал мне: «Вот уже пришел последний день 16-го года, хотя не видно еще конца войны — однако мы все ближе и ближе ко дню встречи и ко дню радости. Я так уверен в этом…»

Всего в тюрьмах, в ссылке, на каторге Феликс пробыл 11 лет, почти четверть своей жизни. Но каждый раз, когда ему удавалось

вырваться на свободу, он тут же со всей своей страстью включался в партийную работу, в революционную борьбу.

* * *

Весть о Февральской революции 1917 года в России застала меня с сыном в Цюрихе, в Швейцарии.

Феликс сразу же, как только оказался на свободе, отправил мне телеграмму, а через 10 дней — открытку. Но ни телеграмма, ни открытка до меня не дошли. О его освобождении я узнала лишь 10 апреля из телеграммы, посланной мне из Берлина одной моей знакомой.

Только значительно позднее мне стали известны подробности первых дней свободы и бурной жизни Феликса в те дни. Ои сразу же стал выполнять задания Московского комитета партии большевиков. Ежедневно выступая на многочисленных митингах рабочих и солдат, он отстаивал ленинскую линию — никакого доверия Временному правительству, призывал к активной борьбе против империалистической войны.

18 (31) марта он мне писал: «Я уже с головой ушел в свою стихию»,[31]

И действительно, Дзержинский оказался в гуще событий Он принял участие в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции в Петрограде как делегат московской областной организации большевиков. По коренным вопросам революции, которые обсуждала конференция, Феликс Эдмундович стоял на ленинских позициях. Однако по национальному вопросу он, как и раньше, отстаивал ошибочные взгляды СДКПиЛ и высказывался против права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. В. И. Ленин выступил на этой конференции с критикой делегатов, выступавших с ошибочными взглядами по национальному вопросу.

Участвовавшая в работе Апрельской конференции старая большевичка В. Ф. Алексеева рассказывает, что во время перерыва в заседаниях конференции Владимир Ильич, прохаживаясь под руку с Дзержинским, дружески и терпеливо разъяснял ему ошибочность его взглядов по национальному вопросу.

Позднее Феликс Эдмундович сам подверг критике ошибочную позицию СДКПиЛ и свою собственную по этому вопросу. В своих высказываниях он подчеркивал, что «лишь уяснение и исправление этой ошибки, применение учения Ленина ведет к победе».[32]

Ф. Э. Дзержинский — делегат от московских большевиков на

VI съезде партии. На этом съезде он решительно возражал против явки В. И. Ленина на суд буржуазного Временного правительства. С большим волнением говорил он в своей речи на съезде: «… травля против Ленина — это травля против нас, против партии, против революционной демократии… Мы не доверяем Временному правительству и буржуазии… Мы не выдадим Ленина… Мы должны от имени съезда одобрить поведение товарища Ленина».[33]

В. II. Ленин в то время скрывался в шалаше у озера Разлив. Дзержинский навещал Ленина в Разливе. Рабочий-большевик, скрывавший Владимира Ильича, Н. А. Емельянов вспоминал, что однажды, когда Феликс Эдмундович вместе с его сыном возвращался от Ленина через озеро в непогоду, сильный ветер опрокинул лодку. Вымокший до нитки, продрогший, Дзержинский отказался вернуться назад, чтобы высушить одежду и обогреться. Он спешил выполнить поручение Ленина. Когда Владимир Ильич узнал об этом, то очень обеспокоился. Емельянов добавил, что Ленин говорил ему тогда о Феликсе как о вернейшем человеке, прошедшем тяжелую школу революционной борьбы.

И позже, в советский период, когда Феликс Эдмундович находился на руководящей государственной работе, В. И. Ленин высоко ценил его.

В. Д. Бонч-Бруевич писал в своих воспоминаниях: «Характерен отзыв Владимира Ильича о Дзержинском, который мне пришлось слышать:

— Дзержинский не только нравится рабочим, его глубоко любят и ценят рабочие.

А кто знал Владимира Ильича, тот понимал, сколь высока была в его устах похвала товарищу, которого «глубоко любят» рабочие. Владимир Ильич относился к Ф. Э. Дзержинскому с величайшей симпатией и предупредительностью».[34]

Феликс всегда и везде, как в дооктябрьский период, так и после победы социалистической революции в России, брал на себя самую трудную и опасную работу. В нем не было ни тени позы, каждое слово его, каждое движение, каждый жест выражали и правдивость и чистоту души. Слова у него не расходились с делом. И неудивительно, что именно он был призван стать во главе ВЧК. Он всегда был готов жертвовать собой для дела партии и рабочего класса.

27 мая 1918 года[35] он писал мне: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым,

каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие…»

А через несколько месяцев, в дни напряженной борьбы ВЧК с контрреволюционными заговорами и восстаниями, он снова пишет: «Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мной, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то, что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю…»[36]

Екатерина Павловна Пешкова[37] рассказывала мне, что однажды, в период работы Феликса Эдмундовича в ВЧК, она спросила его:

— Почему вы взяли на себя такую тяжелую работу?

Ведь с вашими способностями вы могли бы выполнять любую работу.

— Партия поручила мне эту работу. Она очень трудна. Но почему же эту трудную работу должен исполнять кто-то другой, а не я?

В этих словах — весь Феликс Дзержинский.

Он своим личным примером воспитывал у работников ВЧК безграничную преданность партии, бесстрашие, дисциплинированность, бдительность и скромность. Он учил их заботиться о людях, требуя внимательного отношения даже к тем, кто подозревался в преступлениях против рабоче-крестьянской власти.

Я присутствовала в Большом театре на торжественном собрании, посвященном пятилетию ВЧК. На этом собрании выступал Феликс Эдмундович. Обращаясь к чекистам, он сказал:

— Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим заключение, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце…

Он говорил неоднократно, что чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.

Феликс Эдмундович не мог допустить осуждения невиновного. Эту черту его характера хорошо передает в своих воспоминаниях о Ленине Алексей Максимович Горький. Однажды он просил Владимира Ильича за одного арестованного генерала, ученого-химика, который, по мнению Горького, был не виноват. Ленин внимательно выслушал его рассказ и сказал:

«Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но — надо, чтобы это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду».[38]

Через несколько дней Ленин позвонил Горькому по телефону

и сказал, что генерал будет освобожден.

* * *

14 апреля 1921 года, оставаясь на посту председателя ВЧК, Дзержинский был назначен народным комиссаром путей сообщения.

В тот год страну постигло страшное бедствие — небывалый по своим размерам неурожай и, как следствие этого, голод. Была создана Центральная транспортная комиссия по борьбе с голодом.

В начале января 1922 года Ф. Э. Дзержинский как особоуполномоченный ВЦИК и СТО выехал в Сибирь во главе экспедиции из 40 человек для принятия чрезвычайных мер по вывозу продовольственных грузов в Москву, Петроград и голодающие районы Поволжья. Состояние железных дорог в Сибири было тогда очень тяжелое, и, как выяснила экспедиция на месте, они оказались совсем не подготовленными к выполнению предстоящей задачи.

22 января Феликс Эдмундович писал мне из Новониколаевска (ныне Новосибирск): «…Здесь работы очень много, и идет она с большим трудом. Она не дает тех результатов, которых мы ожидали и к которым я стремлюсь… Я вижу, что для того, чтобы быть комиссаром путей сообщения, недостаточно хороших намерений. Лишь сейчас, зимой, я ясно понимаю, что летом нужно готовиться к зиме. А летом я был еще желторотым, а мои помощники не умели предвидеть… Мы проводим большую работу, и она даст свои результаты, она приостановила развал, она начинает сплачивать усилия всех в одном направлении и дает уверенность, что трудности будут преодолены. Это меня поддерживает и придает сил, несмотря ни на что…»

В следующем письме, из Омска, 7 февраля 1922 года, Феликс писал: «Тебя пугает, что я так долго вынужден буду находиться здесь… но я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответственным. Адский, сизифов труд. Я должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять и не обмануть ожиданий Республики. Сибирский хлеб и семена для весеннего сева — это наше спасение…»

В этом письме он делится своими планами на будущее:

«Этот месяц моего пребывания и работы в Сибири научил меня больше, чем весь предыдущий год, и я внес в ЦК ряд предложений.

И если удастся в результате адской работы наладить дело, вывезти все продовольствие, то я буду рад…»[39]

Вот что он писал мне с дороги, во время переезда из Омска в Новониколаевск, 20 февраля 1922 года:

«..Уже поздняя ночь — только сейчас я закончил чтение писем из Москвы. Я хочу сейчас же написать тебе, так как завтра у меня не будет времени. Я еду всего на один день в Новониколаевск — обсудить дела с Ревкомом. У нас огромные трудности. Когда работа округа,[40] казалось, начинала входить в норму, метели и снежные бураны опять дезорганизовали работу. А в недалекой перспективе новая угроза — продовольствия, оказывается, меньше, чем предполагалось… заменить знания и опыт энергией нельзя. Я только лишь учусь… Я пришел к неопровержимому выводу, что главная работа не в Москве, а на местах… Необходимо все силы бросить на фабрики, заводы и в деревню, чтобы действительно поднять производительность труда, а не работу перьев и канцелярий…

Я живу теперь лихорадочно. Сплю плохо, все время беспокоят меня мысли — я ищу выхода, решения задач. Однако я здоров…»[41] Последние слова Феликс написал для моего успокоения.

К началу 1924 года транспорт мог уже бесперебойно осуществлять все необходимые для государства и населения перевозки.

В феврале 1924 года партия поставила Ф. Э. Дзержинского на еще более трудный пост — председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР. Советская промышленность только начала возрождаться из руин.

И снова он учился у специалистов, хозяйственников, рабочих, знакомился с особенностями различных производств, целые ночи просиживал над цифрами, справками, докладами, много ездил по стране, ее промышленным центрам.

В июне 1925 года совпали наши рабочие планы. Вместе с Феликсом Эдмундовичем я поехала в Ленинград. Дзержинский побывал в Ленинградском институте прикладной химии и его горно-металлургической лаборатории, встретился с академиком Н. С. Курнаковым и другими учеными.

Затем мы были на Волховстрое — строительстве пер вой в СССР гидроэлектростанции. Долго беседовал Феликс Эдмундович с руководителем этой стройки инженером Графтио и рабочими. Дзержинский уделял большое внимание развитию науки и техники, поощрял рабочее изобретательство.

Страстно и неутомимо боролся Дзержинский за превращение СССР в могучую индустриальную державу. Его доклады,

выступления пронизывает забота о высокой производительности труда. Он призывал экономить каждую государственную копейку. В то же время Феликс Эдмундович делал все, что мог, для улучшения условий труда и жизни рабочих.

Он был непримирим к недостаткам в нашей государственной и хозяйственной работе, к носителям бюрократизма, волокиты, бездушия. Сам Феликс Эдмундович очень строго относился к себе, публично вскрывал недостатки в работе аппарата, которым руководил.

К 1926 году советская промышленность была почти полностью восстановлена. Начиналось строительство первых гигантов социалистической индустрии, таких, как Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, тракторный завод в Царицыне (ныне Волгоград); были построены Шатурская и Каширская электростанции, заканчивалось строительство Волховской ГЭС. При Дзержинском было также положено начало созданию новых отраслей промышленности: турбостроения, дизелестроения, авиа- и моторостроения и радиопромышленности.

Со всей энергией отстаивал Дзержинский единство партии, выступал против троцкистов и зиновьевцев, пытавшихся расколоть ее.

* * *

Никогда и нигде не щадя себя, рискуя неоднократно своей жизнью, Феликс Эдмундович в то же время всегда и везде заботился о других. Сидя в 1900–1902 годах в седлецкой тюрьме, он, сам больной туберкулезом, заботился о своем тяжело больном товарище, молодом рабочем Антоне Росоле, который уже не мог самостоятельно ходить. Феликс выносил его каждый день на руках на прогулку.

Осенью 1909 года Дзержинский, прибыв на место поселения в село Тасеево, узнал, что одному из ссыльных угрожает смертная казнь за то, что, защищая свою жизнь, ссыльный убил напавшего на него бандита. Феликс, не задумываясь, отдал попавшему в беду товарищу заготовлений для себя паспорт и часть денег, чтобы облегчить ему побег. А сам через несколько дней бежал без всяких документов.

Горячо и преданно любил Феликс Владимира Ильича Ленина.

Помню, как вскоре после моего приезда из эмиграции в Москву, в одно из воскресений начала 1919 года, мы с Феликсом и нашим сыном Ясиком вышли из Кремля через Троицкие ворота.

На мосту, который ведет вниз от кремлевских ворот, мы неожиданно встретились с идущим из города безо всякой охраны Владимиром Ильичем. Феликс, увидев его издали, побледнел и, сильно обеспокоенный, прибавил шагу. А потом, здороваясь с Лениным и пожимая ему руку, упрекнул его в том, что он ходит в город один, без всякой охраны, на что Владимир Ильич быстро бросил в ответ:

— А вы? А вы?

Для охраны В. И. Ленина Феликс Эдмундович посылал, проверяя их лично, самых надежных товарищей.

С величайшим вниманием прислушивался Дзержинский к советам В. И. Ленина, читал и перечитывал его произведения, искал в них ответа на сложные вопросы, выдвигаемые жизнью. Когда Феликс разговаривал с Владимиром Ильичем по телефону, то я, хотя и не знала, с кем он соединился, сразу догадывалась — такие теплые, полные любви, сердечные нотки звучали в его голосе и с таким уважением говорил он.

В те суровые, трудные годы он проявлял, где только мог, заботу о Владимире Ильиче, стараясь это делать незаметно.

Как-то старый чекист, бывший управделами ВЧК в 1922 году, В. Н. Чайванов обратился ко мне с вопросом о том, куда девалось плетеное кресло, которое Феликс Эдмундович просил его достать.

— Не знаю, — ответила я, — у нас никогда не было такого кресла.

— Ну как же так, — настаивал Чайванов, — Феликс Эдмундович просил обязательно найти такое кресло. Он несколько раз напоминал мне, пока я не нашел,

Я была удивлена и решила, что Чайванов что-то перепутал, ошибся. Трудно было вообще поверить, чтобы Феликс Эдмундович, отличавшийся необычайной скромностью, о чем-нибудь просил для себя лично.

Но вот стало известно, что Дзержинский действительно поручал Чайванову достать такое кресло. Но не для себя, а для Владимира Ильича, который любил плетеные кресла, чувствуя себя в них удобнее, чем в других. Это плетеное кресло и сейчас находится в Кремле, в бывшем зале заседаний Совнаркома.

Феликс Эдмундович был очень скромен в личной жизни. Он не раз говорил мне:

— Мы, коммунисты, должны жить так, чтобы трудящиеся видели, что победой революции и властью мы пользуемся не для себя, а для блага и счастья народа.

В стране в то время было голодно, и Феликс не позволял, чтобы ему давали лучшую еду, чем другим. Недавно мой старый товарищ по варшавскому подполью — Анна Михайловна Мессинг

рассказала такой случай. Однажды в первый год Советской власти в Москве, на Сретенке, она встретилась с Юлианом Лещинским, и они вместе зашли в какое-то кафе. Хозяин этого кафе, услышав их польскую речь, разговорился с ними и угостил очень вкусными пирожными, что по тому времени было невероятной роскошью. Уходя, Лещинский захватил с собой несколько пирожных и отнес их на Лубянку, 11, Дзержинскому, желая его попотчевать. Но кончилось это большим конфузом. Дзержинский категорически отказался есть пирожные, заявив:

— Как вы могли подумать, что сейчас, когда кругом люди голодают, я буду лакомиться пирожными!

Лещинский потом признавался, что чуть не сгорел со стыда.

В первые годы Советской власти было также очень трудно с товарами широкого потребления.

У Феликса Эдмундовича был один-единственный полувоенный костюм, но он не разрешал шить ему новый и вообще покупать ему что-либо лишнее из одежды.

Лишь в последние годы своей жизни, когда он был председателем ВСНХ и ему приходилось иметь дело с представителями иностранных государств, он надевал темно-синий костюм и галстук.

Работал он дни и ночи, даже по воскресеньям. Здоровье его было сильно подорвано. Но он совсем не заботился о себе. Зато когда наступал кратковременный отдых и он уезжал в Крым, на Кавказ или в Подмосковье, то всей душой наслаждался красотой природы, морем, горами, лесом, цветами, звездным небом; совершал многочасовые прогулки. При этом предпочитал не проторенные дороги и тропинки, а лесную чащу, каменистый берег моря, любил взбираться на горы, увлекался греблей, плаванием, верховой ездой…

Любил Феликс Эдмундович литературу. Он хорошо знал произведения польских и русских классиков; мог на память читать большие отрывки из Мицкевича, Словацкого, Конопницкой. В юности он увлекался поэзией и сам иногда писал стихи.

После вторичного побега из ссылки Феликс в 1902 году несколько месяцев находился в санатории, в Закопане. Там он увлеченно собирал революционные стихи и песни, чтобы потом их издать. Писал даже по этому поводу в Париж Цезарине Войнаровской, просил прислать революционные песни французских рабочих. Сборник под заглавием «Песни борьбы и труда» вышел в 1905 году на польском яаыке.

Поэтичны письма Феликса ко мне, сестре, братьям. Как стихи в прозе, звучат в этих письмах его воспоминания о детстве в

родном Дзержинове, зарисовки увиденного из окна тюремной камеры.

Из X павильона Варшавской цитадели в 1905 году он писал брату Игнатию:

«Через открытую форточку вижу кусочек неба, затемненный густой проволочной сеткой, слежу за великолепным закатом, за постоянно меняющейся игрой красок кроваво-пурпурного отблеска, борьбы темноты со светом. Как прекрасен тогда этот кусочек неба! Золотистые летучие облачка на фоне ясной лазури, а там приближается темное чудовище с фиолетовым оттенком, вскоре все приобретает огненный цвет, потом его сменяет розовый, и постепенно бледнеет все небо, и спускаются сумерки… Чувство красоты охватывает меня, я горю жаждой познания… Я хотел бы охватить жизнь во всей ее полноте».[42]

А в декабре 1913 года из того же X павильона он писал мне о нашем сыне:

«Любовь к Ясику переполняет мою душу, будто в нем сосредоточилась вся моя жизнь. Он моя тоска, моя мысль и надежда, и, когда я вижу его глазами души, мне кажется, что я вслушиваюсь в шум моря, полей и лесов, в музыку собственной души, всматриваюсь в искрящееся звездное небо, шепчущее что-то сладкое и таинственное, и я зижу будущее и чувствую в себе чаяния миллионов».[43]

Феликс Эдмундович любил и тонко чувствовал музыку.

Однако условия жизни не позволяли ему ни до революции, ни после победы Октября бывать на концертах слушать хороших исполнителей. Он радовался любой возможности послушать музыку.

В Кракове в 1910 году я часто играла для него на пианино, а он слушал, не прерывая в это время своих занятий. Только раз, в советское время, был он со мной в Большом театре на опере Бородина «Князь Игорь», и то после второго акта его срочно вызвали в ВЧК.

Как бы ни был занят Дзержинский, как бы ни был перегружен он государственными делами, всегда находилось у него время для заботы о детях.

27 января 1921 года при Президиуме ВЦИК была создана комиссия по улучшению жизни детей. Не случайно ее председателем был назначен Ф. Э. Дзержинский. Он привлек к этой работе аппарат ВЧК и все местные чрезвычайные комиссии.

Феликс Эдмундович ходил в детские учреждения, знакомился с их состоянием, пробовал еду, записывал недостатки, чтобы помочь их устранить.

Однажды мы вместе пошли в детскую больницу для больных

трахомой. Феликс Эдмундович обошел все палаты, беседовал с больными детьми и с медицинским персоналом, подробно расспрашивал о нуждах больницы, а потом помогал улучшить условия работы в больнице.

Детские трудовые коммуны были созданы по инициативе Дзержинского и при участии чекистов. Феликс Эдмундович заботился пе только о материальном положении этих детских учреждений, но и о правильном воспитании детей: трудом и доверием к ним.

Многие бывшие беспризорники стали честными советскими людьми, квалифицированными рабочими, инженерами, врачами, педагогами, работниками культуры и искусства.

— Сколько бы талантов погибло, если бы мы их не подобрали! — сказал как-то Феликс Эдмундович.

Получая много писем от школьников и пионеров, он бережно хранил эти детские письма и урывал время, чтобы на них ответить.

* * *

Многогранная, кипучая жизнь Ф. Э. Дзержинского оборвалась в расцвете его творческих сил, в разгар напряженной работы. В одной из заполненных им анкет на вопрос «Сколько времени вы работаете?» Феликс Эдмундович — кратко ответил: «Работаю, сколько нужно». И он отдал всю свою жизнь без остатка борьбе за светлое будущее человечества — за коммунизм.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 7—33

И. С. УНШЛИХТ
НА БОЕВОМ ПОСТУ

Ф. Э. Дзержинский — это одна из самых светлых, прекраснейших личностей старого поколения революционеров, беззаветно преданных делу пролетариата.

Никогда не знал он личпой жизни и отдыха…

Наступают послеоктябрьские дни. Пользуясь слабостью молодого рабоче-крестьянского правительства, наступлением на нас наших врагов, контрреволюция готовится взорвать Советскую власть изнутри. Необходимо быстро создать карательный орган диктатуры пролетариата, который бы беспощадно расправлялся со всеми темными силами реакции.

Кому поручить руководство столь сложной, трудной, ответственной работой? У Владимира Ильича нет колебаний. Выбор падает на Феликса Эдмундовича, как на единственного кандидата, которому можно поручить это дело.

С первых дней Октябрьской революции он руководитель борьбы с контрреволюцией…

В дни гражданской войны приходится строить не только Красную Армию, но и весь государственный аппарат. Стоят перед нами ударные боевые задачи. Одним из лучших руководителей и исполнителей этих задач всегда являлся Феликс Эдмундович.

Революционным порывом, натиском и неслыханной работоспособностью он берет все препятствия, преодолевает все трудности.

Благодаря своему политическому чутью, неусыпной бдительности он предотвратил много неожиданных, иногда весьма опасных ударов… Историческая роль Дзержинского в этой борьбе будет жить в умах и сердцах многих поколений раскрепощенного человечества.

1920 год. Наступление на Варшаву. Дзержинский — самый активный член Польского ревкома.[44] Полон энтузиазма, полон веры в то, что близок час раскрепощения рабочего класса Польши, свержения буржуазии, осуществления диктатуры рабочего класса.

Горячее желание Феликса тогда не осуществилось. Польша осталась панской. Но он не унывает, не падает духом. Он знает: революция в Польше неизбежна. Нужна еще глубокая работа по революционизированию широких рабочих масс Польши.

Конец гражданской войны, начало мирного строительства. Дзержинский на постах наркома путей сообщения и председателя

ВСНХ. Начало его работы на поприще хозяйственном… Он берется за новое для себя дело. Он это понимает и сознает. Он берется за самое добросовестное, самое усидчивое изучение порученных ему областей хозяйственной жизни…

С присущей ему энергией борется он с самой ожесточенной расхлябанностью, распущенностью, со всякого рода злоупотреблениями… То, чего его предшественники выполнить не могли, что было им но по силам, то выполняется целиком и полностью Дзержинским, несмотря на колоссальные трудности и препятствия…

Пусть светлая и прекрасная жизнь… неутомимого борца и революционера, беззаветно храброго и преданного товарища, строителя новой жизни — Феликса Эдмундовича Дзержинского служит образцом для новой смены.

Правда, 1926, 22 июля

КЛАРА ЦЕТКИН
МЕЧ И ПЛАМЯ[45]

Смерть внезапно вырвала из рядов пролетарской революции выдающегося борца — Феликса Дзержинского. Пролетарской диктатурой в Советском Союзе Красный Октябрь породил немало великих образцов… Потеря Дзержинского особенно долго будет ощущаться с болью. И не толъко в строящихся советских республиках, но и в Коммунистическом Интернационале, в частности в его польской секции. Она будет ощущаться во всем жаждущем свободы пролетариате всех стран, борьба и победа котоого неразрывными узами общности судеб связана с первым историческим творением мировой социальной революции. Для победоносного самоутверждения Советской власти, пролетарской диктатуры, как и для постепенного расцвета и вызревания советских государств, для коммунистического общества революционная деятельность Дзержинского была из ряда вон выходящей. Она является существенной составной частью творческой жизни Советского Союза, его борьбы за новые, более высокие формы общественного устройства, при котором все будут жить и трудиться на равных основаниях, при равных правах.

Когда Дзержинский в боях за завоевание и защиту Советской власти своими реалистическими политическими взглядами и творческой энергией показал себя как мастер, он имел уже за собой около двух десятков лет школы революционной борьбы и скитаний. Долгие годы он был одним из руководителей социал-демократической партии Польши и Литвы. Это были тяжелые, но увлекательные годы, постоянная смена истощающей, жгучей нелегальной деятельности среди пролетариев Польши, годы арестов и ссылок в отдаленные русские губернии, в Сибирь. Проникнутый ясным марксистским мировоззрением, полный жгучей революционной отрасти, исполненный неутомимой жажды работы, Дзержинский в эти годы блестяще доказал свое мастерское призвание. Он добился звания мастера своей работы, начав с самого малого.

Каковы те индивидуальные ценности, которые вложил Дзержинский в творение своей жизни? Несомненно, он обладал разносторонними качествами духа и характера, значительно превышающими средний уровень. Острый, ничем не ослепленный взгляд на факты и действительность, особенно на условия и на людей. Томимый жаждой научного познания, он постоянно черпал из теории мастеров социализма и из книги жизни. Дар

понимать тончайшие разветвления взаимозависимости социальных явлений, отличать главное и развивающееся от второстепенного и преходящего и в то же время распознавать в малом великое. Ему свойственно было сочетание добросовестности и гибкости духа, благодаря которой он умел постигать как знаток различные специальные области. Он обладал смелой предприимчивостью и ничем не устрашимым боевым духом. Непоколебимая стальная воля и жаждущая действия энергия. И прежде всего рабочая сила редкой мощи и выносливости. На каком бы революционном посту Ф. Э. Дзержинский ни находился, его рабочий день не имел границ. Он умер, работая, после сильной а яркой речи о важнейших хозяйственных проблемах на Пленуме Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии…

Одно было определяющим: революционные убеждения, в пылающем огне которых созрели и достигли своего полного расцвета все выдающиеся качества Дзержинского. Эти убеждения были для него святыней, неприкосновенностью, обязанностью. Во имя их он, от природы добрый и отзывчивый, мог и даже должен был быть строгим, жестким и неумолимым по отношению к другим, ибо, служа им, он был несравненно строже, жестче, неумолимее к самому себе. Страстно, но чисто по-деловому работал он согласно своему убеждению, свободный от малейшего признака личного честолюбия, погони за эффектом, жажды славы и почета, фразы, уступки громким словам и преходящим настроениям. Никогда он не хотел казаться тем, чем он не был на самом деле. В этом революционере все было настоящее, честное: его любовь и его ненависть, его воодушевление и его гнев, его слова и его дела.

Феликс Дзержинский — это «меч и пламя», созидающая, творческая сила пролетарской революции. Волна пролетарской революции вознесла его, волна пролетарской революции же и поглотила его. Но его образ, творения его, жизни для мирового пролетариата останутся неизгладимыми. Они будут жить.

Если все мы будем учиться на примере его жизни и творчества, то герои революционной борьбы и творческого созидательного труда будут насчитываться не единицами. В историю вмешаются сознательно, будут делать ее миллионные массы, объединенные единым сознанием, единой волей и единой действенной силой. Они победоносно завершат революционные битвы мирового пролетариата и утвердят коммунизм — величайшее творение человечества.

Рыцарь революции

M., 1967, c. 322–324

БОГУМИР ШМЕРАЛЬ
ВОПЛОЩЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭНЕРГИИ

Дзержинский был воплощением… революционной энергии, революционной непреклонности, революционной дисциплинированности, самопожертвования и честности.

Революционные рабочие всего мира знают, что Дзержинский сделал для подготовки и защиты русской революции. В подполье, в одиночной камере и в ссылке он еще до Октября подготовлял падение царизма и буржуазии. Когда после Октябрьской победы социалистической революции стала грозить опасность со стороны контрреволюционных сил, Дзержинский, как ее защитник, превратился в богатырскую фигуру. Его ненависть к контрреволюционной буржуазии была так же беспредельна, как любовь к пролетариату и революции. Под непосредственным руководством Ленина он проделал во время гражданской войны самую тяжелую, самую черную и вместе с тем самую чистую работу.

Укрепление и спасение революции было тогда единственной целью его жизни. Смелый и благородный, он в минуты непосредственной опасности для революция был беспощаден к врагам. Пожалуй, ни один из русских революционеров не был так ненавистен буржуазии… как Дзержинский. Но именно эта ненависть буржуазии дала рабочим всех стран инстинктивно почувствовать, кем является Дзержинский для них…

И так же как он был могуч и страшен врагам в период революционных боев, так же велик был он в период революционного строительства. После того как контрреволюция была разбита, он сосредоточил всю свою энергию на огромной задаче, которую возложила на него коллективная воля партии и от которой зависело спасение революции. Проведенная им в качестве народного комиссара путей сообщения работа по восстановлению транспорта стала основой для восстановления всего разрушенного хозяйства. В последнее время он стоял у руля социалистического строительства Советского Союза в качестве председателя высшего совета народного хозяйства…

Итак, вчера в 12 часов он говорил в последний раз. Я сидел как раз против него, когда он говорил с трибуны перед верховным форумом большевистской партии. Он говорил с большой энергией, абсолютно деловито, но со страстной горячностью, когда он в своей речи касался интересов партии…

На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, и это можно было принять за ораторский жест. Но теперь мы знаем, что свою последнюю большую речь он произнес, несмотря на тяжелые физические страдания. Это прижимание обеих рук к сердцу было сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не закончит свою последнюю речь, показать, что он физически страдает, не хотел казаться слабым.

Пусть революционное пламя, в котором сгорел Дзержинский, распространится все шире и шире… Революционеры умирают, но партия революции живет… Поэтому мировая социалистическая революция горит, разгорается и победит.

Правда, 1926, 21 июля

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЧК, ОГПУ

Я нахожусь в самом огне борьбы.
Жизнь солдата,
у которого нет отдыха,
ибо нужно спасать наш дом.

Ф. Э. Дзержинский

Я. Х. ПЕТЕРС
ПРОЛЕТАРСКИЙ ЯКОБИНЕЦ

Борьба с контрреволюцией началась одновременно с победой пролетарской революции. Феликс Эдмундович Дзержинский был одним из самых активных членов Военно-революционного комитета, и ему приходилось разрабатывать план борьбы против эсеровщины и кадетов, против буржуазной печати, которая клеветой обливала пролетарскую власть, производить первые аресты, допросы. Товарищу Дзержинскому приходилось также после упразднения Военно-революционного комитета работать в ликвидационной комиссии Военно-революционного комитета, на которую до образования ВЧК была возложена обязанность борьбы против контрреволюции.

Совет Народных Комиссаров постановлением от 7 (20) декабря 1917 года организовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию. Председателем ее был назначен товарищ Дзержинский.

Это постановление Совнаркома возлагало на Всероссийскую чрезвычайную комиссию сначала две, а потом три грандиознейшие задачи, ибо вскоре на нее кроме борьбы с контрреволюцией и саботажем была возложена также задача борьбы со спекуляцией.

Легко сказать — бороться со спекуляцией, когда в Петрограде после Октябрьской революции продовольствия было на несколько дней. При этом везде остался аппарат почти исключительно частной торговли, использовавший переходный период — период хаоса, неразберихи и продовольственных затруднений, — для того чтобы набить себе карман…

Бороться с контрреволюцией, когда Петроград был полон царскими офицерами и чиновниками, строившими планы борьбы с Советской властью; когда легально существовал «Комитет спасения родины и революции», в котором объединились все враги пролетарской власти; когда существовала еще буржуазная, меньшевистская печать наполнявшая ежедневно свои страницы клеветой и злобой против Советской власти, было задачей чрезвычайно тяжелой…

Вот в этой сложной, напряженной обстановке Феликс Одмундович Дзержинский должен был организовать борьбу с ожесточенными врагами.

Подбирать сотрудников для аппарата было чрезвычайно тяжело. Когда мы перешли из Смольного в помещение бывшего

градоначальства на Гороховой, 2, то весь аппарат ВЧК состоял из нескольких лиц; канцелярия находилась в портфеле Дзержинского, а касса, сперва тысяча рублей, а потом 10 тысяч рублей, которые были получены для организации ВЧК, у меня, как казначея, в ящике стола. Первое время на работу в ВЧК приходилось брать исключительно коммунистов. И только постепенно вокруг ВЧК стали сплачиваться и беспартийные рабочие, которые верно шли за большевистской партией.

Рассчитывать на беспартийную интеллигенцию не приходилось. И даже не всех коммунистов из тех, кого мы намечали, удавалось вовлечь в работу в ВЧК. Гражданская война еще не научила понимать логику борьбы между пролетариатом и буржуазией. Неприятно было идти на обыски и аресты, видеть слезы на допросах. Не все усвоили, что пусть мы и победили, но, чтобы удержаться у власти, мы должны беспощадно бороться, не останавливаясь ни перед какими трудностями и не поддаваясь никакой сентиментальности, иначе нас разобьют, подавят, и мы снова станем рабами. И порою Дзержинскому приходилось уговаривать товарищей идти на работу в ВЧК.

Кроме того, немало было других трудностей. СНК вначале был составлен из членов двух партий: коммунистов и левых эсеров. Тогда во главе Наркомюста стоял эсер Штейнберг, который тормозил каждый более или менее решительный шаг но борьбе с врагами Советской власти и старался подчинить ВЧК своему контролю. Каждый неудачный шаг ВЧК левые эсеры раздували и боролись против прав ВЧК.

Так, некий проходимец со своими подручными якобы or имени ВЧК организовал «обыск» у кутящих буржуев в гостинице «Медведь», забрал у них ценности и деньги и заявил, что это делается по поручению Дзержинского. Проходимец ничего общего с ВЧК не имел. Это был просто хулиган и грабитель, но тем не менее, когда об этом «обыске» узнал Штейнберг, он пустился в такую истерику что товарищу Дзержинскому пришлось потратить чрезвычайно много времени и сил, чтобы доказать, что борьба с хулиганами и грабителями входит в задачи ВЧК.

А проходимцев тогда было немало. Спустя несколько дней после создания СНК был арестован бывший князь Эболи с подложными бланками и печатями СНК, ЦИК, ВЧК, НКВД. По подложному мандату он от имени ВЧК производил обыски и присваивал себе найденные драгоценности и деньги.

Только такой человек, как Дзержинский, с его решительностью, твердостью и неослабеваемой энергией мог преодолеть все эти препятствия, завоевать доверие к себе и к ВЧК, создать аппарат, спаять его в стальной дисциплине и успешно

бороться с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Петроградский период ВЧК знаменуется этими трудностями борьбы и организации аппарата. Тем не менее до переезда в Москву в марте 1918 года ВЧК уже стала твердо на ноги, имела около 120 сотрудников, выработанные методы борьбы и завоеванное имя, перед которым дрожали враги Советской власти.

В Москве многое пришлось начинать сначала, с той только разницей, что ВЧК имела кадры подобранных работников, имела имя. Но это имя не всем нравилось. В Москве существовала «черная гвардия» и штаб «анархистов», которые занимали самовольно буржуазные особняки, захватывали ценности, золото, серебро, а разный хлам раздавали обывателям. По вечерам черногвардейцы устраивали облавы на улицах, отбирали оружие.

Как только ВЧК переехала в Москву, она сейчас же столкнулась с этими хулиганствующими элементами. В первый же день приезда ВЧК в Москву несколько товарищей из отряда ВЧК зашли в чайную. Но не успели они сесть за столик, как на них напали бандиты. В схватке один сотрудник ВЧК был убит. Немедленно Дзержинский отдал распоряжение разыскать убийц… Дзержинский решительно поставил вопрос о ликвидации ненормального положения в Москве. Он потребовал разоружения так называемых «анархистов» с их «черной гвардией».

Дзержинский доказывал, что дальше терпеть такое положение невозможно, и, добившись согласия, блестяще провел всю операцию по разоружению анархиствующих бандитов.

В конце апреля — начале мая 1918 года ВЧК стало известно, что в Москве существует крупная контрреволюционная организация, так называемый «Союз спасения родины и свободы».[46] Он был обнаружен и разгромлен.

Но этот заговор, так же как раскрытый несколько месяцев позднее заговор иностранных послов, поставил перед аппаратом ВЧК новую сложную и чрезвычайно трудную задачу. Одно дело — бороться с хулиганством и бандитизмом и с небольшими группами белогвардейцев, другое — разбираться в материалах, допросах хорошо подобранной белогвардейской организации, имеющей специальный шифр, пароли и дисциплину. А между тем комиссары и следователи ВЧК в то время почти исключительно состояли из рабочих. И вот им, этим малоподготовленным бойцам, предстояло выдержать экзамен, тяжелый экзамен по раскрытию всех контрреволюционных заговоров.

Так, по найденным паролям выявилась возможность послать из Москвы в Казань под видом белогвардейского офицера одного из наших комиссаров, для того чтобы раскрыть белогвардейский

заговорщический штаб. Мы снарядили сотрудника ВЧК — рабочего, здорового парня с толстой фигурой и непослушными волосами. Он и еще один чекист приехали в Казань, явились к лицу, адрес которого был указан в явке, сообщили пароль. После долгих мытарств их направили в штаб казанской белогвардейской организации.

Они вошли вдвоем в комнату, где заседало около 20 человек, предъявили явки. Их приняли очень любезно, предложили чай и булки; они попили чаю, подсели поближе к дверям. Сначала их вид не вызвал подозрения, но скоро начали шептаться.

Видя, что другого выхода нет, наши товарищи выхватили маузеры, скомандовали «руки вверх». Кое-как позвали милицию и арестовали заговорщиков.

На допросе было не меньше затруднений. Белогвардейцы, несмотря на обильный материал, найденный при обыске, стали все отрицать или изображать в ином виде. Нужна была кропотливая работа, чтобы шаг за шагом все расшифровать и найти нити контрреволюционного заговора…

Иногда говорили, что Дзержинский слишком много загружал себя мелкой работой, но именно благодаря тому, что Феликс Эдмундович днем и ночью сидел и кропотливо работал над расшифровкой нитей белогвардейских заговоров, их удалось полностью раскрыть. Он делал многое сам, а главное, учил своим примером следователей и комиссаров, как надо работать. И нетерпеливые комиссары и следователи учились у него, как можно найти ценнейшие нити для дальнейшего раскрытия контрреволюционных заговоров, работая над расшифровкой мелких бумажек.

После того как ВЧК успешно выдержала экзамен по раскрытию савинковской организации и особенно после подавления восстания левых эсеров,[47] аппарат ВЧК окреп. Было ликвидировано ненормальное положение, которое создалось в ВЧК до восстания, когда приходилось считаться с мнением части членов коллегии — левых эсеров, стремившихся не к укреплению Советской власти, а к ее дезорганизации.

Из коллегии и аппарата ВЧК изгнали левых эсеров. Это совпало с началом интенсивной работы контрреволюционных сил в стране. Десанты союзников окрылили мечты антисоветских сил. В ближайшие месяцы после левоэсеровского мятежа ВЧК открыла целый ряд крупнейших контрреволюционных заговоров, которые могли нанести Советской власти чрезвычайно тяжелые удары.

Вслед за делом Локкарта или, вернее, за несколько дней до ликвидации дела Локкарта правыми эсерами были совершены убийство Урицкого и покушение на Владимира Ильича. Эти

события взволновали всю страну. В день убийства Урицкого[48] Владимир Ильич позвонил в ВЧК и предложил Феликсу Эдмундовичу немедленно отправиться в Петроград для выяснения на месте обстоятельств убийства.

А вечером было совершено покушение на Владимира Ильича. Этот наглый предательский удар в спину пролетарской революции, совершенный социалистами-революционерами, встряхнул всю страну. Без всяких директив из центра с мест стали поступать сведения о решительной расправе с контрреволюционерами, начиная с эсеров и кончая белогвардейскими генералами. В ВЧК поступали телеграммы очень часто такого содержания, что в таком-то городе общее собрание, обсудив вопрос о покушении на Владимира Ильича, постановило расстрелять столько-то контрреволюционеров. Дзержинскому, коллегии ВЧК приходилось сдерживать это возмущение трудящихся масс, направлять борьбу против зарвавшихся агентов иностранных капиталистов в правильное русло.

Можно было бы перечислить еще десятки крупных заговоров но всей стране во время гражданской войны, раскрытых в такое время, когда белогвардейцы уже были накануне выступления и могли нанести тяжелый удар красным фронтам.

Вся эта работа могла быть проделана лишь аппаратом, полностью преданным интересам пролетарской революции, аппаратом дисциплинированным и решительным, готовым идти в бой за торжество коммунизма в какой угодно обстановке, аппаратом, созданным и руководимым Дзержинским…

Дзержинский в этом отношении был самым подходящим якобинцем пролетарской революции. Для него не существовало никаких трудностей, никаких преград. Он шел всегда вперед убежденно, верно, не срываясь. Несмотря на то что он горел в борьбе, что для него борьба была сама жизнь, он не увлекался, сохраняя хладнокровие в самые тяжелые моменты борьбы.

Только такой человек, с такой выдержкой, с такой решимостью, мог возглавлять ВЧК. Его глубокая вера в успех революции, его неисчерпаемая энергия, решимость бороться, несмотря ни на какие препятствия, передавались аппарату сверху донизу, и никогда не было в ВЧК большего авторитета, чем авторитет Феликса Здмундовича Дзержинского. Такой авторитет он создал себе не только качествами борца. Он его создал также своей образцовой личной жизнью. Занимая ответственнейшие государственные посты, Феликс Эдмундович оставался образцом скромности. Не потому, что он хотел, как некоторые, щеголять этим, а потому, что не мог жить иначе.

Рассказы о Дзержинском.

М., 1965, с. 126–132

Л. Б. РИВИН
ДЗЕРЖИНСКИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ

За время пребывания в Орловском централе мы — политзаключенные — почувствовали в Дзержинском стойкого революционера… и полюбили его. Расставаться с ним было тяжело.

В дни Февральской революции 1917 года трудящиеся города Орла вышли на улицы и потребовали освобождения из тюрем политических заключенных. Тяжкие оковы, давившие меня 10 лет, спали навсегда. Все революционеры получили долгожданную свободу и разъехались по родным местам. Я уехал к себе в Белоруссию и устроился на работу в одну из транспортных организаций. Через некоторое время наш район был оккупирован германскими войсками. Всем советским учреждениям пришлось эвакуироваться в тыл… Я решил поехать в Саратов к сестре, которую не видел много лет. Мой путь лежал через Москву.

Побывать в новой советской столице было давнишней моей мечтой. Не скрою, очень хотелось встретиться с Дзержинским. Мне говорили, что он работает в Кремле вместе с В. И. Лениным.

Москва встретила меня ясным, апрельским утром. От Александровского (теперь Белорусского) вокзала до Казанского решил пройти пешком и посмотреть город…

С Красной площади не хотелось уходить. Словно завороженный смотрел на развевающийся красный флаг над зеленым куполом Кремлевского дворца — символ победившей пролетарской революции, за которую мы боролись и страдали в тюремных казематах. Сознание того, что в Кремле живет и работает наш вождь и учитель В. И. Ленин, а рядом с ним — мой друг Ф. Э. Дзержинский, радовало и вдохновляло меня. Однако зайти к Феликсу Эдмундовичу в Кремль я постеснялся.

С мыслями о Ленине и о Дзержинском через Никольскую улицу (ныне улица 25 Октября) вышел на Лубянскую площадь (площадь Дзержинского) и по улице Большая Лубянка (улица Дзержинского) направился в сторону Казанского вокзала. Иду, наблюдаю, мечтаю… И вдруг… я почувствовал на плече чью-то руку и тут же услыхал радостный возглас:

— Лазарь, дорогой, это ты?

Оглянувшись, я увидел Феликса. Вместо каторжника в тюремной робе, худого и бледного, каким он в 1916 году покинул Орловский централ, передо мной стоял стройный в длинной шинели человек. Иа голове — военная фуражка с красной

звездой, а на ногах — вычищенные до блеска сапоги. Чисто выбритое лицо расплылось в доброй улыбке искрящиеся глаза излучали радость.

В первые секунды я настолько растерялся, что не мог сказать ни слова…

— Ты откуда и какими судьбами оказался в Москве? Я ведь работаю в этом здания, — указал Феликс на красивый угловой дом на Большой Лубянке, около которого мы встретились.

— Идем ко мне, там и поговорим.

С этими словами Дзержинский взял меня под руку, мы вошли в вестибюль дома. По тому, как приветствовали его часовые с винтовками в руках и сновавшие мимо люди в кожаных куртках с висящими на ремнях маузерами, я понял, что здесь какой-то военный штаб и Феликс Эдмундович здесь главный. Обращал на себя внимание и стоявший на возвышенной площадке в вестибюле пулемет «максим»…

— А я слышал, что ты работаешь в Кремле вместе с Лениным? — спросил я Дзержинского…

— В Кремле, у Владимира Ильича бываю часто, но работаю, можно сказать, днюю и ночую, здесь, — ответил Дзержинский.

— Ну теперь рассказывай о себе все, — предложил Феликс Эдмундович, когда мы вошли в его рабочий кабинет и уселись друг против друга.

Я последовательно, но кратко поведал о своем освобождении из тюрьмы, о пребывании на родине…

Затем мы начали вспоминать нашу жизнь в Орловском централе, которая казалась нам теперь кошмарным сном…

Как бы подводя итог нашим воспоминаниям, Дзержинский сказал:

— Главное, Лазарь, в том, что неимоверные трудности и страдания, которые мы пережили, не сломили нас, не погасили в наших сердцах идеи, за которые мы боролись. Более того, эти тяжелые годы закалили нас для борьбы и труда.

Затем речь зашла о положении в стране. Феликс говорил, что молодая Республика Советов переживает тяжелый кризис. На заключение Брестского мира с Германией мы пошли, чтобы спасти революцию и укрепить Советскую власть. Однако эсеры и меньшевики стараются сорвать этот мир, спровоцировать войну и таким образом погубить рабочих и крестьян. Бывшие союзники царской России в войне с Германией готовят интервенцию. В то же время внутренняя контрреволюция всюду поднимает голову, формирует белые армии, организует заговоры и восстання, усиливает саботаж и спекуляцию.

— Но Республика Советов непобедима, — решительно заявил

Дзержинский. — Ее резервы неисчерпаемы. Вождь революции В. И. Ленин и большевистская партия принимают все меры, чтобы отстоять завоевания Октября… А для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией создана Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров. Мне поручили возглавить этот орган пролетарской диктатуры…

Посмотрев через окно куда-то на улицу, Дзержинский продолжал:

— Работников хороших у нас мало, вот беда! — И, подумав минуту, вдруг спросил:

— А как ты смотришь на то, чтобы остаться работать здесь, в ВЧК?..

Такой поворот в нашем разговоре был для меня настолько неожиданным, что я растерялся. Собравшись с мыслями, ответил:

— Я, Феликс, рад твоему вниманию, но о деятельности ВЧК знаю очень мало. Боюсь, что не смогу быть полезным вам.

Дзержинский улыбнулся и сказал, что ему раньше тоже не приходилось работать в ЧК… Порешили на том, что я съезжу в Саратов к сестре, подумаю и по возвращении дам ответ.

В процессе нашего разговора часто звонил телефон. Ответы руководителя ВЧК были краткими и четкими: «Согласен», «Не возражаю», «Проверьте тщательно», «Соберите доказательства», «Действуйте в зависимости от обстановки» и т. п.

Чувствовалось, что здесь, в огромном городе, да и во всей стране идет напряженная, невиданная война с врагами революции.

Во время беседы я спросил Дзержинского:

— Чем объяснить, что у вас такая боеготовность, всюду стоят пулеметы, часовые, все при оружии?

— На днях мы раскрыли крупный белогвардейский заговор савинковской организации под демагогическим названием «Союз защиты родины и свободы». Организация насчитывала до 5 тысяч членов, главным образом бывших офицеров царской армии. Заговорщики ставили целью поднять вооруженное восстание, арестовать и уничтожить Советское правительство, всех коммунистов и советских активистов города, а затем открыть ворота в Москву англо-французским интервентам.

— Ты представляешь, какая грозная опасность надвигалась на молодую Республику Советов? — с возмущением говорил Дзержинский.

Затянувшись папироской, он продолжал:

— Сейчас в городе продолжаются аресты участников заговора, и мы находимся в боевой готовности…

После беседы Феликс предложил мне зайти в столовую и

пообедать… Прощаясь, пожелал мне счастливого пути…

В Москву я вернулся через восемь дней. С вокзала направился прямо на Большую Лубянку, в дом № 11. В вестибюле у меня потребовали пропуск. Я объяснил, что иду к товарищу Дзержинскому по договоренности. Дежурный куда-то позвонил, и меня пропустили.

Как только я вошел в кабинет, Феликс Эдмундович встал из-за стола, мы крепко обнялись. Он поинтересовался, как прошла моя поездка к сестре, какова жизнь в Саратове, каково положение на транспорте. Затем спросил о моем решении относительно работы в ВЧК.

Я ответил, что согласен работать в ЧК, но только не в Москве, а в Белоруссии.

— Почему? — последовал вопрос.

— Для работы в центральном аппарате я не подготовлен. На периферии принесу больше пользы для Советской власти. В Белоруссии я родился, там прошло мое детство, юность… Мне хорошо известны местные условия, обстановка, люди.

— Ну что ж. Нам позарез нужны работники и на местах, мы как раз занимаемся организацией и укреплением местных ЧК. Поезжай в Оршу начальником пограничной чрезвычайной комиссии.

— В Оршу так в Оршу. Этот город мне знаком.

— Вот и хорошо. Орша сейчас — один из боевых участков нашей работы. Через железнодорожную станцию Орша за демаркационную линию на Запад ежедневно проезжает много людей. Там стекаются белоэмигранты и перебежчики, контрабандисты и спекулянты, шпионы и диверсанты. Временную границу в районе Орши надо закрыть на замок.

Председатель ВЧК подробно разъяснил, как создать аппарат пограничной комиссии и с чего начать работу.

— Главное, — подчеркивал Феликс Эдмундович, — подобрать надежных и грамотных оперативных работников и сформировать боевой отряд. ЧК должна располагать вооруженной силой, на которую можно опереться, особенно в борьбе с бандитизмом. Для этого необходимо связаться и поддерживать постоянный контакт с местными партийными и советскими органами, а также с частями Красной Армии. Если потребуется помощь в обмундировании и вооружении отряда, обращайтесь к нам. Регулярно информируйте о ходе работы…

А теперь скажи, сколько времени тебе потребуется на подготовку к отъезду?

— Думаю, что за трое суток уложусь, — ответил я.

— Тогда сегодня же свяжись с иногородним отделом ВЧК и

получи там необходимые инструкции и документы. В свободное время обязательно посмотри Москву, ее достопримечательности. Мы, чекисты, должны не только безупречно знать специфику своей работы, военное дело, но и быть развитыми политически и культурно. Только при этом условии мы сможем правильно строить отношения с любой категорией людей.

Обратив внимание на мой чемоданчик, Дзержинский заметил:

— Ты, я вижу, прямо с вокзала. Остановиться в Москве тебе, конечно, негде, а на гостиницу не рассчитывай — там все коридоры наполнены. Но ты не расстраивайся. Ночевать будешь здесь, в моем кабинете.

С этими словами Феликс обратил мое внимание на ширму у степы, за которой стояла узкая железная кровать с убранной постелью.

— Это мое пристанище. А пока здесь будешь спать ты. Я на это время буду ходить ночевать к сестре Ядвиге. В связи с наступлением кайзеровских войск на Западном фронте в 1915 году она эвакуировалась из Литвы в Москву и живет здесь до сих пор.

Несмотря на мои возражения, Дзержинский настоял на своем, и я три ночи спал в ВЧК. Правда, спал я мало: приходил я за полночь, а руководитель Чрезвычайной комиссии работал еще дольше. Несмотря на это, в 9 часов он был уже в кабинете.

Получив нужные документы, оружие, значительную сумму денег и пишущую машинку, я выехал в Оршу.

По делам службы мне часто приходилось бывать в Москве, и всякий раз я в первую очередь заходил к Феликсу Эдмундовичу. Он внимательно выслушивал мои доклады, давал наставления, распоряжался о выдаче мне нужных для дела оружия, материальных и денежных средств.

Я, как и все чекисты, старался во что бы то ни стало выполнить указания председателя ВЧК, руководствоваться стилем его работы, и это было лучшей гарантией успешной борьбы с контрреволюцией на порученном мне участке.

Публикуется впервые

В. Н. АЛТАЙСКИЙ
СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

8 августе 1918 года Орловский окружной военкомат направил нашу специальную техническую команду в распоряжение штаба Восточного фронта. Трудное тогда было время для Советской республики. Интервенты и белогвардейцы захватили почти весь Урал, Сибирь, район Среднего Поволжья…

Когда мы прибыли в город Свияжск, нашу команду зачислили в резерв. Нам поручили охрану штаба армии, давали и отдельные боевые задания.

9 сентября войска Красной Армии перешли в наступление на Казань. К утру 10 сентября город был охвачен с трех сторон. С севера двигалась 2-я армия, с запада и юга — части 5-й армии, а с Волги — речная флотилия. 13 сентября наша команда вместе со штабным поездом прибыла в Казань.

Вскоре нас откомандировали в распоряжение начальника особого отдела 5-й армии[49] Ивана Петровича Павлуновского.[50] Этого необычайно храброго чекиста очень уважал и ценил Ф. Э. Дзержинский…

Зная характер Павлуновского, Дзержинский всегда просил его быть осмотрительней и осторожней. Хотя сам Феликс Эдмундович часто рисковал жизнью.

Познакомившись с нами, Павлуновский сказал:

— Вначале вам предстоит серьезная учеба. Вы должны пройти курс специальной разведывательной службы. Без этих знаний хороших разведчиков из вас не получится.

Вскоре особый отдел 5-й армии и наша команда были переведены в Симбирск. Здесь мы и начали учиться.

По окончании курса Павлуновский вызвал меня и сказал:

— Беру вас с собой в Москву.

Так как у начальства не положено спрашивать, зачем и почему, я откозырял и вышел из кабинета.

Но раздумья не оставляли меня. Зачем в Москву? Какие для нас могут быть там дела? Тут, на фронте, мы нужнее.

И только в поезде Павлуновский, как бы между прочим, обронил:

— Получим специальное задание и вернемся обратно. Мы ведь работники Восточного фронта…

По приезде в Москву мы с И. П. Павлуновским сразу же пошли на Лубянку.

— Иван Петрович, а к кому мы идем?

Павлуновский метнул на меня строгий взгляд и бросил:

— Придем — узнаешь!

Получили пропуска, поднялись на второй этаж и вошли в комнату, где сидел секретарь.

— Здравствуйте, товарищ! Мы приехали по вызову, — сказал Павлуновский.

— Здравствуйте, товарищ Павлуновский! — ответил секретарь и предложил: — Посидите немного. Сейчас доложу Феликсу Эдмундовичу. Он о вас уже спрашивал.

Когда из кабинета председателя ВЧК вышел какой-то посетитель, секретарь сказал:

— Проходите.

Первым к двери шагнул Павлуновский, за ним — я. Навстречу из-за письменного стола вышел Дзержинский. Поздоровавшись с нами за руку, он сказал:

— Располагайтесь, товарищи, — и указал рукой на кресла. — Как у вас там дела? Рассказывайте.

Иван Петрович подробно докладывал председателю ВЧК о работе особого отдела 5-й армии, а я с интересом рассматривал легендарного Дзержинского и его кабинет.

Феликс Эдмундович был высок ростом, в простой гимнастерке защитного цвета, в таких же брюках и хромовых сапогах. Широкий ремень на узкой талии еще больше подчеркивал стройность его фигуры. Никакого оружия при нем не было. Худощавое лицо Дзержинского с небольшой клиновидной бородкой выглядело усталым, взгляд сосредоточен, внимателен, даже строг.

Когда он оборачивался в мою сторону, я чувствовал себя как-то неловко, стесненно. А вот Павлуновский, хорошо знавший Ф. Э. Дзержинского, явно не испытывал такого чувства. Он разговаривал с ним совершенно свободно, называя его по имени-отчеству.

Кабинет Феликса Эдмундовича представлял собой обыкновенную, не очень большую комнату. На письменном столе кроме чернильного прибора, электролампы и телефона — стопка книг и чья-то фотография в рамке. Рядом, под рукой, — этажерка с книгами и журналами. В углу комнаты — ширма, из-за которой видны простая солдатская кровать и умывальник на стене. Нетрудно было догадаться, что здесь, в кабинете, хозяин проводит большую часть суток. Кроме письменного стола, нескольких кресел и стульев стоял еще небольшой столик, у самого окна. На нем лежали какие-то свертки — не то чертежи, не то карты. Словом, в кабинете ничего лишнего. Обстановка самая скромная.

Во время разговора дверь приоткрылась, и вошедший секретарь доложил:

— Приехал Сорокин.

— Пусть входит. Тут люди свои, — отозвался Дзержинский.

В кабинет вошел человек лет пятидесяти с бородой и усами. Сквозь стекла очков на нас взглянули прищуренные глаза. Среднего роста, в сатиновой косоворотке и черных брюках, заправленных в сапоги, он выглядел простачком. Еще больше удивило его обращение к председателю:

— Господин Дзержинский, все сделано, как вы велели.

— Хорошо, господин Сорокин, — с улыбкой ответил Дзержинский. — Прошу вас немного подождать. Можете здесь, можете там.

Секретарь и Сорокин вышли, а я недоумевал: почему этот человек называет председателя ВЧК господином?

Между тем Дзержинский продолжал расспрашивать Павлуновского:

— А как наши чекисты и особисты помогали Красной Армии в боях за Казань?

— Все было подчинено интересам общего дела. Некоторые бойцы нашей специальной технической команды даже участвовали в штурме города. Подрывники и десантники действовали замечательно. Они, Феликс Эдмувдович, достойны всяческой похвалы…

— Обо всем этом представите подробный письменный доклад, — сказал Дзержинский. Потом обратился ко мне: — Вы товарищ, отлично окончили учебу. Мне об этом уже известно. Посоветовавшись с вашим начальником, — Дзержинский кивнул в сторону Павлуновского, — я решил именно вам поручить ответственное задание. Какое — вы узнаете от Ивана Петровича. А мне остается только напомнить вам главный закон разведчика. — Дзержинский встал, оперся руками о стол и продолжал: — Основа всему — тайна. Знает один — полная гарантия успеха. Двое — может быть. Трое… — Феликс Эдмундович умолк и энергичным жестом показал, что никакой тайны уже не существует.

Далее он сказал:

— Помните, что вы идете на серьезную и опасную работу. Одной храбрости там мало, нужна еще колоссальная выдержка. Надо хорошо помнить намеченный план, действовать осмотрительно и осторожно. Малейший промах может и вас погубить, и всю операцию провалить.

Дзержинский говорил так, что каждое его слово западало в душу. Потом встал и распрощался с нами.

Когда мы были уже в вестибюле, Иван Петрович спросил:

— А знаешь, кто такой Сорокин? — И, не дожидаясь ответа, пояснил: — Это самый преданный Дзержинскому человек, его личный курьер. До революции Григорий Кириллович Сорокин был курьером в петроградском градоначальстве. Оно находилось на Гороховой улице, в доме номер два. Как-то Дзержинский решил осмотреть этот дом, чтобы разместить там ВЧК. Ему открыл дверь незнакомый человек. Дзержинский спросил, кто он.

— Я курьер, — ответил незнакомец, — все разбежались, а я охраняю добро.

— Это очень хорошо. Так и продолжайте, — похвалил его Дзержинский.

Осмотрев здание, Феликс Эдмундович спросил:

— А не желаете ли у нас служить?

— Отчего же не служить? — ответил курьер.

Так Григорий Кириллович и остался в ВЧК. Он очень любит Дзержинского и по старой привычке называет его господином. Но дело ведь не в том, как он его величает. Важно, что у Феликса Эдмундовича есть надежный и преданный человек.

— А что за портрет я видел на столе у Феликса Эдмундовича?

— Это портрет его сына Ясика, — ответил Павлуновский.

Из Москвы мы выехали в Симбирск. 5-я армия в то время наступала вдоль Волго-Бугульминской железной дороги на Бугульму. Она продвигалась двумя группами: одна — в направлении Мелекесс — Бугульма, другая — на Чистополь — Бугульма. Эти группы образовали как бы клещи.

В особом отделе мы получили задание. Оно заключалось в следующем: пробравшись через фронт белых, наша группа должна была проникнуть в Уфу, связаться с местными подпольными большевистскими организациями и развернуть активную диверсионную деятельность. Кроме того, требовалось непрерывно передавать своим информацию о противнике.

Не буду описывать подробности выполнения задания. Скажу только, что справились мы с ним неплохо. Может, потому, что нашей работой в тылу врага руководил лично Павлуновский. Это был, конечно, очень рискованный шаг для начальника особого отдела. Но что делать, произошло именно так. В условное время он выходил на одну из улиц Уфы торговать газетами и тихо отдавал нам короткие указания. С перевязанной щекой, в штатском поношенном костюме его просто невозможно было узнать.

29 декабря 1918 года части 1-й армии овладели городом Стерлитамаком, а 31 декабря войска 5-й армии заняли Уфу. Однако частный успех в центре не изменил тяжелого положения

на всем Восточном фронте. Колчаковцы усилили нажим на нашем левом фланге. 3-я армия стойко вела борьбу, проявив немало героизма, и все же 24 декабря 1918 года ее части оставили Пермь. Захват белыми этого города создавал прямую угрозу Вятке, а их соединение с белогвардейцами, действовавшими с севера, грозило катастрофой всему Восточному фронту.

Выправить создавшееся положение на Восточном фронте могли только решительные меры партии и правительства. По предложению В. И. Ленина ЦК РКП (б) принял решение создать партийно-следственную комиссию для подробного расследования причин сдачи Перми и принятия необходимых мер к скорейшему восстановлению как партийной, так и советской работы в районах действий 3-й и 2-й армий.

Подробно рассказывать об этом историческом факте нет необходимости. Он с достаточной полнотой освещен в нашей литературе, в том числе и в воспоминаниях участников гражданской войны. Стоит лишь подчеркнуть, что Ф. Э. Дзержинский сыграл особенно выдающуюся роль как член этой комиссии.

Начавшееся наступление армий Восточного фронта шло с переменным успехом, но план Колчака по захвату Вятки был сорван. Успехи же войск правого крыла Восточного фронта — взятие Оренбурга и Уральска — и вовсе положили начало разгрому Колчака.

В конце января Ф. Э. Дзержинский выехал в Москву. Он вез В. И. Ленину доклад о работе комиссии и положении на Восточном фронте.

В дальнейшем, когда меня назначили в коллегию ОГПУ, я стал часто встречаться с Феликсом Эдмундовичем. Работал он почти круглые сутки. Бывало, дежуришь ночью, и вдруг часа в четыре открывается дверь, входит Феликс Эдмундович. Как всегда, обращается на «вы» и спокойно говорит: прошу вас к утру сделать то-то и то-то.

Да, он всегда находился на посту, денно и нощно. На том высоком посту, который по его заслугам доверили ему наша партия.

Посланцы партии.

М., 1967, с. 53–58

С. Г. УРАЛОВ
ГЕРОЙ ОКТЯБРЯ[51]

Есть люди, память о которых не стирает неумолимое время. Таким человеком был Феликс Эдмундович Дзержинский.

Впервые я увидел его в дни Февральской революции в здании городской думы (теперь здесь Музей В. И. Ленина). Сюда в те дни — уже не в думу, а в только что обосновавшийся Московский Совет рабочих и солдатских депутатов — ежедневно толпами приходил народ. Слишком много причин было для этого: город бурлил от событий, потрясших страну, и людям трудно было усидеть дома. Все спешили туда, где можно поделиться своими настроениями, услышать объяснение происходящему. А события все нарастали.

День, о котором идет речь, был особенным: в Московский Совет привезли политзаключенных, освобожденных из Бутырской тюрьмы. Среди них был и Феликс Эдмундович Дзержинский. Его высокий рост и тонкие черты болезненно-бледного лица сразу привлекли внимание всех присутствующих. Рукоплескания, бесконечное «ура», крепкие рукопожатия и объятия друзей, слезы радости сопровождали прибывших, пока они поднимались на второй этаж. Конечно, я тогда даже думать не мог, что очень скоро мне придется работать под непосредственным руководством Феликса Эдмундовича.

Вторая моя встреча и знакомство с ним состоялись в Петрограде на VI съезде РСДРП (б). Я присутствовал на съезде в качестве гостя от Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда. Феликс Эдмундович был делегатом и активным участником съезда.

Как известно, на съезде он был избран в состав Центрального Комитета РСДРП (б), которому выпала историческая миссия — во главе с Владимиром Ильичей Лениным руководить великим восстанием в октябре 1917 года. И теперь еще хорошо помню, как на одном из заседаний съезда Дзержинский решительно высказался против провокационных происков Временного правительства, требовавшего явки В. И. Ленина на суд. Его слова: «Мы не доверяем Временному правительству и буржуазии… мы не выдадим Ленина… Мы должны от имени съезда одобрить поведение Ленина…»[52] — звучали вдохновенно и требовательно.

Позже, в Смольном, работая в Центральном совете фабзавкомов, мне часто приходилось наблюдать кипучую деятельность Ф. Э. Дзержинского, вновь и вновь убеждаться в его

организаторском талапте. Феликс Эдмундович был тогда членом Военно-революционного комитета и членом партийного Военно-революционного центра по руководству вооруженным восстанием. Уйдя с головой в подготовку восстания, он не покидал Смольного. Тысячами нитей Дзержинский был связан с красногвардейскими отрядами питерских заводов и фабрик, которые в момент восстания сыграли решающую роль. В день восстания, 25 октября 1917 года, Дзержинский руководил захватом Центрального телеграфа, почты.

А 26 октября (8 ноября) я снова увидел его. Ф. Э. Дзержинский выступал с трибуны II Всероссийского съезда Советов в переполненном до отказа Актовом зале Смольного. Во всех концах этого огромного помещения был слышен четкий голос Феликса Эдмундовича, когда он взял слово по вопросу о мире после доклада В. И. Ленина. Взволнованность и искренность звучали в каждом его слове и покоряли слушателей.

Он говорил: «Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это — пролетариат, который борется за социализм».[53]

Первые послеоктябрьские дни… Кто из тех, кто жил тогда в Петрограде, забудет это время! Октябрь принес не только радость. Мутным потоком хлынули темные силы, угрожая потопить еще не окрепшую Страну Советов в водовороте антисоветских мятежей, заговоров, бандитизма, мошенничества. Город кишел шпионами, диверсантами, жуликами и саботажниками. Вытряхнутые из своих нор свежим ветром Великого Октября, они объединились и начали открытую и скрытую борьбу против Советской власти.

Ненависть классового врага вынудила молодую Советскую республику обнажить меч пролетарской диктатуры в защиту завоеваний Октября. Партия большевиков, возглавляемая Лениным, считала своей задачей в этот период мобилизацию всех сил на защиту диктатуры пролетариата от всевозможных выступлений контрреволюции.

И вот 7 (20) декабря 1917 года Ф. Э. Дзержинский делает доклад Совету Народных Комиссаров о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами, и Совнарком принимает решение о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии — ВЧК. Когда встал вопрос, кого же поставить во главе ВЧК, В. И. Ленин назвал, а Совнарком утвердил первым председателем ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

ВЧК ставила задачу на удары контрреволюции отвечать двойными ударами, отвечать по указанию Ленина «репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие

рабочих и крестьян».[54]

Создавая аппарат ВЧК, Феликс Эдмундович заботился о том, чтобы в него вошли люди честные и мужественные, партийные и беспартийные, преданные делу пролетарской революции, испытанные борьбой с царизмом и буржуазией в революционном подполье, организованные и исполнительные. Упорно и терпеливо воспитывал он кадры, прививая им навыки чекистской работы, требуя от них всестороннего знания дела, сознательной дисциплины, настойчивости и выдержки. Феликс Эдмундович своим личным примером показывал нам, работникам ВЧК, как надо бороться за интересы Советской власти. Не было для чекистов более высокого образца бесстрашия, верности долгу, строгого отношения к себе, чем весь облик председателя ВЧК. Поэтому девизом звучали слова на личных удостоверениях чекистов: «Звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости».

Сам Дзержинский обладал редким чутьем в деле распознавания врага. Он умел по малейшему сигналу предупредить надвигающуюся опасность, судил о человеке не по словам, а по его делам.

Осторожно и терпеливо распутывая тайные нити контрреволюции, Дзержинский проявлял величайшее мужество. Меткость и точность удара по врагу — характерная черта в его работе как чекиста. Эти высокие качества он воспитывал и в своих работниках, мощной когорте чекистов.

Дзержинский не раз рисковал головой, но делал это как чекист, решительно и хладнокровно. 6 июля 1918 года левые эсеры, чтобы спровоцировать войну с Германией, убили в Москве германского посла Мирбаха. Дзержинский узнал об этом в тот момент, когда собирался ехать на заседание V съезда Советов, проходившее в здании Большого театра. Феликс Эдмундович немедленно выехал в германское посольство, помещавшееся тогда в Денежном переулке (теперь это улица Веснина), и на месте установил подробности случившегося. Там ему было объявлено, что убийство совершено работниками ВЧК по приказанию Дзержинского, и Феликсу Эдмундовичу показали документ, который должен был это подтвердить. Документ был выдан на имя Блюмкина и Андреева, действительно находившихся на службе ВЧК и в то же время состоявших в партии левых эсеров. Однако подписи Дзержинского и секретаря ВЧК на документе были поддельными. Но печать была подлинной. Ее поставил заместитель председателя ВЧК эсер Александрович.

Блюмкин и Андреев после убийства Мирбаха укрылись в

отряде ВЧК, которым командовал левый эсер Попов. Дзержинский тотчас же поехал к Покровским воротам, где располагался этот отряд. Приехав туда, он потребовал явки преступников. Однако Попов отказался их выдать. Из другой комнаты вышли окруженные вооруженными матросами члены ЦК левых эсеров Прошьян и Карелин. Они крикливо заявили Дзержинскому:

— Можете не искать. Мы Блюмкина не выдадим, так как граф Мирбах убит им по приказу ЦК левых эсеров, и мы принимаем на себя ответственность за этот акт.

— В таком случае я вынужден арестовать вас. Прошу следовать в мою машину, — решительно заявил Дзержинский.

После этого главари левых эсеров с помощью обманутых ими матросов обезоружили председателя ВЧК и объявили его заложником.

— Это предательство! Вы подрываете революцию изнутри! — возмущенно сказал Феликс Эдмундович.

Обращаясь к появившемуся здесь Попову, он потребовал:

— Дайте мне ваш револьвер!

Растерявшийся Попов спросил:

— А зачем?

— Я пущу вам пулю в лоб как негодяю!

Попов бросился бежать.

— Вы трус, презренный трус! — крикнул ему вдогонку Феликс Эдмундович.

Арестовав Дзержинского и некоторых других руководящих работников — большевиков, левые эсеры начали давно задуманный вооруженный мятеж. Они намеревались захватить власть в стране и начать проведение своей авантюристической политики, что неминуемо привело бы к гибели молодой Республики Советов.

Принятыми мерами мятеж был ликвидирован на второй день. В. И. Ленин лично руководил этой операцией. Ему помогал Я. М. Свердлов. Левоэсеровская фракция съезда была задержана по решению Советского правительства в здании Большого театра в качестве заложников.

Дзержинский освободился 7 июля утром и сразу же провел энергичные меры по задержанию пытавшихся скрыться главарей заговора. Предателя Александровича задержали на одном из вокзалов, куда он, переодевшись и сбрив всем хорошо знакомую бороду, приехал, чтобы бежать из Москвы.

Дзержинский очень тяжело переживал июльские события. Взвешивая происшедшее, он, как предельно честный и прямой человек, поступил так, как ему подсказывала партийная совесть. В «Правде» за 8 июля 1918 года было опубликовано его

заявление:

«Ввиду того что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться больше во Всероссийской чрезвычайной комиссии… в качестве ее председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в комиссии. Я прошу Совет Народных Комиссаров освободить меня от работы в комиссии».

Совнарком, понимая Дзержинского, принял его отставку. Но ненадолго, ровно настолько, чтобы Ф. Э. Дзержинский понял, что не он в ответе за подлость людей, предавших свое отечество.

И вот 22 августа при назначении новой коллегии ВЧК Совнарком вынес постановление, в котором председателем ВЧК вновь назначался Ф. Э. Дзержинский, «отставка которого была принята… по собственному его прошению»[55]

Тяжелые дни переживала Советская страна в 1919 году. Она вновь очутилась во вражеском кольце.

Ленин и Дзержинский 31 мая через газету «Правда» обратились с призывом усилить всеобщую бдительность и внимание к проискам белогвардейских шпионов и диверсантов. И народ всячески помогал чекистам.

«ВЧК была орудием диктатуры трудящихся, — писал Дзержинский в 1922 году. — Пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих. И не удивительно, что враги наши бешено ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть вполне заслуженна… Только доверие рабочих и крестьян дало силу ВЧК и затем ГПУ выполнить возложенную революцией на них задачу…»[56]

За свою самоотверженную деятельность Феликс Эдмундович Дзержинский в январе 1920 года был награжден орденом Красного Знамени.

Без преувеличения можно сказать, что поистине великим счастьем для всех нас было то, что во главе ВЧК стоял Феликс Дзержинский.

Профессиональный революционер, подпольщик с острым политическим зрением, знаток человеческой психологии, он побеждал врагов прежде всего потому, что был глубоко партийным человеком. Мы пользовались громадными правами, и Дзержинский постоянно обращал внимание на нашу величайшую ответственность перед партией, требовал умело, правильно использовать эти права. Чтобы яснее можно было понять, какими правами мы тогда обладали, приведу мандат, выданный мне в 1919 году ф. Э. Дзержинским.

«Мандат

Настоящий мандат выдан Президиумом ВЧК члену коллегии ВЧК тов. Уралову, командируемому с поездом имени ЛЕНИНА для организации и инструктирования губернских чрезвычайных комиссий в районы Поволжья, Урала и Сибири с правом производства ревизии, ареста, устранения, перемещения и привлечения к ответственности должностных лиц, а также для усиления состава Губчека партийными товарищами через Губкомпарты.

Кроме того, тов. Уралов по усмотрению может созывать тройку и утверждать от имени Президиума ВЧК постановления Губчека.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский

Секретарь В. Савинов»

Вокруг Дзержинского сложилось ядро таких известных партийных работников, как Менжинский В. Р., Петерс Я. Х., Ксенофонтов И. К., Лацис М. Я., Кедров М. С., Урицкий М. С., Бокий Г. И., Скрыпник Н. А., Чугурин И. Д., Благонравов Г. И., Фомин В. В., Манцев В. Н., Павлуновский И. П., Валобуев К. М., и много, много других славных защитников великих завоеваний Октября. Пройдя замечательную школу Дзержинского, эти и другие товарищи стали видными чекистами, под руководством партии умело наносили удары по контрреволюции.

Чем шире разгоралась классовая борьба, тем больше требовалось осторожности и в подборе людей в ВЧК. И это понятно, так как нигде не было столько соблазнов, сколько в ВЧК, особенно в тяжелые 1918–1919 годы. В эти годы голода и разрухи в буржуазных квартирах нередко при обысках находилось продовольствие, драгоценности, однако преступлений со стороны сотрудников, получавших также по осьмушке хлеба, почти не было.

Объясняется это тем, что подбор личного состава был исключительно тщательным, а также той идейной спайкой, которая существовала в ВЧК-ОГПУ при Феликсе Эдмундовиче и при В. Р. Менжинском.

Можно считать, что известную роль играла и практика беспощадного наказания коллегией ВЧК сотрудников в тех случаях, когда они допускали преступления или злоупотребления предоставленными им правами.

Работавшие с Ф. Э. Дзержинским, наверное, хорошо помнят, с какой силой он обрушивался на тех товарищей которые медлили с выполнением директив партии или нарушали социалистическую законность.

Один из следователей, выведенный из терпения арестованным бандитом, во время допроса ударил его. Узнав об этом, Феликс Эдмундович немедленно назначил суд над следователем. На суд были приглашены все сотрудники, и Дзержинский, взяв на себя роль обвинителя, потребовал сурового наказания следователя. Чтобы искупить свою вину, следователь попросился на фронт (шла гражданская война).

Однажды незаконно была задержана женщина, пришедшая за справкой об арестованном брате. Феликс Эдмундович объявил работнику ВЧК, который допустил этот произвол, строгий выговор. Женщину по приказу Дзержинского немедленно освободили и отправили домой на его машине.

Феликс Эдмундович постоянно болел душой за безопасность вождя и учителя трудящихся В. И. Ленина.

Никогда не забудется 25 мая 1919 года. В этот день на Красной площади был назначен парад рабочих полков Всевобуча, который должен был принять Владимир Ильич. За несколько дней до парада меня вызвал Дзержинский и объявил, что президиум ВЧК поручает мне обеспечить охрану Ленина на Красной площади во время парада.

— Учтите, — говорил Феликс Эдмундович, — белогвардейцы, эсеры и прочие контрреволюционеры не отказались от белого террора. Событие, имевшее место 30 августа 1918 года,[57] не должно повториться. Мы должны быть постоянно начеку. Подберите себе помощников и продуманно расставьте силы.

Признаться честно, кроме гордости за такое доверие, я испытывал и сильное волнение. Ведь предстояло сделать все возможное, чтобы не допустить ситуаций, которые угрожали бы жизни Ильича. Несмотря на то что наряд был подобран, проинструктирован, я не спал ночей, вновь и вновь продумывал расстановку охраны во время парада.

Весь день 25 мая прошел в невероятном напряжении. Я ни на одно мгновение не упускал Владимира Ильича из виду. День выдался теплый, солнечный. Ленин шел по площади в распахнутом легком пальто. Во время приема парада Ильич, обходя выстроенные на площади рабочие полки, все время был очень оживлен. Я следовал рядом с ним.

После того как парад был принят, Ленин обратился ко мне:

— Откуда я буду выступать?

— Вот отсюда, Владимир Ильич, — ответил я и проводил

Ленина к грузовику, который был заранее для этого подготовлен.

Здесь вождь революции произнес пламенную речь о важности и необходимости овладения трудящимися военным делом для защиты нового общественного строя — Республики Советов.

Выступление Ленина перед полками Всевобуча было снято на кинопленку, и народ, затаив дыхание, смотрит теперь живого Ильича.

После парада мы проводили Ленина в Кремль. Прощаясь, он крепко пожал нам руки и поблагодарил. И это сердечное рукопожатие, и слова признательности вознаградили нас за все переживания прошедшего дня.

* * *

Великий революционер, марксист, друг Ленина, неусыпный страж революции — Дзержинский выполнял свою историческую миссию скромно, с энергией, для которой не существовало преград, с непоколебимой верой в победу бессмертных идей В. И. Ленина.

Таким Дзержинский живет среди нас и сегодня.

Рыцарь революции.

М., 1907, с. 141–150

М. И. ЛАЦИС
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ И ВЧК

Образование ВЧК и ее работа настолько тесно связаны с именем Ф. Э. Дзержинского, что нельзя говорить о них отдельно. Он был одним из инициаторов создания ВЧК, организовывал ее аппарат, неоднократно реорганизовывал его, совершенствуя деятельность ВЧК. Поэтому, говоря о Дзержинском, о его работе по охране Октября, нам неизбежно придется говорить и о ВЧК и ее органах.

Недели через две после Октябрьской революции, когда от Военно-революционного комитета постепенно стали отпочковываться органы управления Советским государством, Дзержинский был назначен членом коллегии Народного комиссариата внутренних дел. При распределении обязанностей между членами коллегии НКВД (не знаю, нашло ли это суждение какое-нибудь отражение в протоколе, так как тогда не все записывалось или, вернее, мало что записывалось) Феликс Эдмундович попросил поручить ему самую тяжелую работу — восстановление порядка в стране.

Первым делом надо водворить порядок в столице Советского государства. Естественно, что Дзержинский, оставаясь одновременно и членом Петроградского военно-революционного комитета, начал намечать планы по охране революционного строя в столице. Им был создан комитет по охране Петрограда, который возглавил К. Е. Ворошилов. Комитет по охране города имел некоторую преемственность от бывшего градоначальства, поэтому и разместился в его здании. Ф. Э. Дзержинский всецело ушел в эту работу и очень редко показывался в комиссариате. Но вслед за столицей деятельность контрреволюционеров распространилась и на провинцию. Потребовалось создание особого чрезвычайного органа борьбы с контрреволюцией по всей стране. Этим органом и явилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Вопрос о ее организации был предрешен еще 19 декабря 1917 года,[58] но запротоколировано о ее организации 20 декабря.

Протокол гласил буквально следующее:

«Назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Задачи комиссии:

1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и

саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили;

2) предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними;

3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения;

4) комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), 3) отдел борьбы.

Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действует ликвидационная комиссия В. Р. Комитета.[59]

Комиссия обратит в первую голову внимание на печать, саботаж и т. д. правых с.-р., саботажников и стачечников.

Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.».[60]

Это, скорее, черновой набросок, чем декрет об организации ВЧК. Но в те дни некогда было отшлифовывать. Необходимо было действовать. Толчок был дан, направление выявлено, пусть члены комиссии развивают дело, руководствуясь революционным правосознанием и своей совестью.

Все же, как явствует из приведенного документа, ВЧК тогда хотя и мыслилась как орган непосредственного подавления контрреволюции, ей предоставлялось право конфискации, лишения карточек, опубликования списков врагов народа и т. п., но в области судебной предполагалось, что все судебные дела после предварительных следствий ВЧК будет передавать в революционный трибунал. Этот правовой момент мы здесь подчеркиваем преднамеренно, чтобы яснее выступила потом фигура Феликса Эдмундовича, правильно определившего задачи и формы работы ВЧК, действовавшего согласно своему классовому правосознанию и совести.

ВЧК организовалась в тот же день, разместилась в доме бывшего градоначальника по Гороховой ул., 2, и приступила немедленно к работе, собственно, продолжая работу ликвидационной комиссии Петроградского военно-революционного комитета.

Во что выльется в ближайшие же месяцы работа ВЧК, никто еще не знал, и те задачи и права, которые были даны ВЧК, заставили серьезно отнестись к подбору руководителей этого органа пролетарской диктатуры.

Кому поручить столь важное и ответственное дело? По внешности борьба с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией

— самая черновая работа революции. В перчатках ее не осуществишь. И в то же время это самая необходимая работа. Не всякий бы за эту работу взялся, и не всякому эту работу можно было поручить. Счастьем нашей революции было назначение председателем ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кристально чистый, самоотверженный, волеустремленный, человек немедленного действия, не отступающий перед препятствиями, подчиняющий свои личные интересы интересам революции, забывающий себя, справедливый даже по отношению к своим врагам — вот каким Дзержинский показал себя за долгие годы работы, вплоть до своей смерти.

Итак, Феликс Эдмундович — председатель ВЧК. Он начинает действовать. Будем следовать за ним в его работе.

Нет еще опыта на этом фронте борьбы. Налицо только постановление Совнаркома и жизнь, требующая немедленного действия. Поэтому ВЧК не берет на себя судебных функций и действует через революционный трибунал. На вечернем заседании коллегии ВЧК от 20 декабря Дзержинский протоколирует:

«Комиссия ведет только предварительное расследование».

Жизнь, однако, уже на первых шагах комиссии диктует другое, она требует предоставления ВЧК более широких прав в борьбе с контрреволюцией.

Пользуясь периодом перестройки аппарата управления и в связи с этим естественным временным отсутствием государственного аппарата, прикрываясь флагом революционеров, творящих революционное правосудие, разные темные элементы начинают действовать в своих личных интересах, производя грабежи. Некоторые из них начинают действовать под видом сотрудников ВЧК. Это последнее очень опасно — нельзя допустить скомпрометирования имени ВЧК. Ее имя должно быть чисто. К этому органу должны обращаться за помощью все ищущие революционного правосудия. Так мыслил Феликс Эдмундович.

И вот когда в руки ВЧК попал шантажист и бандит, известный под именем князя Эболи, действовавший при вымогательстве под видом сотрудника ВЧК, Феликс Эдмундович подписывает решение о расстреле. Эболи был расстрелян 24 февраля 1918 года.

Завершился первый период работы ВЧК: жизнь заставила присвоить революционным путем право непосредственной расправы. Это право — право расстрела — ВЧК применяла до июля 1918 года только по отношению к бандитам и спекулянтам. Политические противники этой каре не подвергались.

Получив решительный отпор в Петрограде, контрреволюционеры переносят свою работу в провинцию, мобилизуют свои силы и начинают планомерно наступать на Советскую власть.

Ясно, что ВЧК уже не может ограничить свою работу одним лишь Петроградом. Необходимо раскинуть аппарат по всей стране. Первым делом организуется Московская чрезвычайная комиссия. По она не успела развернуть своей работы, как вынужденная эвакуация Петрограда заставляет и ВЧК переехать в Москву. К этому времени в Москве бесчинствовали анархисты, к которым примазались уголовные элементы. Имея свои вооруженные отряды, анархисты стали не просто политической партией, а вооруженной силой. В Москве начался произвол.

Л сюда переехали правительство и Центральный Комитет партии большевиков. Необходимо было железной метлой вымести всю нечисть, терроризирующую населенно и срывающую мирную работу. За очищение Москвы от бандитов берется Ф. Э. Дзержинский. Совместно с комендантом города он мобилизует войска московского гарнизона и в одну ночь разоружает все штабы анархистов. Последние оказывают сопротивление, и советским войскам приходится пускать в дело пушки.

В борьбе с анархо-бандитизмом, как и во всей своей деятельности, ВЧК опиралась на массы. 3 апреля 1918 года Дзержинский опубликовал обращение к населению Москвы. Это обращение было программой действий, поэтому мы здесь его приводим целиком.

«К населению гор. Мосьвы.

От Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров.

Волею Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики мы призваны к деятельности в г. Москве. Вступая в отправление своих обязанностей, Всероссийская чрезвычайная комиссия считает необходимым довести до сведения граждан г. Москвы, что первейшей задачей Всероссийской чрезвычайной комиссии будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и обыкновенного жулья, осмелившихся называться и выдавать себя за красногвардейцев и членов других революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно входящими в сношения и принимающими в свою среду

контрреволюционеров, ударников и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность. Все население Москвы призывается к полному спокойствию и содействию законной власти и неукоснительному покорению всех элементов, деятельность которых явно враждебна свободному республиканскому строительству нашего социалистического Отечества.

Население должно знать, что во Всероссийской чрезвычайной комиссии оно встретит самую живую отзывчивость к каждому делу, где попрана справедливость, совершено и готовится совершиться преступление.

За каждое сообщение о местопребывании громил, захватчиков, спиртогонов, спекулянтов, саботажников и контрреволюционеров Всероссийская чрезвычайная комиссия будет признательна и благодарна. Надо твердо знать, что только общими усилиями твердой власти и друзей свободной России мы можем непоколебимо и могущественно утвердить начало нового строя революционно-социалистической России.

За истекшие месяцы со дня Октябрьской революции к работе правительства примазались под маской сочувствующих и единомышленников различные ножелательные элементы.

Очищением от этой своры комиссия займется особенно усердно, и здесь мы просим содействия граждан. Необходимо немедленно заявить Всероссийской чрезвычайной комиссии о каждом неправомерном, незаконном или преступном поступке всех без различия положения и службы, наперед зная, что всякое такое заявление, письменное или устное, будет встречено искренней благодарностью.

Все лица, носящие оружие, должны позаботиться о выправлении у Советской власти надлежащих удостоверений, причем Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что после опубликования этого обращения к населению всякое незарегистрированное холодное или огнестрельное оружие не только будет отбираться, но собственники его будут подвергаться самой суровой ответственности.

Все взрывчатые вещества, хранящиеся в сыром виде, а также бомбы, гранаты, машины и прочие приспособления, находящиеся в распоряжении частных лиц, учреждений и партийных организаций, не получивших правительственного разрешения, должны быть сданы во Всероссийскую чрезвычайную комиссию немедленно. Лица, не подчинившиеся этому постановлению, тем самым объявляют себя врагами народа и становятся вне закона.

Лицам, занимающимся грабежом, убийствами, захватами, налетами и прочей преступной деятельностью, предлагается в

двадцать четыре часа покинуть г. Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная наперед, что через двадцать четыре часа после опубликования этого заявления все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться».[61]

Это обращение к населению Москвы свидетельствует о том, что Феликс Эдмундович еще рассчитывал на благоразумие антисоветских партий.

Этой верой в благоразумие объясняется и сотрудничество с левыми эсерами.

На первых порах мыслилось, что в ВЧК войдут исключительно большевики. Но вскоре ЦК левых эсеров потребовал себе место во Всероссийской чрезвычайной комиссии. Из числа левых эсеров тогда были введены в ВЧК Александрович в качестве заместителя председателя и Закс. К июлю 1918 года из 20 члепов коллегии Всероссийской чрезвычайной комиссии семь были левые эсеры. Кроме того, начальником отряда ВЧК был левый эсер Попов.

Ф. Э. Дзержинский считал такое положение нормальным. Поскольку левые эсеры разделяют государственную власть, то пусть несут и ответственность за подавление бандитизма, саботажа и контрреволюции. Все это было так, пока левые эсеры не ушли от власти, то есть до Брестского мира. Но как только они от власти ушли, следовало их «уйти» и из ВЧК.

Этот момент Дзержинский просмотрел, в чем потом себя открыто обвинял на заседании Совета Народных Комиссаров.

6 июля эсеры подняли мятеж и воспользовались силами отряда ВЧК, где находился их повстанческий штаб.

Феликс Эдмундович был арестован эсерами. Вместе с нам были арестованы Лацис, Беленький и несколько комиссаров ВЧК. Это единственный серьезный промах, допущенный Дзержинским за время работы в ВЧК.

Эту ошибку он признал и после освобождения его из штаба эсеров на заседании Совнаркома потребовал своего отстранения от работы в ВЧК до разбора дела следственной комиссией Стучки. Так как Феликс Эдмундович решительно настаивал на этом, Совнарком принял это предложение, и председателем ВЧК временно был назначен Петере.

Эта черта характера — немедленное открытое сознание ошибки и немедленные меры к ее исправлению — делала Феликса Эдмундовича неоценимым работником…

Стало ясным, что антисоветские партии пошли на все, не брезгуя ничем. Или мы, или они. И ВЧК предоставляется право применять расстрел к политическим противникам, выступившим

с оружием против нас. Война остается войной, где бы она ни проходила — на границе или внутри страны.

ВЧК с первых шагов действовала с помощью трудящихся. В этом мы убеждаемся, взглянув на состав сотрудников ВЧК. В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда шоферов и курьеров. Даже к моменту мятежа левых эсеров число сотрудников ВЧК доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты по сигналам населения. Первая нить бралась от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК.

Начиная с марта 1918 года Дзержинский приступает к организации аппарата ВЧК на местах. Сначала он мыслил организацию только губчека, а потом и уездных, но на местах иногда забегали вперед и создавали даже районные и волостные чрезвычайные комиссии. Приходилось вносить поправки.

Проникшая в военную сферу контрреволюция приводит к необходимости организации фронтовых чрезвычайных комиссий. Потом организуются транспортные чрезвычайные комиссии и создаются войска ВЧК. К началу 1919 года ВЧК уже имела широко разветвленный аппарат и была в состоянии пресекать в корне все попытки контрреволюции, направленные как к непосредственному вооруженному свержению Советов, так и к экономическому удушению путем расстройства транспорта, промышленности и сельского хозяйства.

Естественно, что широко разветвленный аппарат не мог охранить повсюду исключительную добросовестность. Нередко к аппарату ВЧК примазывались негодные элементы, иногда даже контрреволюционеры. Одни это делали исключительно в «карманных» интересах, другие — с целью скомпрометировать ВЧК, выведать тайны. Особенно много неприятностей было с низовым аппаратом. Ф. Э. Дзержинский самым решительным образом борется как с враждебными элементами, проникшими в ЧК, так и с должностными преступлениями работников ЧК. Он каленым железом выжигает обнаруженную язву. К сотрудникам — самые строгие требования, а за преступления — самая строгая кара.

Но Ф. Э. Дзержинский не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он сам жаждет действовать. И мы нередко видим, как он сам допрашивает обвиняемых и роется в изобличительных материалах. Его настолько захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит тут

же, в кабинете за ширмой. Он и столуется тут же, курьер приносит ему в кабинет еду, какой питаются все сотрудники ВЧК. Правда, курьер старается приготовить для него что-нибудь получше; вместо конины, которой все питались в 1919 и 1920 годах, приносит поджаренный картофель с салом. Но Дзержинский не любит, чтобы для него создавали какие-то исключительные условия, и ругает курьера-старика и А. Я. Беленького, взявшего на себя заботу о Дзержинском. Поэтому нередко приходится его обманывать, говоря, что и для других сотрудников тот же обед.

Усиленная работа расшатывает и без того изнуренный каторгой организм Дзержинского, и за ним необходим лучший уход. А. Я. Беленький в меру своих сил и средств ВЧК старался предоставить Феликсу Эдмундовичу хоть минимум удобств.

Самым напряженным в работе ВЧК было время после покушения на Владимира Ильича, когда обнаглевшая свора лжесоциалистических партий решилась на индивидуальный и массовый террор и когда «комитет членов Учредительного собрания» (в Самаре),[62] опираясь на чехословацких белогвардейцев, начал наступление на Волге.

Это положение страны приводит к необходимости предоставить ВЧК самый широкий круг прав, и Совнарком **в** сентябре принимает следующее постановление:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».[63]

После этого и в Москве к делу борьбы с контрреволюцией привлекаются все районы. На белый террор жизнь заставила ответить красным террором.

Следующим напряженным периодом в работе ВЧК была осень 1919 года, когда был взорван Московский комитет и раскрыт

заговор «Национального центра». Все ближе и ближе к столице и Петрограду подходили белогвардейские войска. Контрреволюционеры организовали **в** Москве и ее окрестностях крупные вооруженные силы. Враги рассчитывали: как только Деникин подойдет ближе к Москве, они поднимут восстание и облегчат овладение Москвой. Но замысел врагов был пресечен раскрытием «Национального центра». В то же время завершена ликвидация подполья анархистов, работавших в тесном контакте с крайним течением левых эсеров.

На фронтах наступил перелом. Красная Армия победоносно наступала. Феликс Эдмундович отправляется на Украину, где орудуют банды Махно и других «батек». Он попросил назначить его на должность начальника тыла Украинского фронта.

Для Дзержинского не важен чин. Ему важна работа.

Дзержинский внимательно следил за всем, что происходило в стране. Как только представилась возможность, он выступил за смягчение карательных мер. В январе 1920 года он входит в Совнарком с предложением об отмене расстрелов по приговорам ВЧК. Совнарком с этим соглашается и утверждает проект постановления, внесенный Феликсом Эдмундовичем.

Феликс Эдмундович не ограничивается борьбой с контрреволюцией. Он направляет ВЧК на активную борьбу с должностными преступлениями, с теми, кто преднамеренно компрометирует авторитет Советской власти перед рабочими и крестьянами взяточничеством, незаконными поборами или личным поведением; кто хотя и непреднамеренно, но в своих личных интересах, ради своей утробы, ради личного благополучия не довольствуется выделенной для него нормой потребления и хочет жить за счет урезания и так голодного пайка другого. Разве эти действия должностных лиц не подлежат искоренению и разве это не должно войти в круг работы ВЧК?

А тот, кто преднамеренно или непреднамеренно разрушает транспорт, тормозит товарообмен, кто мешает хотя бы своим попустительством развитию производительных сил страны и строит препятствия на пути изобретательного духа народа, — разве все они не работают на руку контрреволюции? Разве ВЧК до них нет никакого дела? Нет, все это вредно, подлежит искоренению, и ВЧК должна всем этим заняться. Сам Феликс Эдмундович вникает во все эти вопросы, и ВЧК занимается всем этим.

Борьба с мошенничеством, с Сухаревкой,[64] борьба с фальшивомонетчиками, с укрывателями и фальсификаторами продуктов — это становится предметом внимания ВЧК. Спекулянты да и сами бывшие собственники вывозят за границу

драгоценности, укрывают их от сдачи. Это — ограбление Советского государства.

Мы напрасно пытались бы перечислить все области народной жизни, которыми интересовался Феликс Эдмундович и в которых работала ВЧК. Все это привело к тому, что Владимир Ильич, стал давать Дзержинскому поручения по линии хозяйственного строительства. Так, ВЧК оберегала и поддерживала серьезных изобретателей, работу которых Владимир Ильич считал нужным держать в секрете.

ВЧК чувствуется повсюду, где проявляет себя контрреволюция. Ее рука тяжело опускается на плечи врагов Советской власти.

Про ВЧК за границей появилась специальная литература. Одним это было нужно, чтобы подработать на пропитание, другим — чтобы выместить свою злобу, третьим — чтобы обрабатывать общественное мнение в политических целях. В этих писаниях на ВЧК, на ее работников выливаются ушаты грязи, самой подлой клеветы. Доходило до инсценировки зверств ЧК, и эти инсценировки заснимались на киноленты.

Все же и в этой литературе имя Дзержинского вынуждены были выделять. Дзержинский в этих описаниях — фанатик своего дела, неумолимо тверд в проведении борьбы с контрреволюцией, но не истязатель, не взяточник, не развратник, каковыми эпитетами наделялось большинство сотрудников ВЧК. Дзержинский даже в глазах врагов — рыцарь революции.

Эту чистоту характера Феликс Эдмундович перенес полностью и на ВЧК. Органам ВЧК вверены судьбы людей, их имущество. Разве трудно в таких условиях поскользнуться рядовому сотруднику? Ведь кругом искушения, а власть почти безграничная. Ослабить вожжи или хоть немного отклониться от общественной нормы в своей личной жизни — разве это не приведет к развалу аппарата? Дзержинский это знает и держит в руках аппарат, подавая повсюду личный пример и строго наказывая злостных нарушителей устава ВЧК.

Но чем успешнее работа ВЧК, тем быстрее приближается время, когда этот аппарат, необходимый лишь для чрезвычайных условий, становится в некоторой части излишним. Поэтому к началу 1919 года Ф. Э. Дзержинский поднимает вопрос о ликвидации уездных чрезвычайных комиссий. Эти комиссии ликвидируются повсюду, кроме Украины и полосы фронта, где жизнь еще далеко не вошла в нормальное русло,

В связи с победой над вооруженной интервенцией союзников Красная Армия переходит на мирное положение. Военный фронт заменяется фронтом труда. Контрреволюция внутри подавлена.

Она уходит глубже в подполье и начинает разрабатывать другие методы борьбы — медленное экономическое удушение. В связи с этим Дзержинскому приходится перестроить и свой аппарат. От нервной, беспрерывной борьбы можно перейти к более спокойной планомерной работе по предупреждению глубоко задуманных заговоров и по пресечению военного и экономического шпионажа.

Учитывая это, Феликс Эдмундович в феврале 1922 года ходит в правительство с предложением о ликвидации ВЧК и организации вместо нее Государственного политического управления. Это предложение принимается, и ВЧК перестает существовать.

Спад кипучей и напряженной деятельности ВЧК, а потом ГПУ[65] не может удовлетворить беспокойную натуру Дзержинского. Он, оставаясь председателем ВЧК, а потом ГПУ, одновременно работает на транспорте в качестве народного комиссара путей сообщения, а потом председателя ВСНХ СССР.

Феликс Эдмундович и на этих государственных постах отдает всего себя работе, применяя те же принципы партийного подхода к делу, внимания к людям, беззаветного служения революции. За долгие годы работы в ВЧК у него воспитались закаленные работники, люди школы Дзержинского. Они также постепенно переходят на хозяйственую работу и здесь доказывают, что они кое-чему научились у своего учителя и умеют не только уничтожать контрреволюцию, но и уничтожать разруху и создавать хозяйство.

Особое задание.

М., 1977, с. 26–38

Я. Я. БУЙКИС
«ТРУДНОСТИ НАДО ПРЕОДОЛЕВАТЬ, А НЕБОЯТЬСЯ ИХ!»

Весной 1918 года вместе с товарищами по полку я приехал в Москву. Прямо с вокзала мы поехали в латышскую секцию московской городской организации большевиков. Там нам предложили работать в ВЧК. Я тогда не имел ни малейшего представления, что это такое — ВЧК. Но раз нужно для революции, то будем работать!

С запиской из латышской секции направились на Большую Лубянку, в дом № 11, к Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Там с каждым вновь поступающим беседовали председатель ВЧК или его заместитель. Со мной беседовал Феликс Эдмундович. С первого взгляда он показался мне суровым и строгим, но стоило ему заговорить, как мои впечатления изменились.

Его приветливость и спокойный голос как-то располагали к откровенной беседе. Он попросил меня рассказать о себе, расспросил о службе в царской армии. Затем, объяснив цели и задачи ВЧК, заявил, что зачисляет меня на должность комиссара оперативного отдела. При этом он напомнил, что работа будет опасная, требующая самоотверженности. Но беседа с ним вселила в меня не страх, а убеждение, что работа в ВЧК — очень нужное дело для революции. Феликс Эдмундович умел, как никто, вливать в души людей мужество и смелость при выполнении самых опасных поручений. Так было и со мной.

Я стал работать в ВЧК с горячим желанием оправдать оказанное мне доверие. Феликс Эдмундович часто заходил в оперативный отдел, расспрашивал нас, учил, давал советы.

— Чекист должен быть правдивым, честным и дисциплинированным, — говорил он. — Вот, например, кто-то из вас выполнил задание. Возможно, ему захочется похвастаться, приукрасить свое сообщение, сказать, что он сделал больше, чем на самом деле. Или, наоборот, сочтет какие-то детали незначительными и умолчит о них. А ведь мы будем считать его сообщение совершенно объективным, чего-то не сможем учесть, и это повредит делу. Будьте дисциплинированными. Раз уж вам дано задание, нужно его выполнить.

Феликс Эдмундович но любил лишних разговоров.

— Если вам что-то поручили, значит, раскрыли какой-то секрет, — говорил он нам. — Если же вы об этом расскажете «по секрету» другому, третьему, то секрет перестанет быть секретом,

а враг может воспользоваться болтовней.

Мне по нескольку раз в день приходилось бывать в кабинете у Ф. Э. Дзержинского. Как сейчас, вижу перед собой этот скромный, строгий, небольшой кабинет с двумя телефонами, простым письменным столом, покрытым красным сукном, а за ним высокого, слегка сутулого Феликса Эдмундовича. Когда бы я ни заходил к нему — утром, днем, поздно ночью, я всегда заставал его за работой. Невольно возникала мысль: когда же он спит? И спит ли вообще? Часа в три-четыре ночи Дзержинский ложился отдыхать тут же в кабинете за ширмой на простую железную кровать. Но стоило только открыть дверь, как он тут же вставал и снова был на своем рабочем

Давая оперативные поручения, Феликс Эдмундович четко и ясно инструктировал, предупреждал о необходимой предосторожности. Но всегда напоминал при этом, что мы, чекисты, — представители Советской власти и в любых условиях должны вести себя так, чтобы не ронять своим поведением ее авторитета и достоинства, никогда не кричать на арестованного, не допускать никаких грубостей.

Сам Феликс Эдмундович говорил, не повышая голоса, спокойно. Мы никогда не слышали от него окрика или грубого обращения. Он не приказывал, но говорил с нами так убедительно, так четко определял свое требование, что мы сами понимали, как следует поступать в том или ином случае. Он умел в нескольких словах сказать многое. Объясняя задание, он всегда давал понять, почему данную работу хочет возложить на такого-то товарища и что эта работа именно ему по плечу. При этом Дзержинский предоставлял полную возможность проявить собственную инициативу.

Он часто говорил:

— Действуйте смотря по обстоятельствам. На месте будет виднее.

Слушая сообщение о результатах проведенной операции, всегда бывал доволен, если сотрудник сумел проявить находчивость, не растерялся в сложной обстановке и нашел удачный выход.

Самые трудные и опасные операции Феликс Эдмундович проводил сам и своим бесстрашием, решительностью, смелостью всегда служил для нас примером.

Он не признавал никаких заявлений о трудностях при выполнении оперативных заданий.

— Разве трудное задание не должно выполняться? — спрашивал он и добавлял: — Если бы трудные дела мы откладывали и не стали бы их выполнять, то не было бы

революции и буржуазия продолжала бы властвовать над рабочим классом. А если трудное поручение передать другому, то от этого трудность не уменьшится. Трудности надо преодолевать, а не бояться их!

Со мной в начале 1919 года был такой случай. Феликс Эдмундович направил меня со сложным и ответственным заданием в Самарскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии. Когда я ему сказал, что хорошо бы еще кого-нибудь послать вместе со мной, что одному мне будет трудно, он спросил:

— Вы рабочий?

— Да.

— Для рабочего ничего трудного не бывает. Он умеет преодолевать трудности и не боится их.

Для выполнепия задания мне вручили мандат с особыми полномочиями. Мне были предоставлены такие права, что я смутился и обратился к Дзержинскому:

— Феликс Эдмундович, ведь я могу ошибиться. Вдруг превышу свои полномочия. Что тогда будет?

— Если вы ошибетесь в пользу государства, — ответил он спокойно, — то будет хорошо, спасибо скажут. Но если превысите свои права в личных целях, то вы сами знаете, что будет. Так что же вы спрашиваете?

В своей работе я не раз встречался с огромными трудностями. Еще в первые месяцы моей работы в ВЧК в 1918 году Феликс Эдмундович поручил мне и моему товарищу Спрогису проникнуть в логово контрреволюции, обнаружить источник, питающий заговоры, раскрыть главных руководителей. Не было сомнений, что в них участвуют иностранные государства. Но кто именно?

— Отправляйтесь в Петроград, — сказал нам Дзержинский. — Надо влиться в контрреволюционные организации и найти нити, которые ими управляют. Ясно? Через две недели доложите обстановку.

Две недели в Петрограде мы отыскивали пути, как связаться с контрреволюционными организациями. Знакомились с бывшими офицерами и чиновниками, водили многих в рестораны, вызывая на откровенный разговор, но организации не нащупали. Через две недели вернулись в Москву с пустыми руками и со страхом ждали беседы с Дзержинским. Скажу прямо, чувствовали мы себя очень неважно и совсем, как говорится, носы повесили.

Феликс Эдмундович встретил нас, как обычно, приветливо. Рассказав о своих неудачных поисках, мы стали просить освободить нас от этого задания.

— Пошлите кого-нибудь поопытнее, — говорили мы, — у нас

не получается.

— Кого же поопытнее? — ответил он. — Мы все пришли в ЧК одновременно — один месяцем раньше, другой позже. Нет уж, вы эту работу продолжайте — получится. Кто вам ставил условие: закончить все дело за две недели? Такого условия не было.

Он ободрил нас, заставил поверить в свои силы, и мы снова отправились в Петроград.

Прошли недели новых поисков, и нам удалось раскрыть не одну, а несколько контрреволюционных организаций и заговоров. Мы выдали себя за представителей московского контрреволюционного подполья, приехавших в Петроград для установления контакта с петроградским подпольем.

Под видом офицеров латышского полка, недовольных Советской властью, проникли в организацию, которой руководил английский военно-морской атташе Кроми. Нам стало ясно, что напали на верный след и столкнулись с иностранной разведкой. Вскоре на сцене появился и опытный английский шпион Сидней Рейли. Войдя в доверие к ним, мы получили от Кроми рекомендательное письмо к руководителю всех этих заговорщиков английскому посланнику в Москве Роберту Брюсу Локкарту.

Особенно запомнилась мне ночь накануне отъезда с письмом Кроми в Москву. Мы ее провели в гостинице, размышляя над тем, как передать письмо прежде всего в руки Феликса Эдмундовича.

Вдруг рано утром в дверь раздался стук. Вошел Сидней Рейли. Он спросил нас:

— Не возникло ли каких-либо затруднений с передачей письма Локкарту? Не нужна ли моя помощь?

Нам стало ясно, что этот ранний визит был проверкой: не попало ли письмо в чужие руки. Увидев, что все в порядке, он спокойно покинул гостиницу.

Приехав в Москву и опасаясь слежки, мы направились с вокзала пешком. При этом мы шли только нам известным путем, который гарантировал нам уход от слежки, если бы мы ее обнаружили. Убедившись, что за нами никто не наблюдает, мы в тот же день доставили письмо Дзержинскому. Он внимательно нас выслушал и дал указание, как действовать дальше.

Придя к Локкарту, я вручил ему письмо Кроми. Представился я подпоручиком царской армии Шмидхеном, поддерживающим связь с влиятельными командирами латышских стрелков. Я рассказал, что среди латышских командиров растет недовольство и разочарование Советской властью и многие из них готовы выступить в контакте с союзниками.

Прочитав письмо, Локкарт убедился в его подлинности и

назначил мне новое свидание. Конечно, он поверил мне не сразу, у такого опытного разведчика, как Локкарт, могли оставаться в душе какие-то сомнения. Недаром же он позже в своей книге «Буря над Россией» писал: «С тех пор я со Шмидхеном не встречался. То ли его расстреляла за участие в заговоре, то ли наградили за раскрытие заговора». Но все же через некоторое время Локкарт изложил свой план. Он предложил путем подкупа и провокаций поднять на восстание латышские части, охранявшие Кремль, и при их помощи свергнуть Советскую власть, арестовать правительство и убить В. И. Ленина. При этом сказал:

— Денег на это будет сколько угодно.

При первой же возможности мы обо всем сообщили Дзержинскому. Услышав от нас о намерении заговорщиков убить В. И. Ленина, Феликс Эдмундович изменился в лице. Я никогда не видел его в такой тревоге и волнении.

— Немедленно, немедленно к Ленину!..

Он сел в машину и уехал в Кремль к Владимиру Ильичу.

У Феликса Эдмундовича созрел новый план, и он предложил нам познакомить Локкарта с Э. П. Берзиным, командиром латышского особого дивизиона, которому в то время была поручена охрана Кремля. Я представил Берзина Локкарту и в дальнейшем присутствовал при всех их встречах. Мы понимали, что Локкарт установит за нами наблюдение, и делали все возможное, чтобы убедить его в нашей заинтересованности в осуществлении заговора. Я встречался с Берзиным только в условленных местах. Обычно это происходило в Сокольниках, у Оленьих прудов. Локкарт знал о предстоящих встречах и, конечно, за нами следил. Но все его предосторожности были напрасны. Заговор чекистами был раскрыт.

Локкарт и его сподручные были арестованы, иностранные шпионы и заговорщики разоблачены, пойманы с поличным. Они предстали перед советским судом, и об их гнусных делах и намерениях с возмущением узнали трудящиеся Советской России и всего мира. Планы врагов были вовремя сорваны.[66]

Радостным событием для чекистов был приезд Владимира Ильича Ленина 7 ноября 1918 года, в первую годовщину Октябрьской революции, к нам в клуб на митинг-концерт. В своем выступлении он говорил о задачах и работе чекистов. Когда речь зашла о саботаже чиновников и специалистов, Владимир Ильич сказал, что нужно уметь отличать и отбрасывать мелочи, не всегда действовать одними только репрессиями, надо уметь воспитывать чюдей, влиять на них убеждением.

Вскоре мне пришлось по заданию Дзержинского заняться такой работой. В ВСНХ саботаж служащих принял широкие

размеры, и Феликс Эдмундович выделил специальную комиссию «по борьбе с саботажем и преступлениями по должности в органах ВСНХ», как значилось в мандатах членов комиссии (Фридмана, Матулевича и моем).

Изучая обстановку в ВСНХ, мы установили, что часть старых специалистов работает добросовестно. Однако их было меньшинство. Многие служащие работали кое-как, некоторые из них приходили только в дни выдачи заработной платы, чтобы получить деньги. Пришлось заняться воспитанием: беседовать с ними, убеждать их. Когда же наши уговоры не помогали, мы предупреждали, что если они не станут честно работать, а будут продолжать злостный саботаж, то придется вызвать их для беседы на Лубянку.

Вскоре саботаж прекратился. Но дисциплина осталась очень низкой. Служащие приходили на работу, когда им заблагорассудится, даже через несколько часов после начала рабочего дня. Тогда мы взяли чистый лист бумаги и терпеливо стали поджидать «опаздывающих». Когда они приходили, их заставили самих на этом листе проставить время явки на работу и расписаться. После этого дисциплина, конечно, подтянулась.

Феликс Эдмундович был доволен результатами работы нашей комиссии.

Деятельность ВЧК проходила под непосредственным контролем и руководством партии. Дзержинский сам был очень самокритичен и заставлял нас критически оценивать свою работу. Он постоянно напоминал, что ВЧК — это вооруженный отряд рабочего класса, осуществляющий диктатуру пролетариата, и учил нас всегда опираться на партию и трудящиеся массы…

Феликс Эдмундович был человеком очень скромным. Он ни в чем не выделял себя, не пользовался никакими привилегиями по сравнению с другими работниками ВЧК. Если только работа ему позволяла, он приходил обедать в оощую столовую. Сам брал на раздаче пищу, такую же, как получали все, садился с нами за стол, сколоченный из длинных досок и установленный на козлы. С обеих сторон стола стояли длинные скамейки. Однажды, обедая, я оглянулся и увидел Дзержинского, который с тарелкой в руках перешагивал через скамейку, чтобы сесть за стол.

Обеды тогда готовились без мяса и жиров. На первое — жидкие постные щи, на второе — каша из чечевицы или ячменя, изредка давали конину.

Когда Феликс Эдмундович был занят и обедать ему приходилось в своем кабинете, он справлялся у сотрудников, что они ели в столовой, не допуская, чтобы ему приносили что-либо лучшее. Настоящего чая тогда не было, часто пили просто

кипяток или какой-нибудь суррогат. Дзержинский тоже пил морковный чай или кипяток, как и все.

Мы глубоко и преданно любили своего Дзержинского и готовы были идти за ним на самые трудные дела и подвиги. В нем было что-то светлое, особенное. Он как бы излучал тепло, проникающее в душу. Само присутствие Феликса Эдмундовича среди нас вселяло спокойную уверенность, бодрость и желание работать самоотверженно и смело. Закаленные Дзержинским, чекисты оказались умнее и сильнее любой вражеской и иностранной разведки. Чекисты были неподкупны, честны. Преодолевая огромные трудности, не зная часто ни сна, ни отдыха, бесстрашно работая под руководством партии, они верно и беззаветно защищали завоевания Октября. Роль в этом Ф. Э. Дзержинского была великой и незабываемой. Он поистине был пролетарским якобинцем и рыцарем революции.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 151–158

В. И. ТАЛЛЕРЧИК В МЕДИЦИНСКОЙ КОМИССИИ ВЧК

В конце 1918 — начале 1919 года Санитарное управление Красной Армии оказалось в тяжелом положении с кадрами. Приказы Наркомздрава о мобилизации медицинского персонала не давали желаемых результатов: в призывную комиссию врачи не являлись, а те, кто прошел ее и был признан годным, не выполняли предписания об отправке на фронт.

В конце концов выяснилось, что в высшую призывную комиссию пробрались ярые белогвардейцы. За взятки они освобождали от службы в Красной Армии любого, превращая здоровых людей в больных.

Наглость некоторых членов комиссии дошла до того, что на Сухаревском рынке в Москве можно было открыто купить бланки документа, удостоверяющего, что врач (или лекарский помощник) признан негодным к военной службе в Красной Армии. Оставалось только вписать туда свою фамилию, имя и отчество.

Когда все эти безобразия были вскрыты и виновные понесли заслуженное наказание, у Ф. Э. Дзержинского возникла мысль о создании Особой медицинской комиссии при ВЧК. В. И. Ленин одобрил предложение и поручил Феликсу Эдмундовичу взять это дело на себя.

В то тяжелое для молодой Советской республики время вопрос об обеспечении Красной Армии медицинскими кадрами имел решающее значение. В стране свирепствовала эпидемия тифа. Ничтожная платяная вошь угрожала самому существованию республики. На VII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: «…все внимание этому вопросу. *Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!*»[67]

Один знакомый доктор, работавший в приемнике, собиравшем сыпнотифозных больных с прибывающих в Москву поездов, рассказал, что только на трех вокзалах (Казанском, Ярославском и Николаевском — ныне Ленинградском) с поездов ежедневно снимали сотни мертвых. Еще большими цифрами исчислялось количество больных. Палаты, коридоры, лестничные клетки приемника были так заполнены сыпнотифозными, что по утрам врачам приходилось пробираться в палаты через окна.

Председателем Особой медицинской комиссии при ВЧК был назначен Михаил Сергеевич Кедров, член партии с 1901 года, видный военный работник, имевший медицинское образование.

Он обладал большим организаторским талантом, был человеком непреклонной воли. Михаил Сергеевич в кратчайший срок наладил работу медкомиссии.

На первом организационном совещании сотрудников комиссии Феликс Эдмундович говорил:

— Вам, товарищи, поручается большое и очень ответственное дело — пополнить Красную Армию командными и медицинскими кадрами. Будьте бдительными и честными. Пролетарские руки не должны, не могут быть замараны взятками. За это каждый поплатится своей честью и головой. Комиссия должна влить новые силы в Красную Армию.

В организации и укреплении советского здравоохранения Ф. Э. Дзержинский принимал самое горячее участие способствуя проведению в жизнь мероприятий санитарно-профилактического характера. Он считал, что нет непреодолимых трудностей, когда речь идет об укреплении Советской власти.

Сам Феликс Эдмундович служил нам примером во всем. Он относился к подчиненным строго, но справедливо. О его чуткости, отзывчивости могут рассказать все, кому довелось с ним работать.

В период работы секретарем медицинской комиссии мне по делам службы приходилось довольно часто встречаться с Феликсом Эдмундовичем. Однажды я пришел к нему с очередной сводкой, усталый и проголодавшийся. Он взглянул на меня и спросил:

— Что, устали? Садитесь. — И, уловив вырвавшийся у меня вздох, сказал: — В каких бы трудных условиях ни пришлось жить, не падайте духом.

После перевода М. С. Кедрова на другую работу Ф. Э. Дзержинский назначил на его место доктора В. С. Гиршфельда, который привлек к работе лучших специалистов того времени — профессоров М. П. Кончаловского, П. Б. Ганнушкина, Г. И. Россолимо и других. Это в высшей степени способствовало повышению авторитета комиссии.

Осенью 1919 года угроза нависла над колыбелью революции — красным Петроградом. На город двинулись белогвардейские войска генерала Юденича. В связи с этим основной состав медицинской комиссии был откомандирован в Петроград, чтобы из числа бывших офицеров отобрать для Красной Армии командиров и врачей. Эту задачу мы выполнили и направили в распоряжение Петроградского военного округа большое количество командных и медицинских кадров. Кроме укрывавшихся от службы бывших офицеров были призваны в армию многие гражданские зубные врачи.

С января 1920 года Особая медицинская комиссия ВЧК перешла в ведение Реввоенсовета Республики. Ее работой стал руководить заместитель председателя РВС Э. М. Склянский.[68]

Весной 1920 года буржуазно-помещичья Польша развязала войну против Советской Республики. Ввиду тяжелого положения, создавшегося на Западном фронте, Совет Труда и Обороны принял 12 мая специальное постановление об откомандировании из советских учреждений Москвы бывших офицеров, годных для фронта. Вот это постановление:

> «Поручить всем комиссариатам по соглашению с военным ведомством выделить годных для Западного фронта офицеров, обязав их явиться в комиссию при Реввоенсовете Республики, с тем, чтобы по истечении трехдневного срока после явки они были отправлены на Западный фронт.
>
> Эту меру распространить на учреждения военного ведомства и Московский Совет.
>
> Доклад об исполнении назначить в Совете Труда и Обороны через неделю.
>
> Председатель Совета Труда и Обороны
> *В. Ульянов (Ленин)*».[69]

После этого в работе комиссии начались особенно горячие дни.

З. П. Соловьев,[70] возглавлявший Военно-санитарное управление Красной Армии, часто жаловался Гиршфельду на нехватку медицинских кадров, особенно среднего персонала. Поэтому было заведено правило: всем прошедшим медкомиссию выдавать в тот же день удостоверения с указанием срока явки в военкомат — не позднее 15 часов следующего дпя.

Некоторые вызванные на комиссию лица отказывались служить в армии, считая, что они и на гражданской работе приносят пользу, что врачи только мертвых признают негодными для фронта. На этой почве иногда происходили разного рода эксцессы. Один бывший офицер, недовольный решением комиссии, ударил костылем по столу и разбил электрическую лампочку. Известный московский врач Вольпе сбросил со стола чернильницу и испортил председателю костюм.

Материальное обеспечение комиссии соответствовало обстановке и возможностям того времени. Врачи вынуждены были приносить с собой инструменты и не слишком громоздкие приборы. Питались мы плохо. Обед состоял из горячей водички с разваренными в ней головками сельди, мятой, неочищенной, часто подмороженной картошки и морковного чая без сахара.

Материальные трудности тогда испытывали все, поэтому и мы переносили их сравнительно легко. Каждый сознавал, что во имя светлого будущего можно пережить и не такие лишения.

Особая медицинская комиссия сыграла важную роль в пополнении Красной Армии специалистами. Все ее члены трудились с большим рвением. Я горжусь тем, что мне пришлось работать в этой комиссии под руководством такого выдающегося деятеля нашей партии, как Ф. Э. Дзержинский.

Посланцы партии.

М., 1967, с. 49–52

В. Н. МАНЦЕВ
МЕЧ РЕВОЛЮЦИИ

С совершенной определенностью можно сказать, что та громадная работа в борьбе с контрреволюцией, которую так успешно непосредственно после Октября и позднее проводила Всероссийская чрезвычайная комиссия и ее организации на местах, обязана своими достижениями в громадной степени тому, что во главе этой борьбы… стоял Феликс Эдмундович Дзержинский…

Он, как председатель ВЧК, полнее, чем кто бы то ни было… обладал характером, в котором твердость, энергия, энтузиазм революционера сочетались с глубочайшей верой в революционные силы рабочих и крестьян, с глубочайшей верой в конечную победу социальной революции, с глубочайшей верой в правоту того дела, за которое поднял восстание рабочий класс…

Основным методом работы ЧК являлась организация массовой борьбы против контрреволюции. Скажем, на Украине в 1920 году, в тот момент, когда мы имели крымский и польский фронты и когда вся Украина была сплошь покрыта бандами, когда мы почти не могли иметь совершенно правильно функционирующих советских органов власти, когда для борьбы с бандитизмом мы могли выдвинуть только незначительные кадры наших воинских сил, Дзержинский твердо проводил основную идею привлечения масс к работе в ЧК. Он, как и всегда в этих случаях, руководить борьбой приехал сам на Украину, став там начальником тыла. И если в то время бандитизму был нанесен основной удар, то это в громадной степени явилось результатом энергии, настойчивости, с которой Дзержинский руководил этой борьбой…

Помню, в беседах с нами… в своих приказах он неустанно повторял, что достигнуть максимального успеха в нашей борьбе мы можем, только неразрывно связывая нашу деятельность с партией, следуя ее директивам и проводя свою борьбу при посредстве рабочего класса и крестьянства. Он всегда говорил, что мы не должны самонадеянно объяснять успехи в нашей борьбе только мощью нашей организации, что в конечном итоге они зависят от того, что мы правильно использовали революционную энергию рабочего класса и крестьянства. Но в то же время Феликс Эдмундович был твердо уверен в необходимости создания организации охраны завоеваний революции такой мощи и силы, которые соответствовали бы силам и мощи основного

движущего класса — революционного пролетариата. Поэтому максимум своего времени и энергии он отдавал внутренним… делам ВЧК. Он стремился к тому, чтобы ЧК в максимальной степени были классовыми по своему составу, чтобы большинство работников в них были из рабочего класса. Он стремился к тому, чтобы ЧК не превратились в бюрократическое учреждение… И мы видим, что за короткий срок он привлек к этой работе людей, которые выполнили партийные директивы и оправдали доверие рабочего класса.

К личным чертам Дзержинского как руководителя ЧК нужно отнести ту величайшую обаятельность его характера, благодаря которой основные кадры работников ЧК совершенно безгранично были преданы ему и беспрекословно выполняли его приказы, зная, что они являются в то же время революционной необходимостью и приказами партии.

К тому же Дзержинский был всегда товарищески прост и товарищески верен. Этим объясняется то, что чекисты при его водительстве составляли тесную, дружную, спаянную семью, объединенную пламенной верой в правоту революционной пролетарской идеи и в конечную победу Рабочего класса.

Красная звезда,

1926, 21 июля

Н. А. РАВИЧ
«РЕВОЛЮЦИОНЕР ДОЛЖЕН МЕЧТАТЬ…»

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, в начале апреля 1918 года, мы с Делафаром сидели в комнате одного из богатых московских особняков. Делафар читал мне свои стихи. Комната была заставлена старинной мебелью красного дерева, на стенах висели картины — прежний хозяин считался известным коллекционером. На столе работы мастеров павловского времени стояли две солдатские алюминиевые кружки и большой жестяной чайник. Взамен сахара на бумажке лежало несколько слипшихся леденцов…

Изразцовые печи с синим затейливым рисунком почти не давали тепла. Для того чтобы прожить долго, говорится в одной старинной книге, нужно жить в деревянном доме и кафельные печи топить березовыми дровами. Тогда теплый воздух будет бодрящим и освежающим… Не только березовых, но и сосновых дров не было, топили чем попало.

Делафар был молодым человеком с пушистыми светлыми волосами, правильными чертами лица и горящими глазами. Улыбался он или сердился, читал стихи или допрашивал арестованных — его голубые глаза всегда горели. Он мог часами говорить о Марате и Робеспьере, прекрасно знал историю французской революции, восторгался якобинцами, верил в то, что капиталистический мир погибнет в самое ближайшее время, и считал, что систематическое уничтожение контрреволюционных элементов является таким же необходимым гигиеническим мероприятием, как, скажем, чистка зубов. Делафар был чекистом-поэтом, чекистом по убеждению и призванию, хотя и происходил из аристократической французской семьи (предки его бежали во время французской революции в Россию). Теперь правнук бежавшего маркиза являлся участником величайшей из революций. Такова диалектика истории.

Позднее, в 1919 году, Делафар был послан на подпольную работу в Одессу, оккупированную французскими войсками. Оккупанты долго не могли его выследить. Однажды они напали на его след, окружили, но ему удалось уйти. Это было ночью. Делафар отстреливался и исчез. В другой раз, при новой перестрелке, он был ранен и схвачен. Его судил французский военный суд. На суде Делафар произнес на блестящем французском языке гневную речь, в которой клеймил оккупантов. Делафара расстреляли на барже. Он отказался от повязки,

скрестил руки на груди и воскликнул: «Да здравствует мировая революция!»

В тот апрельский день, когда Делафар читал мне стихи, он, и я, как и многие молодые люди нашего поколения, полагали, что мировая революция — дело совсем близкое и сравнительно несложное. Такое представление отражалось и в его стихах, где описывалось падение старого мира и будущее царство труда. В какой-то особенно патетический момент, когда Делафар, ударяя кулаком по столу, читал описание последнего решительного боя, в комнату вошел высокий, худощавый человек лет сорока, с бородкой и усами. Он придерживал накинутую на плечи солдатскую шинель, выражение его продолговатых серых глаз было задумчивым. Человек постоял, послушал, потом сел на диван. Неожиданно улыбнулся, лицо его подобрело, он осторожно взял кружки, подскакивавшие от ударов делафаровского кулака, и переставил их на подоконник.

Делафар кончил читать, вынул из кожаной тужурки платок, отер лоб и повернулся к человеку, сидевшему на диване.

— Ну как? — И, не ожидая ответа, прибавил: — Познакомьтесь, товарищи…

Человек в шинели приподнялся:

— Дзержинский…

— Ну как? — снова спросил Делафар. Дзержинский посмотрел на меня, на Делафара и сказал со своей удивительно мягкой и застенчивой улыбкой:

— Революционер должен мечтать, но конкретно — о вещах, которые из мечты превращаются в действительность. Все мы мечтали, что пролетариат захватит власть, эта мечта осуществилась. И все мы мечтаем о том, что, победив своих классовых врагов, создадим могучее социалистическое государство, которое откроет человечеству путь к коммунизму. Вот над осуществлением этой грандиозной задачи придется работать и нам, и, вероятно, нашим детям. А стихи… По-моему, неплохие.

Делафар молча посмотрел на Дзержинского, на меня, покраснел, поставил алюминиевые кружки обратно на стол, достал еще одну, взял чайник и пошел за кипятком. Дзержинский посмотрел ему вслед. Не обиделся ли? Ведь он в стихах выразил то, во что верит, чем заполнена его Душа.

Когда Делафар вернулся, разговор перешел на общие темы, Я сказал, что часть интеллигенции, честно желающая служить Советской власти, смущена все возрастающим бандитизмом в Москве, беспорядком в учреждениях, исчезновением продуктов и тем, что спекулянты продают их не за деньги, которые

катастрофически теряют свою ценность, а в обмен на ценные вещи. Дзержинский усмехнулся.

— Удивляюсь вашей наивности. Идет классовая борьба не на жизнь, а на смерть. Буржуазия применяет самые подлые методы по отношению к рабочему классу и его правительству. Саботаж, уничтожение и утаивание продуктов, печатание фальшивых денег, организация бандитизма — вот с чем мы сталкиваемся. Помимо заговоров и шпионажа. По Москве бродят шайки анархистов, грабят, захватывают особняки, убивают. Кто они? Идейных анархистов там ничтожное количество. Основное — это уголовники и офицеры, которые ими руководят. Например, в Петрограде бандитами руководил князь Эболи… Но мы справимся со всем этим…

Он поправил спадавшую с плеч шинель, сделал глоток из кружки и встал. И уже в дверях, как бы на прощание, сказал:

— Все честное, что есть в стране, перейдет к нам. Остальное — я говорю о наших врагах — или будет уничтожено, или рассеется, сойдет с исторической сцены.

И вдруг Дзержинский улыбнулся. Его глаза как будто засветились, и худощавое, суровое лицо аскета стало необыкновенно добрым.

— Ничего, вы еще увидите, как расцветет наше социалистическое государство. А то, что происходит сейчас, — это неизбежные этапы борьбы рабочего класса за свое будущее.

Он ушел, и мы несколько минут просидели молча. Когда я собрался уходить, Делафар поднялся.

— Я провожу вас немного, — сказал он.

Делафар взял лежавшую на подоконнике кобуру с револьвером и надел ее на ремень под кожаной курткой, снял фуражку с вешалки, и мы вышли на улицу.

Было уже темно. Стоял ясный холодный апрельский вечер. По пустынным неубранным улицам ветер гнал мусор и обрывки бумаги. В переулке, выходящем со стороны Малой Дмитровки в Каретный ряд, хлопнул выстрел, потом другой, послышались крики «Стой!» и топот бегущих людей. Потом все стихло. Мы продолжали идти. Полная луна освещала голые деревья Страстного бульвара, пустые аллеи и занятые влюбленными скамейки.

Делафар оглянулся, вдохнул полной грудью свежий вечерний воздух, в котором чувствовался весенний запах оттаявшей земли, и сказал:

— Хорошо! Надо пережить этот год, а там наступит революция в Европе, образуется союз социалистических стран и исчезнут все наши трудности…

Если бы мы оба могли знать, что через год Делафар будет отправлен на подпольную работу и погибнет, что немного позже и я переживу тяжелые испытания в подполье и что через два года мне придется встретиться с Ф. Э. Дзержинским в совершенно других условиях…

Весной 1920 года я вернулся вместе с одним из старейших украинских большевиков, В. А. Ордынским, из польского подполья. В Смоленске мы расстались. Я получил назначение в Харьков, в штаб Юго-Западного фронта, на должность начальника секретно-информационного отдела при начальнике тыла фронта. Ордынский назначен был в Киев, в военную прокуратуру.

Начальником тыла Юго-Западного фронта был Ф. Э. Дзержинский.

За два года, прошедшие со дня нашей первой встречи, Ф. Э. Дзержинский довольно заметно изменился — похудел, побледнел и частенько покашливал, чего раньше не было.

После заключения в польской тюрьме, неудачного побега и пребывания в лагере «Дембью» под Краковом здоровье мое пошатнулось. Работа в штабе была напряженной и кончалась поздно ночью. Поэтому меня поместили в санаторий на Рымарской улице. Там же некоторое время находился и Дзержинский. В половине девятого утра мы обычно выходили и пешком шли в штаб. Машина ехала за нами. Если Дзержинский уставал, мы садились в нее.

Это была единственная прогулка Дзержинского за день. Спал он мало, ел нерегулярно. Теперь даже трудно представить себе, какую нагрузку выдерживала ленинская плеяда руководителей Советского государства. Помимо того, что Ф. Э. Дзержьнский был начальником тыла Юго-Западного фронта (представлявшего в период махновщины самостоятельный внутренний фронт), он был еще председателем ВЧК, народным комиссаром внутренних дел и членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Кто мог сказать, сколько еще времени организм Дзержинского выдержит такое напряжение? Это вызывало беспокойство даже у Центрального Комитета партии. Но на фронте шли решающие бои, и всякое упоминание о необходимости отдыха приводило Феликса Эдмундовича в страшное раздражение. «Кто вам наврал о состоянии моего здоровья и перегрузке работой?» — запрашивал он Центральный Комитет 9 июня 1920 года…

Обычно Феликс Эдмундович носил гимнастерку, подпоясанную широким ремнем, армейские брюки, сапоги, солдатскую шинель, фуражку. Все, однако, было хорошо подогнано. Он был во всем очень аккуратен. При огромной

нагрузке день Дзержинского был точно распределен. Феликс Эдмундович говорил очень тихо и обладал железной выдержкой. Какие бы ни поступали известия — хорошие или плохие, лицо его было одинаково спокойно…

За время работы с Феликсом Эдмундовичем в двадцатом году я редко видел его в состоянии раздражения…

Дзержинский органически не терпел никакой грубости. Он никогда не повышал голоса, был очень вежлив и предупредителен по отношению к другим; с удивительной чуткостью он относился к нуждам сотрудников и мало обращал внимания на себя.

Легко можно представить себе, что в период широкого польского наступления на Украину, одновременного наступления Врангеля, активизации махновщины, когда все контрреволюционные элементы зашевелились, стремясь взорвать фронт с тыла, работы было более чем достаточно.

Сам Ф. Э. Дзержинский отправлялся на работу в половине девятого утра, а возвращался поздно ночью. Во всех подведомственных ему учреждениях официальное время для занятий было установлено с 11 часов утра до 10 часов вечера, с двухчасовым перерывом на обед. Если же в установленное время работа не была выполнена, никто не имел права уходить.

Зная это, Ф. Э. Дзержинский сам проверял, как питаются сотрудники.

Однажды, заметив, что в снабжении имеются перебои, он издал специальный приказ, в котором говорилось: «Учитывая, что подобная напряженная работа сотрудников потребует исключительного напряжения сил и не может протекать в условиях хронического недоедания, предписываю начальнику снабжения принять срочные меры к удовлетворению сотрудников полным положенным фронтовым пайком, чтобы случаи недодачи пайка, в особенности мяса или рыбы, не имели бы места в будущем…»

В апреле польские войска на всем фронте перешли в наступление. Остатки петлюровцев присоединились к полякам. В своем обозе поляки везли Петлюру.

Начал наступательные операции Врангель. Зашевелились махновские банды.

Почти не существует печатных материалов о Ф. Э. Дзержинском как о военачальнике. Между тем именно в период с мая по июль 1920 года, когда он был начальником тыла Юго-Западного фронта, ему пришлось непосредственно руководить широкими маневренными операциями по ликвидации крупных бандитских шаек в тылу, в первую очередь против армии Махно.

Можно, без всякого преувеличения, сказать, что Дзержинский выработал ту технику борьбы с кулацко-белогвардейскими бандами, которая применялась и впоследствии, до окончания так называемой «малой гражданской войны».

Ф. Э. Дзержинский прекрасно изучил все наши ошибки в борьбе с бандитизмом на Украине в 1919 году.

В подробном приказе по войскам тыла он указывал на «несостоятельность принципа окружения бандитов небольшими силами» и требовал «прилагать все усилия к сосредоточенному действию, разбивая банду маневренными ударами, после чего применять ее окружение и уничтожение».

Категорически запрещалось удовлетворяться выключением банд из боя. Перед каждым командиром ставилась задача энергичного преследования противника, для того чтобы в конечном счете он был уничтожен.

Разумеется, для такой войны чисто маневренного характера и на больших пространствах требовалась особая армия, обладающая большой подвижностью. Примерно к концу мая численность войск внутренней охраны тыла Юго-Западного фронта достигала 50 тысяч человек. В их составе было большое количество конницы, звено самолетов, бронеавтомобили. Наряду с маневренными группами в наиболее важных стратегических пунктах были созданы постоянные гарнизоны. Важнейшее значение придавалось охране железных дорог, телефонных и телеграфных линий, складов и наведению порядка на транспорте. Надо было обезопасить все станции от шпионов, диверсантов, мешочников и спекулянтов, установить точный график Движения поездов, обеспечить быстрое продвижение военных эшелонов и составов с продовольствием.

Как я уже говорил, Феликс Эдмундович больше всего любил систему в работе и тщательную продуманность каждого мероприятия. Он прекрасно понимал, что одних военных мероприятий мало, надо, чтобы на селе низовой аппарат Советской власти работал честно, добросовестно а пользовался авторитетом у крестьян. Командирам отдельных подразделений ни в коем случае не разрешалось подменять собой местные административные органы. Поэтому в штабе тыла была создана специальная политическая секция. Она занималась печатной и устной агитацией на селе, организацией повседневной помощи местным органам Советской власти и обязана была сообщать секретно-информационному отделу о всех злоупотреблениях на местах.

Даже такое мероприятие, как повсеместное изъятие оружия у населения, проводилось крайне осторожно. В приказе от 27 июня

1920 года Ф. Э. Дзержинский указывал: «Обыски производить только в том случае, когда есть уверенность, что оружие будет найдено, а необдуманных и неорганизованных действий не допускать».

Ф. Э. Дзержинский воспитывал чекистские кадры в духе высокой партийности и строгого соблюдения советских законов. «Железный Феликс», будучи сам рыцарем «без страха и упрека», карал беспощадно каждого, кто пятнал репутацию чекиста, какое бы положение он ни занимал.

> «…Члены коллегии ЧК обязаны знать все декреты и ими в своей работе руководствоваться. Это необходимо для того, чтобы избежать ошибок и самим не превратиться в преступников против Советской власти, интересы которой мы призваны блюсти».[71]

Инструкция о производстве обысков и арестов, написанная Ф. Э. Дзержинским в марте 1918 года, начинается так: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача пользуясь злом, — искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым… помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромость, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть.[72]

Феликс Эдмундович считал необходимым разоблачать клеветников, склочников, авторов анонимок, людей, занимающихся доносами на честных граждан.

В одном из приказов он пишет о таких «доносителях». «Часто авторами подобных заявлений являются лица, не заслуживающие никакого доверия, а мотивами подачи заявлений — сведение личных счетов, желание дискредитировать того или другого сотрудника, а иногда и убрать его с дороги ради своей личной карьеры. Часто даже подписанные заявления являются анонимными или с подложными фамилиями; в таких случаях необходимо найти самих заявителей…

Необходимо оберегать честь и доброе имя ответственных партийных и советских работников… В случаях, когда возникает против кого-либо только подозрение, необходимо проверить его

основательность с таким расчетом, чтобы сама проверка не запачкала имени работника».[73]

Май 1920 года был очень тяжелым. Поляки заняли Киев и все еще сохраняли свой наступательный порыв. Страна под руководством В. И. Ленина напрягала все силы для того, чтобы нанести им ответный сокрушительный удар.

Стояли прекрасные солнечные дни, какие бывают только на Украине во второй половине мая. Тогда мало занимались украшением городов, но все-таки в скверах и на некоторых площадях пестрели клумбы с цветами.

В одно такое сияющее, полное света утро, направляясь к штабу, мы проходили через сквер. Вдруг Дзержинский остановился:

— Как пахнут цветы! Наверное, сейчас хорошо в лесу, слышатся птичьи голоса, сквозь деревья видны облака, плывущие по небу… Воздух чист и легко дышать…

Он прошел несколько шагов и прибавил:

— Как мало людей, которые могут пользоваться тем, что дает им природа…

И я почувствовал, что этот замкнутый и сдержанный человек любит природу, цветы, детей с такой силой, на какую способны только люди, которых многолетнее пребывание в тюрьме лишало всех радостей жизни. Но и теперь, когда осуществилось то, ради чего Дзержинский боролся столько лет, и пролетариат пришел к власти, он, как и прежде, отдавал себя полностью работе, сокращая время для еды и сна. Нужно было иметь железную волю, чтобы изо дня в день выдерживать такую нагрузку. При этом основная черта «железного Феликса», как прозвали его в партийной среде и в народе, заключалась в том, что каждое дело, которым он занимался, — большое или маленькое — он изучал с величайшей тщательностью. Он не прощал ошибок, считая, что они могут быть результатом только небрежности или верхоглядства…

Почти год Дзержинский изучал экономические и политические причины махновщины и положение в украинской деревне. Несомненно, что его доклады были важной частью тех многочисленных материалов, которые привели В. И. Ленина к мысли о необходимости перехода от продразверстки к продналогу.

Впоследствии начальник штаба махновской армии В. Белаш показал: «В июне 1921 года крестьянство осознало новую экономическую политику и в большинстве своем отвернулось от Махно и стало на сторону Советской власти…»

В июле 1920 года Красная Армия подошла к Львову и

Варшаве, в октябре было подписано соглашение о перемирии, в ноябре советские войска покончили с Врангелем…

…Ф. Э. Дзержинский уже в конце июля выехал на Западный фронт, штаб Юго-Западного превратился в штаб Южного фронта, менялось командование, но система работы и принципы воспитания кадров, установленные Дзержинским, оставались неизменными.

Менее всего эта система основывалась на применении наказаний. Дзержинский терпеливо учил работать сотни молодых людей, состоявших в его аппарате. При этом сам он был в глазах молодежи живым примером рыцаря революции «без страха и упрека». Он приучал к тому, чтобы люди никогда не спешили, но и не запаздывали, чтобы, прежде чем доложить о чем-нибудь, все было бы обдумано и проверено и, самое главное, чтобы люди умели владеть собой при любых обстоятельствах и никогда не говорили неправду. Он считал, что мы должны быть по своей культуре, выдержке, честности неизмеримо выше своих врагов.

Решительность, принципиальность, кристальная честность «революционных якобинцев» сделали из ВЧК, по словам Ленина, то учреждение, которое было нашим разящим оружием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были значительно сильнее нас…

Много лет спустя после смерти Дзержинского мне пришлось побывать в селе Тасееве, расположенном на тракте в 150 километрах от Канска. Это — старинное сибирское село, которое очень разрослось за годы Советской власти. Когда-то по этому тракту шли на каторгу партии политических. В деревне Хандалы, что находится в 15 километрах от Тасеева, партии останавливались. Снимали кандалы, и каторжане, раскованные, шли дальше, через Тасеево в село Троицкое — на соляные копи. В самом Тасееве селили ссыльных.

Теперь, если въехать в это село по Буденновскои улице, которая тянется километра два, то доедешь до почты, а от нее сворачивает налево в гору Дзержинская улица. На углу стоит деревянный старенький дом, к стене которого прибита мемориальная доска. Сюда, приговоренный к вечному поселешно в Сибири, в 1909 году был доставлен Ф. Э. Дзержинский. Через семь дней после прибытия он бежал. Это был его третий побег. Дикая тайга и сейчас окружает село; осень делает дороги непроходимыми. В те годы даже самые лучшие ямщики в осенние месяцы не решались выезжать в город. Нужно было иметь душу орла, чтобы из этой глуши решиться бежать за тысячи километров в другую часть света и снова продолжать борьбу, зная, что тебе

опять грозит ссылка или тюрьма.

И этот революционный порыв, несгибаемую волю и готовность жертвовать собой ради дела коммунизма Дзержинский сохранил до конца жизни. Он умер, защищая то, что ему было дороже всего, — чистоту ленинского учения.

Наш современник, 1960,

№ 2, с. 93–100

О. Э. РЕДЛИХ
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Бывают встречи, которые запоминаются до мельчайших подробностей, оставляют неизгладимый след в жизни. Я много прожил, много повидал, был знаком со многими интересными людьми. Но самыми памятными были встречи с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, с человеком, который при жизни стал легендой, которого народ любовно называл «железным Феликсом», рыцарем революции —, рыцарем «без страха и упрека».

Впервые я встретился с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Командованием красногвардейского отряда, действовавшего в Новгороде, мне было поручено во что бы то ни стало привести из Петрограда подкрепление, чтобы дать бой орудовавшим в городе контрреволюционным… отрядам.

В то время я был еще молодым солдатом, попал в кипевший революционными страстями Петроград и растерялся. Куда идти, к кому обратиться за подкреплением? В Смольном штаб революции, в Смольном большевики — об этом говорили все. Я пошел в Смольный… Один матрос, на бескозырке которого пламенело название легендарной «Авроры», выслушал меня и говорит:

— Хочешь быстро решить дело, иди к Дзержинскому… Пошел по коридорам Смольного, спрашиваю у встречных солдат, где найти Дзержинского. Мне показали дверь одного из кабинетов военно-революционного комитета, у которого толпились люди. Встал и я в очередь, думаю, весь день простого, столько народа ждет. Но, на удивление, посетители быстро выходили из кабинета: одни — озабоченные, другие — довольные. Дошла и моя очередь. Вхожу, смотрю — за столом сидит человек с худым землистого цвета лицом, с острой бородкой… высоким крутым лбом.

— Я вас слушаю, товарищ, — поднялся из-за стола Дзержипскнй. На нем была военная гимнастерка… брюки навыпуск и тяжелые солдатские ботинки на толстой подметке.

Я стал рассказывать о контрреволюционерах, о том, что самим нам с ними не справиться, уж больно неравны силы. Протянул Дзержинскому огромный мандат, в котором были написаны все мои полномочия. Дзержинский внимательно

прочитал бумагу, выслушал меня… В конце беседы он передал мне записку. В ней указывалось, что в Новгород отправляется 150 питерских солдат, которые будут действовать совместно с нашим новгородским отрядом.

— А как у вас с оружием? — спросил Дзержинский.

— Негусто, — ответил я.

Дзержинский написал еще одну записку, по которой из одного питерского склада в наше распоряжение выделялись винтовки и патроны.

— Желаю удачи, — сказал на прощание Феликс Эдмундович.

Помощь пришла к новгородцам вовремя. Объединенными усилиями нам удалось разгромить контрреволюционеров, отстоять Советскую власть в этом древнем русском городе.

После этого памятного знакомства мне часто приходилось слышать о Дзержинском. Среди работников ЧК, революционных войск о нем ходили легенды, говорили о его личной храбрости, проницательности, умении распутывать самые сложные заговоры контрреволюции, непримиримости, беспощадности к врагам…

Вторая встреча произошла ужо в Москве, в здании Всероссийской чрезвычайной комиссии. Из разных мест собрались в здание на Лубянке молодые чекисты, был среди них и я. Вот входит в комнату Феликс Эдмундович Дзержинский. Его проницательные глаза покраснели от недосыпания, лицо, кажется, еще больше исхудало. Он начал говорить о высоком призвании тех, кому партия, молодая Советская власть доверили оберегать спокойствие народа, бороться с его врагами. Много лет прошло с тех пор, но я помню, с какой страстностью Феликс Эдмундович говорил о преданности партии, о том, что чекисты должны работать под строгим контролем партии, выполнять ее волю. Несколько раз он подчеркнул мысль, что ЧК выполнит свои задачи только тогда, когда будет опираться на народ, прислушиваться к нему, учиться у него. Помню, какое большое впечатление на всех нас произвело высказывание Дзержинского о том, что надо заботливо и внимательно относиться к каждому человеку. И с заключенными надо быть гуманными, нельзя рассматривать всех, совершивших преступления, как неисправимых, обреченных людей. Из этой беседы мы на всю жизнь сделали для себя вывод, что чекист должен быть не только беспощадным к врагам, не только строгим, но и справедливым, глубоко партийным человеком.

После выступления Дзержинского мы его окружили тесным кольцом, стали задавать самые различные вопросы. Он на них охотно, убедительно отвечал. Потом сам стал нас расспрашивать

о положении на местах, откуда кто родом, как живут семьи. Узнав, что я родом из Прибалтики, Феликс Эдмундович улыбнулся, сказал, что мы земляки, почти соседи. Помню, с какой убежденностью он заявил, что и над Латвией, и над Литвой, и над Белоруссией будет развеваться красный флаг свободы.

После этой встречи я работал в ВЧК в Москве, и мне часто приходилось и видеть и слышать Феликса Эдмундовича, разговаривать с ним. И всегда для всех нас Дзержинский был примером настоящего коммуниста. Он был не только блестящим организатором, но и очень скромным человеком, для которого партийная директива была превыше всего. Эти качества он старался привить и всем работникам ЧК… Все мы его любили, и каждое его задание старались выполнять особенно тщательно, вкладывая в него и душу, и революционный пыл.

Запомнился мне такой боевой эпизод. Осенью 1919 года в Москве был раскрыт контрреволюционный заговор под названием «Национальный центр». Ликвидации этого центра придавалось большое значение. Руководил операцией непосредственно Феликс Эдмундович Дзержинский… Участники этой контрреволюционной организации были в основном военные… Заговорщики предполагали начать выступление в пригородах Москвы, отвлечь туда силы, а затем ужо поднять восстание в самом городе. Штаб мятежников разбил Москву на секторы. Они намеревались изолировать центр от районов, а потом повести наступление на Кремль.

Выявить этот «Национальный центр» удалось благодаря тесным связям Дзержинского и других чекистов с народом. До начала операции Феликс Эдмундович уже точно знал, где, в каких местах находятся главные силы заговорщиков, знал адреса вожаков заговора. Он очень четко определил задание каждому из нас. Мне с группой таких же молодых чекистов было поручено разоружить и арестовать контрреволюционеров, окопавшихся в Высшей стрелковой школе в Кунцево. Давая это задание, Феликс Эдмундович предупредил, что надо быть внимательным, осторожным. Он указал места, где в школе хранится оружие, предупредил, что среди руководителей школы, преподавателей много бывших царских офицеров. На слушателей также нельзя положиться. Руководителям школы удалось укомплектовать ее из молодежи, сочувствующей старому режиму.

— Будьте смелы, но небезрассудны, — сказал на прощание Феликс Эдмундович. — Помните, что жизнь каждого из нас нужна революции, нужна народу.

Четко разработанная операция прошла успешно, и никаких жертв мы не понесли. Враги были быстро обезврежены, опасность,

нависшая над Москвой, ликвидирована.

Пламенным, бесстрашным, глубоко душевным, отзывчивым человеком — таким навсегда остался в моей памяти Феликс Эдмундович Дзержинский, соратник великого Ленина. Его жизнь, полностью отданная революции, народу, служит ярким примером для каждого из нас.

Коммунист (Вильнюс),

1962, № 8, с. 21–26

Р. П. ОЙДЕМАН
НАЧАЛЬНИК ТЫЛА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Мне хочется сказать несколько слов о Дзержинском как о солдате Красной Армии, о том Дзержинском, который, мне кажется, менее всего известен широким кругам партии и трудящимся. То, что я хочу сказать, относится к весне 1920 года, когда на Южном фронте[74] вновь наступили критические дни боевой деятельности Красной Армии. Обстановка на фронте в то время осложнялась еще и состоянием тыла, в котором широкой волной, захлестывая целые районы, разлился политический бандитизм — петлюровщина, махновщина, батьковщина… Казалось, кулацкий бандитизм перекидывает мост от наступающих поляков к Врангелю.

В эти истинно критические для Южного фронта дни в Харькове появляется Ф. Э. Дзержинский. Его командировка носит как будто временный характер, он инспектирует работу органов ЧК и особых отделов. Мы, работники управления тыла Южного фронта (управление тыла — орган командования, возглавлявший в то время борьбу с бандитизмом), часто сталкиваемся в это время с Феликсом Эдмундовичем. Он почти ежедневно бывает в управлении, помогает нам, юным, разбираться в крайне сложной обстановке борьбы с политическим бандитизмом, борьбы, в которой требуется величайшая политическая чуткость, дальнозоркость… Работая с ним, мы начинаем по-настоящему понимать, охватывать все значение этого «второго фронта», которому, кстати сказать, не было до сих пор уделено должного внимания. Но тут-то и происходит нечто такое, что явилось неожиданностью для всех нас, работников тыла фронта.

Как-то, кажется в конце мая, меня вызывают в Реввоенсовет фронта.

— Вы сдаете должность начальника тыла и назначаетесь в армию.

— Кому сдать должность?

— Товарищу Дзержинскому.

Признаюсь, я не совсем этому поверил. Как-то не укладывалось в сознании: Дзержинский — член ЦК, председатель ВЧК — и вдруг начальник тыла Южного фронта подчиненный командованию и Реввоенсовету. Сомнения однако, рассеялись, когда я приступил к сдаче своей должности. Оказалось, что Ф. Э. Дзержинский сам вызвался на эту работу, когда встал

вопрос о подыскании кандидата на должность начтыла. И вот он — председатель ВЧК, уже тогда известный во всей стране, Дзержинский — в скромной роли подчиненного Реввоенсовету фронта начальника тыла. Мне кажется, что именно этот поступок особенно характерен для Дзержинского — ударника партии, появляющегося всегда на самых угрожаемых участках, беззаветно отдающегося своей работе, лишенного всякого намека на самоафишировапие или саморекламирование…

До наступления переломных боев на польском фронте он исполняет обязанности начальника тыла, работая со свойственной ему, я бы сказал, с дзержинской энергией. Ему принадлежит немало заслуг в создании той, пока еще распыленной в приказах и инструкциях, еще не написанной тактики политической и военной борьбы с бандитизмом, которая привела в конце концов к советской деревне, к освобождению бедноты и середняка из-под власти вооруженного украинского, сибирского, тамбовского кулака.

Один штрих, характеризующий работу Феликса Эдмундовича на фронте. В начало июля Махно серьезно потревожил тылы армии, в которой я работал. Обстановка, как это тогда бывало нередко, выяснилась лишь поздно ночью. Часа в три ночи вызываю начальника штаба тыла фронта по прямому проводу. К проводу подходит… Дзержинский. Впоследствии, когда я вновь вернулся на работу в штаб тыла, сотрудники его восторженно говорили о Феликсе Эдмундовиче, его работоспособности, той неиссякаемой энергии, которую носил в себе этот… физически измученный человек. Аккумулятор какой-то! Это был, безусловно, твердый, большой воли человек. Но вместе с тем… он умел ценить инициативу подчиненного, быть чутким и внимательным к своим товарищам по работе…

Правда, 1926, 22 июля

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ
ЛУЧШИЙ ПАМЯТНИК

Имя Феликса Эдмундовича тесно и неразрывно связано с гражданской войной, с организацией побед Красной Армии.

В борьбе современных миллионных армии, особенно же в гражданской войне, в силу ожесточенной классовой борьбы армия не может вести войну оторванно от всей страны, от всего своего глубокого тыла. Крепость армии должна подкрепляться крепостью этого тыла.

Красная Армия сколачивалась на фронтах войны и в тыловых формированиях. Все, что было честного в старом офицерстве, откликнулось на призыв Советской власти и пошло на строительство Красной Армии. Но вместе с тем в течение всей гражданской войны мы видим настойчивое проникновение в ряды Красной Армии белогвардейских элементов с целью ее разложения и предательства. В таких условиях, когда Красная Армия еще не поспела выковать свой собственный рабоче-крестьянский командный состав, конечно, было трудно добиваться необходимой боеспособности армии. В этом деле отбора и строительства советских кадров Феликс Эдмундович принял энергичное и громадное участие. Работа особых отделов неизменно отсекала в армии контрреволюционные организации и помогала тому отбору советского командного состава, с которым Красная Армия и вышла победительницей из войны.

Помимо этой крупной организационной работы Дзержинский лично принимал участие в работе боевых фронтов. В 1920 году, будучи членом Польского ревкома, Феликс Эдмундович одновременно был и членом Реввоенсовета Западного фронта. В период успехов и в период неудач Дзержинский вкладывал всю свою энергию, все свое внимание в дело развития и укрепления Красной Армии, в дело перелома фронтовой борьбы от отступления к наступлению.

С чувством глубокого уважения вспоминаю я работу Дзержинского на Западном фронте.

В области укрепления советского тыла, как в непосредственно прифронтовой полосе, так и во всей нашей стране, Феликс Эдмундович сыграл колоссальную роль, и Красная Армия многим обязана ему в этом отношении.

Борьба с политическими заговорами и восстаниями, борьба с бандитизмом и всеми прочими контрреволюционными явлениями, способными разложить тыл действующей армии и

свести на нет ее боевые успехи, руководилась Дзержинским со свойственной ему страстностью, энергией и плановостью. Гроза спекулянтов, взяточников, мешочников, товарищ Дзержинский вводил порядок на железных дорогах и на всех необъятных коммуникациях нашей Красной Армии, беззаветно защищавшей Советскую власть.

И в мирное время работа товарища Дзержинского тесно связана с вопросами обороны нашего Союза. Он последовательно руководил укреплением и упорядочением транспорта и развитием промышленности, то есть теми элементами, на которых в значительной степени базируется обороноспособность страны. Сделав многое для прошлых побед Красной Армии, товарищ Дзержинский сделал многое и для ее будущих побед, и эти победы будут лучшим памятником Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

Красная звезда,

1926, 22 июля

В. И. ГЕРСОН, А. Я. БЕЛЕНЬКИЙ
ПЕРВЫЙ ЧЕКИСТ

Дзержинский и ВЧК — эти слова неразрывно связаны между собой. Невозможно представить себе этот вооруженный отряд пролетарской революции — железную когорту чекистов — без Феликса Эдмундовича. Выполняя волю партии, он был и организатором ЧК, и ее вдохновителем, был душой и сердцем чекистов. Все, кто работал вместе с ним и под его руководством, никогда не забудут этого преданного сына большевистской партии, бесстрашного, несгибаемого революционера, человека кристальной честности и прямоты.

Чекисты помнят, как Феликс Эдмундович лично занимался многими особо важными делами. Ни одно крупное дело, раскрытое ВЧК, не прошло без участия Феликса Эдмундовича.

Трудна была боевая служба чекистов. У них не было опыта ни розыскной, ни следственной работы… Но Феликс Эдмундович всегда говорил, что главная сила ВЧК в связи с массами, что только поддержка тысяч рабочих давала силы вести успешную борьбу с врагами революции, с врагами рабоче-крестьянской Советской власти…

Прямоты, глубокой идейности и честности Феликс Эдмундович требовал от каждого сотрудника ВЧК. Он многим прощал ошибки, если в них сознавались, но был беспощаден к тем, кто хоть в малейшей степени лгал. Лжи он не прощал никогда.

Дзержинский требовал полной доказанности обвинений. Бывали случаи, когда после допроса выяснялась невиновность человека. Он тут же освобождался, и из ЧК его отвозили прямо домой…

Буржуазная печать неистовствовала, обвиняя ЧК в жестокости. Дзержинский дал резкую отповедь клеветникам. ЧК не суд, говорил он, ЧК — защита революции…

Дело защиты завоеваний Октября было главным для Дзержинского… Он не щадил себя. День у него был строго рассчитан… работал он до 3–4 часов ночи. Но, не жалея себя, ко всем окружающим относился с величайшей заботой. Как-то курьерша принесла ему стакан чаю. Феликс Эдмундович внимательно посмотрел на нее:

— Вы что такая бледная?

Та смутилась и ничего не ответила.

И потом, когда она ушла, Дзержинский вызвал секретаря,

поручил ему договориться о медицинском освидетельствовании курьерши и доложить ему результаты.

Об одном из работников НКПС Дзержинский написал своему секретарю:

— Посмотрите, как он живет дома. Есть ли у него все необходимое для работы? Есть ли у него чертежные принадлежности, линейки?

В архиве Дзержинского хранятся сотни подобных записок с просьбой оказать помощь тому или иному товарищу, о лечении, выдаче лекарств и т. д.

Внимание к мелочам, контроль и проверка исполнения, величайшая требовательность ко всем и в первую очередь к себе были неотъемлемыми чертами характера этого… человека.

Когда его назначили по совместительству с работой в ВЧК-ГПУ наркомом путей сообщения, он в первую очередь поехал на станцию железной дороги, вышел на пути к стрелочнику, представился тому и расспросил о его работе. На полотне железной дороги Феликс Эдмундович заметил разбросанные ржавые куски железа, выдернутые костыли. Вечером он написал приказ о сборе металлолома на всех железнодорожных путях…

В. И. Ленин очень любил Дзержинского и чрезвычайно беспокоился о состоянии его здоровья. В 1922 году Феликс Эдмундович был откомандирован в Сибирь, для того чтобы обеспечить армию и рабочих хлебом. Положение было исключительно напряженным. Дзержинский как всегда, отдался работе со всей энергией и не спал ночей.

В Сибири Феликсу Эдмундовнчу сильно нездоровилось. Об этом стало известно Владимиру Ильичу. Но он знал, что Дзержинский не любит подвергаться врачебному осмотру, и приказал созвать консилиум и осмотреть больного, но так, чтобы тот не знал об этом намерении. Результаты освидетельствования и заключение консилиума Ленин потребовал прислать ему в Москву.

Товарищам пришлось пойти на хитрость. Приглашенных профессоров и врачей неожиданно ввели в комнату, где находился Дзержинский, и сказали ему:

— Вот к вам пришли врачи.

Думая, что те пришли с какой-нибудь просьбой, Феликс Эдмундович спросил:

— Здравствуйте, в чем дело?

Здороваясь с ним, один из врачей, как бы по профессиональной привычке, стал щупать пульс и настойчиво заявил, что его необходимо осмотреть.

После консилиума Феликс Эдмундович разгорячился. Он

больше всего боялся, чтобы его не отозвали из Сибири до выполнения задания.

— Кто вас просил приглашать врачей? — напустился он на товарищей.

— Это приказ Владимира Ильича.

Тут только Феликс Эдмундович смирился… Величайшая скромность во всем отличала Феликса Эдмундовича. Трудно представить другого человека, который бы так ненавидел малейшую позу и фразу. Если он что-либо делал, то это исходило из глубокого внутреннего убеждения. Некоторым казалось иногда, что он даже излишне требователен к себе. Работники милиции избрали его почетным милиционером и прислали комплект обмундирования. Зная, в каком тяжелом положении находится страна, Феликс Эдмундович искренно удивился:

— Заберите это, мне две пары брюк не нужны.

Но одновременно со всем этим Дзержинский при каждом удобном случае напоминал, что чекисты не должны превращаться в аскетов, что жить надо полной жизнью и знать ее следует со всех сторон.

— ЧК не может быть узкой цеховой организацией, наша сила в связи с рабочими массами, без этой связи грош нам цена, — вновь и вновь повторял он…

Владимир Ильич Ленин всегда был для Феликса Эдмундовича выразителем воли партии и ее интересов. Под руководством шла его кипучая жизнь. И последний ень этой жизни явился глубоким символом, отражающим всю его беспредельную любовь к делу великой пролетарской революции.

Накануне, перед выступлением на Объединенном июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (1926 год), Феликс Эдмундович работал всю ночь. Он готовился к речи. Еще и еще раз просматривал цифры и материалы. Тщательно писал конспект доклада по международному положению, который ему так и не удалось сделать.

Утром он пришел в ОГПУ намного раньше обычного и, застав там чекистов, спросил:

— А вы почему так рано здесь?

Лицо его было усталым… Видно было, что он плохо себя чувствовал. Наотрез отказавшись от завтрака, Феликс Эдмундович проработал в ОГПУ до полудня, дал указание, что приготовить ему к вечернему докладу, и уехал в ВСНХ.

Впоследствии в его маленьком карманном дневнике… была обнаружена запись: «Чувствую себя плохо».

Из ВСНХ Дзержинский поехал на пленум и произнес там свою незабываемую огневую речь, разящую… оппортунистов.

Выступать Феликсу Эдмундовичу было трудно. Он очень волновался, переживал каждую фразу, говорил громко; и казалось, что слова шли у него прямо из сердца. Грудная жаба душила его… и, когда он заканчивал речь, чувствовалось, как ему не хватает воздуха…

Кончив речь, Дзержинский под бурные аплодисменты… сошел с трибуны, направился в соседнюю комнату и лег на диван. К нему подошли товарищи. Врачи стали Щупать пульс. Его почти не было слышно.

Когда первый приступ слабости прошел, он встал и, пошатнувшись, пошел по коридору. На просьбу отдать евой портфель, ответил:

— Я сам могу.

Придя на квартиру, он подошел к постели и, опять отклонив помощь, чуть слышно прошептал:

— Я сам…

И тут же замертво упал…

Во время пятилетнего юбилея ВЧК Феликс Эдмундович, мечтая о счастливом будущем, говорил:

— День, когда не нужна будет ЧК, будет самым счастливым днем для ЧК.

Комсомольская правда,

1936, 20 шюля

В. Н. ЧАЙВАНОВ
«ОПИРАЙТЕСЬ НА КОЛЛЕКТИВ»

Как-то в личном архиве я обнаружил мандат, выданный мне 11 февраля 1922 года и подписанный Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Невольно на меня нахлынули волнующие воспоминания.

В то время я работал начальником следственного и экономического отделов Новониколаевской (теперь Новосибирской) губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности.

Тогда мы, сибирские чекисты, все знали: Москва, Лубянка, Дзержинский. Но едва ли кому-либо из нас было известно больше. Тем более, никто из нас ни разу еще не видел Феликса Эдмундовича, но стиль его работы был нам знаком хорошо. На документах, поступавших из Москвы, часто стояла подпись председателя ВЧК. Она обязывала нас ко многому, и прежде всего к строжайшей революционной законности. Сам Дзержинский представлялся нам суровым и каким-то недоступным человеком.

В январе 1922 года мы узнали о том, что в Омск прибыл специальный поезд экспедиции во главе с председателем ВЧК, он же и нарком путей сообщения. Все мы сразу подтянулись, собрались, стали ожидать новых распоряжений, возможных встреч с Дзержинским. Вскоре так и получилось. От Сибирского бюро ЦК РКП (б) я получил срочную командировку в Омск. Там я узнал, что меня приглашают в поезд экспедиции, где примет лично Феликс Эдмундович. «Меня, рядового чекиста, к самому председателю ВЧК! С чего бы это, по какому делу?» — думал я. Поволноваться пришлось изрядно. Дежурный поезда предложил мне пройти в вагон и ожидать приема.

В купе, куда я вошел, сидели два товарища, видимо дежурные. Ответив на мое приветствие, они продолжали свою беседу, шутили, смеялись. А мне было не до шуток: ведь я вот-вот должен увидеть Дзержинского!

Хлопнула дверь, и в коридоре послышались быстрые шаги. В купе вошел товарищ с бородкой, с виду похожий на ученого. Зачесанные назад волосы, высокий лоб. И — мягкая улыбка. Одет скромно: защитного цвета рубашка, брюки заправленные в сапоги. «Какой-нибудь специалист» — подумал я. Обращаясь к дежурным, он сказал:

— Я буду у себя.

— Кто это? — спросил я соседей.

— Как, вы не знаете? Это Дзержинский!

«Так вот он какой! — облегченно подумал я. — Обыкновенный, человечный и совсем не страшный».

Вскоре я был в кабинете Феликса Эдмундовича. Он вышел из-за стола, положил мне руку на плечо:

— О себе — ни слова, все знаю. Ближе к делу. Садитесь…

Вот тут-то я и узнал о цели моего вызова. Оказывается, мне подготовлено ответственное задание. На линии Омск — Челябинск и Петропавловск — Кокчетав сгрудилось много поездов, которые должны были вывозить из Сибири хлеб и другое продовольствие, чтобы спасти от голода население центра и Поволжья. А поезда стояли. Не было топлива. Железнодорожные пути занесены снегом и захламлены.

— Чтобы спасти положение, нужны чрезвычайные меры, — сказал Феликс Эдмундовпч. — Ликвидировать пробки на этой линии поручается вам. Вы будете действовать в качестве уполномоченного представителя Народного комиссариата путей сообщения.

Мне был вручен мандат, в котором говорилось, что «предъявителю сего предоставляется право принимать любые меры, необходимые для ударного вывоза в Европейскую Россию продовольственных грузов» и что неисполнение моих приказаний «влечет ответственность по всей строгости революционных законов».

Вручая этот мандат, Феликс Эдмундович сказал:

— Вы получили большие права, но у вас ничего не выйдет, если люди не поймут ваших прав, вашего задания, если они не осознают, что вся наша работа в интересах народа, в интересах укрепления первого в мире государства рабочих и крестьян. Не отрывайтесь от людей. Опирайтесь на коллектив.

К месту работы я поехал окрыленный. Всю дорогу думал о том, как подробно, ясно и просто разъяснил Дзержинский способы выполнения стоящей передо мной задачи, как он тепло пожелал мне успехов в работе. Он сказал это таким тоном, так убежденно, как будто никакого сомнения в успехе не было.

Ряд товарищей с такими же заданиями Дзержинский направил на другие важнейшие железнодорожные участки… Так, в Томск и Красноярск был командирован член экспедиции Зимин, в Барнаул поехал комиссар округа путей сообщения Назаров, на Южно-Сибирскую линию — омский губернский комиссар Монастырский, в Енисейскую губернию — заместитель председателя Сибирского продовольственного комитета Богунский и другие. Каждого из них Феликс Эдмундович

инструктировал лично.

Следуя указаниям наркома путей сообщения и председателя ВЧК, я приложил все свои силы и способности, чтобы выполнить его поручение. И мне это удалось сделать, хотя трудности порой казались непреодолимыми. Железнодорожные пути были расчищены, и подвижной состав был использован по назначению. При подведении итогов работы экспедиции Дзержинский одобрил наши действия, и это было лучшей для нас наградой.

В конце марта 1922 года снова неожиданность. Сибирское бюро ЦК РКП (б) получило телефонограмму за подписью Ф. Э. Дзержинского о моем срочном выезде в Москву. Опять недоумение, но теперь уже без боязни. Знал, коль вызывают, значит, надо для дела, значит, какое-то новое ответственное задание.

Предвидение сбылось. В Москве меня назначили управляющим делами Государственного политического управления (ГПУ). Мой отказ, ссылка на то, что мне, провинциальному работнику, не справиться со столь большими обязанностями в центральном аппарате, ни к чему пе привели.

— Я вас знаю, — коротко ответил Феликс Эдмундович. — С управлением делами ГПУ справитесь. Только помните: от правильной и четкой постановки делопроизводства во многом зависит успех нашей работы. В органах ГПУ за каждым документом стоят живые люди, подчас решаются их судьбы. Поэтому в канцелярии должен быть абсолютпый порядок и строгая система…

Пришлось, как и в Сибири, сидеть днями и ночами, пока не овладел и не наладил делопроизводство в столь важном и ответственном учреждении. А работа оказалась интересной, большой и разносторонней. Главное же — постоянное общение с легендарным революционером, «железным Феликсом». Успеху в работе способствовала царившая в аппарате ГПУ атмосфера строгой деловитости, здоровой дружбы и товарищества, спаянности коллектива, центром притяжения которого был председатель ГПУ.

Феликс Эдмундович всем своим поведением являл образец корректности, принципиальности и справедливости. Он никогда никого не называл на «ты», не кричал, не горячился. Принимая то или иное решение, тщательно взвешивал «за» и «против» и приходил всегда к верному хотя на первый взгляд как будто и неожиданному, решению.

Помнится, в 1922 году Дзержинский объявил о сокращении штатов ГПУ. Для многих такое решение Феликса Эдмундовича было неожиданным. Посыпались возражения со ссылками на

большой объем работы и на то, что сокращение штата вызовет волокиту, поскольку центр не сможет быстро отвечать на запросы с мест. Но у Дзержинского все было продумано заранее. Он сумел убедить сомневавшихся в полезности принимаемых мер.

— Сократив штаты, — говорил он, — мы избавимся от малоценных людей и сделаем наш аппарат более гибким и работоспособным. Вместе с тем мы сэкономим государственные средства для других неотложных целей. А чтобы не было волокиты, надо сократить до минимума бумажную переписку путем предоставления широких полномочии местным органам ГПУ.

Предложение Дзержинского коллегией ГПУ было принято и проведено в жизнь. Вскоре примеру ГПУ последовали другие ведомства. При Совнаркоме была создана даже специальная комиссия по пересмотру структуры всех ведомств СССР, председателем которой был назначен Ф. Э. Дзержинский.

Феликс Эдмундович как зеницу ока оберегал «свое детище» — ВЧК-ОГПУ от ее недругов, от попыток свести на нет ее деятельность. В 1924 году, после кончины В. И. Ленина, троцкисты и зиновьевцы усилили нападки па партию и на важнейшие государственные органы. Особенно сильно ополчились они на боевой орган диктатуры пролетариата — ОГПУ. Возглавлявший тогда Народный комиссариат финансов троцкист Сокольников стал настойчиво добиваться сокращения сметы Объединенному государственному политическому управлению до таких размеров, что оно не в состоянии было бы выполнять свои функции. Узнав об этом, Дзержинский запротестовал самым решительным образом. Он обратился в Политбюро ЦК 1ВКП(б) с письмом, в котором с возмущением писал, что этот эксперимент Сокольникова может стать началом развала органа охраны пролетарской революции. В условиях когда СССР подвергается натиску со стороны внутренних и внешних враждебных сил, сдача этой позиции означает разоружение Советского государства перед контрреволюцией.

Советское правительство внимательно отнеслось к протесту Дзержинского и отменило решение Наркомфина.

Хочется остановиться еще на одной своеобразной черте характера и деятельности Феликса Эдмундовпча. К лицам, совершившим то или иное преступление, он подходил строго дифференцированно. Прежде чем подвергнуть это лицо наказанию, он учитывал степень опасности совершенного деяния, социальное положение преступника и его поведение в процессе расследования преступления. Любопытный в этом отношении случай произошел в 1922 году с одним молодым человеком.

В гараже ГПУ раздался телефонный звонок: «Говорит Дзержинский, немедленно подайте мне машину». Машина была подана по указанному адресу. Уже стемнело, а она не возвращалась. В гараже забеспокоились. Позвонили секретарю Дзержинского, но ответил сам Феликс Эдмундович.

— Как? Вы у себя, а где же машина?

— Какая машина?

— Да ваша. Вы же вызвали, и вот ее нет до сего времени.

— Немедленно отыскать машину, пассажиров — ко мне в кабинет!

Автомобиль был задержан, а обнаруженный в нем человек был доставлен в кабинет Дзержинского. Перед Феликсом Эдмундовичем предстал невысокого роста человек в солдатской шинели и фуражке. Бородка клинышком, усы. Доставленный был сильно взволнован, побледнел, усы, борода, губы тряслись.

— А! Дзержинский! — иронически заговорил председатель ГПУ. — Приятно с вами познакомиться. А я думал, что я Дзержинский. Оказывается, вы! Посмотрите, точно Дзержинский. Усы, бородка, одежда! Только вот ростом не вышел…

Пассажир пытался броситься на колени. Путался, прося прощения. Феликс Эдмундович предложил ему твердо держаться, спокойно рассказывать всю правду: зачем вызвал машину, куда ездил. Пока это происходило, стало известно, что задержанный — сотрудник Наркомпути. Никогда ни в чем предосудительном не был замечен, но, почему вызвал машину, выяснено не было. Пассажир рассказал об этом сам.

— Сегодня воскресный день… Товарищи решили вместе отдохнуть. Пообедали, выпили… Захотелось с шиком покататься по Москве. Моим товарищам вызвать машину из гаража Наркомпути не удалось. Я назвал их шляпами и поспорил с ними, что вызову машину из гаража ГПУ. Меня подняли на смех. Я предложил товарищам пари, которое было принято. Машина пришла, и мы отправились кататься. Стемнело. На одной из улиц поперек встала чья-то машина, из которой вышли военные. Мои спутники сразу исчезли, а я растерялся.

Пассажир совершенно отрезвел. Феликс Эдмундович назвал все это преступным трюком, который заслуживает самого строгого наказания. Казалось, все кончено: судьба сотрудника Наркомпути незавидная. Но, оказывается, мы ошиблись. Дзержинский поднялся из-за стола и, подойдя к пассажиру, по-отцовски сказал:

— Вы совершили серьезное преступление, угнав государственную машину, и заслуживаете наказания. Но вы правильно поступили, что чистосердечно признали свою вину.

Кроме того, вы, как нам сообщили, безупречный работник. Поэтому мы прощаем вас в надежде, что больше вы ничего подобного не повторите. Вместе с тем должен заметить, что вы преподали нам большой урок. Оказывается, у нас в гараже сидят ротозеи, зеваки. У них из-под носа была уведена машина председателя ГПУ. Подумать только! Вы свободны.

Пассажир исчез, как будто его ветром вынесло. Феликс Эдмундович предложил составить приказ с инструкцией пользования машинами гаража. Дело было налажено, виновные понесли заслуженное наказание.

Ф. Э. Дзержинский еще задолго до назначения его на пост председателя ВСНХ многое делал для того, чтобы силами и средствами ВЧК-ГПУ помочь восстановлению разрушенного народного хозяйства. Отсюда — борьба чекистов с саботажем и спекуляцией, с детской беспризорностью и бандитизмом, со взяточничеством и должностными преступлениями, которые являлись сильным тормозом в налаживании экономики страны. Характерным в этом отношении может быть такой пример.

В 1923 году чекисты убедились в том, что, пока в Москве будет действовать Хитров рынок, окончательное искоренение в столице спекуляции и уголовных преступлений невозможно. Свое мнение они доложили Дзержинскому. Феликс Эдмундович тотчас же в сопровождении чекистов инкогнито отправился на Хитров рынок. Там ему представилась мрачная картина: рынок кишел отбросами общества — спекулянтами, шулерами, ворами и другими паразитическими элементами. На другой день он связался с Московским Советом и добился ликвидации Хитрова рынка — этого остатка старой, крепостной Москвы.

С переходом Дзержинского в ВСНХ перевод чекистских органов на хозяйственные рельсы получил особенно яркое выражение. Возрождение и строительство промышленности, поднятие производительности труда, улучшение положения и быта рабочих и крестьян, укрепление их союза он считал главными и самыми ответственными участками боевого фронта. Задача ОГПУ — всемерно содействовать победе на этом фронте.

Помощь органов ВЧК-ОГПУ возрождению хозяйства выразилась, в частности, в том, что по указанию Дзержинского ряд опытных и закалепных в борьбе с контрреволюцией чекистов были направлепы на хозяйственную работу. Автор этих воспоминаний также был переведен на работу в ВСНХ…

Умение ценить людей, справедливая и принципиальная оценка их поступков, их труда снискали любовь и уважение к Дзержинскому всех, кто знал его не только лично, но и по его делам. Славная когорта чекистов, армия промышленников,

хозяйственников и бесчисленные массы рабочих верили ему, шли за ним, беспрекословно выполняли его указания.

Для Дзержинского не было жизни, кроме работы, в которой он кипел непрерывно, сердце же его все больше сдавало. Оно не выдержало огромного напряжения. Врачи предостерегали, друзья уговаривали щадить себя. Но Феликс Эдмундович но мог иначе…

Публикуется впервые

С. Г. ТИХОМОЛОВ
ВОСЕМЬ ЛЕТ С ДЗЕРЖИНСКИМ

Моя первая встреча с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским состоялась 27 мая 1918 года. Прежде чем я приступил к работе шофером на машине «Паккард» в ВЧК, меня вызвали к нему на беседу…

Когда я вошел в кабинет, навстречу ко мне из-за стола однялся высокий худой человек с умными проницательными глазами. Одет он был очень скромно: солдатская гимнастерка и брюки, заправленные в сапоги.

_ Здравствуйте! — сказал он. — Как вас зовут?

— Сергей Тихомолов.

— А я Дзержинский.

Я тогда еще не знал, кто такой Дзержинский.

Феликс Эдмундович расспросил меня о моей предыдущей работе и сказал, что я буду обслуживать членов президиума ВЧК.

— Работать придется в три смены. Подберите себе помощников. О жилье для вас позаботится Абрам Яковлевич Беленький…

Мне выдали продовольственную карточку: на хлеб, на завтрак, обед и ужин. Хлеба давали 100 граммов в сутки, завтрак состоял из двух маленьких лепешек и стакана чая, в обед — суп или щи из конины, на второе — тушеная конина с соусом из отрубей, а на ужин — опять две лепешки с чаем…

Белогвардейские банды и иностранные интервенты терзали нашу Советскую страну со всех сторон. Кулачье восставало, прятало хлеб, развелось много мешочников и спекулянтов. И со всем этим приходилось бороться ВЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского.

Жил Феликс Эдмундович в 1918 году в основном, в своем кабинете в ВЧК, хотя был прописан у своей сестры Ядвиги Эдмундовны Кушелевской[75] в Успенском переулке, а затем на Петровке под фамилией Доманский. Но он редко там бывал. Осенью 1918 года он получил комнату в Кремле.

Однажды меня вызвал к себе заместитель председателя ВЧК Петере и сказал, чтобы я по одной и той же дороге из Кремля не ездил, а все время менял маршруты. Стало известно, что на Дзержинского готовится покушение. Я начал выполнять распоряжение Петерса и каждый раз ездил другим путем. Феликс Эдмундович это заметил и спросил:

— Что это вы меня возите по разным улицам?

Я объяснил, почему так делаю. На это он сказал:

— Не бойтесь и поезжайте старым путем.

И мы стали ездить старой дорогой.

6 июля 1918 года меня с машиной вызвал к подъезду ВЧК Петере. Я подал машину. Из подъезда торопливо вышел очень взволнованный Феликс Эдмундович. С ним было еще несколько товарищей. Вес быстро сели в машину и поехали в Денежный переулок, к германскому посольству. По дороге из разговора я понял, что на германского посла Мирбаха было совершено покушение.

Феликс Эдмундович сказал:

— Это такая провокация, на которую даже Азеф[76] не был бы способен.

Когда мы подъехали к посольству, там уже было несколько машин из следственных органов. Феликс Эдмундович прошел в здание посольства, где пробыл больше часа. Затем мы поехали в Трехсвятительский переулок, в отряд Попова… По дороге я узнал, что левые эсеры Блюмкин и Андреев, получив от заместителя председателя ВЧК левого эсера Александровича мандат с поддельными подписями Дзержинского и Ксенофонтова, явились в германское посольство и убили Мирбаха. Они, скорее всего, укрылись в отряде Попова…[77]

Подъехав к белому особняку, где располагался отряд Попова, я остановил машину. Феликс Эдмундович и его товарищи вошли в особняк, а я остался ждать у подъезда.

Вскоре ко мне подошли два матроса и предложили войти в помещение. Я выдернул провод выключения двигателя и пошел с матросами. Когда вошел в здание, то прежде всего увидел Александровича. Он спросил меня:

— Ты за кого?

— Я за Советскую власть, — отвечаю.

— Я тебя спрашиваю еще раз: ты за кого?

— За Ленина, — говорю.

— Еще за кого?

— За Дзержинского.

— И его туда же, — приказал Александрович.

Мне вывернули руки, вытащили револьвер из-за пояса и толкнули в закрытую дверь. Она распахнулась, и я оказался в комнате, где уже было человек двадцать — тридцать. Я увидел Феликса Эдмундовича, наркома почт и телеграфа Подбельского, сотрудников ВЧК Соколова, Хрусталева, Лациса и других товарищей.

Феликс Эдмундович подошел ко мне и сказал:

— Почему же вы не уехали?

— Я ждал вас, — отвечаю.

— Напрасно. Я слышал, о чем вас спрашивали и ваши ответы. Вы молодец.

Феликс Эдмундович держал себя бодро, даже шутил поддерживал дух у товарищей. Через некоторое время входит матрос и спрашивает:

— Где здесь шофер с машины Дзержинского? Нам надо ехать в ВЧК.

Феликс Эдмундович тихо сказал мне:

— Поезжайте и сообщите там, что левые эсеры подняли мятеж.

Когда я подошел к машине, то у поднятого капота у двигателя возился какой-то парень. Он говорит:

— Не заводится.

Отстранив его, я для вида немного повозился с машиной, незаметно соединил провод второго выключения и завел двигатель. По дороге нас остановили военные, спросили пароль и пропустили. Я запомнил пароль и отзыв. Но доезжая Кисельного переулка, матросы сказали:

— Жди здесь, — а сами пошли в сторону ВЧК.

Когда они отошли, я немедленно рванул по Кисельному переулку к Рождественке, прямо в гараж во дворе ВЧК. Сразу же побежал к Петерсу и все ему рассказал, сообщив также пароль и отзыв.

Когда на следующий день мятеж был подавлен, Феликс Эдмундович вернулся в ВЧК, его встретили бурной радостью, схватили на руки и стали качать.

Когда в сентябре 1918 года Владимир Ильич Ленин после ранения лежал больной, Феликс Эдмундович часто ездил к нему в Кремль. К зданию Совнаркома мы подъезжали тихо, чтобы шумом или сигналом не потревожить Владимира Ильича.

В феврале 1919 года в Москву из эмиграции приехала с сыном Ясиком жена Феликса Эдмундовича Софья Сигизмундовна. Мы с Феликсом Эдмундовичем поехали их встречать на Александровский (ныне Белорусский) вокзал. Они вышли из среднего подъезда, и я заметил, что они очень скромно одеты. Запомнился мне Ясик — худенький мальчик, застенчивый, в очках. На голове у него была вязаная шапочка с помпоном.

Феликс Эдмундович был счастлив, радостно улыбался и ласкал сына. Я их отвез в Кремль, где у Феликса Эдмундовича была комната в Кавалерском корпусе.

1919 год был самым тяжелым годом для нашей революции. По всей стране возникали заговоры, вспыхивали контрреволюционные мятежи, к Петрограду рвался Юденич, к

Москве — Деникин. Феликс Эдмундович работа с необыкновенным напряжением. Я не знаю, когда он отдыхал…

В начале 1920 года Феликс Эдмундович был награжден орденом Красного Знамени. Когда я его поздравил он сказал:

— Это награда всем сотрудникам ВЧК.

В мае 1920 года его назначили начальником тыла Юго-Западного фронта, и мы с ним выехали в Харьков. Там Дзержинский жил в здании ЧК Украины, где начальником в то время был Манцев. Я со вторым шофером, начавшим работать вместе со мной, Адольфом Ипполитовичем Шпилевским, жил в том же доме, что и Феликс Эдмундович, в отдельной комнате, на нижнем этаже, а машина наша стояла во дворе в маленьком гараже. В то время за неимением бензина пользовались разными спиртовыми смесями. И вот нам дали для машины какую-то смесь, от которой заело поршни в цилиндрах двигателя. Произвели анализ этой смеси, и в ней оказалось большое количество патоки и какого-то осадка. Когда вызвали директора спиртоводочного завода, на котором мы получали эту смесь, директор очень испугался. Узнав об этом, Феликс Эдмундович пришел, успокоил его, сказал, чтобы сам он проверял то, что с завода отпускается.

В Харькове мы пробыли более двух месяцев, а затем, вернувшись в Москву, через три дня отправились на Западный фронт. Это было в конце июля 1920 года. Вместе с Феликсом Эдмундовичем из Москвы поездом выехали 10. 10. Мархлевский, Ф. Я. Кон[78] и другие товарищи. Поездом мы ехали через Смоленск в Минск. Из Минска по железной дороге доехали до станции Молодечно… Все кругом было разрушено…

Сгрузив машину, я повез Феликса Эдмундовича и его товарищей в Лиду, где в госпитале лежал И. С. Уншлихт с переломом ноги после автомобильной катастрофы. Из Лиды мы поехали в Вильно. В Вильно в то время находился реввоенсовет Западного фронта. Феликс Эдмундович пробыл там более двух суток, а затем направился в Белосток через Гродно. Нас сопровождали две машины. В нашей машине, которую мы вели по очереди с Шпилевским ехали Дзержинский, Мархлевский, Кон, Богуцкий[79] и ещё один товарищ.

В дороге с машиной произошла серьезная авария. Нас всех за исключением Шпилевского, выбросило из открытой машины, а его машина накрыла. Крестовиной сломанного руля разрезан был мускул на его руке. У меня оказался перелом ключицы, у Богуцкого — перелом руки, сильно ушиб руку и бедро Феликс Эдмундович. Подъехавшие товарищи поставили нашу машину на колеса. Это произошло около местечка Меричи, недалеко от

Гродно. В Меричи нам оказали первую помощь, а на другой день меня и Богуцкого отвезли в госпиталь в Гродно.

Феликс Эдмундович навестил меня в госпитале. Он трогательно позаботился обо мне, прислав собственноручно написанное удостоверение, по которому мне предоставлялся отпуск до 1 октября 1920 года, снабдил деньгами и пожелал быстрейшего выздоровления. Но, пробыв некоторое время в госпитале, я сбежал оттуда и добрался до Вильно, где еще стоял наш поезд. Вскоре поезд отправился в Белосток, где находился Феликс Эдмундович и другие члены Польревкома.

Феликс Эдмундович был удивлен моим появлением. Он не разрешил мне остаться, а велел долечиваться и дал мне записку к коменданту поезда Сотникову. На словах передал, чтобы поезд немедленно отправлялся в Минск. Шпилевскому он поручил отвезти меня на машине на вокзал. В Минск мы прибыли 27 августа утром. Феликс Эдмундович был уже там. В тот же день он продлил мне отпускное удостоверение до 1 ноября, а на обороте написал: «Тов. Герсон или Беленький, окажите т. Тихомолову всяческое продовольственное и лечебное содействие» — и проставил дату: «27/VIII—20 г. гор. Минск». Чувствовал я себя очень плохо, и в тот же день вечером по распоряжению Феликса Эдмундовича меня с сопровождающая отправили в Москву.

Работал я с Феликсом Эдмундовичем и в НКПС и ВСНХ. Он, как правило, очень поздно заканчивал работу и я его отвозил сначала в ВЧК, а затем уже домой, в Кремль, часто совсем поздно ночью. Однажды мы ехали из НКПС по Мясницкой улице (ныне улица Кирова). На улице днем в специальных котлах варили асфальт, ночью же в этих котлах ютились беспризорные дети. Феликс Эдмундович велел мне остановиться около одного из котлов. Выйдя из машины и подойдя к котлу, он извлек оттуда ребятишек. Часть из них тут же разбежалась. Феликс Эдмундович взял оставшихся ребятишек к себе в машину, и мы поехали на Лубянскую площадь, в ВЧК. Ребята были в восторге от поездки на машине, но, когда сошли у подъезда ВЧК, несколько из них все же убежало. Остались трое. Они пошли с Феликсом Эдмундовичем в здание ВЧК. Потом, когда я отвозил Феликса Эдмундовича домой, он рассказал, что ребят отвел в свой кабинет, там их накормил, побеседовал с ними. Они согласились пойти в детский дом, а сейчас спокойно спят в одной из комнат ВЧК.

Когда Феликс Эдмундович работал в НКПС, я часто, особенно во время голода в 1921 году в Поволжье, с его разрешения ездил к своей матери, которая в то время жила с сестренками в Астрахани. И каждый раз он что-нибудь из продуктов посылал ей.

Феликс Эдмундович был человеком отзывчивым и очень

скромным. Он жил и умер как солдат революции. Смерть его была сильным ударом для меня, тяжелейшей потерей. Я стоял у гроба и смотрел на него, лежащего в простой военной гимнастерке с орденом Красного Знамени на груди, и никак не мог поверить, что уже не поедет он, как всегда, со мной в машине.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 159–165

П. И. СТУДИТОВ УЧИТЬСЯ НА ОБРАЗЕ ДЗЕРЖИНСКОГО

В начале января 1922 г. Дзержинский в качестве особого уполномоченного ЦК РКП (б) и Советского правительства прибыл в Сибирь. В его задачу входил вывоз из Сибири в центральные районы России и охваченное неурожаем Поволжье запасов хлеба и семенных фондов.

Мы, чекисты Сибири (я тогда работал председателем Тюменской губернской ЧК), были нацелены на оказание всемерного содействия в продвижении по железной дороге продовольственных грузов. Должен сказать, что Тюменская губчека с этой задачей справилась. Случаев «пробок» или задержки эшелонов с хлебом на станции Тюмень не было. Этот факт был отмечен в отчете сибирской экспедиции, возглавляемой Дзержинским.

В марте того же года на мое имя было получено предписание полномочного представителя ГПУ[80] по Сибири И. П. Павлуновского: предписывалось встретить в Тюмени народного комиссара путей сообщения и председателя ГПУ Ф. Э. Дзержинского, возвращающегося из Сибири в Москву.

Мы своевремепно подготовились к встрече.

Когда поезд экспедиции прибыл на станцию Тюмень, я вошел в вагон руководителей экспедиции и там впервые увидел Ф. Э. Дзержинского. Я представился, и он по-товарищески поздоровался со мной. Прослушав мой доклад о политическом положении в губернии и о последствиях кулацко-эсеровского восстания в Тюменской губернии, ликвидированного в 1921 году, председатель ГПУ просил обратить внимание на те населенные пункты, в которых осели бывшие колчаковцы, следить за тем, чтобы контрреволюционные элементы не проникали в советские учреждения с целью дискредитации политики партии по восстановлению промышленности и сельского хозяйства, рекомендовал своевременно вскрывать и ликвидировать нелегальные кулацко-белогвардейские группы и организации. Советовал также всю работу губчека проводить в тесной связи с партийными и советскими организациями, опираться на рабочих и беднейшее крестьянство.

На перроне, куда Феликс Эдмундович вышел покурить, произошел любопытный эпизод.

Мимо нас проходил пожилой смазчик вагонов. Поравнявшись, он обратился к Дзержинскому:

— Товарищ военный (нарком был в военной гимнастерке и в шинели, накинутой на плечи), дайте, пожалуйста, закурить. С табачком у нас туговато, вот беда!

— Пожалуйста, закуривайте. — При этом Дзержинский передал рабочему портсигар с табаком и бумагой. — Ну как у вас тут работается? — поинтересовался он у смазчика.

— В последнее время дело наладилось. Поезда идут один за другим.

Затянувшись папироской, он продолжал:

— Говорят, нарком Дзержинский тут в Сибири находится, он и раскачал «железку», а то было совсем движение заглохло. Дай бог ему здоровья.

Я смотрел иа Феликса Эдмундовича и видел, какой радостью заблестели его глаза. Чувствовалось, что похвала простого рабочего… является самой дорогой для него наградой. Улыбаясь, он ответил рабочему:

— Что ж, надо пожелать наркому, чтобы он поменьше сидел в своем кабинете и почаще выезжал на «железку»!

— Это правильно, товарищ военный. А за табачок большое спасибо.

— Пожалуйста, пожалуйста!

Эта первая встреча с Ф. Э. Дзержинским оставила у меня неизгладимое впечатление. Человек, занимавший столь высокое положение, оказался на редкость простым и благородным, внимательным и добрым. Да и внешний вид его был впечатляющим. В военной форме, стройный и подтянутый, несмотря на усталый вид, выглядел молодцевато, живым и подвижным. Тогда мне стало понятным то мобилизующее влияние, которое оказывало его имя на чекистов в их сложной борьбе с озверевшей контрреволюцией…

В 1925 году был переведен на партийную работу. На XIV съезде партии меня избрали членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

С 14 по 23 июля 1926 года я участвовал в работе Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором в последний раз увидел и услышал своего любимого руководителя — Ф. Э. Дзержинского…

Пленум… восторженно приветствовал появление на трибуне 20 июля Дзержинского. Феликс Эдмундович с присущим ему темпераментом горячо протестовал против вздорных измышлений троцкистской оппозиции о плохой работе промышленности. Он разоблачал клеветников убедительными фактами первых успехов выполнения ленинских указаний и решений XIV съезда партии по вопросу индустриализации…

После окончания речи… он тут же ушел в смежную с залом заседаний комнату и лег на диван.

Был объявлен обеденный перерыв. Собираясь на вечернее заседание, мы с изумлением увидели в фойе зала портрет Дзержинского, обрамленный в траур. Он умер на боевом посту, защищая ленинизм от врагов…

У меня, члена партии и чекиста, навсегда запечатлелся в памяти образ Дзержинского, в котором так полно воротилась любовь к партии и Родине, энергия рабочего класса, страстность к преодолению любых препятствий, тоявншх на пути строительства нового общества, и твердая уверенность в окончательной победе коммунизма. Он не жалел своих сил, горел на работе на благо народа. В то же время он отличался большой скромностью…

Я считаю себя счастливым человеком потому, что я состоял в боевых рядах чекистов, работавших под руководством незабываемого Феликса Эдмундовича Дзержинского, рыцаря пролетарской революции, верного соратника Ленина.

Публикуется впервые

Ю. В. САДОВСКИЙ
ИЗ ВОСПОМИНАНИИ ЧЕКИСТА

В мае 1923 года меня, 23-летнего коммуниста, призвали на работу в центральный аппарат Государственного политического управления. Первым моим желанием в этом ведомстве было увидеть Ф. Э. Дзержинского. Вскоре оно осуществилось.

Как-то в июньский жаркий день, возвращаясь с оперативного задания, я вошел в первый подъезд здания ГПУ. Предъявив пропуск, подошел к кабине лифта, который еще поднимался вверх. Через минуту вверху щелкнула закрывшаяся дверь, и я нажал кнопку… В этот момент я увидел, что вахтер и часовой-красноармеец замерли в положении «смирно». Оглянулся, вижу: по ступенькам лестницы от входа поднимается Феликс Эдмундович. Я был в штатском, без фуражки. Несколько растерявшись от неожиданности, я тоже вытянулся, молча приветствуя председателя ГПУ, и сделал шаг, чтобы подняться по лестнице. Но Дзержинский, дотронувшись до моего плеча, остановил меня:

— Вы же хотели подняться на лифте, поедемте вместе.

Феликс Эдмундович вошел в кабину и, поднимая руку к кнопкам управления, спросил:

— У вас какой этаж?

Нужно сказать, что тогда у нас существовало правило — включать лифт в целях экономии электроэнергии на этаж пассажира, поднимающегося выше остальных; те, которым нужно было ниже, спускались по лестнице пешком

Я, не желая затруднять Феликса Эдмундовича, сказал: «Третий». Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Вы говорите неправду, на третьем этаже я вас никогда не видел; вы работаете на четвертом?

Я вынужден был в большом смятении подтвердить это и Феликс Эдмундович нажал кнопку четвертого этажа! Выйдя из кабины и опять слегка сжав мою руку выше локтя, он стал спускаться на третий этаж. Мне очень хотелось проводить его хотя бы взглядом, но, поняв, что это было бы бестактно, пересилил себя.

В конце того же года мне пришлось не только еще раз увидеть, но и услышать нашего руководителя. Тогда шла борьба партии с троцкистами. Для новых нападок на партию троцкисты использовали тяжелую болезнь В. И. Ленина. Вопреки решениям X съезда партии о ее единстве, троцкисты навязали ей новую

дискуссию, в ходе которой пытались внести раскол и в партийную организацию ОГПУ.

Надо сказать, что и в среде чекистов нашлись люди, хотя и считанные единицы, которые не поняли антипартийной сущности троцкизма…

В декабре 1923 года в клубе ОГПУ по Большой Лубянке (теперь улица Дзержинского), дом № 13, проходило большое бурное партийное собрание ОГПУ. Оно продолжалось почти трое суток и кипело страстями. Перерывы устраивались только на день для текущей оперативной работы. С докладом выступил член коллегии ОГПУ старый большевик М. А. Трилиссер,[81] содокладчиком — один из лидеров троцкизма — Преображенский. Вместе с Преображенским на собрание явилась большая группа троцкистов, не имевшая никакого отпошения к ОГПУ. Они прошли в зал заранее, пользуясь тел, что пропускали не по служебным удостоверениям, а по партийным билетам. Многие коммунисты-чекисты из-за этого не могли попасть в зал: не хватило мест.

Дзержинского в первый день на собрании не было, и троцкисты вели себя довольно нахально. Они выступали один за другим крикливо, демагогично, сбивали несогласных с ними ораторов колкими репликами.

На другой день на собрание пришел Дзержинский, и был избран председателем. Троцкисты пытались сорвать собрание, заявив, что при избрании президиума нарушена внутрипартийная демократия. Феликс Эдмундович потребовал переголосования его кандидатуры и вновь был избран председателем подавляющим большинством голосов.

В ходе острой полемики слово взял Дзержинский.

Обширный зал клуба замер, остановленный поднятой рукой Феликса Эдмундовича. Его внешне спокойная, сдержанная, но, чувствовалось, внутренне накаленная речь продолжаласьнедолго. В суровом молчании вслушивались чекисты в остро отточенные, жесткие слова «железного Феликса», бичующего троцкизм…

В октябре 1924 года состоялась вторая моя встреча с Феликсом Эдмундовичем. Она прошла в его кабинете во время заседания, на котором обсуждалось состояние работы нашего подразделения.

К Дзержинскому нас пригласили поздно почыо… Некоторое время мы ждали в приемной у его секретаря товарища Герсона. В большом… кабинете было очень тихо. Мы сидели молча, глубоко взволнованные.

Но вот тихий звонок, и секретарь пригласил нас войти.

Феликс Эдмундович стоял за столом очень скромно

обставленного кабинета. Поздоровавшись, он предложил нам сесть, и заседание началось.

В своем выступлении по нашей работе Дзержинский высказал ряд критических замечаний. Но сделал он это с таким тактом, с таким вниманием к сотрудникам подразделения, что мы, молодые чекисты, не только не испытывали никакого разочарования, но вышли от него окрыленными, еще более влюбленными в своего вождя. Эту влюбленность я пронес до сих пор, она не покинет меня до конца моих дней.

Во время заседания Феликс Эдмундович несколько раз пристально вглядывался в меня. Потом спросил, почему я такой худой и бледный? Я тогда болел туберкулезом легких, всего месяц, как оправился от довольно тяжелого состояния. Я сказал об этом. Он тут же поручил руководителю нашего подразделения Т. Д. Дерибасу[82] получше позаботиться обо мне. Думается, что и эта деталь еще рая показывает гуманность и заботливость о рядовом сотруднике великого человека, грозы буржуазии.

Третья и последняя моя встреча с Феликсом Эдмундовичем произошла, как это ни странно, опять у лифта первого подъезда здания ОГПУ в один из июньских дней 1926 года. Но теперь мы встретились как старые знакомые. Улыбнувшись, Дзержинский поздоровался со мной за руку. Нажимая на кнопку четвертого этажа, он шутя спросил:

— Вам на третий?

В лифте, глядя на меня, заметил:

— На здоровье вы теперь, как видно, не жалуетесь? Я действительно чувствовал себя здоровым и выглядел неплохо.

— А я прогрессивно старею, — продолжал Дзержинский.

Лифт остановился, и мы распрощались. Феликс Эдмундович выглядел очень утомленным, несколько располневшим, но его внимательные глаза по-прежнему светились огромным умом и великой человечностью.

После этой встречи не прошло и месяца, как Дзержинского не стало…

Публикуется впервые

В. Р. МЕНЖИНСКИЙ
РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ

Организатор ВЧК, в первое бурное время, когда не было ни опыта, ни денег, ни людей, сам ходивший на обыски и аресты, лично изучавший все детали чекистского дела, столь трудного для старого революционера довоенной выделки, сросшийся с ЧК, которая стала его воплощением, Дзержинский был самым строгим критиком своего детища. Равнодушно относясь к воплям буржуазии о коммунистических палачах, чрезвычайно резко отражая нападки недостаточно революционных товарищей на ЧК, Дзержинский чрезвычайно боялся, чтобы в ней не завелась червоточина, чтобы она не стала самодовлеющим органом, чтобы не получилось отрыва от партии, наконец, чтобы ее работники не разложились, пользуясь громадными правами в обстановке гражданской войны. Он постоянно ломал и перестраивал ЧК и опять снова пересматривал людей структуру, приемы, больше всего боясь, чтобы ВЧК-ГПУ не завелась волокита, бумага, бездушие и рутина.

Но ЧК, прежде и больше всего орган борьбы с контрреволюцией, не может оставаться неизменной при изменившемся соотношении борющихся классов, и Дзержинский всегда первый шел на перемены как в практике, так и в организации своего детища, применяясь к новой политической обстановке, охотно отказываясь от прав, ставших ненужными или вредными, например, при переходе от военной полосы к мирной и, наоборот, настойчиво требуя их расширения, когда это снова становилось нужным. Для него было важно одно — лишь бы новая форма организации ЧК, ее новые приемы и подходы — скажем, переход от массовых ударов к тонким изысканиям в контрреволюционной среде и наоборот — по-прежнему достигали главной цели: разложения и разгрома контрреволюции.

Говорить о Дзержинском-чекисте — значит писать историю ВЧК-ГПУ как в обстановке гражданской войны, так и в условиях нэпа. Для этого время не пришло. Сам Дзержинский считал и заявлял, что писать о ЧК можно будет только тогда, когда в ней пройдет надобность. Одно можно сказать, что ВЧК-ГПУ создавалась и развивалась с трудом, с болью, со страшной растратой сил работников, — дело было повое, трудное, тяжкое, требовавшее не только железной воли и крепких нервов, но и ясной головы, кристаллической честности, гибкости неслыханной и абсолютной, беспрекословной преданности и

законопослушности партии. «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или орган контрреволюции», — постоянно говорил Дзержинский.

При всем безграничном энтузиазме работников ЧК, большей частью рабочих, их отваге, преданности, способности жить и работать в нечеловеческих условиях — не дни и месяцы, а целые годы подряд — никогда не удалось бы построить той ВЧК-ОГПУ, которую знает история первой пролетарской революции, если бы Дзержинский, при всех его качествах организатора-коммуниста, не был великим партийцем, законопослушным и скромным, для которого партийная директива была всем, и если бы он не сумел так слить дело ЧК с делом самого рабочего класса, что рабочая масса постоянно все эти годы — и в дни побед, и в дни тревог — воспринимала чекистское дело как свое собственное, а ЧК принимала нутром как свой орган, орган пролетариата, диктатуры рабочего класса. Безоговорочно принимая партийное руководство, Дзержинский *сумел* в чекистской работе опереться на рабочий класс, и контрреволюция, несмотря на технику, старые связи, деньги и помощь иностранных государств, оказалась разбитой наголову. И как бы она ни пыталась поднять голову на деньги англичан или других заграничных давальцев, она будет снова побеждена, пока в ЧК-ГПУ живы заветы Дзержинского, сделавшие ее вооруженной частью партии.

Но Дзержинскому, с его кипучей энергией, всегда было мало чекистской работы. Он знал, конечно, что, борясь о контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, ЧК является могучим рычагом в деле строительства социализма, но ему, как коммунисту, хотелось принимать и непосредственное участие в строительной работе, самому носить кирпичи для здания будущего коммунистического строя. Отсюда его постоянные порывы к хозяйственной работе, его переход в НКПС, а затем в ВСНХ. Пусть об этой работе скажут те, кто видел ее вблизи, его ближайшие сотрудники и помощники. Мы, чекисты, можем сказать только одно: мало того, что он всю ЧК-ГПУ поставил на службу хозяйственному строительству, он и на новом поприще работал по мере возможности чекистскими методами, то есть в постоянной, неразрывной связи с партией и массами, достигая при этом колоссальных успехов. Сейчас слишком бурное время, чтобы предаваться истпартовским воспоминаниям, особенно по поводу Дзержинского, который не очень-то их жаловал. Да и сам Дзержинский — слишком живая фигура, чтобы покрывать его нервные волевые черты все обезличивающей пылью некрологов, и нам, людям, близко знавшим Дзержинского, долгими годами

работавшим под его руководством, особенно трудно писать о нем. Массы знали и любили его как руководителя борьбы с контрреволюцией, как борца за восстановление хозяйства, как стойкого партийца, умершего в борьбе за единство партии. Казалось бы, и довольно. Зачем говорить о нем как о человеке? Дзержинский-человек и Дзержинский-деятель так не похож на тот казенный образ, который уже начал слагаться и заслонять живого человека, что секрет его влияния на всех, кто с ним встречался, и особенно на тех, кого он вел за собой, начинает становиться непонятной тайной. Поэтому в интересах молодежи, которая не имела счастья лично его знать, я попробую дать представление о некоторых его чертах.

Дзержинский был очень сложной натурой при всей своей прямоте, стремительности и, когда нужно, беспощадности…

Для того чтобы работать в ЧК, вовсе не надо быть художественной натурой, любить искусство и природу. Но если бы у Дзержинского всего этого не было, то Дзержинский, при всем его подпольном стаже, никогда бы не достиг тех вершин чекистского искусства по разложению противника, которые делали его головой выше всех ею сотрудников.

Дзержинский никогда не был прямолинеен и беспощаден, а тем более расслабленно-человечен. По натуре это был очень милый, привлекательный человек с очень нежной, гордой и целомудренной душой. Но он никогда но позволял своим личным качествам брать верх над собой при решении того или другого дела. Наказание как таковое он отметал принципиально, как буржуазный подход. На меры репрессии он смотрел только как на средство борьбы, причем все определялось данной политической обстановкой и перспективой дальнейшего развития революции… Дзержинский всегда строго следил, чтобы указания, даваемые им, не были выдуманы самостоятельно, на основании данных ЧК, а строго сообразовывались со взглядами партии на текущий момент…

Ошибка ЧК, которой можно было избежать при большей старательности и тщании, — вот что не давало ему покоя и делало политически важным то или другое незначительное дело… Тем же самым объясняется и его постоянная боязнь, чтобы работники ЧК не зачерствели на своем деле. «Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК», — говаривал он…

Дзержинский был очень бурной натурой, страстно вынашивавшей свои убеждения, невольно подавлявшей сотрудников своей личностью, своим партийным весом и своим деловым подходом.

Между тем все его соратники имели чрезвычайно большой

простор в своей работе. Это объясняется тем, что, как крупный, талантливый организатор, он придавал колоссальное значение самодеятельности работников и поэтому предпочитал сплошь и рядом заканчивать спор словами: «Делайте по-своему, но вы ответственны за результат». Зато он первый радовался всякому крупному успеху, Достигнутому методом, против которого он боролся. Не многие начальники и организаторы советских учреждений говорят подчиненным: «Вы были правы, я ошибался».

Этим объясняется его почти магическое действие на крупных технических специалистов, которые не могут работать как заведенная машина, ограничиваясь голым исполнением приказаний начальства. Всем известно его умение вдохновлять на работу, при этом на работу творческую, представителей чуждых нам классов.

Сохраняя в своих руках руководство работой ОГПУ Дзержинский применил в своих отношениях к специалистам то же отсутствие формализма, которое он проявлял на чекистской работе. Сплошь и рядом, когда работники ОГПУ приходили к нему с доказательствами в руках, что тот или другой крупный спец исподтишка занимается контрреволюционной работой, Дзержинский отвечал: «Предоставьте его мне, я его переломаю, а он незаменимый работник». И действительно переламывал.

В чем же был секрет его неотразимого действия на людей? Не в литературном таланте, не в ораторских способностях, не в теоретическом творчестве. У Дзержинского был свой талант, который ставит его на свое, совершенно особенное место. Это — моральный талант, талант непреклонного революционного действия и делового творчества, не останавливающийся ни перед какими препятствиями, не руководимый никакими побочными целями, кроме одной — *торжества пролетарской революции.* Его личность внушала непреодолимое доверие. Возьмите его выступления. Он говорил трудно, неправильным русским языком, с неверными ударениями, все это было неважно. Безразлично было построение речи, которую он всегда так долго готовил, уснащая ее фактами, материалами, цифрами, десятки раз проверенными и пересчитанными им лично. Важно было одно — говорил Дзержинский. И в самой трудной обстановке, по самому больному вопросу его встречала овация и провожала нескончаемая овация рабочих, услышавших слово *своего* Дзержинского, хотя бы по вопросу о том, что государство не в силах прибавить им заработной платы.

Он — хозяйственник, сторонник рационализации, проповедник трудовой дисциплины — мог доказывать на громадных рабочих собраниях необходимость сокращения

рабочих на фабриках и сплошь и рядом легче, бесповоротнее добиваться успеха, чем профессионалисты. Дзержинский сказал, — значит, так. Любовь и доверие рабочих к нему были беспредельны…

Правда, 1927, 20 июля

НА ХОЗЯЙСТВЕННОМ ФРОНТЕ

Нельзя строить социализм, не держа курс на индустриализацию страны… вопрос индустриализации является для нас вопросом условия существования нашей Советской власти.

Ф. Э. Дзержинский

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ[83]

Кто из нас, имевших исключительное счастье работать в непосредственном контакте с Владимиром Ильичом, не знал Ф. Э. Дзержинского еще задолго, порой до личного знакомства с ним? Его бурная, страстная, цельная натура с такой исключительной яркостью выявляла себя в эти вулканические годы развертывающейся социальной революции, он стоял с беззаветным мужеством на таких передовых постах, что личность его приобретала своеобразный, легендарный характер еще при его жизни. Он не горел ровным спокойным пламенем, он был огнедышащим факелом, либо зажигавшим сердца людей своим великим энтузиазмом верующего борца, либо опалявшим своих противников бешеной ненавистью.

Карающим мечом рабоче-крестьянской революции был он, и нужны были богатырские силы, чтобы выполнить эту роль с такой исключительной силой, с какой выполнил ее Феликс Эдмундович. Он был бестрепетен в те решительные минуты, когда перед ним с одной стороны на чаше весов лежали кровные интересы рабочего класса, шансы благоприятных перспектив гигантской мировой борьбы революционного пролетариата, а на другой — цепи и охвостья старого мира…

«Неужели это он, — думал я в часы и дни первого знакомства с Феликсом Эдмуидовичем, всматриваясь в топнкие черты его лица и любуясь его открытыми, спокойными, ясными голубыми глазами. — Вот этот высокий, стройный человек в скромной солдатской шинели, с таким исключительно добросовестным вниманием прислушивающийся к своему собеседнику, — это и есть знаменитый Феликс?»…

Мое личное знакомство с Феликсом Эдмундовичем имело место почти исключительно на почве хозяйственных вопросов. Первый бурный всплеск революционных волн завершился и трансформировался в стихиях громадного советского хозяйственного строительства. Республика рабочих и крестьян, только что одолевшая гигантское военное напряжение, казалось, изнемогала от тяжких ран экономической разрухи. Миллионы людей страдали от голода, топливный кризис свирепствовал с небывалой силой, транспортный кризис заставлял В. И. Ленина часами размышлять над движением маршрутных грузов, спасающих красную Москву от гибели в двойных роковых объятиях голода и холода. Валюта стремительно катилась вниз…

Хозяйственная работа в эти начальные годы восстановительного хозяйственного процесса являлась настоящим полем брани. Это была вторая ставка всего вражеского лагеря пролетарскому миру — не выдержат, погибнут!

Феликс Эдмундович не мог не быть участником борьбы на самых передовых позициях. Не выпуская из рук «винтовки», он должен был стать в ряды хозяйственников, и приказ В. И. Ленина, назначивший его главой транспорта, реализовал лишь то, что неизбежно должно было случиться в той или другой форме по воле самого Феликса Эдмундовича. С этого момента и началось мое общение на хозяйственной почве с Феликсом Эдмундовичем, началась новая эра деятельности этого замечательного человека, сумевшего с такой исключительной быстротой занять самое выдающееся положение среди наших хозяйственников и навеки сочетать свою рыцарскую фигуру с ответственнейшими этапами нашей борьбы с великой разрухой.

В чем же секрет этого изумительного успеха, этой изумительной трансформации воина в мирного работника?

Прежде всего разгадка в том, что работник на поле пролетарского хозяйственного строительства не может не быть одновременно воином. Наше строительство есть непрестанная борьба, требующая великого напряжения и разума и воли. Закаленный десятками лет революционной борьбы, вынесший на своих плечах муки подполья и каторги, Ф. Э. Дзержинский был как раз типом того строителя, строителя-вождя, который требовался внутренней логикой послеоктябрьских событий.

* * *

Мне пришлось наблюдать то душевное смятение, которое охватило Феликса Эдмундовича на первых порах его знакомства с делами транспорта.

Огромный транспортный механизм скрежетал во всех скрепах и грозил окончательным распадом. Достаточно было беглого проезда по любой дороге, чтобы видеть агнию транспорта. Развороченные мосты на деревянных срубах под железными фермами, явные перекосы полотна, выправленные линии рельсов, убийственные стоянки — кладбища разбитых вагонов и паровозов, грязные развалины станций, движение поездов по вдохновению, а не по расписанию, наглые хищения грузов, угрожающий рост крушений, «энергетика» на сырых дровах с самопомощью пассажиров, катастрофическое падение производительности труда, двойные, тройные комплекты

бездействующего персонала, совершенная неувязка по линии промышленности и финансов…

За что взяться, где решающее звено — шпалы или паровозы, топливо или служебный регламент, вливание новых средств или поиски собственных ресурсов?

Даже самый опытный инженер-транспортник, будь он матерым железнодорожным волком, дрогнул бы и смутился, если бы ему сказали, что отныне он ответствен за судьбы этого транспорта… А ведь для Феликса Эдмундовича было ясно, что дело не просто в транспорте: здесь, на этих рельсах, решались судьбы Республики Советов, за бытие которой сложили свои честные головы тысячи и тысячи передовых борцов… Явления полупаралича были налицо, паралич знаменовал бы полнейший крах. Враги рабочего класса, контрреволюционные «специалисты» и маститые профессора — апологеты российского капитализма во главе с Гриневецким предсказывали, что выхода для Советской власти из транспортной разрухи нет и быть не может.

Феликс Эдмундович не был ни знатоком профессором, ни железнодорожным специалистом. В его железнодорожном стаже, кроме печального знакомства с великой Сибирской магистралью по обстоятельствам «каторги и ссылки», значилась всего одна железнодорожная партизанская вылазка. В один из голодных кризисов лютой зимы надо было вывезти из необъятной Сибири несколько десятков миллионов пудов хлеба. То была последняя надежда для голодающего центра. Приказами действовать уже нельзя было. Вначале должно было стоять дело, а не слово. Надо было с бешеной энергией сбить маршруты из всего действующего состава железных дорог, поставить во главе их отважного человека и бросить в ледяные поля Сибири, маршалом всего этого «хлебного корпуса», решавшим его судьбы, был назначен Феликс Эдмундович. И с горстью отважных он реализовал это чудо — сибирский хлеб, спас нас от трагической развязки…

Это, однако, было лишь героически-партизанское ударное действие. Теперь же требовалось стократно усилить удар, в обстановке неимоверно более сложной, при ясном сознании, что партизанщиной на этот раз не вылезть, что лишь глубоко и верно задуманный план, рассчитанный на ряд лет, может создать необходимое подъемное движение. Здесь было от чего дрогнуть перед великой ответственностью.

Период становления нового комиссара транспорта был недолог. Уже после двух-трех бесед с ним на волновавшие нас транспортные темы я был всецело убежден, что на этот раз на самом опасном пункте нашего хозяйства был надлежащий человек.

Честный солдат-гражданин не мог успокоиться, пока сам, не щадя своих сил, не исследовал с величайшей энергией и безбоязненностью самые больные участки транспортной разрухи. Не щадя своих сил!.. Да, Феликс Эдмундович мог с полным правом эту свою *беспощадность* к себе выдвинуть в качестве решающей характеристики самого себя. А разве не в этом главный секрет успеха всех великих организаторов знаменательных времен первого пролетарского строительства.

Кто только не перебывал за это время в рабочих кабинетах Феликса Эдмундовича в качестве консультанта того или иного ранга по вопросам транспорта. Как был встряхнут весь рабочий состав центрального управления транспорта, как быстро работники его почувствовали руку настоящего хозяина — стремительного, делового, решительного и четкого.

Сколько бессонных ночей, сколько часов сверхнапряженной работы должен был потратить этот человек, чтобы через каких-нибудь два месяца после своего назначения уже иметь возможность выступить на пленуме Госплана в обширном собрании испытаннейших экспертов-хозяйственников с программной речью об очередных нуждах транспорта!

Помню то ощущение *подъема и удовлетворенности,* которое испытывали все мы, его слушатели, во время этого выступления. Работники Госплана, не встречавшиеся раньше с Феликсом Эдмундовичем, после его речи на этом памятном заседании один за другим заявляли мне, что Феликс Эдмундович разом завоевал их симпатии. Тот самый Феликс Дзержинский, который только что рисовался их воображению лишь в облике грозного ЧК. Действительно, трудно было не заметить основного в этом челоловеке — душевного огня и благородства и страстной целеустремленности.

Углубленность Ф. Э. Дзержинского в тот или другой вопрос не могла иметь ничего общего с профессорским универсализмом и спокойной объективностью… Не те были времена и не таков был борец! Надо было бешеным штурмом взять препятствия, а времени для подготовки было в обрез лишь для того, чтобы работой боевого топора прорубить в толще непорядков главнейшие бреши. Прекрасной иллюстрацией сказанного могут служить приводимые нами несколько его писем.[84]

> «Дорогой Глеб Максимильянович!
>
> При сем выписка постановления коллегии НКПС от 17/11 из журнала заседания секции ВТК от 8/11 по вопросу о тепловозе системы инж. А. И. Шелеста.
>
> ВТК признало целесообразным строить этот тепловоз

за границей. Я считаю такое постановление недостаточно еще обоснованным — и полагаю, что необходимо изыскать всемерно возможность строить у нас, в России. И поэтому я обращаюсь к Вам за помощью. Постройка и сама попытка постройки тепловоза в России обозначали бы:

1) создание у нас очага теоретической и практической работы по основному вопросу нашего тягового хозяйства. При разрешении этого основного вопроса разрешались бы побочные, по первостепенной важности вопросы;

2) работу над приспособлением наших отсталых заводов к требованиям развивающейся техники. Если эта работа не будет вестись, нам угрожает необходимость закрытия наших заводов и рабство заграничному капиталу;

3) проверку наших «ученостей» по технике, ибо до сих пор они при всей своей многочисленности (конечно, по нашему масштабу — нищих) ей-ей советский хлеб даром едят и даже во вред республике. Вся моя двухлетняя практика доказала мне это. Надо их заставить работать по конкретному заданию или прогнать.

Я не буду говорить о политических мотивах… Пусть Ломоносов строит два тепловоза за границей, а Шелест пусть у нас строит. Думаю, что на это средств жалеть не нужно. Я уверен, что, если призвать инженеров наших заводов, которые болеют душой за эти заводы, они разобьют доводы наших инженеров путейских. Можно из-за границы получить все части, все то, чего нельзя у нас сделать. Можно посылать за границу для той или другой частности, для изучения теоретической постановки — кого потребуется, но строить следовало бы здесь.

И постройка его была бы вопросом не только Шелеста или другого инженера, а всего Госплана, всего НКПС всего ВСНХ и всей нашей партии изо дня в день. А за границей, боюсь, это будет вопросом борьбы и интриг двух — Шелест — Ломоносов.

18/II — 23 г. Ф. Дзержинский».

Практикой своей хозяйственной работы Феликс Эдмундович показал, что он, этот грозный хозяин ЧК, сумел одновременно быть *человеком-магнитом* для целой фаланги дружно работавших

с ним и глубоко ему преданных и просто специалистов, и профессоров-специалистов. Но не было большего врага для методов неторопливого профессорского подхода к решению огневых вопросов рвущейся из прежних оков хозяйственной жизни!

Как хорош был Феликс Эдмундович во время своих гневных реплик! Вот он выпрямляется во весь свой высокий рост, весь одно напряжение, как туго натянутая, металлом звенящая струна…

Резко углубились морщины на лбу и в углах характерно очерченного рта. Бледное лицо порозовело, в глазах огневая сила… Феликс в бою — противникам нет пощады!

Не раз приходилось и мне быть в рядах этих «противников» и наблюдать потом милое смущение Феликса Эдмундовича, когда я приводил ему цитаты из его только что разразившейся громовой реплики. И не раз приходилось мне откровенно ему признаваться, что смущение его напрасно: рассердиться на него было невозможно…

Транспорт нашел свой полный голос. Результаты — на глазах целого мира. О транспортной разрухе скоро перестали говорить и злейшие враги.

* * *

Вероятно, многие помнят те иллюстрации, которые в свое время приводились для демонстрации перехода количества в качество. Вот перед нами просто талантливый, всесторонне одаренный человек, а вот небольшая прибавка к комплексу его духовных свойств — и перед нами гений мирового масштаба… Есть доброкачественная страстность работы, делающая данного человека бравым работником на трудовой ниве, а вот небольшой плюс к этой страстности — и перед нами рыцарь-энтузиаст, увлекающий за собой массы. Таким рыцарем-энтузиастом в хозяйственной области, по признанию всех, попадавших в сферу его непосредственного воздействия, был Ф. Э. Дзержинкий. Этот рыцарский энтузиазм знают только великие эпохи, такие эпохи, героями которых являются массы. Но масса должна искать своих конкретных производственников и мощь этих производственников — от мощи этой массы.

ф. Э. Дзержинский всю свою жизнь шел такой прямой дорогой, в которой *не было ни малейшего отклонения от прямых маршрутов железных, революционных, пролетарских колонн.* Он был человеком прямой революционной лобовой атаки. В этом вся

тайна его целеустремленности и всего успеха его жизни. Таких людей любит и знает масса, потому что они сами растут из ее лучших тайников и думают ее лучшие думы. Им не приходится приспосабливаться — они борются за правду и не боятся правды-истины, как бы тяжка она ни была. Поэтому они могут говорить с массами таким языком, на который не рискнет никто из самых близких «попутчиков».

Историческими, незабываемыми будут для многих из нас выступления Феликса Эдмундовича перед многолюдной толпой рабочих, пленарпым представительством наших профсоюзов, в знаменитом московском Колонном зале.[85] Целое волнующееся море людей и целый сонм картограмм и диаграмм, иллюстрирующих очередную работу ВСНХ. Но разве это просто отчет главы ведомства? Всякий раз это был отчет-исповедь честного боевого солдата-труженика перед главными хозяевами страны. Но он беспощаден не только к себе. Увы, мы теперь знаем, как сжигал он себя в этих выступлениях и как правы были доктора, которые говорили, что это для него самое опасное поприще… Феликс Эдмундович беспощаден и к тем, кому он нелицеприятно служит, если он видит слабые места и бреши в их трудовом строе. И громом аплодисментов, идущих от самого нутра, отвечает ему волнующаяся человеческая масса на его гневные реплики…

В первые годы советского строительства нам неоднократно приходилось говорить о том «займе», который нам приходится делать у нашего многомиллионного крестьянства, и о тех векселях, по которым мы должны будем ему со временем уплатить. Но не только в первые годы, а и во всю полосу первоначального социалистического строительства приходится живущему поколению делать займы в пролетарском мире. Феликсу Эдмундовичу изо дня в день по его политической работе приходилось учитывать и положительные и отрицательные явления в том итоге наших отношений к пролетариату, который подводила сама жизнь. Едва ли кто-нибудь другой был так осведомлен о всех проявлениях того или другого недовольства рабочих во всех их цеховых уклонах. *Но никогда ни па йоту не пошатнулась в нем его вера во всепобеждающий революционный инстинкт пролетарской массы, рвущей последние цепи капиталистического уклада!*

Он знал, что этот класс в целом пойдет на величайшие материальные лишения, если он почувствует, что на чашу весов брошены его судьбы, судьбы класса — передового борца. Лишь бы не было оскорблено его пролетарское правовое сознание, лишь бы источник этих тягот был чистым!

14 июня 1924 года мне пришлось работать вместе с Феликсом Эдмундовичем в одной правительственной комиссии, имевшей в виду выработать ряд положений о нормировке и урегулировании трудных вопросов зарплаты. Наиболее решительную и осторожную позицию занимал в отом вопросе Феликс Эдмундович, связывая наши возможности в этом отношении с дальнейшим повышением производительности труда. Он подверг резкой критике те оптимистические данные, которые на этот раз демонстрировали наши статистики труда. В разгаре спора я написал ему маленькую записку, в которой предупреждал его относительно некоторого риска перенапрягать идеалистическую самоотверженность пролетариата. Вот что ответил он мне на мою записку (цитирую дословно):

> «Я помню мои молодые годы. Я был массовым агитатором. Я помню, как эти массы жертвовали всем, идя под расстрелы, как рабочие готовы были всем жертвовать, как их беспросветная жизнь приобретала красочность и радость именно благодаря идее, т. е. идеализму, не философскому, а рабочему».

В этих словах — весь Феликс Дзержинский и вся сущность его отношений к рабочему классу.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 213–223

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ «ЖЕЛЕЗНЫЙ» НАРКОМ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Несмотря на все старания и заботы со стороны Владимира Ильича, несмотря на все совещания и постановления Совнаркома и Совета Труда и Обороны, транспорт, то улучшаясь, то ухудшаясь, все-таки все время хромал на обе ноги. Нужны были какие-то чрезвычайные меры для приведения его в полный порядок. Нужен был человек, который обладал бы железной волей, был бы достаточно опытен в администрировании, авторитетен среди рабочих масс, тверд в проведении всех мер и принятых решений в жизнь, имел бы достаточный опыт в борьбе с саботажем, вредительством и прямым хулиганством, нередко в то время проявлявшимися на линиях железных дорог. Владимир Ильич долго присматривался, кому именно дать особые полномочия по НКПС. Ни один из бывших четырех наркомов не удовлетворял его. Он не видел в них и достаточной решимости в тех случаях, когда, как говорил он, нужно «там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить».

— Немедленно просите Дзержинского приехать ко мне, — сказал Владимир Ильич после одного из очередных скандалов на железных дорогах, когда снова не было выполнено очень важное распоряжение правительства.

Видно было, что чаша терпения переполнилась и Владимир Ильич переходит к решительным действиям. Феликс Эдмундович очень быстро приехал из ВЧК.

— Вам придется взяться за наркомство по НКПС, — сказал Владимир Ильич, как всегда ласково и дружественно здороваясь с Дзержинским, которого он очень ценил и уважал.

— Что случилось, Владимир Ильич, почему я должен быть наркомом железных дорог?

И тут же завязалась беседа.

К сведениям, имевшимся у Владимира Ильича, Дзержинский прибавил еще новые, только что полученные и проверенные: о проявлениях саботажа на железных дорогах, об образовавшихся группах бывших дельцов железнодорожного мира, желавших мешать и всячески вредить налаживанию работы на транспорте.

Владимиру Ильичу не пришлось уговаривать Дзержинского. Феликс Эдмундович прекрасно понял с двух слов всю необходимость его работы на транспорте и тут же наметил главнейшие вехи и отправные пункты реорганизации Управления

железными дорогами, сказав, что через три дня он представит Владимиру Ильичу необходимые сведения.

— Главное, надо найти больших ответственных специалистов, — сказал он. — Невзирая на их политические взгляды, лишь бы честно работали.

— Вот это правильно, — подтвердил Владимир Ильич. — Без хорошо знающих специалистов — на транспорте, как и везде, — мы не обойдемся…

— Заготовьте текст декрета о назначении Дзержинского наркомом НКПС, — сказал он мне, — мы подпишем его экстренно, опросом. Все бумаги о транспорте направляйте сейчас же Феликсу Эдмундовичу.

Это было в Кремле, в кабинете Председателя Совета Народных Комиссаров.

Ф. Э. Дзержинский был назначен наркомом путей сообщения.[86] Опубликование этого декрета произвело огромное впечатление.

Через три дня на четвертый, в 11 часов утра, Ф. Э. Дзержинский был принят Владимиром Ильичем. Представив докладную записку, он ровным, спокойным голосом сказал Владимиру Ильичу:

— Конечно, мы кинем наш аппарат на помощь транспорту. Я убежден, что саботаж, вредительство, хулиганство быстро исчезнут. Самое же главное — это положительная работа на транспорте. Туда надо направить специалистов, хорошо их обеспечить материально; надо будет всячески оберегать их от несознательных и анархистских элементов, где сильно распространились анархо-синдикалистские идеи, поддержанные совершенно непонятной деятельностью Цектрана.[87] Эти люди будут против привлечения старых специалистов, но нам надо это настроение переломить, повести широкую разъяснительную кампанию и убедить малосознательных людей, что это нововведение крайне необходимо для всего нашего транспорта, для всей нашей страны.

— Кого же вы думаете привлекать?

— Моим заместителем я очень хотел бы сделать большого специалиста, инженера путей сообщения И. Н. Борисова.

— А вы знаете его?

— Мы имеем о нем самые подробные и точные сведения. Он, конечно, человек старого порядка, фрондирует, всех ругает за ничегонеделание, за плохие порядки на транспорте, а сам он замечательный специалист и, главное, очень любит и знает дело железнодорожного транспорта.

— А пойдет ли он?

— Вот тут-то и нужно вам с ним поговорить… Ваше слово для него будет очень важно.

— Когда же?

— Да сейчас… Если разрешите, я пошлю за ним машину.

Дзержинский сейчас же соединился по телефону с ВЧК и сказал кому-то:

— Поезжайте к Борисову и самым деликатным образом пригласите его поехать с вами в Кремль. Да, да… Так и скажите: в Кремль, к Владимиру Ильичу; у него жена больная, чтобы не испугалась…

— У него жена больная? — спросил Владимир Ильич. — Удобно ли беспокоить?..

— Я думаю, ничего, он приедет; нельзя ли сейчас же через Управление делами позаботиться о его семье: послать доктора, привести в порядок квартиру, послать дров — не топят у них…

— Значит, у него положение отчаянное!.. И мы ничем ему до сих пор не помогли… — волнуясь, сказал Владимир Ильич.

— Да, это у нас плохо поставлено… — ответил Феликс Эдмундович.

— Нельзя ли сейчас же, — обратился ко мне Владимир Ильич, — организовать помощь инженеру Борисову и его семье?..

— Конечно, можно…

Я вышел из кабинета, позвонил в нашу больницу и скарал, чтобы немедленно старший врач вместе с сестрой милосердия выехали на квартиру к Борисову, чтобы оказать медицинскую помощь его больной жене. Я вызвал также одного из служащих по хозяйственной части, составил ему список продуктов, до самоварных углей и дров включительно, велел забрать с собой уборщиц, тотчас же выехать по данному адресу и привести квартиру в полны порядок, затопить печки и прикомандировать одну уборщицу для обслуживания инженера Борисова и его семьи.

— Если на всех вас он будет ворчать, вы терпеливо все перенесите, — сказал я ему, — отлично делайте свое дело и отвечайте самым вежливым образом: «Так приказано», а кончив все, спросите, не нужно ли еще что сделать. Каждый день бывайте там, проверяйте и обо всем докладывайте.

Говорил я все это исполнительнейшему матросу с корабля «Диана» и наверное знал, что все будет сделано отлично.

Только я кончил все эти распоряжения, как из Троицких ворот мне позвонили, что приехал в Совнарком инженер Борисов. Я тотчас же сообщил об этом Владимиру Ильичу и Дзержинскому, а сам пошел встречать Борисова в нашу приемную. Пропуск для него, конечно, был заготовлен заранее.

Я самым деликатным образом приветствовал инженера Борисова. Он недоуменно улыбался. Я попросил его следовать за мной.

— Куда вы меня ведете? — отрывисто спросил он.

— К Председателю Совета Народных Комиссаров, к Владимиру Ильичу Ленину.

— Зачем я ему понадобился, — буркнул он, продолжая идти со мной рядом торопливым шагом. Он был одет в путейскую форменную тужурку. Все на нем было бедно, старо, но опрятно.

Мы прошли через внутренние комнаты Управления делами, и я ввел его через дверь старого зала Совнаркома к Владимиру Ильичу в кабинет.

Владимир Ильич встал и подошел к нему. Борисов, оглядев углы комнаты и не найдя иконы, спокойно перекрестился.

Владимир Ильич, улыбаясь, протянул ему руку.

— Здравствуйте! Инженер Борисов?

— Да, инженер Борисов…

— Вот познакомьтесь, товарищ Дзержинский, народный комиссар путей сообщения.

Борисов искоса посмотрел на Ф. Э. Дзержинского и обменялся рукопожатием.

— Садитесь, пожалуйста, вот здесь! — сказал Владимир Ильич, указывая на мягкое кожаное кресло, обходя в это время свой письменный стол и садясь в деревянное жесткое, с плетеным сиденьем.

— Скажите, я только что услышал, что у Вас больная жена?

— Да, — отрывисто сказал Борисов, хмуря брови, — умирает… Сыпной тиф… Захватила в очереди…

— Мы послали вам сейчас врача, сестру милосердия и еще кой-кого…

— Благодарю, не ожидал. Но ведь мы все замерзаем, голодаем… Вся интеллигенция в таком положении: или в каталажке вон у него сидит, — и он пальцем указал на Дзержинского, — или, голодая, умирает…

— А какой вы партии? — неожиданно спросил его Владимир Ильич.

— Я октябрист…

— Октябрист! — воскликнул Владимир Ильич, — какой же это такой «октябрист»?

— Как какой?.. Настоящий октябрист… Помните: Хомяков, Родзянко — вот наши сочлены…

— Да, но они, насколько мне известно, сейчас в бездействии…

— Это ничего… Их здесь нет… но идея их жива…

— Идея жива… Вот удивительно… Это интересно… очень интересно… — говорил Владимир Ильич.

— Но вы, старый октябрист, работать-то хотите по вашей специальности? — спросил его в упор Владимир Ильич, прищуривая глаз.

— Конечно… Без работы скучно… но не знаю, можно ли работать, созидая… Ведь теперь все разрушают, уничтожают… В том числе и железные дороги…

— Что вы! Да мы из всех сил бьемся, чтобы их восстановить…

Борисов пристально посмотрел на Владимира Ильича.

— И что же?

— Не выходит…

— Не выходит… Должно выйти, как это не выходит?.. — упрямо сказал Борисов. — Для этого нужны люди…

— И что же, они есть у вас?

— Конечно, есть…

— Где же они?

— Вот этого не могу сказать… Фамилии назвать могу… во, где они теперь, не знаю… по всей вероятности, у него в каталажке… — и он мягко посмотрел, улыбаясь, на Дзержинского.

— Назовите, пожалуйста, фамилии, — тихо сказал Дзержинский, — мы сейчас отыщем их…

Борисов назвал четыре фамилии,

— Это все молодежь!.. Прекрасная молодежь… знающая, любящая дело…

Дзержинский вышел в соседнюю комнату, где были сосредоточены телефоны и коммутатор.

— Это прекрасно… — сказал Владимир Ильич. — Так вы согласны взяться за работу?..

— Что же вы от меня хотите?

— Мы вас назначим заместителем народного комиссара путей сообщения. Вы будете работать вместе с Дзержинским… Он вам во всем поможет… Надо пустить как следует всю сеть дорог, и чем скорей, тем лучше…

— С какой дороги вы хотите начать?

— С Октябрьской, — сказал Владимир Ильич.

— Это какая же?

— Николаевская, — подсказал, улыбаясь, Дзержинский, входя в кабинет.

— А, с Николаевской!.. Это правильно. А потом надо взяться за Рязанскую и Северную…

— Ваши инженеры сейчас будут здесь… — сказал Дзержинский. — Они живы, здоровы, у себя на квартирах.

— Изумительно, — пробурчал Борисов, — редкий случай. У меня уже три раза были обыски…

— И что же? — спросил Владимир Ильич.

— Да ничего… придут, понюхают, перевернут все вверх дном и уйдут…

— Что мы должны сделать, чтобы помочь вам с первых шагов?

— Отыскать мой вагончик…

— Это какой же?

— А у меня на Николаевской дороге всегда стоял вагончик с приборами, которые отмечают в механизмах и изображают графически состояние пути, гнилые шпалы, разошедшиеся рельсы, плохие болты и прочее. Я сам в нем ездил с моими помощниками…

Ну вот мы и знали всегда состояние пути, все как на ладони. Без вагончика значительно трудней и, главное, медленней…

— Надо сейчас же отыскать! — быстро сказал Владимир Ильич и посмотрел на Дзержинского. Тот вышел из кабинета, чтобы дать соответствующее распоряжение.

— Еще что вам будет необходимо?

— Предоставить мне право вызывать всех начальствующих лиц каждой станции с докладом о состоянии их участка, вагонного и паровозного парка, ремонтных мастерских и прочего.

— Конечно, это ваше полное право, — ответил Владимир Ильич.

— Прошу предоставить мне право увольнять и заменять новыми неподходящие кадры, особенно же обращать в первобытное состояние стрелочников, дорожных сторожей и ремонтных рабочих, отрешая их от несоответствующих их знаниям и опытности должностей начальников станций, начальников движения, начальников службы пути, начальников ремонтных мастерских и тому подобных крайне ответственных работ, от которых зависит вся жизнь и деятельность железных дорог.

— Обращать в первобытное состояние! — задумчиво повторил Владимир Ильич. — Хорошо сказано…

Владимир Ильич переглянулся с Дзержинским,

— Этот чрезвычайный вопрос, — сказал он, — вы подробно согласуете с Феликсом Эдмундовичем, который, вероятно, выделит вам помощников для оказания всяческого содействия вам в этом многотрудном деле.

— Вот это прекрасно! Смею заверить вас, Владимир Ильич, — сказал Борисов, — что для меня важно только одно: лишь бы все знали одно дело, лишь бы все были действительно ответственны

за свое дело… Личности, положение меня совершенно не интересуют…

— Вот это правильно!.. Это очень хорошо! — сказал Владимир Ильич. — Я уверен, что вы прекрасно договоритесь с Дзержинским и по этому вопросу, который вас так волнует.

В это время мне сообщили, что прибыли четыре инженера.

Владимир Ильич распорядился пригласить их в кабинет.

Вошли четверо молодых инженеров в форменных путейских тужурках. Они недоуменно смотрели на все окружающее.

— Вот рекомендую, — сказал Борисов, называя их по фамилиям. — Работники отличные…

Борисов объяснил им, в чем дело, и предложил быть готовыми к отъезду на завтрашний день.

— Я бы сегодня двинулся, — словно извиняясь, сказал он, обращаясь к Владимиру Ильичу, — да вот жена… — и он поник головой…

Владимир Ильич просил его не спешить, сказал ему, что все будет сделано, что в наших силах, для его больной жены и что он просит его без всяких стеснений обо всем, что нужно лично ему, сообщать прямо сюда, в Совнарком.

— Благодарю, но спешить надо.

Условившись с Дзержинским, где и когда повидаться, он откланялся и вместе с вызванными инженерами уехал к себе на квартиру в поданном ему автомобиле.

— Оригинальный человек этот «октябрист», — сказал Владимир Ильич, — не скрывает своих правых убеждений, а работать будет.

— Я в этом убежден, — сказал Дзержинский. — Относительно кадров руководящих работников он очень прав… Сведения в ВЧК об этих кадрах просто ужасные. Надо удивляться, как еще действуют наши дороги и ходят поезда и почему они совершенно не стали до сих пор…

— Да, здесь мы должны его решительно поддержать и в самый короткий срок произвести там генеральную чистку, — сказал Владимир Ильич.

Дзержинский уехал в свой новый комиссарпат…

Как ни старались врачи помочь больной, но сыпной тиф делал свое дело разрушения и без того подорванного организма. Через четыре дня жена Борисова скончалась.

После похорон он сейчас же выехал со своим небольшим штабом и представителем ВЧК в объезд по железным дорогам, начав с Октябрьской, всюду наводя дисциплину и порядок. Прекрасно зная железнодорожный мир, он вызывал всех начальствующих лиц к своему поезду и тут же у себя в вагоне

принимал деловые доклады. Он обнаруживал вопиющие беспорядки и прямые злоупотребления и тут же сменял, заменяя другими, целый ряд лиц.

Так он ревизовал дорогу за дорогой. Кроме пассажирских стали правильно циркулировать по стране и товарные поезда. Прежде всего было обращено внимание на узловые станции, на многих из которых все железнодорожное хозяйство было расстроено до крайности, где образовались, а во многих случаях были нарочно образованы колоссальные пробки, которые препятствовали правильному движению, особенно товарных поездов. Самые срочные грузы месяцами пролеживали в пакгаузах, дожидаясь очереди погрузки, и тысячи вагонов простаивали на запасных путях, подвергаясь разграблению. Ф. Э. Дзержинский сейчас же привел в действие весь аппарат ВЧК и направил специальные комиссии на обследование железнодорожных узлов. Результаты первых обследований были ужасающие. Действительность превзошла все предположения, все самые фантастические представления. Белогвардейцы, диверсанты, бандиты и воры подвергали ограблению и станции, и пакгаузы, и груженые товарные вагоны. В Москве были обнаружены специальные тайные коммерческие конторы, которые принимали краденое имущество. Сюда продавались накладные сертификаты на товар, который вывозился с товарных дворов целыми транспортами. Здесь подделывались подписи тех, кого нельзя было купить, или подписи и печати учреждений, которым приходил ценный груз. После оказалось, что в большинстве случаев сами ответственные служащие как на транспорте, так и во многих учреждениях не только за определенную мзду охотно давали свои подписи, но и ставили нужные штемпеля и печати. В Москве по этому следу были обнаружены тайные мастерские, где изготовляли всевозможные резиновые, металлические и гравированные на меди печати и штампы. Здесь же делались всевозможные оттиски подписей всех самых ответственных товарищей до подписей Ленина, Свердлова и Дзержинского, были заготовлены бланки всевозможных учреждений, в том числе поддельные ордера на осмотр складов, на их ревизию, на производство обысков и выемок документов и ценностей. В Фуркасовском переулке была раскрыта контора, которая под видом правления какого-то другого кооператива делала огромные обороты со всевозможными краденными товарами, особенно с накладными на обезличенные грузы, в том числе на множество вагонов с сельдью и рыбой, которую гнала эта организация из Астрахани, скупая по дешевке десятками тысяч пудов у частных предпринимателей, всеми мерами старавшихся не сдавать

заготовленный товар государственным учреждениям. Они скрывали его в отдаленных складах по побережью Каспийского моря и продавали в подходящий момент московским спекулянтам, которые и выбрасывали его на частный рынок, торгуя рыбой втридорога. Все это открылось с ревизией железных дорог. Дзержинский решительно старался положить конец этой варварской деятельности совершенно распоясавшейся и обнаглевшей буржуазии…

Разгромив и уничтожив большое число воровских и бандитских шаек, обнаружив среди конторских железнодорожных служащих, а также среди другого служебного персонала скрытых саботажников, прямых участников и покровителей всей этой ужасной деятельности…, новый нарком тотчас же принялся за наведение порядка на транспорте. Прежде всего он обратил внимание на огромное количество происшествий на железных дорогах. Правильно понимая, что всякое происшествие — от малого до большого — есть производная от какого-то беспорядка на транспорте, он потребовал от аппарата уменьшения происшествий, рассматривая каждое из них как уголовно наказуемый случай, который нужно всегда исследовать строгой прокурорской властью. Здесь он применил свой излюбленный метод: он прежде всего оповестил все руководящие органы дорог особой предупредительной телеграммой высказывая откровенно свой взгляд на эти обстоятельства…

Все эти мероприятия Ф. Э. Дзержинского на железнодорожном транспорте, его постоянное энергичное наблюдение за всеми сторонами этого сложнейшего дела, умение подобрать заместителей, помощников, широкое привлечение к делу высшего командного и инженерно-технического состава по Наркомпути — все это, вместе взятое, вскоре дало блестящие результаты…

Требуя самой строгой дисциплины, Ф. Э. Дзержинский также всегда заботился о быте служащих, рабочих вверенного ему наркомата, что давало большой импульс всей работе на транспорте. Железнодорожный транспорт при управлении Дзержинского быстро стал восстанавливаться и достиг того, что предусматривалось по плану: все железные дороги тогда грузили в день до 20–27 тысяч вагонов; это тот предел, который тогда ставили правительство и партия Наркомпути, и только при руководстве Ф. Э. Дзержинского эта цифра погрузки была достигнута и утвержденный план был выполнен…

В чем главная тайна такого огромного успеха в работе на транспорте Ф. Э. Дзержинского?

Подбирая кадры, он вдумывался, всматривался в каждого

работника и изучал все его положительные и отрицательные качества. Умудренный огромным жизненным опытом, всей своей предшествующей и многотрудной жизнью, Феликс Эдмундович хорошо знал людей. Кадры бывают всякие — с плюсом и минусом, и вот это-то обстоятельство далеко не всеми понимается и принимается в расчет. Здесь уравниловка до крайности вредна, и Ф. Э. Дзержинский это прекрасно понимал. Его нельзя было ничем убедить, кроме непосредственного прямого дела, проявленной энергии, догадливости, сообразительности, находчивости, выносливости, спокойствия в трудные минуты, убежденности, честности и преданности делу, Никакие «чины» не прельщали его. Он не придавал никакого значения титулам, званиям, даже партийности, если за званием члена партии не стояла особая умелость и преданность делу. Вот почему он в то время, когда дешевая демагогия была в большом ходу, нисколько не смущался привлекать на самые ответственные должности беспартийных специалистов, помогая им всячески в работе и достигая вместе с ними изумительных результатов…

ХШ конференция РКП (б), состоявшаяся в Москве между 16–18 января 1924 года, за несколько дней до смерти Владимира Ильича Ленина, констатировала, что «транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования».[88]

Этим постановлением партия высоко оценивала деятельность железнодорожного транспорта, а стало быть, и деятельность его «железного» наркома Ф. Э. Дзержинского.

Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения.

М., 1963, т. 3, с. 199–213

Ю. В. РУДЫЙ
ОГРОМНЫЙ ОРГАНИЗАТОРСКИЙ ТАЛАНТ

Партия послала одного из лучших своих сынов, Феликса Эдмундовича Дзержинского, на транспорт в самом начале восстановительного периода, когда страна стала залечивать свои тяжелые раны, нанесенные хозяйству гражданской войной.

«Нам нужно восстановить, — писал в ту пору Ленин, — оборот земледелия и промышленности, а чтобы его восстановить, нужна материальная опора. Что есть материальная опора для связи между промышленностью и земледелием? Это есть транспорт железнодорожных и водных путей…»[89] И вот на этот решающий участок 14 апреля 1921 года по воле партии пришел Феликс Эдмундович, одновременно возглавляя «железный» орган борьбы с контрреволюцией — ВЧК.

В исключительно тяжелом состоянии застал транспорт Дзержинский. Его приходу на железные дороги предшествовало руководство болтуна Троцкого, который строил несбыточные фантастические планы восстановления транспорта и вконец разложил его надломленный разрухой организм… На железных дорогах процветали взяточничество, мешочничество и саботаж. Хозяйственная база транспорта была совершенно разрушена, а движение систематически лихорадило…

Нужен был огромный организаторский талант пламенного большевика-трибуна, чтобы сплотить людей на борьбу за восстановление транспорта. Придя на транспорт Феликс Эдмундович сумел объединить вокруг себя и правильно расставить не только партийных работников и передовую часть рабочих-железнодорожников, но и привлечь на нашу сторону большие группы старых специалистов. Прямо поставив перед ними вопрос: кто не с нами, тот против нас, Дзержинский добился того, что виднейшие старые специалисты, вначале устранившиеся от работы в советских органах, начали активно работать на транспорте. Это было ответом на директивный приказ Дзержинского по наркомату (27 мая 1921 года), в котором говорилось: «К тем из технических руководителей, которые воодушевлены грандиозностью стоящих перед нами задач по техническому вооружению транспорта рабоче-крестьянской республики и работают самоотверженно и честно, мы обязаны отнестись с полным доверием и товарищеским вниманием». Можно назвать целую группу нынешних орденоносцев, специалистов транспорта, которых привлек к работе Феликс

Эдмундович. Я помню, как многие говорили тогда, что пламенный большевик Дзержинский сумел возбудить у них новые чувства, привить им новые стремления. А о том подъеме, какой вызвало назначение Дзержинского среди рабочих-железнодорожников, свидетельствовал массовый поток восторженных резолюций и приветствий со всех концов железнодорожной сети. Железнодорожники страны знали о решающей роли Дзержинского в борьбе с контрреволюцией и верили, что лучший соратник Ленина сумеет добиться восстановления транспорта…

Кропотливо, до глубины изучая все детали многообразного транспортного механизма, Феликс Эдмундович сумел сразу же нащупать наиболее слабые звенья и наметить пути их укрепления.

…Были организованы правления дорог, в состав которых вошли работники промышленности, снабжения, финансов и сельского хозяйства. Это чрезвычайно приблизило транспорт ко всему народному хозяйству и превратило восстановление его в дело всех хозяйственных отраслей страны. Все железные дороги были разбиты по своей значимости в грузовых и пассажирских перевозках на три категории, и на решающих из них было сосредоточено все внимание. Именно это в первую голову позволило обеспечить в тех тяжелых условиях сравнительно бесперебойную перевозку угля по линии Донбасс — Москва — Петроград и перевозку хлеба по сибирской магистрали. Феликс Эдмундович следил за продвижением буквально каждого вагона по этим магистралям.

…Дзержинский очень внимательно относился ко всем вопросам технической реконструкции железных дорог. Он сам отвечал на все письма рационализаторов и изобретателей, а авторов наиболее важных предложений вызывал для личных переговоров…

В противовес развитой на транспорте во времена Троцкого партизанской системе работы Феликс Эдмундович неустанно добивался методичности, безукоризненной технической грамотности. Обратив внимание на большой пережог топлива, он в тяжелые годы сумел организовать на транспорте широкую сеть курсов для кочегаров. Это мероприятие сэкономило тогда стране не одну тысячу тонн угля и дров.

Красной нитью сквозь всю богатейшую творческую деятельность Феликса Эдмундовича на транспорте проходит внимание к человеку. Ни одно письмо, адресованное Дзержинскому, от кого бы оно ни исходило, не оставалось без ответа. Его исключительное умение откликаться на голос масс,

умение зажигать людей страстной верой в дело я видел при многочисленных встречах Дзержинского с железнодорожниками во время его поездок. После пламенных речей и сердечных бесед Феликса Эдмундовича люди буквально перерождались, чувствовалось, что это давало им колоссальную зарядку на будущее.

Вместе с тем Дзержинский показал блестящее умение поднимать партийные организации на выполнение узловых задач. Так, в своих речах на собраниях партактива в Екатеринославе и Николаеве Феликс Эдмундович четко обрисовал ту роль, которую коммунисты должны играть на транспорте. «Эту роль во что бы то ни стало надо обеспечить, они должны быть хозяевами на транспорте», — говорил он. И он ставил перед местными партийными организациями конкретные задачи, лично руководил расстановкой членов партии, мобилизуемых на транспорт, неустанно подчеркивал особое значение партийного руководства и контроля.

Пребывание Дзержинского на транспорте совпало с расцветом его незабываемой работы по ликвидации детской беспризорности. На этой почве Феликс Эдмундович сумел особенно тесно сблизить и сплотить железнодорожников и чекистов. Объединенными усилиями были организованы на всей сети железных дорог специальные пункты и распределители для беспризорных детей. И транспорт, бывший тогда центром детской беспризорности, раньше всего удалось очистить от беспризорников, которые были переданы в детские дома и приюты.

Одним из самых ценных результатов работы Дзержинского на транспорте было то, что он сумел привить значительной части железнодорожников сознание всей важности работы каждого человека на транспорте. В каждои своем приказе, докладе, в каждой служебной записке он подчеркивал общегосударственное значение транспорта и значение его для всех остальных отраслей народного хозяйства. Одновременно он жестоко бичевал ведомственность.

Вся страна, ведомая Коммунистической партией, навеки сохранит память о бесстрашном большевике, борце, трибуне. Но в сердцах железнодорожников особенно ярко горят воспоминания о славном соратнике Ленина, руководившем восстановлением транспорта на руинах гражданской войны. Превращением советских железных дорог в лучший в мире, безаварийный передовой транспорт советские железнодорожники осуществят цели, к которым страстно и неустанно стремился боец ленинской гвардии Феликс Эдмундович Дзержинский.

Гудок, 1936, 20 июля

И. П. ЯВОРСКИЙ НА «НЕСТОРЕ-ЛЕТОПИСЦЕ»

Мне хочется поделиться своими воспоминаниями о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. В 1921 году я имел счастье работать вместе с ним…

Я жил тогда в городе Николаеве и работал начальником Николаевского районного управления водного транспорта. Надо сказать, что водный транспорт на юге был основательно разрушен в результате иностранной интервенции и гражданской войны.

Нам, работникам водного транспорта в Николаеве, Одессе и Херсоне, было очень трудно работать по восстановлению торгового флота из-за отсутствия денег, материалов, да еще в условиях голода и холода.

Будучи председателем ВЧК, Ф. Э. Дзержинский с апреля 1921 года по совместительству занимал пост народного комиссара путей сообщения, и лишь благодаря его энергичной и кипучей деятельности водному транспорту была оказана практическая и финансово-материальная помощь.

Во втором квартале 1921 года народный комиссар путей сообщения Дзержинский прибыл в Николаев со специальной комиссией для обследования технического состояния судов и работы водного транспорта. Он остался доволен проделанной нам, николаевцами, работой по восстановлению судов и организацией дела водного транспорта, и мне, моим помощникам, рабочим и служащим приказом Наркомпути была объявлена благодарность «за умелое, энергичное руководство ремонтом больших судов, добросовестное исполнение своих обязанностей и образцовую постановку дела водного транспорта».

По окончании обследовательской работы в Николаеве Дзержинский приказал мне и начальнику Николаевского морского порта Г. В. Баглаю включиться в состав его комиссии и следовать с ним из Николаева на пароходе «Нестор-летописец» в Херсон, где было проведено обследование нижнеднепровского водного транспорта. Из Херсона на том же пароходе мы отбыли в Одессу. Здесь Феликс Эдмундович всесторонне ознакомился с состоянием Черноморского торгового флота, судостроительными предприятиями, портовым хозяйством и постановкой дела эксплуатации судов.

Народный комиссар тут же, на месте, оказывал помощь и давал соответствующие указания по устранению обнаруженных недостатков.

Вместе с комиссией Ф. Э. Дзержинский жил и работал на пароходе «Нестор-летописец», который впоследствии был переименован в «Феликс Дзержинский». Работа проходила в Николаеве, Херсоне и Одессе.

Я проработал в комиссии с Феликсом Эдмундовичем и прожил с ним на пароходе около 10 дней.

Дзержинский вдумчиво и детально вникал в работу водного транспорта и с большим рвением изучал новую для него отрасль работы. Он умел быстро различать и определять добросовестных работников-специалистов, высоко ценил их и прислушивался к их советам, оказывал им всемерное содействие в выполнении государственных заданий.

Требовательный во всех отношениях, Ф. Э. Дзержинский был добрым и хорошим товарищем для честных, порядочных и добросовестных работников, но, если дело касалось недобросовестности и особенно контрреволюции Феликс Эдмундович резко, до неузнаваемости менялся и наказывал виновных строго и беспощадно.

Образ Ф. Э. Дзержинского, выдающегося государственного деятеля и прекрасного человека, я всегда вспоминаю с большим уважением и любовью. Он шел по ленинскому пути и служил нам, старшему поколению, примером беззаветно преданного труженика на благо нашей социалистической Родины.

Исторический архив, 1961, М 5, с. 168

К. М. БАРТАШЕВИЧ
«МОСКВА ЖДЕТ… ХЛЕБА»

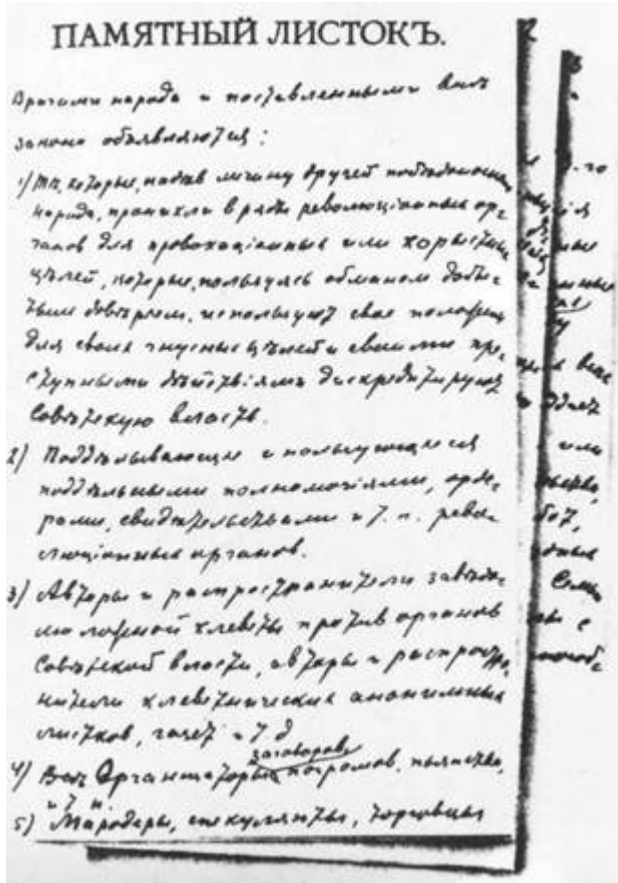
За время работы с Ф. Э. Дзержинским мне больше всего запомнилась поездка с ним в Сибирь в январе 1922 года.

В Сибирь он выезжал в качестве уполномоченного ВЦИК и Совета Труда и Обороны для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири.

Из Москвы наш поезд отошел 5 января 1922 года. Выехали мы собранно и организованно, без какой-либо суеты и толчеи. Каждый знал свое место и свои задачи, но это был еще пестрый и разобщенный коллектив. Многие не знали друг друга и взаимосвязей своих функций. Предстояло слить, объединить людей в единое целое, нацелить их волю на выполнение ответственного задания. Этим и занялся Дзержинский сразу после отъезда из Москвы. Вскоре в салоне его вагона состоялось первое совещание членов экспедиции. Многие из тех, кто до этого не встречался с Феликсом Эдмундовичем, сильно волновались. Руководитель экспедиции рисовался им суровым человеком, способным на беспощадную расправу за малейшие погрешности в работе. Но такие настроения изменились у них с первых минут пребывания в обществе Дзержинского. Его простота и сердечность в обращении, деловитость и откровенность, умение соединить серьезный разговор с шуткой быстро рассеяли предвзятость мнения.

В своем выступлении Феликс Эдмундович обратил внимание собравшихся на важность и объем работы, которую предстоит выполнить экспедиции.

— От того, — сказал он, — насколько своевременно мы доставим в центр России заготовленный в Сибири хлеб и мясо, будет зависеть жизнь нашей промышленности и транспорта, обсеменение пострадавших от засухи районов страны. От этого зависит само существование Республики Советов.



ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Врагами народа и посягающими вот
законо объявляются:

1) Тѣ, которые, нарушив могущу другой подданных
народа, пришли в ряды революционных ор
ганов для провокационных или корыстных
цѣлей, которые, пользуясь обманом добы
ли себѣ доверие, используют свое положение
для своих личных цѣлей и своими пре
ступными действиями дискредитируют
Советскую власть.

2) Поддерживающие и пользующиеся
поддельными полномочиями, ор
ганов, свидетельствами и т. п. рево
люционных органов.

3) Авторы и распространители завѣдо
мо ложной клеветы против органов
Советской власти, авторы и распро
странители клеветнических анонимных
писем, телег и т. д.

4) Все Органы заговоров, мятежей,

5) Мародеры, спекулянты, погромщики

Проект декрета о борьбе с контрреволюцией и саботажем. Декабрь 1917 г.

Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК. 1918 г.

Ф. Э. Дзержинский и С. С. Дзержинская с сыном Яном в Лугано (Швейцария). Октябрь 1918 г.

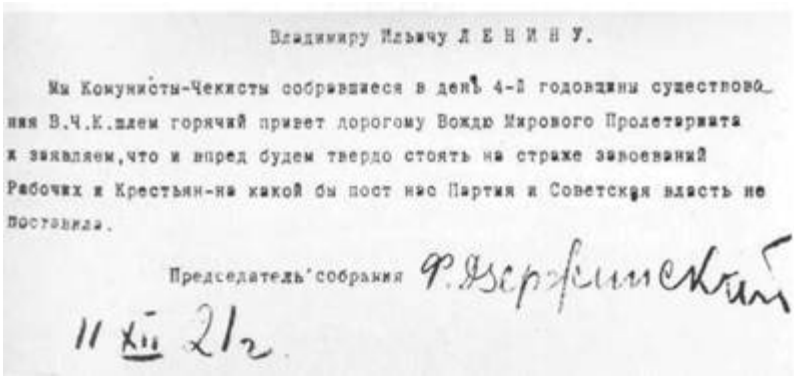
Ф. Э. Дзержинский среди членов коллегии ВЧК. 1919 г.

Ф. Э. Дзержинский и заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс. 1919 г.

Ф. Э. Дзержинский среди работников Харьковской ЧК. 1920 г.

Ф. Э. Дзержинский среди делегатов 3-й конференции чрезвычайных комиссий. 1919 г.

Ф. Э. Дзержинский — начальник тыла Юго-Западного фронта — за картой боевых действий. Харьков. 1920 г.



Владимиру Ильичу Л Е Н И Н У.

Мы Коммунисты-Чекисты собравшиеся в день 4-й годовщины существования В.Ч.К. шлем горячий привет дорогому Вождю Мирового Пролетариата и заявляем, что и впред будем твердо стоять на страже завоеваний Рабочих и Крестьян-на какой бы пост нас Партия и Советская власть не поставила.

Председатель собрания Ф. Дзержинский

11 XII 21 г.

Приветственное послание коммунистов-чекистов В. И. Ленину по случаю 4-й годовщины ВЧК, подписанное Ф. Э. Дзержинским. Декабрь 1921 г.

Ф. Э. Дзержинский — нарком путей сообщения в рабочем кабинете. 1921 г.

Ф. Э. Дзержинский и А. А. Андреев на конференции союза железнодорожников. 1923 г.

Ф. Э. Дзержинский и Г. К. Орджоникидзе. Сухуми. 1922 г.

Ф. Э. Дзержинский на пароходе «Нестор-летописец» по пути из Николаева в Одессу. Июнь 1921 г.

Ф. Э. Дзержинский и К. Е. Ворошилов у гроба В. И. Ленина. Январь 1924 г.

Ф. Э. Дзержинский — председатель ВСНХ 1924 г.

Ф. Э. Дзержинский и С. М. Киров на заседании XXIII

Чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП(б). Февраль 1926 г.

— Сибирский хлеб, — подчеркивал Феликс Эдмундович, — это наше спасение и опора во взаимоотношениях с буржуазными государствами.

Он остановился на роли членов экспедиции в выполнении поставленной задачи и сказал, что с доверием относится к каждому подчиненному ему сотруднику, что каждый участник экспедиции должен чувствовать себя полноправным членом, свободно проявлять свою инициативу, самостоятельно и ответственно решать текущие вопросы в сфере своей специальности. Если кому потребуется помощь или совет, то всегда, в любое время может обратиться к нему. Двери его вагона всегда будут открыты.

Содержательная и душевная речь Дзержинского глубоко тронула участников экспедиции. С совещания расходились все оживленными, заряженными оптимизмом, решимостью преодолеть любые трудности и достойно выполнить задание партии и правительства.

В пути Дзержинский много работал, читал документы, что-то писал, вызывал отдельных товарищей. В его вагоне свет всегда горел за полночь. Напряженно работали и все члены экспедиции. Они обследовали станции, знакомились с отчетностью служб движения, встречались с железнодорожниками. На некоторых станциях наш поезд останавливался на запасном пути, и мы видели, как из вагона выходил Феликс Эдмундович, одетый в длинную солдатскую шинель, в шапке-ушанке и в сапогах. Прогуливаясь вдоль состава, он наблюдал за проходящими товарными поездами. А однажды, идя навстречу членам экспедиции, тоже смотревшим на движущиеся составы, он радостным и бодрым голосом воскликнул:

— Вот многие кричат, что транспорт мертв, а он смотрите, живет, назло всем врагам движется, идет, да еще как пойдет!..

В Сибири работа экспедиции кипела в буквальном смысле этого слова. Дзержинский все внимание концентрировал на том, чтобы добиться бесперебойной работы железных дорог, на безостановочном продвижении продовольственных маршрутов. Он написал обращение к железнодорожным рабочим с призывом создать на транспорте революционный порядок и выполнить требование республики по ремонту дорог и подвижного состава, по погрузке и вывозке хлеба и семян; сообщать ему о препятствиях, о всех случаях злоупотреблений на железных дорогах, саботажа и разгильдяйства.

Феликс Эдмундович добился введения на транспорте нового тарифа, с тем чтобы зарплата рабочих соответствовала фактической производительности труда; проявлял заботу о материальном обеспечении рабочих. Так, по распоряжению Дзержинского на дорогах Сибири стали выдавать горячую пищу машинистам и всему составу поездных бригад; паровозные машинисты за высокие показатели в работе стали получать премии.

В распоряжении экспедиции имелось четыре вагона обмундирования. Его выдавали лучшим бригадам хлебных поездов. Феликс Эдмундович старался заметить и поощрить каждого рабочего, члена экспедиции, проявившего полезную инициативу, совершившего трудовой подвиг. На одном из разъездов перед проходом поезда с продовольствием ремонтный рабочий заметил лопнувший рельс и принял экстренные меры к предотвращению аварии. Дзержинский приказом объявил ему благодарность и выдал награду — полушубок, валенки и деньги. В то же время он нетерпимо относился даже к единичным случаям нарушения дисциплины. Один из сотрудников экспедиции появился в поезде в нетрезвом виде. Узнав об этом, нарком распорядился арестовать этого работника на месяц и держать его при Сибирской транспортной ЧК. Одновременно он издал приказ об изъятии и уничтожении всех имевшихся в поезде спиртных напитков.

До приезда экспедиции на железных дорогах Сибири были частые случаи хищения народного имущества и взяточничества. Ф. Э. Дзержинский объявил этим рецидивам беспощадную борьбу. «Суровые кары, вплоть до высшей меры наказания — расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и пособникам и скупщикам краденого»[90] говорилось в обращении к железнодорожным рабочим и служащим.

Считая взяточничество позором всего железнодорожного транспорта, Дзержинский призывал трудящихся прийти на помощь органам милиции и ЧК для обнаружения и поимки негодяев-взяточников.

На борьбу с ворами и взяточниками были привлечены профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации. В газетах освещался каждый случай поимки вора и разоблачения взяточника.

За время работы вместе с Феликсом Эдмундовичем в экспедиции я еще и еще раз убедился в его чуткости и гуманности.

Еще по пути в Омск (место основной базы экспедиции) в

Тюмени со мной произошел неприятный случай. По прибытии на станцию комендант поезда Беленький объявил трехчасовую остановку. Я решил взглянуть на город и зайти в парикмахерскую. Через час вернулся на вокзал, но наш поезд уже ушел. Его отправили раньше, чем предполагалось. Моему огорчению не было предела. Главное, что скажет Феликс Эдмундович?

В Омск я прибыл со следующим поездом. Увидев меня, Дзержинский ограничился тем, что покачал головой, не сказав ни слова упрека.

Работа экспедиции проходила очень напряженно: мы трудились и днем и ночью. В сутолоке выполнения «весьма срочных» поручений немудрено было что-то проглядеть, допустить ошибку. Так произошло с выполнением указании Феликса Эдмундовича по поводу оповещения участников одного большого совещания. Требовалось оповестить до сорока человек, в их числе начальника Сибирского округа путей сообщения Архангельского, которого Дзержинский собирался приструнить на совещании за серьезные недостатки в работе.

Подошло время начала совещания, все собрались, а Архангельского нет.

— Ведь я кому-то поручал его пригласить? — как бы между прочим, заметил Дзержинский, глядя в мою сторону.

Я встал, вытянулся по стойке «смирно» и отрапортовал:

— Феликс Эдмундович! Вы поручили это мне, но я забыл.

Дзержинский молча посмотрел на меня. В эту минуту мне хотелось провалиться сквозь землю. После небольшой паузы Феликс Эдмундович, пряча улыбку, вынес приговор:

— Барташевича надо без обеда оставить!

К счастью, местонахождение Архангельского мне тут же удалось установить и вызвать его на совещание.

С критикой Архангельского на совещании выступил один из работников округа. Это был молодой человек, латыш. Как специалист по холодильному делу, он с увлечением говорил о своей работе и осуждал Архангельского за равнодушие и бюрократизм.

Было заметно, что Дзержинский внимательно присматривался к «задиристому» молодому специалисту. Поэтому нас не удивило, когда впоследствии мы встретили энтузиаста холодильного дела в Москве. Он занимал должность по своей специальности в НКПС. Перевели его из округа в Москву, конечно, по распоряжению Феликса Эдмундовича.

Формирование и отправка хлебных эшелонов проводились непрерывно, днем и ночью. Участники экспедиции настолько

уставали, что иногда засыпали на ходу. Так произошло и со мной.

Одно из совещаний, происходившее глубокой ночью, затянулось. Выступавшие приводили множество цифр, названий станций, маршрутов, и, как я ни напрягал внимание, оно слабело, глаза слипались, голова тяжелела и клонилась на грудь. И тут мне передали записочку. Рукой Феликса Эдмундовича карандашом было написано:

> «Вас, кажется, клонит сильно ко сну. Я думаю, вы могли бы идти выспаться. Благонравов[91] Вас заменит. Ф. Д.».

Я взглянул на Феликса Эдмундовича, чтобы поблагодарить его. А Феликс Эдмундович кивнул мне, чтобы я шел спать. Тут я отрицательно покачал головой: «Ничего, справлюсь сам!» И действительно, ободренный заботой Феликса Эдмундовича, с удвоенной энергией продолжал работу..

Его записочка — узкая полоска бумаги, но какая это для меня драгоценность. Я храню ее всю жизнь!

К концу экспедиции участники ее настолько утомились, что некоторые из них стали мечтать вслух о возвращении в Москву. Эти настроения заметил Феликс Эдмундович. На одном из оперативных совещаний он сказал:

— Знаю, товарищи, что все мы изрядно измотались и нуждаемся в отдыхе. Но, пока мы не выполним задание партии и правительства полностью, о возвращении в Москву прошу не думать. Москва ждет… хлеба!

Последние слова Феликс Эдмундович произнес твердо и решительно…

В экспедиции Дзержинский не замыкался в рабочем кабинете. Он всегда был с людьми. В этой связи мне запомнилась еще одна черточка его характера.

Дело было в воскресенье. Мы задержались в столовой после скромного ужина. Среди нас был и Феликс Эдмундович. Кто-то стал рассказывать веселую историю. Все смеялись. Смеялся и Дзержинский. А потом, как бы оправдываясь, заметил, больше для себя, чем для окружающих:

— Сегодня воскресенье, можно и посмеяться!

Не знаю, как для других, но для меня в этой вскользь брошенной фразе прозвучала безграничная преданность Феликса Эдмундовича порученному делу. Он искренне — подчеркиваю это — усомнился в том, имеет ли он право отдыхать, когда важнейшее государственное задание еще не выполнено до конца.

Сказать, что это чересчур, что это граничит с ханжеством, — значит не понять, каким до глубины души чистосердечным и

искренним человеком был Феликс Эдмундович!

А вот еще один случай.

Как-то в салон-вагон Дзержинского были приглашены представители железнодорожных рабочих. Речь шла о мерах по пресечению хищений угля железнодорожниками для своих собственных надобностей. Молодой рабочий бросил такую фразу:

— Если здесь тепло, то и рабочему должно быть тепло!

Товарищу можно было разъяснить, что выполнять задание большой государственной важности без соответствующих условий нельзя. Может быть, будь на месте Дзержинского кто-нибудь другой, он так бы и сказал. Но Феликс Эдмундович явно смутился:

— Да, да, конечно… — негромко проронил он. Он болел душой, ему было совестно, и опять-таки совершенно искренне, что он в тепле, а рабочие не имеют топлива…

Благодаря поистине героическим усилиям Дзержинского, членов экспедиции и железнодорожников Сибири боевое задание большевистской партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина было выполнено в установленный срок. Из Сибири в Поволжье и в промышленные центры страны было вывезено более двух с половиной миллионов пудов хлеба. Эта работа содействовала ликвидации последствий неурожая, разрешению продовольственной проблемы, спасению многих тысяч трудящихся от голодной смерти.

4 марта 1922 года поезд экспедиции отбыл из Омска в Москву. Однако работа Феликса Эдмундовича и его помощников не прекращалась и на обратном пути. Составлялся отчет о проделанной работе, заслушивались доклады начальников дорог и крупных станций, проводились встречи с рабочими и специалистами участков путей…

Где-то на Урале поезд развил большую скорость. Вагон Феликса Эдмундовича, который находился в хвосте поезда, начало бросать из стороны в сторону. Пассажиры стали озабоченно переглядываться…

Феликс Эдмундович усмехнулся и сказал:

— Машинист решил прокатить наркома!

Но один из присутствующих инженеров высказал опасение: так как вагон на деревянных швеллерах, мало ли что может случиться…

— Извините, — сказал Феликс Эдмундович, — я нарком путей сообщения, но не знаю, что такое «швеллеры».

Ему объяснили, что швеллеры — это поперечные крепления вагонной рамы.

Кто из высокопоставленных «ответственных» с такой

обезоруживающей простотой и откровенностью мог признаться в своем неведении?

Я видел, какими теплыми взглядами смотрели специалисты на своего наркома…

Я понимаю, что упомянутые мной подробности, связанные с образом Феликса Эдмундовича, могут показаться незначительными. Но ведь не случайно врезались они в память. На мой взгляд, они помогают лучше понять светлую душу этого замечательного человека.

Пограничник, 1967, № 16, с. 34–37

С. А. ЛЕДЕР
ДЗЕРЖИНСКИЙ ЕДЕТ В ТИФЛИС

1922 год. Управление Закавказской дороги получило известие, что в Тифлис приезжает нарком путей сообщения Дзержинский.

Условия работы в Закавказье, и в частности на нашей дороге, были тогда особенно сложные… Сильно чувствовалось влияние меньшевистского, дашнакского, мусаватистского отребья. Нас, присланных из центра, многие встретили в штыки. Дорога не справлялась со своими задачами.

Известие о том, что Дзержинский едет в Тифлис, вызвало у многих работников заметное чувство тревоги. Мы знали, что Дзержинский — председатель ВЧК, но очень плохо представляли себе его как народного комиссара, как руководителя транспорта…

Поезд прибыл днем. Сразу же Дзержинский стал беседовать с железнодорожниками. И первая же беседа, самая первая встреча показала рабочим… что приехал Феликс Эдмундович для того, чтобы помочь дороге. Он подробно расспрашивал о работе, о людях и удивлял своей простотой и глубиной постановки вопросов, удивлял поразительным знанием души дела.

— Что вам мешает? Давайте вместе разберемся в причинах, — говорил он.

Мы рассказали о постоянных недоразумениях с «Азнефтью», которая тогда не считала нужным платить нам деньги за перевозку нефти, но непрерывно требовала, чтобы дорога платила за полученную ею нефть. Дзержинский немедленно принял ряд мер, после которых две важнейшие отрасли хозяйства Закавказья — «Азнефть» и железная дорога — стали в нормальные взаимоотношения.

Когда Дзержинский уехал, работа дороги резко выправилась. Все дело в том, что Дзержинский поднял, организовал людей. Поднимать людей, будить в них энергию, инициативу, мысль — таков был ленинский стиль Дзержинского.

Во время приезда Феликса Эдмуидовича в Тифлис был случай, который никогда, до последней минуты, не изгладится в памяти. В один из последних дней пребывания Дзержинского на дороге я был у него в вагоне. Еще и еще раз я обращался к нему за советами и просьбами. И когда беседа закончилась, Феликс Эдмундович несказанно удивил, поразил меня совершенно неожиданным обращением:

— Скажите, за кого вы меня принимаете? — спросил он.

Дзержинский произнес это резким и недовольным тоном. Признаюсь, я сильно растерялся…

— Почему же, на каком основании вы, — продолжал Дзержинский, — в течение всех этих дней ни разу не сказали мне, что ваша жена находится при смерти?

Моя жена действительно очень сильно болела и была на волосок от смерти. Это тревожило и угнетало меня. Но сказать об этом Дзержинскому? Такая мысль не приходила мне в голову.

— Я вам приказываю идти немедленно домой. И сообщите, какая нужна помощь?

Пошел домой. Но вторую часть распоряжения не выполнил: о необходимой помощи не сообщил. Считал, что все сумею сделать сам.

И все же в этот день по распоряжению Дзержинского приходили три врача, был консилиум. Я получил возможность как следует лечить жену, и ее жизнь была спасена.

Позднее, когда Феликс Эдмундович был председателем ВСНХ, мне удавалось видеть его в Харькове, куда он приезжал не раз. Он по-прежнему интересовался работой дороги, расспрашивал, давал указания, в частности о тесной связи дороги с промышленностью. Каждая его беседа, каждое слово поднимало людей, давало сильнее чувствовать ответственность перед страной, чувствовать значение своей работы.

Однажды в Харькове, увидев меня, Дзержинский спросил:

— Каково теперь здоровье вашей супруги?

Я горячо поблагодарил Феликса Эдмундовича за заботу.

Прошло десять лет со дня смерти Феликса Эдмундовича. Неузнаваемой стала наша страна. Неузнаваем и железнодорожный транспорт, по стальным путям которого, напоминая о Дзержинском, бегут чудо-локомотивы, прекрасные «Феликсы».[92]

Гудок, 1936, 20 июля

А. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ
ТРИ ГОДА РАБОТЫ С ФЕЛИКСОМ ДЗЕРЖИНСКИМ

Трудно теперь даже мысленно перекинуться в обстановку 1921 года и вспомнить, что собой представляли тогда наши железные дороги.

В то время я руководил отделом пути ЦУЖЕЛ[93] и поэтому наиболее отчетливо помню свое, близкое мне путевое хозяйство. На сети было тогда четыре с половиной тысячи разрушенных мостов с общим их протяжением в 45 километров. Шпальное хозяйство было до крайности запущено. Менять, по существу, нужно было каждую шпалу. Помню, например, что на Средне-Азиатской дороге на всем протяжении от Красноводска до Ташкента шпалы были в таком состоянии, что пассажирские поезда ходили там со скоростью 20–25 километров в час. Точно сказать, что делается на каждой дороге, было очень трудно, так как в течение трех-четырех лет люди менялись, хозяйство разрушалось и никто при этом не вел никакой отчетности.

Партия послала Ф. Э. Дзержинского в 1921 году восстановить разрушенный в период гражданской войны и интервенции транспорт. Феликс Эдмундович с первых же дней своей работы поразил нас необычайной проницательностью, настойчивостью, желанием и умением входить обязательно в самую суть вещей. В мельчайшие детали отдельных планов, предложений, вопросов оп вникал непременно сам и утверждал то или иное предложение только тогда, когда сам знал вопрос от истоков до конечных выводов.

В Паркомпути, например, было два варианта плана восстановления шпального хозяйства. Вариант, предложенный моим отделом, предусматривал ежегодную смену 25 миллионов шпал, чтобы в самый короткий срок можно было ликвидировать первую категорию запущенности. Другой вариант, исходящий от ряда товарищей, намечал лишь нормальную смену, оттягивая тем самым восстановление шпального хозяйства на несколько лет.

Дзержинский занялся этим вопросом. Я получил однажды от Феликса Эдмундовича лично им написанную обширную записку, в которой он поставил передо мной 15 конкретных вопросов по шпальному хозяйству. Вопросы были такие, что, если бы я не знал автора записки, я был бы уверен, что она исходит от старого путевика, по крайней мере полжизни посвятившего путевому хозяйству. Записка Дзержинского предрешила дело: коллегия

приняла такой вариант, который давал транспорту возможность быстрого восстановления.

Феликс Эдмундович с присущей ему неиссякаемой энергией, страстностью в работе принялся восстанавливать разрушенные мосты. Время было трудное. Промышленность сама только оправлялась от последствий гражданской войны. О таких заказах, которые мы делаем сейчас «Стальмосту», не могло быть и речи. Приходилось идти на всякие ухищрения, делая, например, из двух старых мостовых ферм одну для нового моста. И тем не менее, воодушевленные железным руководством Ф. Э. Дзержинского, мы сумели в эти исключительно тяжелые три года восстановить все основные, наиболее крупные мосты.

1923 год. Правительство поручает Особому комитету под руководством Дзержинского достроить линию Аулиэ — Пишпек — головной участок будущего Турксиба. Я был привлечен в качестве технического руководителя этого строительства. Феликс Эдмундович сам разрешал все возникавшие в процессе строительства вопросы. В течение года линия протяжением 252 километра была построена — темпы небывалые по тому времени.

Дзержинского крайне заботило, что наркомат, по существу, не знал как следует сети своих железных дорог, их состояние. В 1923 году Феликс Эдмундович решил обследовать дороги с помощью ответственных товарищей, которых он назвал генеральными докладчиками. Генеральные докладчики разъехались по местам и вскоре один за другим стали докладывать на коллегии НКПС свои впечатления. Мне тоже посчастливилось принять участие в этой работе. Я был генеральным докладчиком по Средне-Азиатской дороге. Хорошо помню, как много интересных, самых неожиданных вопросов задавал мне Феликс Эдмундович, когда я делал свой доклад.

* * *

Вспоминая о Дзержинском как о наркоме транспорта, нельзя не помнить о нем как о человеке. Феликс Эдмундович производил буквально чарующее впечатление на всех, кто соприкасался с ним по работе. Человек, символизировавший стальной меч революции, был всегда чутким, удивительно внимательным, даже ласковым по отношению к своим работникам.

Когда приходилось говорить с Дзержинским по делу, он буквально забрасывал вопросами. Вопросы были непростые. Феликс Эдмундович хотел получить ответ, предусматривавший чуть ли не все случаи, все возможности. Даже я, старый

железнодорожник, под градом таких вопросов подчас начинал чувствовать себя в затруднительном положении. Феликс Эдмундович моментально замечал усталость или замешательство собеседника. Он тут же переводил разговор на другую тему, начинал шутить и смеяться.

Вспоминаю один мелкий, но характерный факт. Группа железнодорожников, в том числе и я, жила в одном доме по Басманному переулку. Кто-то нас задумал выселять. Что делать? Пришла дерзкая мысль — направить председателя нашего жилищного товарищества к Дзержинскому. Феликс Эдмундович его принял, внимательно выслушал и пообещал «помочь, чем может». В тот же день выселение, понятно, было приостановлено.

Оглядываясь сейчас назад, на свой пройденный жизненный путь, я с чувством особой гордости вспоминаю три года работы с таким изумительным наркомом, как Дзержинский. Феликс Эдмундович на транспорте, как и потом в промышленности, как в обороне страны от внешней и внутренней контрреволюции, был всегда верным носителем и проводником великих идей человечества, идей Ленина.

Гудок, 1936, 20 июля

Н. П. БОГДАНОВ
ЭНТУЗИАСТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

По поручению Владимира Ильича Дзержинский проводил совещание по вопросам строительства Волховстроя.

Феликс Эдмундович просил специалистов высказать свои соображения. На совещании горячо выступил инженер Г. О. Графтио,[94] которого В. И. Ленин в июле 1918 года вызывал к себе в связи с предстоящим строительством гидростанции на Волхове. Еще в 1911 году Графтио разрабатывал проект комплексного использования Волхова.

Проект его в то время встретил решительное сопротивление владельцев тепловых электростанций Петербурга испугавшихся конкуренции. Феликс Эдмундович, несомненно, знал об этом и с особым интересом прислушивался к словам Графтио.

Внимательно выслушав всех, Дзержинский в заключение сказал:

— Графтио будет составлять технический проект. Кроме того, Владимир Ильич Ленин включает его в техническую группу для разработки других крупных вопросов энергетики.

Вскоре Графтио возглавил строительство на Волхове.

Не случайно Ф. Э. Дзержинский при жизни В. И. Ленина и по его инициативе был назначен наркомом путей сообщения и затем введен в состав Совета Труда и Обороны. Мне, как председателю ЦК профсоюза строителей и члену ВЦИК, много раз довелось участвовать в заседаниях СНК и СТО по вопросам нового железнодорожного строительства, в котором были заняты члены нашего союза. Владимир Ильич был всегда внимателен к Феликсу Эдмундовичу, прислушивался к его предложениям.

Вопросами железнодорожного, шоссейного и водного строительства в Наркомпути ведал заместитель наркома И. Н. Борисов, в прошлом товарищ министра путей сообщения царской России.

Нас поражало, как этот бывший генерал, пришедший из другого мира, стремился добросовестно вести работу, и отнюдь не из-за боязни. Между ним и Ф. Э. Дзержинским существовали простые человеческие отношения, и Феликс Эдмундович не давал его в обиду.

— Вот вы горячитесь, — говорил он нам, — считаете, что это чужой человек. У него имеются недостатки, но свои знания он отдает нам, большевикам. Без таких людей нам трудно

восстанавливать транспорт и строить железные дороги.

И Дзержинский вновь и вновь развивал нам ленинские мысли об использовании буржуазных специалистов.

— В свое время, — говорил он, — интеллигенция обучала рабочих марксизму, сейчас очень важно, чтобы победивший пролетариат научился у этих людей вопросам техники и управления…

— Мне самому приходится весьма прилежно постигать сложные технические вопросы, — не раз в беседах с нами повторял Феликс Эдмундович. И он действительно учился

— Не беда, что мы начинаем с ликбеза, — шутил он.

Феликс Эдмундович предупреждал нас от роковых ошибок «спецеедства». Так было в бурные дни Смольного и в период социалистического строительства. Уже позднее, вспоминая те дни, с открытой улыбкой, всегда так располагавшей к нему, он говорил:

— А ведь помните, как мы еще мало знали Графтио? Он вас насторожил, когда, придя в профсоюз, назвал Ленина — «гражданин Ленин». А смотрите, какой из него вышел строитель социализма!

Став председателем ВСНХ, Феликс Эдмундович обладал уже широким хозяйственным кругозором. Он знал многих руководителей промышленности. В совершенстве владея ленинским стилем в работе, ставя каждый вопрос с необычайной ясностью и простотой, Дзержинский сумел развить у людей деловую инициативу, заботился о них.

Мы, строители, очень скоро почувствовали поддержку со стороны ВСНХ. Особое внимание уделял Дзержинский скорейшему пуску решающих энергетических строек — Волховстроя, Кизеловской (Урал), Штеровской (Донбасс) и других станций. У всех в памяти остались волнующие ленинские документы об ускорении строительства первых электростанций. Владимир Ильич заботился о цементе и продовольствии, обуви и одежде, о быте людей, медикаментах и о молоке детям. С приходом Дзержинского в ВСНХ он как бы возобновил в полной мере ленинское беспокойство и заботу, охотно выслушивал нас о нуждах строек, оказывал быструю помощь, устранявшую задержки в ходе строительства.

В июле 1924 года мы докладывали Дзержинскому о победе строителей, закончивших строительство и монтаж Кизеловской ГРЭС на Урале — важнейшей тепловой электростанции по плану ГОЭЛРО.[95] В текст приветствия он лично вписал:

«…Несмотря на тягчайшие затруднения… дружными

усилиями достигнута блестящая победа на трудовом фронте СССР и выполнен еще один из заветов Ильича».

Действительно, стройка проходила в тяжелых условиях. Люди работали вдали от населенных пунктов, в суровые морозы, испытывали неслыханные трудности в жилье, одежде, обуви, продовольствии и материалах. Вспыхнувшая эпидемия сыпного тифа унесла много жизней, погиб и начальник строительства инженер А. В. Черкасов, энтузиаст ленинской электрификации.

Газета «Уральский рабочий» писала: «В тех условиях, в которых постройка началась, и даже в тех, в которых она протекает и теперь, все работающие там — герои».

Ф. Э. Дзержинский сердечно и тепло отзывался о строителях.

— Это настоящие ленинцы! — говорил он. — Придет время, трудящиеся всего мира вспомнят героические дела нашего народа.

В июне 1925 года Дзержинский побывал на Волховстрое. Стройка тогда вступала в решающий период, но ее продолжали лихорадить различные задержки. Рабочие говорили: «Приехал друг Ленина».

Он внимательно выслушивал сообщения руководителей, беседовал с рабочими, осмотрел все участки, не пропуская ни одной мелочи. Феликс Эдмундович любил видеть всякое дело без мишуры, в обычной, будничной обстановке, чтобы самому разобраться в положительных и отрицательных сторонах.

Стройка напряженно боролась с трудностями, шло бетонирование здания гидростанции, снималась деревянная опалубка, видны были контуры одной половины турбинного зала, готовились аванкамера и шлюзы. Коллектив усиленно стремился закончить строительные работы комплекса гидроэлектростанции, победить реку Волхов.

На очередь дня выдвигался монтаж гидротурбин, генераторов и другого сложного электрооборудования. Дзержинский, всматриваясь в лица инженеров и рабочих, спросил:

— Как вы готовитесь к монтажу оборудования гидростанции?

— Ожидаем в скором времени из Швеции двадцать пять инженеров-специалистов для монтажа турбин, — отвечали ему.

— Нашим инженерам и рабочим необходимо самим учиться монтажу, без этого люди не смогут управлять станцией. Не шведы, а вы хозяева этого сооружения, — заметил Феликс Эдмундович и продолжал: — Не зазнавайтесь, учитесь и готовьтесь к большим делам. Не забывайте заветов Владимира Ильича — учиться и у капиталистов. Настойчиво, упорно овладевайте знаниями. Желаю вам успеха!

Посещение Дзержинским Волховстроя еще больше сплотило коллектив, способствовало развитию соревнования и укреплению трудовой дисциплины. Не стало простоев по вине рабочих.

Дзержинский помог быстрейшему изготовлению четырех отличных гидрогенераторов на отечественных заводах.

Славные коллективы ленинградских заводов «Электросила», Металлического, Путиловского, «Русский дизель» и других блестяще справились с ответственнейшим поручением и победили в соревновании с прославленной шведской фирмой «АСЕА». Испытания шведских и наших гидрогенераторов показали, что коэффициент полезного действия советских генераторов выше шведских при лучших весовых показателях. Это была победа молодой социалистической экономики, освобожденного народа, способного творить чудеса.

Ф. Э. Дзержинский немного не дожил до пуска Волховстроя, состоявшегося в декабре 1926 года, но мы все знали его роль в борьбе за осуществление ленинского плана электрификации.

Председатели центральных комитетов крупнейших профсоюзов входили в состав пленума Высшего совета народного хозяйства. Это давало нам возможность быть в курсе хозяйственной политики и практической работы ВСНХ. Ф. Э. Дзержинский постоянно стремился поднять авторитет профсоюзов, помогал им выполнять указания Ленина — быть школой хозяйствования, управления, школой коммунизма.

Помнится, как внимательно прислушивался Феликс Эдмундович к предложениям профсоюзов, подготавливая доклад и предложения III съезду Советов о положении промышленности СССР. Это был не просто очередной доклад, нет. Дзержинский впервые после Ленина поставил проблему широкой реконструкции предприятий. Менялась картина восстановительного процесса. Мы подошли к стопроцентному использованию основного капитала, встала во весь рост задача его расширения: постройка новых фабрик и заводов, закладка новых шахт, переоборудование существующих предприятий на новой технической основе.

Феликс Эдмундович говорил об основных отраслях промышленности — металлической, электротехнической, химической, об энергетике — и поставил перед нами задачу создания строительной индустрии.

— Строители обязаны работать по-новому, — говорил он, — отказаться от кустарничества. Удешевление строительных работ является необходимым условием для того, чтобы строительство развернуть в большом масштабе.

Дзержинский всегда внимательно выслушивал нас,

профработников, когда мы приходили к нему со своими вопросами. Если его точка зрения расходилась с нашей, он не стремился навязать свои взгляды.

Руководитель ВСНХ умел охватить своим взором перспективы предстоящих обширных строительных работ, искал пути создания мощной строительной индустрии, без которой немыслимо было думать о социалистической индустриализации.

Дзержинский умел с необыкновенной силой убежденности рисовать контуры нового мира.

— Я вижу, — говорил он, — новые города, жилища, электростанции и железные дороги. Для всего этого нам нужны миллионы сильных духом, умных мастеров, художников, нужны новые люди!

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 271–276

Ж. Л. ТАНЕР-ТАНЕНБАУМ
ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

В марте 1924 года советник полпредства СССР в Берлине Бродовский получил от Дзержинского телеграмму следующего содержания:

> «Ускорьте приезд Таненбаума работу Выссовнархоз. Предвыссовнархоз *Дзержинский».*

Телеграмма была вызвана тем, что в феврале месяце того же года я обратился к Ф. Э. Дзержинскому с предложением приехать в СССР на работу по энергетике. Феликс Эдмундович встретил мое предложение весьма приветливо и писал по этому вопросу Бродовскому:

> «Если тов. Таненбаум мог бы приехать, то буду ему очень рад и соответствующую работу могу ему гарантировать…»

В результате приглашения Дзержинского я в начале апреля 1924 года выехал из Берлина и 6 апреля впервые вступил на территорию СССР. Помню, какое сильное волнение овладело мной, когда наконец появились описанные много раз в литературе деревянные ворота с пятиконечной звездой и поезд, пройдя границу, остановился в Негорелом.

..В то время вокзал станции Негорелое представлял собой дряхлое деревянное здание, вроде сарая. В нем расположилось таможенное управление, пограничное управление и управление железной дороги. Для буфета места не осталось, и он помещался в снятом с рельсов товарном вагоне. Грубо сколоченная из досок лестница вела к этому «буфету». Молодым товарищам, которые не помнят, с какой быстротой росла наша страна и укреплялись социалистические порядки, покажется странным и невероятным, что буфет на пограничной станции в Негорелом в 1924 году находился в руках частника-арендатора. Что это был именно частник, я убедился на собственном опыте, так как он всучил мне, пользуясь моим невежеством, изрядное количество бумажных денег, изъятых несколько недель тому назад из употребления.

После таможенного осмотра и урегулирования прочих пограничных формальностей немногие пассажиры, переехавшие границу, пересели в советский поезд.

Поезд того времени был совершенно не похож на «Красную

стрелу» или другие наши пассажирские поезда. В вагоне прямого сообщения, в котором я занял место, многие стекла были разбиты, в коридоре одно окно наполовину забито досками. Поезд всем своим видом напоминал недавно прошедшие времена гражданской войны.

…Несмотря на внешне непривлекательный облик поезда, путешествие шло точно по расписанию. Чувствовалась железная дисциплина, введенная Дзержинским во время его работы в НКПС, благодаря которой преодолевались последствия войны и интервенции на транспорте.

Сейчас от Негорелого до Москвы поезда идут 12 часов; тогда мое путешествие продолжалось 24 часа.

После приезда в Москву я должен был позвонить по телефону Дзержинскому. Я приехал в Москву в воскресенье и поэтому наивно предполагал, что застану Дзержинского дома. Оставив вещи на вокзале, я сел в трамвай. По дороге я внимательно следил за общим обликом незнакомой мне советской столицы.

Из бюро пропусков у Троицких ворот я позвонил Дзержинскому на квартиру. Его, конечно, дома не оказалось, он был на работе. Я переговорил с его женой, которая обещала сообщить ему о моем приезде. Через 15 минут она мне позвонила в бюро пропусков и сообщила, что Феликс Эдмундович очень рад моему приезду и просит остановиться у него на квартире. С работы он приедет около часа ночи и тогда поговорит со мной о делах.

Так совершенно неожиданно моя первая московская квартира оказалась в самом Кремле, чего я, по совести говоря, не ожидал и, откровенно говоря, не заслужил.

Что представляла собой в то время квартира Дзержинских? Буржуазные газеты Запада начиная с 1918 года регулярно сообщали о том, что народные комиссары захватили кремлевский дворец и живут в нем, занимая роскошные квартиры с великолепной обстановкой. Между тем наши руководящие работники никогда в кремлевском дворце не жили. Их квартиры были расположены в весьма непривлекательных домах, в которых жили до революции кремлевские служащие. Квартира Дзержинских помещалась в конце темного и узкого коридора, рядом с квартирами других руководящих работников. Феликс Эдмундович Дзержинский занимал с женой и сыном три небольшие комнаты. Квартира была уютная, но по ее обстановке было видно, что в ней не живут, а только ночуют: в это время Феликс Эдмундович работал по 18 часов в сутки, уезжая па работу утром и возвращаясь поздней ночью.

Устроившись на квартире, я не мог усидеть на месте решил

использовать вечер для прогулки по городу. Выйдя из Троицких ворот, я направился к Красной площади. В то время Красная площадь была не спланирована, покрыта булыжником. Через площадь проходили рельсы трамвая. Мавзолей, в первом его деревянном варианте, не был еще сооружен, воздвигались только леса для его постройки. Я спустился к ухабистым, запущенным набережным. На набережных вдоль кремлевских стен лежал мусор.

Внешний облик Москвы этого времени не мог понравиться мне, инженеру, прожившему много лет в крупных городах Западной Европы. Я себе отчетливо представил, какую гигантскую работу предстоит проделать, чтобы превратить Советский Союз в зажиточную, счастливую социалистическую страну, а Москву — в достойную столицу этой страны.

Вернувшись в Кремль, я ужинал с С. С. Дзержинской и ее сыном. Ужин совсем не напоминал лукулловских пиров, которыми буржуазная печать угощала на своих страницах в течение многих лет наших вождей. Хлеб, яичница и чай — вот и весь ужин.

Ровно в час ночи прибыл Феликс Эдмундович. Увидев его высокую фигуру в серой красноармейской шинели, в известной по многим фотографиям военной фуражке, я не мог преодолеть чувства растроганности. Я сравнивал его с тем Дзержинским, которого знал в 1905 году, когда мне было 10 лет. Веселый, молодой революционер-подпольщик превратился в вождя, несущего на себе гигантскую по змаху и ответственности работу. Одно осталось неизменным — энтузиазм и энергия, которые били в 1905 году из каждого взгляда и движения молодого Феликса и которые остались неизменными до самой смерти.

Дзержинский встретил меня так, будто бы мы расстались накануне. Мы вспоминали старые времена, вспоминали, как он жил в подполье, в квартире моих родителей в Варшаве, и я, десятилетний мальчик, вел с ним серьезные беседы на политические темы.

Во время беседы Феликс Эдмундович закусывал, не успев, по-видимому, поужинать на работе. После ужина он объявил, что мы переходим к деловой части разговора. Разговор длился почти два часа — до трех часов ночи.

Во время беседы Дзержинский все больше и больше забывал свою дневную усталость и задавал мне множество вопросов. Разговор касался плана ГОЭЛРО. Я обратил внимание Феликса Эдмундовича на то, что план ГОЭЛРО (с ним я ознакомился еще за границей) взял установку на удовлетворение потребности Советского Союза только в электрической энергии и не касался

снабжения Советского Союза теплом, и в частности теплом низких потенциалов, то есть теплом в виде пара и горячей воды. Все электростанции, намеченные планом ГОЭЛРО, были чисто силовыми электростанциями, то есть электростанциями, производящими лишь электрическую энергию, тогда как промышленность и население нуждаются также и в тепле…

Дзержинский очень заинтересовался этим вопросом и предложил мне организовать внутри ВСНХ СССР небольшую ячейку для обследования теплового и силового хозяйства промышленности. После этого обследования, сказал он, можно будет поднять вопрос о теплоснабжении промышленности. Я высказал опасение, что не справлюсь с организационной стороной этого дела в совершенно неизвестных мне условиях СССР. Феликс Эдмундович мне ответил:

— Вы только будьте твердо уверены в правильности ваших технических предпосылок. Если вы в них уверены — а у меня впечатление, что вы твердо знаете, чего хотите, — то с организационной стороной так или иначе справимся.

На этом наша ночная беседа закончилась.

На следующий день в 10 часов утра Дзержинский поехал со мной в ВСНХ. Мы ехали в открытом автомобиле Феликс Эдмундович пригласил к себе Кацнельсона, который за несколько дней до этого был назначен начальником административно-финансового управления ВСНХ СССР, и попросил его обеспечить меня квартирой. Шутя Дзержинский добавил, что квартира является совершенно необходимой реальной базой для развертывания дальнейшей работы.

После этого он направил меня к Г. И. Ломову (товарищ Ломов в это время исполнял обязанности начальника Главного экономического управления ВСНХ СССР) и просил оберегать мои первые шаги в ВСНХ.

Я приступил с большим пылом к организации ячейки по теплосиловому хозяйству. Ячейка должна была называться «Отдел рационализации теплового и силового хозяйства промпредприятий». В несколько дней я разработал положение об отделе и приступил к согласованию проекта приказа о его организации с членами президиума ВСНХ СССР. Тогда еще единоначалие не было введено, и внутриколлегиальная демократия требовала, чтобы проект приказа, прежде чем его подпишет председатель ВСНХ, был завизирован всеми членами президиума. При таком способе оформления я познакомился по очереди со всеми членами президиума ВСНХ СССР.

Дзержинский внимательно следил за организацией моего отдела. Помню такой случай. Квартира, которую я получил через

три дня после приезда в Москву, находилась в доме ВСНХ на Лубянском проезде. Однажды я вернулся из ВСНХ в 11 часов вечера и, чувствуя усталость, лег спать. Ровно в 12 часов ночи стучат в дверь. Открываю. Соседка, очень бледная, сообщает, что какой-то красноармеец из ОГПУ пришел за мной и требует, чтобы я немедленно отправился к Дзержинскому. Я быстро оделся и направился к зданию ОГПУ, где для меня уже был заготовлен пропуск. Поднялся наверх в приемную Дзержинского. В здании ОГПУ я был впервые, и меня поразило то, что, несмотря на позднее время, там царил день, работа шла полным ходом, ряд товарищей из системы ВСНХ и ОГПУ ждали приема, и в ночной работе они не видели, по-видимому, ничего исключительного.

После того как я информировал Феликса Эдмундовича о ходе организации отдела, я вернулся домой. В квартире меня встретили соседи, спорившие о моей судьбе и обсуждавшие, в частности, шансы на возможное мое возвращение. Мое появление положило конец спорам.

Приказ по ВСНХ об организации отдела был подписан Дзержинским 23 апреля 1924 года.

Для того чтобы понять дальнейшие события, необходимо вспомнить, что аппарат ВСНХ СССР к моменту прихода Дзержинского являлся цитаделью старых, работавших еще в довоенное время в русской промышленности специалистов. Партийцев-инженеров в ВСНХ не было, если не считать П. А. Богданова,[96] который работал не как специалист, а как один из руководителей промышленности (он был в это время председателем ВСНХ РСФСР).

Мое появление — коммуниста-инженера и к тому же первого в аппарате ВСНХ СССР иностранца — было встречено сперва с некоторым недоумением. Несколько дней погодя начались разговоры: вот, мол, Дзержинский выписал специалиста из-за границы, человек не знает русских условий работы, почти не знает русского языка, а берется за тепловое и силовое хозяйство промышленности СССР.

Через несколько дней после опубликования приказа об организации отдела рационализации теплового и силового хозяйства я приступил к налаживанию его работы.

Штаты отдела были определены Дзержинским, согласно моей просьбе, в восемь человек. Спустя две недели после подписания приказа об организации отдела комиссия по сокращению штатов ВСНХ сокращает персонал только что утвержденного отдела до трех человек. И оказалось, вовсе не так легко исправить это внезапное сокращение. Помню, как я, узнав о сокращении штатов, в очень удрученном состоянии пришел в отдел, чтобы

посоветоваться с только что приглашенными и теперь подлежащими сокращению работниками о дальнейших шагах. Те мне передали письмо от Дзержинского. Оказывается, Феликс Эдмундович, узнав о сокращении штатов, немедленно написал мне по этому поводу. Вот его письмо:

> «Тов. Таненбауму, копия тов. Ломову. По целому сложному ряду соображений я не могу возражать против произведенной хирургии. Ошибки ее в отношении вашего отдела могут быть исправлены следующим образом. Или: 1) путем перераспределения штатов внутри ГЭУ,[97] что требует согласия и решения т. Ломова и коллегии ГЭУ, на что, я надеюсь, т. Ломов частично в отношении 2–3 лиц согласится; или во 2) путем соглашения с отдельными трестами, которые бы взяли на себя, по вашему договору с ними, частично расходы по расширению отдела за их счет. Это дало бы вам усиление связи с трестами, что обеспечило бы успех вашему большому делу. Я воздерживаюсь от того, чтобы путем приказа исправить ошибку, ибо такой приказ принес бы больше вреда нам, создав впечатление, что вношу систему протекционизма. Путь, мной указанный, — более длинный и тяжелый, но он более гарантирует успех делу, которое имеет огромное будущее.
>
> *С ком. приветом Ф. Дзержинский».*

В этом письме обращает на себя внимание несколько моментов. Во-первых, твердое убеждение Дзержинского в огромном будущем дела, которое позднее (в 1926 году) было названо нами теплофикацией и которое получило теперь всеобщее признание. Во-вторых, письмо показывает, насколько была тогда крепка стена враждебных нам специалистов в ВСНХ СССР. Когда еще не было сотен тысяч наших советских специалистов, нельзя было не учитывать настроений этих враждебных нам специалистов.

Поэтому Феликс Эдмундович не считал возможным пойти здесь напролом, рекомендовал обходный путь, сигнализируя одновременно посылкой копии своего письма Ломову через весь аппарат ГЭУ о том, что он собирается твердо драться за социалистическую энергетику.

Помню беседу с Дзержинским после получения его письма. Я в недоумении спросил:

— Как мне получить от трестов необходимые средства?

— Не беспокойтесь, — сказал, улыбаясь, Дзержинский, — обратитесь к Килевицу, там средства получите.

Килевиц был тогда председателем Всесоюзного текстильного синдиката, который находился в здании на Варварке № 9.

Я подготовил для Килевица большой фактический материал, желая обстоятельно обосновать необходимость получения денег. К моему большому удивлению, наш разговор значительно упростился. Едва увидев меня, Килевиц сказал:

— Значит, вам нужно десять тысяч рублей? Я переведу вам эти деньги на текущий счет ВСНХ.

Нетрудно догадаться, кто информировал Килевица о необходимости дотации!

Десять тысяч рублей в то время были целым состоянием. Мой заместитель инженер Краснопольский (теперь профессор) получал оклад в 180 рублей, другие инженеры отдела получали от 100 до 150 рублей в месяц. На 10 тысяч рублей отдел рационализации теплового и силового хозяйства прожил свыше года. Когда в 1925 году штат отдела был увеличен, средства Текстильного синдиката все еще не были исчерпаны.

В мае 1924 года я составил тезисы о реконструкции энергохозяйства промышленности СССР.

Тезисы я передал Дзержинскому, который, учитывая их важность и новизну, решил согласовать их с Г. М. Кржижановским, руководившим в то время работой Госплана СССР. Глеб Максимилианович назначил мне свидание у себя на квартире. Приняв меня весьма сердечно, Кржижановский ознакомился с тезисами и написал на них следующую резолюцию:

> «Товарищу Дзержинскому. Не только одобряю, но всячески приветствую это доброе начало. Здесь подлинный опорный пункт на пути социализации промышленности».

Таким образом, тезисы получили одобрение; отдел мог вплотную приступить к работе.

После преодоления множества трудностей и препятствий, чинимых специалистами изгнанных хозяев-капиталистов, при поддержке Ф. Э. Дзержинского нам удалось начать в 1925 году строительство первой в СССР Краснопресненской (в Москве) ТЭЦ. Уже в 1928 году она была передана в эксплуатацию.

В 1930 и 1931 годах первые теплопроводы потянулись от теплоэлектроцентрали к сахарорафинадному заводу и к поселку имени 1905 года. Краснопресненская ТЭЦ перестала быть заводской и превратилась в районную теплоэлектроцентраль,

снабжающую теплом в виде пара и горячей воды большую часть Краснопресненского района.

* * *

В апреле 1924 года я прибыл в СССР. В июле 1926 года умер Дзержинский. Свыше двух лет я, таким образом, работал в ВСНХ СССР под его руководством.

Перед Дзержинским стояла задача поистине гигантская. Необходимо было восстановить фабрики и заводы, Разрушенные сперва хищнической эксплуатацией во время мировой войны, а затем интервенцией и гражданской войной. Необходимо было довести продукцию промышленности в возможно короткий срок до довоенного уровня, чтобы удовлетворить голод населения в промышленных товарах Необходимо было, наконец, подготовить дальнейшее расширение промышленности, создать базу для перехода к первой пятилетке.

С какими кадрами должен был председатель ВСНХ решить эту задачу?

Фабрики и заводы во время мировой и гражданской войн растеряли большую часть старых квалифицированных рабочих. Основная часть рабочих — это были новые кадры — выходцы из деревни без соответствующей квалификации. Красные директора только учились руководить заводами, только накапливали свой первый административный опыт.

Тип хозяйственника-партийца, руководителя социалистической промышленности в это время только складывался. Кадры хозяйственников комплектовались из состава демобилизованных кадров Красной Армии, из бывших работников ВЧК и ОГПУ, из работников всевозможных советских аппаратов эпохи гражданской войны и интервенции.

Это были закаленные в боях работники, но только небольшая часть их соприкасалась в дореволюционное время с промышленностью.

Об инженерных кадрах я говорил уже и выше. Большая часть инженерно-технических работников относилась к нам враждебно. Определенная часть инженерства была настроена иронически. «Вам удалось победить в гражданской войне, но в промышленности одной силы недостаточно: здесь вы, без сомнения, провалитесь». Именно так ставился вопрос: полное непонимание причин победы в гражданской войне сочеталось с неверием в творческие силы социализма.

Остальная часть инженеров работала честно, но зачастую не

понимала наших целей и методов работы. Только немногие инженеры (но такие имелись!) видели за трудностями восстановительного периода широкую дорогу строительства новой, социалистической промышленности.

Таковы кадры, которые были в распоряжении Ф. Э. Дзержинского, и с ними он восстанавливал промышленность СССР.

Председатель ВСНХ в течение короткого времени сумел зажечь большую часть работников промышленности своим энтузиазмом, своей преданностью делу. Он был для всех работников промышленности примером безгранично преданного, работающего без отдыха труженика. При этом работники ВСНХ знали, что этот человек несет на себе не одну, а две гигантские нагрузки, работая днем в ВСНХ, а ночью — в ОГПУ.

Непоколебимая вера в будущее социализма, характеризующая Дзержинского на всем протяжении его жизненного пути, имела решающее значение как раз в это время. Новые, социалистические формы хозяйственного строительства должны были выдержать экзамен на право существования, должны были доказать свою жизнеспособность. Мы уже говорили выше об ироническом отношении ряда старых специалистов к нашей работе в области промышленного строительства. Но и среди партийцев имелись люди, которые не особенно-то были уверены в успехе. Эти кандидаты в будущих правых и левых уклонистов просто боялись новых форм управления промышленностью, столь отличных от форм, свойственных частновладельческой промышленности.

Эти настроения умело использовались враждебной нам частью старых специалистов. В соответствующие моменты подчеркивалось якобы решающее значение конкуренции для технического прогресса, подчеркивалась гибкость частной промышленности, «которая ведь недостижима в условиях государственной промышленности». Приводился избитый аргумент, что «ведь и в дореволюционное время казенная промышленность производила дороже, чем частная».

Эти чиновники ухитрялись ставить знак равенства между дореволюционной казенной промышленностью и социалистической промышленностью! Конечно, их ограниченные мозги не могли вместить представления о мощном подъеме промышленности на базе соцсоревнования и ударничества. В плановом начале, положенном в основу социалистической промышленности, эти бюрократы видели не мощный рычаг промышленности, а, наоборот, «бюрократические узлы, связывающие промышленность».

Легенда о решающей роли конкуренции для технического прогресса выдвигалась не только исподтишка, но и официально. Когда в 1926 (!) году был поставлен вопрос о слиянии двух трестов электротехнической промышленности — ЭТЦР и Элмашстреста — в единый электрический трест (ГЭТ), то противники этого слияния совершенно открыто пророчили, что прогресс электротехники в СССР остановится, ибо мы уничтожим основной стимул Прогресса — конкуренцию.

В этих условиях личные свойства Ф. Э. Дзержинского играли решающую роль. Его «геройская отвага в борьбе с трудностями» мобилизовала всех, подтягивала трусов и нытиков, воодушевляла честных работников. Даже классовые враги преклонялись перед его энтузиазмом…

Красная новь, 1936, кн. 6,

с. 121–129

М. Г. РОШАЛЬ
ВСТРЕЧИ С Ф. ДЗЕРЖИНСКИМ

2 февраля 1924 года председателем Высшего совета народного хозяйства был назначен Ф. Э. Дзержинский. С ним вместе пришла в ВСНХ плеяда замечательных работников-чекистов, дружеские отношения с которыми у меня продолжались долгие годы. Пришедшие вместе с Дзержинским в ВСНХ Г. Благонравов, С. Реденс, В. Манцев, Г. Русанов и Э. Кацнельсон проявили большие организаторские способности, быстро освоили хозяйственную работу…

В то время я работал председателем правления треста «1-е льноправление». По занимаемой должности мне неоднократно приходилось встречаться с Дзержинским, получать от него личные указания.

Управление промышленностью в ту пору находилось в состоянии коренной перестройки, вытекавшей из резолюции, принятой XII съездом партии, которая указывала, что «большая часть государственной промышленности организуется в виде трестов, т. е. пользующихся широкой хозяйственной автономией объединений, выступающих свободно на рынке как меновые хозяйства. Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной ценности в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства».[98]

От хозяйственных руководителей Феликс Эдмундович требовал не только умения выполнять поручения, но и инициативы в работе. «Тот, кому поручен трест, — говорил Дзержинский, — вручена организация того или иного местного органа, должен иметь и все доверие, и всю ответственность, и возможность проявления инициативы… места должны иметь право возвышать голос и возражать, если они находят, что работа идет не так, как следует…»[99]

Реорганизованный после ликвидации многочисленных главков аппарата ВСНХ, несмотря на все еще сохранявшуюся громоздкость, несколько сократился. После реорганизации управление промышленностью осуществляла коллегия ЦУГпрома (Центральное управление государственной промышленности), которую возглавлял первый заместитель председателя ВСНХ. Коллегия определяла программу производства, утверждала

годовой отчет трестов, баланс, прибыль и отчисления. Ввиду особо важного значения для индустриализации металлопромышленности последняя объединялась в отдельное управление во главе с самим Феликсом Эдмундовичем. Его заместителем по главку, практически руководившим этой отраслью, был В. И. Межлаук, одаренный и энергичный работник, впоследствии занимавший крупнейшие посты в Советском государстве. Разработкой экономической политики ВСНХ — вопросами труда и заработной платы, внешней и внутренней торговли, планирования и финансирования промышленности — занималось Главное экономическое управление, во главе которого стоял второй заместитель председателя ВСНХ Э. И. Квиринг,[100] партийный работник с широким кругозором.

Высший совет народного хозяйства располагался в огромном сером здании Делового двора на Варварской площади. До революции в нем размещались торговые склады богатых мануфактурных фирм.

Рано утром можно было наблюдать, как густой лавиной, обгоняя друг друга, сюда стекался огромный поток служащих. В этом же здании на пятом этаже помещалось правление нашего треста.

Став во главе ВСНХ, Феликс Эдмундович с самого начала занялся решением одной из важнейших экономических задач — изысканием средств для подъема разрушенной тяжелой промышленности.

Мне довелось 28 февраля 1924 года, вскоре после назначения Дзержинского, услышать его программную речь на пленуме совета съездов госпромышленности и торговли. Эта организация носила общественный, вневедомственный характер, она состояла из председателей правде ний союзных трестов и синдикатов. Небольшой ее аппарат экономистов занимался изучением рыночной конъюнктуры и проблем развития хозяйства. Он имел совещательный характер, зачастую вносил свои пожелания и рекомендации в правительственные органы. Запомнился зал совещаний окнами на Мясницкую улицу, где за узким покрытым сукном столом проходили наши заседания совета. Грузный председатель Промбанка В. Н. Ксандров, добродушный острослов, предоставляет слово Феликсу Эдмундовичу. В напряженной тишине раздается металлический звонкий голос, убедительно, деловито аргументирующий новув программу действий. Его выступление звучит призывом.

От хозяйственников он потребовал решительной борьбы со всякого рода излишествами, изыскания недостающих оборотных средств внутри самой промышленности за счет их

перераспределения. Он предложил найти резервы путем проведения строжайшего режима экономии. От руководителей главков, трестов, предприятий Дзержинский добивался резкого снижения накладных расходов, бережного использования сырья и топлива.

Большое значение в работе промышленности Феликс Эдмундович придавал установлению правильной политики заработной платы.

Помню состоявшееся 1 июля 1924 года расширенное заседание президиума ВСНХ. Затихший полутемный зал переполнен ответственными работниками. На этом заседании Феликс Эдмундович предостерегал хозяйственных работников от излишнего оптимизма и искусственного раздувания успехов в работе промышленности. По его настоянию тогда на ряд предприятий были посланы комиссии из работников ВСНХ и ВЦСПС. В одну из таких комиссий попал и я. В мандате, подписанном Дзержинским, перед нашей комиссией ставилась задача «детального обследования состояния производительности труда и заработной платы на Купавинской фабрике».

По инициативе Феликса Эдмундовича вопрос о политике заработной платы, подготовленный комиссией ЦК и ЦКК, был 19 августа 1924 года обсужден на пленуме ЦК партии, который потребовал от хозяйственников «увеличения производительности труда, расширения производства, удешевления изделий промышленности».[101]

Как-то мне довелось беседовать с Феликсом Эдмундовичем по поводу финансового положения нашего треста, испытывавшего большие трудности из-за недостатка собственных оборотных средств. Эти трудности особенно обострялись в период заготовок сырья и топлива, когда в короткий срок следовало произвести затраты на годовую потребность. Сбыт же значительной части нашей продукции, особенно брезентов, мешков и т. д., носил неравномерный характер. Я поэтому просил Дзержинского помочь тресту получить на продолжительный срок целевой банковский кредит.

Феликс Эдмундович стал интересоваться, как мы хозяйствуем, как происходит у нас ценообразование, а затем сделал ряд рекомендаций.

В этой беседе Дзержинский говорил о необходимости более расчетливо подходить к расходованию денег, о бережном отношении к государственным средствам, о расширении производства и обещал в заключение посодействовать в получении банковского кредита.

В другой раз моя встреча с Дзержинским произошла после

того, как я обратился к нему с письмом. А было это вызвано следующими обстоятельствами.

Из-за разбросанности предприятий нашего треста по нескольким губерниям мне приходилось иметь дело с многочисленными организациями. Каждая из них требовала личного приезда председателя правления для отчета и считала себя вправе выносить различные, обязывающие предприятие и трест решения.

Как-то я получил одновременно три вызова. Но так как быть одновременно в трех местах я не мог, пришлось для поездки избрать одно — Иваново. Здесь я выступил с отчетным докладом на партийной конференции, которая признала работу нашего треста удовлетворительной. Между тем за несколько дней до этого уездная партийная конференция приняла решение совершенно противоположного характера. На следующий день эта резолюция появилась в местной и московских газетах.

Чем же объяснить такое решение? Незадолго до уездной конференции произошло следующее. Нами было обнаружено, что директор яковлевской фабрики допускал расходование средств не по прямому назначению, производил внесметные затраты на местные нужды. За это трест объявил ему выговор с предупреждением. Тогда директор обратился к коммунистам фабрики за поддержкой, и на своем собрании они приняли резолюцию, направленную во фракцию правления треста «для исполнения». В ней было указано, что объявление выговора необоснованно и является «проявлением бюрократизма» со стороны правления треста.

Письмо, которое я отправил по этому поводу Дзержинскому, не осталось без ответа. Несколько дней спустя Феликс Эдмундович вызвал меня, и в его небольшом кабинете состоялась беседа.

Оказалось, приведенные факты его заинтересовали. Во время беседы Дзержинский говорил о необходимости внимательно прислушиваться к критике наших недостатков со стороны местных организаций; в то же время он настойчиво предлагал тресту строго проводить государственную дисциплину в расходовании средств, каждого члена правления треста нам было предложено закрепить для самостоятельной связи с отдельными фабриками. Чтобы избежать местничества, он рекомендовал находиться в постоянном контакте с губкомами партии, пообещав оказать нам содействие в установлении деловых взаимоотношений с местными партийными и профсоюзными организациями.

* * *

Однажды осенью 1925 года Феликс Эдмундович срочно вызвал меня к себе. Совершенно неожиданно для меня он предложил в связи с отъездом члена коллегии ГЭУ М. Г. Гуревича в заграничную командировку временно заменить его на работе в иностранном отделе ВСНХ. Необычный характер новой должности меня смутил, и я попытался уклониться. Но Дзержинский уговорил меня дать согласие, и я временно оказался во главе иностранного отдела ВСНХ.

Вопросам нашего экспорта и импорта Феликс Эдмундович придавал большое значение. К решению их он подходил прежде всего с точки зрения интересов восстановления нашей тяжелой промышленности. Вскоре после того, как я пришел в иностранный отдел ВСНХ, он обратился ко мне с запиской следующего содержания:

> «Тов. Рошалю:
>
> 1) в опубликованном постановлении пленума ЦК РКП (б) о внешней торговле в разделе VII в конце 2-го абзаца сказано: «Для экспорта других промышленных товаров могут создаваться специальные общества, по мере выявления в них потребности» — это и есть поправка т. Смилги, дающая возможность организации «Промэкспорта»;
>
> 2) т. Гольцман привез очень интересное предложение из Берлина об организации экспорта от нас всякой всячины. Капиталы, очевидно, американские. Прошу изучить это предложение, дать заключение и двинуть это дело;
>
> 3) т. Красин мне говорил, что ноябрь будет у нас очень тяжелый в валютном отношении, что пассив этого месяца очень большой. Известно ли Вам это и что надо с нашей стороны предпринять?
>
> 7. XI.25 г.
>
> *Ф. Дзержинский».*

Через день после получения этой записки Дзержинский вызвал меня к себе. Переговорив со своим помощником, я быстро подобрал заранее подготовленные для беседы материалы и отправился. Несколько минут спустя (моя комната находилась в конце коридора) я вошел в небольшую приемную Дзержинского. Здесь не было никакой очереди в ожидании приема, и я сразу

вошел в кабинет председателя ВСНХ. Он сидел спиной к стене в небольшом кабинете с двумя окнами во двор. На улице было недостаточно светло, и на его столе горела электрическая лампа.

Во время нашей беседы Феликс Эдмундович высказал свое беспокойство в связи с неблагополучным положением с продажей нашего леса. Ведь валютные поступления от продажи леса за границу занимали видное место в наших планах. С этой целью Советское правительство предоставило иностранным фирмам обширные концессии на севере нашей страны. Параллельно заготовки леса велись здесь и трестом «Северолес», который одновременно контролировал деятельность концессионеров. Однако из-за близорукости некоторых наших работников, а отчасти и злоупотреблений весь продаваемый нами за границу лес попадал в руки иностранных концессионеров, которые искусственно снижали цены на советский лес, а разницу в прибыли клали к себе в карман.

Через некоторое время Феликс Эдмундович внес в Совет Труда и Обороны предложение создать особую межведомственную комиссию по лесоэкспорту. В нее вошли: от ГПУ — Г. И. Благонравов, от Наркомата внешней торговли — Г. С. Виткер, от президиума ВСНХ — я. Несколько месяцев потратила наша комиссия на изучение условий сбыта и цен на внешних рынках. В процессе работы этой комиссии мне довелось постоянно докладывать Феликсу Эдмундовичу о ходе обследования и получать от него конкретные указания. В результате проведенной нами работы Советское правительство приняло ряд мер по оздоровлению лесоэкспорта.

Слабое поступление валюты вызвало трудности и в области импорта оборудования, отражалось на удовлетворении очередных нужд производства. Феликс Эдмундович лично следил за выполнением импортного плана.

От сотрудников иностранного отдела ВСНХ он требовал строгой дисциплины и организованности и лично занимался проверкой исполнения срочных заданий. Свои указания он обычно писал от руки, лаконично, разборчивым почерком на оборотной стороне листка отрывного календаря, или, в случае более обширного изложения, текст печатался на машинке. К бумаге он относился экономно. Даже в такой, казалось бы, мелочи он не допускал расточительства. Его записки содержали не только поручения, но и необходимую информацию, которая позволяла подчиненным быть постоянно в курсе самых ответственных государственных дел…

Феликс Эдмундович избегал формальных приказов и распоряжений, искоренял на каждом шагу канцелярскую

волокиту и бюрократизм. Он был противником больших письменных докладов, настаивал на кратком изложении сути в небольшой записке. При составлении любого документа он обязательно требовал подписи исполнителя, с тем чтобы ему лично было известно, кто данный вопрос изучает, за что и в какой мере отвечает. Он любил живое общение с людьми. Вызывая сотрудников аппарата на беседу, он вникал в существо возникших затруднений, внимательно и терпеливо прислушивался к собеседнику, не перебивал его, давал возможность полностью изложить свою точку зрения. И только после всестороннего обсуждения с работником того или иного вопроса он приходил к твердому решению, которое затем безотлагательно и настойчиво проводил в жизнь.

В один из февральских дней 1926 года Феликс Эдмундович вызвал меня к себе. Когда я пришел, у него в кабинете уже находился Г. И. Благонравов. Па этот раз речь шла о назначении нас обоих на работу в резиновую промышленность — в «Резинотрест».

Наблюдая ненормальные отношения, сложившиеся между работниками этого треста, Дзержинский пришел к выводу о необходимости заменить его руководство. Он предложил Благонравову и мне войти в правление «Резинотреста»: Георгию Ивановичу — в качестве председателя, а мне — в качестве его заместителя. Вскоре это назначение состоялось.

Тогда же Феликс Эдмундович в разговоре проявил большой интерес к перестройке аппарата треста на научной основе. Он порекомендовал переговорить на эту тему с членом президиума ЦКК Е. Ф. Розмирович,[102] которая заведовала бюро научной организации труда (НОТ) в Наркомате РКИ.

Следуя указаниям Дзержинского, мы побывали у Елены Федоровны, которая охотно и внимательно отнеслась к просьбе. Она выделила специальную бригаду, возглавляемую инспектором РКИ Айхенвальдом, которая проделала серьезную работу по изучению аппарата треста, его коммерческих и торговых связей, делопроизводства и организации. Ими была заснята графическая фотография всей системы управления и взаимосвязи в центре и на предприятиях. В результате была представлена новая схема организации, которая предлагала наличный штат из 1 тысячи сотрудников (управления и Московского отделения) свести к 200. Для отдельных исполнителей строго определялись функциональные обязанности. Им предоставлялись большие права. На них возлагалась персональная ответственность за окончательное решение вопросов. Этим достигалась ликвидация бюрократической волокиты из-за бесконечных согласований

отдельных звеньев аппарата. Доложив Феликсу Эдмундовичу намеченную программу и получив его согласие, мы начали, однако не без сопротивления и трений со стороны «чиновников», проводить сокращение штатов и реорганизацию треста. Наш опыт дал положительные результаты.

Неутомимая деятельность Феликса Эдмундовича в Высшем совете народного хозяйства связана с периодом восстановления советской промышленности… Благодаря его инициативе и энергии был выдвинут и успешно разрешен ряд кардинальных проблем, обеспечивших на новом историческом этапе дальнейшее развитие и реконструкцию народного хозяйства.

Рошаль М. Г. Записки из прошлого.

М., 1969, с. 202–212

А. П. ИВАНОВ
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ И ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

Впервые я увидел Дзержинского в 1924 году на… пленуме Бюро правлений железных дорог, на котором он прощался со своими сотрудниками по НКПС, уже будучи назначен председателем ВСНХ СССР…

Его отрывистая, деловая речь произвела на меня огромное впечатление. Чувствовалась в ней крепкая вера в мощь пролетариата, поднятого величайшим в мире движением…

Той же весною мне пришлось несколько раз принимать участие в заседаниях Высшей правительственной комиссии по металлопромышленности (ВПК), работавшей под председательством Дзержинского.

На одном из заседаний, когда разрешался вопрос об объеме заказов НКПС на подвижной состав и Ильин, докладывая о перспективах развития у нас железнодорожного грузооборота, пришел к заключению, что довоенных размеров его мы достигнем не ранее 30—31-х годов, Феликс Эдмундович, сильно волнуясь, перебил докладчика восклицанием: «Да народ выгонит нас за такой темп!..»

Все мы сразу почувствовали, что осторожный подход докладчика не является жизненным в наше революционное время, что мы не только должны напрячь все наши усилия для более быстрого восстановления нашего хозяйства, но должны быть и твердо уверены в этом. Действительность подтвердила веру Дзержинского в быстрые успехи на хозяйственном фронте.

Летом 1924 года Дзержинский во время своего отпуска вызвал меня к себе в ОГПУ и беседовал со мною более двух часов…

После краткого описания тяжелого положения нашей цветной металлургии Феликс Эдмундович выразил пожелание, чтобы я работал в ВСНХ по своей специальности, поручив мне согласовать этот вопрос с В. Н. Манцевым.

Отмечу, что с самого начала разговора с Дзержинским я почувствовал доверие к нему, а главное, возможность без всякого стеснения говорить ему то, что думаю…

В то время в Главметалле не было специального отдела по цветной металлургии, поэтому я был назначен уполномоченным президиума ВСНХ и в качестве такового консультировал по этой отрасли нашей промышленности вплоть до 1 марта 1925 года. В

это время добыча цветных металлов была настолько ничтожна, что практически цветная металлургия у нас почти не существовала…

В январе 1925 года по личному распоряжению Дзержинского ВСНХ представил в СТО доклад о необходимости восстановления всех существующих медных заводов, обеспеченных еще не выработанными месторождениями и могущим быть отремонтированным оборудованием, и постройки на более или менее известных месторождениях трех новых крупных предприятий, а именно: Богомоловского медного на Урале, Атбассарского медного и Риддерского цинково-свинцового в Казахстане…

6 марта 1925 года было историческим днем для цветной металлургии, ибо в этот день СТО принял постановление о возобновлении работы медных заводов: Карабашского (Кыштымского округа), Таналык-Баймакского… Аллавердского, Зангезурского — и о постройке новых — Богомоловского, Атбассарского и Риддерского с ассигнованием на это ориентировочной суммы в размере 20 миллионов рублей. Для поддержки предложений ВСНХ на заседание СТО приехал Феликс Эдмундович.

— Ну, Иванов! Вы теперь можете работать, — сказал он мне, когда предложения ВСНХ были приняты.

Быстрое восстановление Карабашского и Таналык-Баймакского медеплавильных заводов, давших около 140 тысяч пудов меди уже в 1924–1925 годах, и начало плавки на Зангезурском заводе особенно порадовали Феликса Эдмундовича, увидевшего реальные плоды своих усилий…

В последний раз я увидел Дзержинского на совещании ответственных работников, устроенном в Деловом клубе. Он делился своими впечатлениями об объезде южнорусских металлургических заводов и мыслями в отношении реорганизации управления металлопромышленностью…

Внезапная смерть Феликса Эдмундовича глубоко поразила и огорчила меня; в первые минуты я растерялся, точно потерял какую-то опору. Сначала инстинктивно, а потом вполне сознательно я понял, какую огромную, незаменимую потерю понесла наша Родина в труднейший период роста ее промышленности в лице этого крупного, пламенного борца с сильной волей, с большим чутьем при выборе нужных людей, без колебания шедшего на ломку всего того, что могло мешать процветанию Союза Советов, зажигавшего своих сотрудников энтузиазмом работы и создававшего вокруг себя атмосферу настоящей дружной деловитости.

Металл, 1927, № 7–8, с. 18–21

Н. М. ФЕДОРОВСКИЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И НАУКА

На выставке НТО ВСНХ

Для того чтобы ознакомить хозяйственников и Высший совет народного хозяйства в целом с работами научно-технических институтов, мы устроили выставку достижений научно-технического отдела. В огромных витринах моделях, в ряде диаграмм, цифр и образцов были показаны достижения наших исследовательских институтов их реальная помощь промышленности.

Однажды вечером я был вызван на заседание Ф. Э. Дзержинскому. Заседание затянулось и кончилось в час ночи.

Товарищ Кацнельсон, заведующий одним из управлений ВСНХ, незадолго до этого побывавший на выставке подробно ее осмотревший, отвел меня в сторону и сказал:

— Приглашайте же скорее Феликса Эдмундовича.

Я послушался его совета.

Немного поколебавшись, Дзержинский ответил, что заедет на другой день в три часа.

Действительно, на другой день, в воскресенье, в три часа дня он приехал вместе с членами президиума и некоторыми ответственными работниками. Мы обошли всю выставку, особенно подробно останавливаясь перед экспонатами, показывающими достижения, вошедшие уже в промышленную практику.

«У нас нет отрыва от промышленности — вот о чем кричали каждая витрина и каждый экспонат, — но если нас знает промышленность, то очень мало знает нас президиум ВСНХ».

Когда в конце осмотра я формулировал этот напрашивающийся сам собой вывод, Дзержинский усмехнулся и напал на нас:

— Вы сами виноваты, что вас не знает президиум! Впрочем, это дело прошлое: теперь мы узнали вас и обещаем несколько больше питать вас средствами.

Сойдя уже с лестницы и надев пальто, он поблагодарил и еще раз обещал свою поддержку.

— Теперь очередь за институтами, — сказал я на прощание.

— Хорошо, я с удовольствием поеду. Составьте план и

условьтесь с товарищем Реденсом (секретарь Ф. Э. Дзержинского. — *Н. Ф.)* о времени.

Однако времени никак не находилось. Я уехал в Ленинград. Вдруг получаю телеграмму: «Завтра тов. Дзержинский будет у нас в институте». Сажусь на поезд и в одиннадцать утра подъезжаю к Институту прикладной минералогии почти одновременно с Дзержинским. Согласно обещанию — популяризировать нашу работу — ф. Э. Дзержинский приехал не один: с ним был ряд членов президиума и ответственных работников.

Осматриваем институт и знакомимся с его работами. Энтузиазм молодежи, уверенность в своих силах стариков, весь спаянный единой мыслью и порывом коллектив научных работников производит огромное впечатление на Дзержинского. Особенно поражает его та ужасная обстановка, в которой приходится вести работу: переделанная под лабораторию сырая маленькая комнатка старого купеческого дома с крошечными окнами заполнена чертежниками и инженерами, теряющими зрение от недостатка света.

— Мы хотели построить новый институт, товарищ Дзержинский, где были бы лаборатории и где можно было бы развернуть работу, но почему-то до сих пор не встречали сочувствия… Может быть, вы нам поможете.

— Не обещаю наверное, что мне это удастся, но попробую помочь. Подайте докладную записку и смету, — сказал он, выходя и садясь в автомобиль.

На заседании президиума ВСНХ

Заседание посвящено НТО и его работе. Доклад делает академик В. Н. Ипатьев, содоклад — член президиума Академии наук Долгов.

Начинаются прения. Большинство выступает за нас, только иногда проскальзывают иронические замечания насчет «чистой науки», «небесной науки» и т. п.

Ф. Э. Дзержинский берет слово и говорит:

— Судя по докладам, которые мы заслушали, судя по тому, что мне самому пришлось видеть в одном институте и на выставке, — их работа непосредственно направлена в огромной своей части на разрешение проблем и задач, которые перед нами становятся на практике. Это не чисто абстрактная наука, которая может быть применима через сто или пятьдесят лет, но та наука, которая уже сейчас находит огромное применение.

Далее Ф. Э. Дзержинский подчеркнул, что эту связь между

промышленностью и научно-техническими институтами надо усилить, что усиление этой связи необходимо для дальнейшего развития институтов, для развития трестов, для развития хозяйственной жизни и что нахождение целого ряда форм для этой спайки необходимо. Однако мысль, которая предполагает эту связь в форме присоединения заводов к институтам или институтов заводам и трестам, он считает неправильной.

В заключение Ф. Э. Дзержинский констатирует, что ВСНХ вообще обращал недостаточно внимания на работу институтов.

— В настоящее же время, — подчеркивает он, — вопросы науки и введение новых методов становятся для наших хозяйственных органов уже в порядок дня… И совершенно не случайно то, что этот вопрос поставлен во всю широту в порядок дня президиума.

В этой небольшой речи были так хорошо подчеркнуты все наши стремления и так верно указаны опасности нашего пути! Однако некоторые члены президиума выразили сомнение — стоит ли принимать резолюцию, одобряющую деятельность НТО.

Дзержинский вспыхнул:

— Я, конечно, профан в научных вопросах, но все-таки я был в институтах и видел их работу. Для меня та маленькая частица, которую я видел, то, что мы заслушали и что никем не опровергнуто, целый ряд работ, которые имеют и могут иметь колоссальное значение, говорят за то, что эти институты и та работа, которая была проделана, имеют огромную ценность. Пришло время, когда работу эту надо выявить, использовать и всемерно поддержать.

Посещение Волховстроя

Однажды, рассказывая Феликсу Эдмундовичу о наших достижениях в области металлургии, я сообщил:

— К сожалению, все наши работы производятся в Ленинграде, а вам, как председателю Главметалла, было бы интересно посмотреть их.

— Иу что же… В ближайшие дни я как раз собираюсь в Ленинград: хочу посмотреть Волховстрой, можно будет осмотреть и ваши лаборатории.

Мы приехали в Ленинград. На Волховстрой ехать надо было на дрезинах.

— Может быть, лучше взять паровоз и поехать с ним? — спросил Реденс Беленького.

— Надо пойти спросить Старика.

— Ни за что не согласится. Знаешь, как он не любит паровозов, отдельных поездов. Наверняка намылит голову, чтобы даже не обращались к нему с подобными вопросами.

— Ну, придется тащиться на дрезине.

Реденс махнул рукой, и мы пошли садиться.

В большой комнате — конторе Волховстроя — нас познакомили с общим планом строительства. По отдельным чертежам просмотрели все схемы, а затем отправились лазить по плотине и шлюзам. Громада цемента, бетона, лесов, балок — все это было как бы воплощением великого строительства Союза и произвело на всех нас большое впечатление.

Дзержинский интересовался, сколько стоит нам этот опыт строительства.

— Скажите, — в упор спрашивал он инженера Графтио, — если бы теперь нам нужно было строить Волховстрой с учетом всего опыта, то на сколько это стоило бы дешевле?

Графтио молчал, как бы раздумывая, и переминался с ноги на ногу.

— Ну, как вы думаете, процентов на шестьдесят дешевле стоило бы?

— Шестьдесят не шестьдесят, но процентов на сорок.

— А как же вы думаете амортизировать? Неужели будете ставить действительную стоимость сооружения в счет потребителям энергии?

— Будем ставить действительную стоимость.

— Правильно ли это будет?

Закипел спор.

Феликс Эдмундович со свойственной ему воспламеняемостью доказывал, что необходимо вести линию на снижение себестоимости, а следовательно, находить источники покрытия расходов где-нибудь в другом месте.

После бесконечного количества лестниц, ступенек, по которым мы ходили вверх и вниз, мы вышли наконец к станции. Дзержинский улыбнулся и сказал:

— Ведь вот доктора совсем запретили мне даже на третий этаж подниматься по лестнице, а сколько я исходил здесь, и ничего.

Мы поехали обратно.

В Ленинграде успели осмотреть еще горно-металлургическую лабораторию. Обошли ее помещение, побывали в огромном машинном зале, заглянули в металлургическую, где производилась опытная плавка различных сплавов.

Научные работники толпились, с интересом вглядываясь в высокую фигуру легендарного для них Дзержанского, который

внимательно расспрашивал о значение каждой работы и приборов для практических задач про мышленности.

В этот же вечер он делал доклад в Деловом клубе, где между прочим сказал:

— Управление нашей промышленности действительно сочетается из двух элементов; широкой рабочей массы техники знания… В деле подготовки технических сил, в деле единения техники и пролетарской воли мы должны — хотя процесс в этом направлении, повторяю, идет еще многое и многое сделать.

Когда все элементы, от которых зависит успех дела, будут гармонически спаяны, мы легко осуществим то, чтс для многих может казаться сейчас мечтой: мы достигнем в области техники большего, чем достигли капиталистические страны… Сейчас, когда мы в общем и целом достигаем почти полного использования того, что нам досталось от старого, когда перед нами стоит вопрос о создании нового, мы можем и должны использовать последнее слово науки. Я должен здесь к чести советской научной мысли сказать, что III съезд Советов, отметивший значение наших научных институтов, не ошибся. Действительно, русские изобретения и русская техническая мысль стоят очень высоко; им надо создать такие условия, в которых они могли бы свободно развиваться…

Ф. Э. Дзержинский был одним из немногих ответственных партийных товарищей, которые близко познакомились с работами наших научных институтов, лично видели результаты этих работ, а также и самих работников.

Почувствовав заложенный в них энтузиазм и энергию, он крепко схватился за этот мощный рычаг для продвижения вперед социалистической промышленности. Конечно, задачи сегодняшнего дня властно требовали внимания и всего времени, однако он находил возможность уделить часть своих занятий вопросам организации науки. О поддержании науки он говорил на XIV партийной конференции, на III Всесоюзном съезде Советов.

На заседании в Совете Труда и Обороны, когда защищалась смета одного из научно-промышленных институтов, Феликс Эдмундович сказал:

— Пора же наконец нам обратить внимание на науку, которая подходит так близко к строительству промышленности и дает нам возможность работать, имея необходимые средства…

На реплику представителя Наркомфина, что один из институтов просит присвоить ему имя Ленина, очевидно желая этим путем достать себе побольше денег, Дзержинский, вспылив, заявил:

— Да! Но он вполне достоин носить это имя!

Весной я как-то пришел в приемную Ф. Э. Дзержинского и встретил его выходящим из кабинета.

— Ну что, — обратился он ко мне, — я, кажется, проиграл пари?

— Какое пари? — спросил я.

— А я держал пари о том, свяжется ли за этот год наука с промышленностью близко или нет. Я утверждал, что «да»… Год уже проходит; боюсь, что проиграл.

— Нет, не проиграли, товарищ Дзержинский. Я вам пришлю резолюцию по целому ряду докладов перед представителями промышленности, и вы увидите, что вы выиграли.

— А меня берет сомнение.

— Когда же можно к вам прийти?

— Знаете, я страшно занят — ни минуты свободной. Еду на две недели в отпуск, пожелайте мне счастливого пути, а когда я приеду, давайте увидимся.

Песле поездки в Крым Дзержинский хотел объехать горные районы Украины, Северного Кавказа, Азербайджана и другие. Я написал ему записку с просьбой взять и меня в поездку, чтобы в дороге, на свободе, решить все наболевшие вопросы.

Получил от него ответ: «Столько у меня было дела, что я не успел с вами переговорить. Я очень рад, что вы согласились работать в Горном управлении. Это, безусловно, сблизит науку с практикой. Мы, к сожалению, не нашли путей, достаточных для необходимой увязки; между тем без использования науки в практике мы никак не сможем справиться с задачей. Я буду очень рад, если вы сможете поехать со мной. Ваш Дзержинский. 17.IV.1926 г.».

К сожалению, Ф. Э. Дзержинский дальше Харькова не мог уехать (трудное положение металлопромышленности, которым он занялся вплотную, требовало его участия в ряде совещаний и заседаний), а я уехал один на Северный Кавказ.

Здесь, в одном из ущелий, на разведках свинцовых руд я услышал потрясающую весть о смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского. В первый момент ум отказывался верить случившемуся. Как-то само представление о смерти не подходило к такой кипучей и жизненной натуре. Тяжело было возвращаться в Москву, где сошел в могилу человек, подошедший так близко к нам — работникам в сфере организации науки и техники.

Рассказы о Дзержинском.

М, 1965, с. 247–253

А. Л. МИЛЮКОВ
С Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИМ НА ЮГЕ

Когда Феликс Эдмундович принял руководство над Главметаллом в роли председателя правления, будучи одновременно председателем ВСНХ СССР, мы, все ответственные работники Главметалла, подошли к нему несколько настороженно: мы знали его, с одной стороны, как председателя ГПУ, который, как нам казалось, должен по самой этой своей роли ничего не принимать без проверки, а с другой стороны, мы его знали наркомом путей сообщения в качестве резкого критика всей деятельности Главметалла.

Однако уже первые его шаги по совместной с нами работе показали, насколько ошибочно было наше о нем представление. Отсутствие всякой предвзятости, пытливо-вдумчивое ознакомление со всеми деталями вопроса и готовность пересмотреть свои мнения и взгляды, доверие к нашему опыту и знаниям, поразительная скромность при обсуждении с нами отдельных специальных вопросов — вот черты его личности, которые стали нам ясны с первых же дней и которые определяли в дальнейшем наше отношение к Феликсу Эдмундовичу. Мы в нем видели старшего товарища по работе, вдумчиво изучавшего все стороны металлопромышленности, руководившего и направлявшего нашу работу.

Дзержинский всегда своевременно ставил хотя и трудные, но четко и конкретно выраженные задачи по разработке отдельных вопросов нашей регулирующей деятельности и лично руководил выполнением этих заданий.

Трудно охватить все особенности его руководства Главметаллом, и приведенная здесь характеристика его метода работы, конечно, далеко не полна, но сам по себе такой подход к делу кроме глубокого личного уважения к Феликсу Эдмундовичу создал атмосферу живого дела и укрепил в нас чувство большой ответственности за вносимые предложения и выводы.

В последний год жизни Дзержинского мне представился случай особенно близко наблюдать его деятельность и быть в составе его ближайших сотрудников.

В апреле комиссия В. И. Межлаука окончила свою работу по обследованию Югостали и представила свои выводы и предложения правительству, которое, по заслушании этого доклада, поручило Феликсу Эдмундовичу на месте проверить, как проводятся правлением Югостали директивы комиссии. Я был

откомандирован Главметаллом на юг в распоряжение Ф. Э. Дзержинского.

Чрезвычайно сложная задача стояла перед Феликсом Эдмундовичем по Югостали. Мы знали по работе комиссии, насколько слабо в организационном отношении подготовлена Югосталь к проведению преподанных ей директив. В первый же день Дзержинский на организационном совещании совместно с правлением Югостали резко и с присущей ему ясностью и четкостью поставил вопрос о задачах своей работы. Он сказал приблизительно следующее: «Мы не приехали с тем, чтобы заменить в чем-либо правление Югостали; правление должно знать, что на нем лежит полная ответственность за ведение хозяйства, но мы должны построить свою работу так, чтобы помочь правлению и ускорить осуществление тех мероприятий, которые были намечены комиссией товарища Межлаука и предуказаны правительством».

У нас много говорят и думают о «системе контроля над исполнением», но никакая «система» контроля не обеспечит качество выполнения. В секретариате Дзержинским, конечно, прекрасно была поставлена эта система, и сроки исполнения были обеспечены, но метод работы Феликса Эдмундовича был таков, что кроме сроков было гарантировано и качество. Феликс Эдмундович лично и непосредственно участвовал в работе по каждому заданию. Всем хорошо памятны коротенькие, на маленьком клочке бумажки, «записки» Дзержинского. Эти записки, всегда адресованные «лично» и потому обязывавшие к особому вниманию (так как и ответ по ним докладывался лично), всегда заостряли вопрос так, что углубленная разработка и ответственное решение были обеспечены.

На другой же день по приезде в Харьков я получил такую записку (привожу текстуально):

> «Т. Милюков! Мне передавали в Москве, что финансовый план Югостали на 2-е полугодие нереальный, что имеющиеся в плане резервы очень незначительны и недостаточны.
>
> Необходимо: 1) совершенно точно (конечно, по возможности) определить и перечислить статьи нереальные или весьма сомнительные и имеющийся или могущий быть достигнутым резерв и 2) наметить план работы, если опасения оправдаются.
>
> Мне указывали на следующее:
>
> 1) В плане не учтено увеличение цен…» и т. д. (дальше идет перечисление по пунктам всех деталей

вопроса).

Необходимо все это выяснить, чтобы картина *для всех* была ясная».

Доклад по этому вопросу был назначен в кабинете в харьковском ГПУ в 9 часов вечера; я был принят точно в назначенный час (пунктуальность Феликса Эдмундовича широко известна нам всем) и имел с ним беседу в продолжение двух часов.

В этой беседе очень характерны были для всей личности Дзержинского два его замечания: после подробного рассмотрения моего доклада в СТО о положении Югостали Феликс Эдмундович сделал мне упрек, что некоторые стороны (речь шла о себестоимости) остались недостаточно освещенными и что он чувствует, что они намеренно оставлены в тени. В ответ на мое заявление, что я не хотел ставить все точки над «и» в докладе правительству, так как это значило бы подводить под удар ВСНХ, Феликс Эдмундович сказал: «Мы не должны скрывать своих ошибок, мы обязаны представить правительству совершенно ясную картину положения; если же в этих ошибках повинны и мы как ВСНХ, то тем более я не хочу и не могу что-либо замалчивать перед правительством, мы должны быть совершенно искренни».

Второе замечание поразило меня своей неожиданностью; в конце беседы он сказал: «Мы должны наладить дело в Югостали и вывести ее на дорогу, имейте в виду, что если бы я не справился с этой задачей и если бы у Югостали до конца года произошел опять где-нибудь прорыв, то я не смогу оставаться в ВСНХ — это для меня вопрос решенный». Фраза эта была сказана с таким волнением, что недооценивать ее значения было нельзя: это не был вопрос ведомственного или личного самолюбия, это был крик души, болевшей за недочеты нашего хозяйничанья…

Последняя памятная встреча моя с Феликсом Эдмундовичем была в Москве за три недели до его смерти по делам Югостали, когда нужно было реализовать одно из решений СТО по финансированию и была под угрозой выдача зарплаты.

В. И. Межлаук был в отпуске, Дзержинский был также в кратковременном официальном отпуске, но мне было известно, что он занят подготовкой к докладу… и лишь изредка бывает в Москве, у себя на Лубянке. Я пошел к Ю. Л. Пятакову, прося его содействия (нужно было лично переговорить с Брюхановым[103]). Пятаков, однако, заявил, что Феликс Эдмундович в Москве, и поручил своему секретарю передать секретарю Дзержинского, что в Югостали опять осложнения с зарплатой.

Несколько минут спустя меня вызвал к телефону

Дзержинский и спросил, в чем дело. Я кратко передал, что особо тревожного ничего нет, что нужен личный разговор с Брюхановым, о чем я и просил Пятакова, и что беспокоить Феликса Эдмундовича я не хотел, и в этом нет надобности. Все-таки он пожелал выслушать обо всем лично и просил к нему приехать немедленно.

Чрезвычайно характерно все, что дальше произошло. Быстро соединившись с Брюхановым по прямому телефону, Феликс Эдмундович вел разговор в следующих выражениях: «Мы опять прибегаем к вашей помощи, Николай Павлович. Уж не откажите, пожалуйста, нас выручить» и т. д. Сговаривается с ним, получаст его согласие и узнает, что тот соответствующее распоряжение немедленно отдает…

Казалось бы, этим для Дзержинского как наркома можно было и ограничить свое содействие мне, а остальное — «техника». Я так и сказал, что остальное я сделаю сам с Казацким. Но Феликс Эдмундович хотел быть уверенным, что дело будет сделано твердо. И он сам стал звонить Казацкому, но последнего по телефону добиться трудно. Проходит пол-часа, пока удается наконец узнать, что Казацкого нет, причем Феликс Эдмундович лично сам разыскивал его по всем трем телефонам — ГПУ, прямому и городскому. И только когда наконец разыскали Казацкого, я переговорил с ним и доложил Дзержинскому, что все будет сделано, он счел дело законченным.

В этот раз я пробыл у него часа полтора: с доклада о Югостали перешли на злободневный тогда вопрос реорганизации ВСНХ, и я имел случай лишний раз убедиться, насколько напряженно работала мысль Феликса Эдмундовича в поисках правильных форм организации, насколько мучительно было для него сознавать, что всей его энергии, всех его сил и дум все же недостаточно, чтобы дело организации промышленности шло гладко, что препятствия к этому сложны и многообразны, и победить их не в средствах[104] одного человека.

Заканчивая эти воспоминания, не могу не отметить то особое значение личности Феликса Эдмундовича для… нас, специалистов, которое так остро было осознано всеми при жизни и особенно ярко, когда его но стало. В нем мы потеряли не только крупного государственного деятеля, широко понимавшего и проводившего в жизнь идею предоставления специалистам широкой самостоятельности, без чего невозможно выявление творческой инициативы; в нем мы потеряли также личность, которая по своей значимости, по тому глубокому уважению, каким он был окружен со стороны всех его знавших, по тому авторитету и эрудиции, какими он обладал, являлась вождем

промышленности, и, что важнее, вождем, признанным и нами, специалистами, вождем, за которым шли с верой в правильность указываемого им пути, ибо он умел зажигать своих соратников, и мы, специалисты, не оставались к этому глухи…

Металл, 1927, № 7–8, с. 22–26

Д. Ф. СВЕРЧКОВ НА ТРАНСПОРТЕ

Высокий, худой, в солдатской шинели и картузе, в гимнастерке и сапогах, с толстым потертым портфелем в руках, спешащий и торопливо отвечающий на приветствия — таким помнят Ф. Э. Дзержинского тысячи людей, которым пришлось видеть его мельком.

Вдумчивый, с глубокими серыми глазами, изможденным от переутомления лицом, слегка надтреснутым слабым голосом, застенчивый, заботливый о других и никогда не говорящий о себе, вникающий во все подробности самого сложного дела, берущий на себя самую тяжелую работу, схватывающий на лету суть самого трудного вопроса, внимательно выслушивающий доклады и вдруг вставляющий остроумное замечание, оживляющее сухие цифры, — таким он жив в памяти тех, кто был его сотрудником.

Революция гордится многими героями. Но среди них исключительное место занял он, ушедший с боевого поста, на который стал 17 лет от роду и на котором оставался 32 года, до последней минуты своей жизни…

Ф. Э. Дзержинский неповторяем. Его создала свирепая эпоха русского самодержавия, его закалила царская каторга, его освободила из тюремного каземата революция, отдавшая после Октября 1917 года в его руки меч защиты Советской власти, доверявшая ему самые ответственные и трудные посты…

Мы, знавшие Ф. Э. Дзержинского в последние годы, уже после Октябрьской революции, понимаем, в чем заключался секрет его успеха. Феликс Эдмундович до самого последнего часа своей жизни оставался таким же, каким был всегда. До последних дней незнакомые с ним люди, шедшие к нему с недоверием и страхом, выходили от него полные обаяния этого исключительно чуткого человека, готовые беспрекословно подчиняться его указаниям и чувствуя искреннее к нему расположение.

Я был свидетелем бесед Феликса Эдмундовича с железнодорожными рабочими в Сибири в начале 1922 года. Они приходили к нему с протестами против ничтожной зарплаты и против казавшихся им непосильными требований производственной программы. И несколько минут разговора было достаточно, чтобы личные интересы их совсем исчезли из поля зрения и чтобы они превратились незаметно для самих себя в его собеседников, занятых вместе с ним одной задачей — как при

нищенской заработной плате и полуразрушенных орудиях производства осуществить в наискорейший срок задания, как их даже увеличить в той или иной части…

Как-то раз, в январе 1922 года, в Сибири мы обсуждали вопрос о борьбе со взяточничеством. Феликс Эдмундович вдруг призадумался, потом улыбнулся и сказал:

— А знаете, я раз тоже дал взятку… Было это в 1912 году, когда я, после побега из Сибири, работал нелегально в Варшаве. Охотились тогда за нами, но все сходило благополучно. Местожительства постоянного у меня не было, приходилось шататься по ночевкам. Однажды я шел по улице, и под мышкой и в карманах у меня были свертки прокламаций. На мне была надета накидка, вроде морской. Под ней очень удобно скрывать ношу. Вдруг на одной из глухих улиц меня сразу под рука подхватывают два шпика. «Идем в полицию для удостоверения личности»…

По тому, как они это сделали, я понял, что они не знают, кто я, и специально за мной не охотились. Весь мой капитал состоял из двух золотых пятирублевиков. Я вынул один и украдкой показываю его правому шпику. Тот кивнул головой, но показал глазами на левого. Тогда я молча показываю пятирублевик левому. А тот кивает на правого. Подошли мы к большому дому с воротами, я вхожу в ворота вместе с ними и, держа в каждой руке по золотому, протягиваю из-под накидки правой рукой монету левому шпику, а левой рукой — правому. Взяли оба, а я повернулся и ушел…

Мне пришлось работать с Феликсом Эдмундовичем в Народном комиссариате путей сообщения. Впервые я узнал его, когда он приехал в конце 1921 года в Сибирь с особыми полномочиями от ВЦИК и Совета Труда и Обороны для организации вывоза семенного и продовольственного хлеба в голодное Поволжье.

Я встретил его с докладом о положении Омской дороги, комиссаром которой я был в то время. Он выслушал меня внимательно, задал целый ряд вопросов, а когда я попросил у него указаний, то он ответил:

— Вы напрасно думаете, что я могу давать вам указания. Я приехал знакомиться с транспортом и буду сам спрашивать указаний по целому ряду вопросов, в которых еще очень плохо разбираюсь.

Впоследствии он говорил мне, как мпого дало ему пребывание в Сибири в этом отношении, что он возвращается в Москву, получив значительное знакомство с железнодорожным хозяйством, и будет чувствовать себя в НКПС в этой области

гораздо тверже, чем раньше.

В Сибирь Феликс Эдмундович приехал больным. Врачи требовали строгого выполнения диеты. Заботы об этом взял на себя сотрудник товарища Дзержинского по ВЧК. Однажды, когда я сидел вдвоем с Феликсом Эдмундовичем в его вагоне, товарищ принес ему стакан молока. Феликс Эдмундович смутился до последней степени… Ов смотрел на молоко как на совершенно недопустимую роскошь, как на непозволительное излишество в тяжелых условиях жизни того времени.

Белогвардейцы и буржуазия сосредоточили на Дзержинском самую бешеную ненависть. В заграничных газетах и журналах на него возводили самые чудовищные обвинения. Но ни один даже из самых заклятых врагов и ненавистников никогда не упрекнул его в каких-либо излишествах, не заподозрил его в отсутствии честности.

Отличительной чертой Феликса Эдмундовича была его доброта. Те, кому не приходилось встречать Феликса Эдмундовича, не хотели верить этому. Беспощадный к себе, он был полон заботливости и внимания к другим. Непримиримый враг врагов революции, он был ближайшим другом всех, кто работал для укрепления Советской власти, кто принадлежал к трудовому населению… Но и по отношению к врагам Советской власти он был справедлив. Достаточно было намека на надежду к исправлению, чтобы он щадил человека и ставил его в условия, которые могли бы помочь ему сделаться полезным гражданином Советского государства.

Сохраняя от разрушения во время гражданской войны и внутренних заговоров и волнений народные богатства всеми своими силами, всей мощью созданного им аппарата ВЧК-ГПУ, Ф. Э. Дзержинский с переходом к мирному строительству был направлен на работу в самые важные и самые трудные и сложные отрасли нашего хозяйства: на транспорт и потом, когда дело восстановления путей сообщения стало на твердую почву, в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ).

Ф. Э. Дзержинский — народный комиссар путей сообщения. Многие при назначении его на этот пост кривили губы скептической усмешкой и говорили: «А разве он инженер? Что он понимает в железных дорогах?»

Но Ф. Э. Дзержинский прежде всего поставил целью дать возможность работать в свободных условиях специалистам транспорта, а сам взялся за разрешение главнейшей задачи: увязать транспорт со всей нашей промышленностью и сельским хозяйством, поставить его развитие в соответствие с требованиями, возлагаемыми на него страной, сделать так, чтобы

все хозяйственники относились к транспорту не как к посторонней им организации, а как к своей, от которой зависят и их собственные успехи. Теперь эта мысль кажется такой простой и очевидной. Но эта ее простота и является одним из доказательств ее гениальности…

Уйдя в 1924 году из НКПС в ВСНХ, Феликс Эдмундович не порвал связи с транспортом. Впрочем, он нигде и никогда не был представителем какого-либо ведомства и, наоборот, всюду и всегда руководствовался интересами всего СССР, хотя бы они и шли вразрез с узкими интересами того комиссариата, во главе которого он стоял…

Но на всех постах, при всех обстоятельствах Ф. Э. Дзержинский ни на секунду не забывал, что он является членом Всесоюзной Коммунистической партии, и указания партийных организаций были для него непреклонным законом.

Его требования по отношению к членам партии были гораздо более строгими, чем к беспартийным.

Я помню, как в Сибири во время острого кризиса с топливом он был озабочен выработкой точных норм расхода угля на маневровые паровозы. Вычисления, сделанные инженерами, его не удовлетворяли. Как раз ко мне обратился один из членов Омского учкпрофсожа, машинист по профессии, с предложением проверить на практике эти нормы. Он сел на паровоз и производил в Омском узле маневровую работу в течение почти 48 часов беспрерывно, тщательно отмечая расход топлива и принимая все меры к его экономии. Полученные им данные опровергли все теоретические вычисления в этой области. Топлива, как выяснилось, требовалось гораздо меньше, чем проектировалось по норме.

Я сообщил товарищу Дзержинскому. Он крайне заинтересовался и рассказал об этом на общем собрании железнодорожников, работавших на Омской железной дороге и в Сибирском округе путей сообщения. Цифры этого доклада легли в основу новых вычислений норм расхода топлива. А когда я спросил Феликса Эдмундовича, не находит ли он нужным чем-нибудь вознаградить этого товарища за бессменную двухсуточную добровольную работу, хотя бы путем издания специального приказа, он спросил:

— А он партийный?

Я ответил утвердительно.

— Тогда ничего не нужно. Он исполнил свой партийный долг.

Он ненавидел похвальбу и фантазерство. Помню, как после моего доклада о положении и работе Петроградского округа

путей сообщения, когда я изложил ему главные неурядицы и плохие стороны работы округа, он, улыбаясь, сказал:

— Хотя вы и похожи на унтер-офицерскую вдову, которая сама себя секла, но доклад ваш построен вполне правильно. Останавливаться сейчас на тех работах, которые идут хорошо, не надо. Справляетесь, и ладно. Говорите мне пока только о тех вопросах и недохватках, которые требуют моего вмешательства. И хорошо, что не скрываете, а сами выдвигаете в первую голову ваши ошибки и недочеты.

Он был полон сам и заражал всех исключительной бодростью и неутомимостью и безграничной верой в творческие силы рабочего класса. Разговор с ним был равносилен хорошему отдыху. После встречи с Ф. Э. Дзержинским появлялась вдесятеро большая энергия для работы и казались легче преодолимыми те огромнейшие трудности, которые стояли кругом на пути к восстановлению нашего хозяйства.

Огромное значение в революции Ф. Э. Дзержинского еще больше подчеркивалось его исключительной скромностью. Он никогда не говорил о себе. И только во время его последней речи у него вырвались слова: «Я не щажу себя никогда».

Красная новь, 1926, № 9,

с. 122–129

В. И. МЕЖЛАУК
ЛЕНИНСКИЙ СТИЛЬ РАБОТЫ

Пять лет проработал Феликс Эдмундович Дзержинский над решением хозяйственных проблем и все пять лет не переставал работать над собой, превратившись пз энергичного организатора, которому партия поручила в ударном порядке вывести из неслыханной разрухи почти остановившиеся железные дороги, в крупнейшего практика-экономиста партии. Он соединял в себе беспримерную преданность пролетарской революции, энергию и умение заражать своим энтузиазмом не только своих помощников, но всю партию, весь рабочий класс с изумительным знанием народного хозяйства. Это позволило Феликсу Эдмундовичу дать партии такие постановки экономических проблем, которые при своем решении двигали хозяйство страны колоссальными шагами вперед.

Каким путем достиг этого Феликс Эдмундович, каким путем учил нас работать?

Его методы — скромность, высшая требовательность к себе, величайшая добросовестность в обращении с каждой цифрой, с каждым фактом, тщательная проверка, никаких попыток самооправдания в ошибках и беспощадный анализ действительности, вскрытие всех язв для их излечения.

Не было случая, чтобы Феликс Эдмундович стеснялся спрашивать у любого товарища объяснения того, что было ему неизвестно и непонятно.

На железной дороге, где технические термины и детали встречаются в большом изобилии и специфическая структура хозяйства требует их знания, Феликс Эдмундович расспрашивал и учился до тех пор, пока не понял ее совершенно точно, настолько, что в состоянии был провести коренную реформу организации железных дорог. Каждое свое мероприятие он проверял предварительно, согласовывал, учитывал мнение всех работников от мала до велика. Это позволяло ему втягивать в работу громадный круг людей, воспитывать инициативу скромных работников, которых он привлекал непосредственно к себе, перепрыгивая через десяток ступеней бюрократической иерархии.

Добросовестность Феликса Эдмундовича была исключительной. Каждый доклад или цифровую справку он изучал вплоть до проверки правильности выведенных итогов или процентов, сверял цифры из разных источников. Обычное прежде, да и сейчас не выведшееся еще обыкновение делать работу на

глазок заставило его прибегать к требованию тончайшего анализа. «Средние цифры», скрывающие за собой успехи одних и промахи других, именно поэтому были величайшим врагом Феликса Эдмундовича. Особую щепетильность в точности данных он проявлял тогда, когда па основании этих цифр испрашивались партийные или советские директивы.

Доклад Феликса Эдмундовича о металлопромышленности на XIV партконференции и доклад о промышленности на III съезде Советов заставили ВСНХ и Главметалл сверху донизу осмотреться и проанализировать по два-три раза все данные, которые в этих работах Феликса Эдмундовича встречаются. Проверив, изучив и обобщив цифры, Феликс Эдмундович делал выводы, не щадя ведомственного самолюбия, не боясь самым решительным образом бичевать недочеты в деле, за которое он нес ответственность, не различая ни своих друзей, ни ближайших помощников от всех других виноватых. Ссылка на «объективные условия» им отвеогалась. Кипучая энергия самого Феликса Эдмундовича была для него лучшим доказательством, что субъективными усилиями изменяются объективные условия. Недаром даже в своей последней речи, ставшей для него роковой, он вскрывал недочеты в работе металлопромышленности, всегда бывшей для него особенно близкой.

Уверенный в правильности своих выводов после тщательной их подготовки, Феликс Эдмундович проводил их с настойчивостью и силой, не отступающей ни перед какими препятствиями одинаково и в больших и в малых вопросах. И едва ли удастся насчитать много случаев, когда партия и правительство находили их ошибочными. Это объясняется тем, что Феликс Эдмундович никогда не подходил к решению вопросов с узковедомственной точки зрения. И на транспорте и в промышленности он считал себя (и требовал того же от всех своих помощников) представителем правительства, направляющим данную отрасль в интересах укрепления социалистического строительства, а не представителем интересов транспорта или промышленности перед правительством. В момент проведения денежной реформы он, как нарком пути, категорически требовал не денег от правительства, а сокращения расходов, экономии на транспорте.

Именно этим объясняется тот успех, с которым проходили кампании по поднятым им вопросам — снижение себестоимости, повышение производительности труда, режим экономии. Партия могла целиком поддерживать предложения Дзержинского, ибо это были партийные предложения.

Вечно кипящий, вечно готовый к работе даже в момент

усталости от напряженной борьбы, самый скромный в своей личной жизни, ненавидящий все ходульное и отзывающееся красивым жестом, Феликс Эдмундович умел привлечь к себе всех работников, умел организовать, умел создавать нужную обстановку для того темпа работы, который был у него самого, умел воспитывать в хозяйственных работниках настоящих членов партии, умел передавать свой оптимизм и энергию специалистам.

Он был настоящим ленинцем — ленинцем не на словах, а на деле, осуществлявшим социалистическое строительство и ни на минуту не забывавшим о конкретных его условиях в нашей стране.

Правда, 1926, 22 июля

И. М. ГУБКИН
ДЕЯТЕЛЬ КРУПНЕЙШЕГО МАСШТАБА

С Феликсом Эдмундовичем Дзержинским у меня была встречи исключительно делового характера. Мне приходилось с ним беседовать по вопросам труда, топлива, в частности по вопросам нефти.

При Ф. Э. Дзержинском встал вопрос о необходимости полной реорганизации Геолкома.[105] Тогда Геолком представлял собою учреждение обособленное, замкнутое, оторванное от задач социалистического строительства и наметившихся в те годы великих задач индустриализации страны.

Геологическую службу нужно было повернуть лицом к делу социалистического преобразования народного хозяйства Союза. Феликс Эдмундович шел нам в этом отношении навстречу. При нем возникла идея такого учета запасов полезных ископаемых, который мог быть положен в основу великого проектирования. Теперь эта идея нашла определенное законодательное воплощение. Сейчас от организаций, проектирующих горнорудное предприятие, требуется осведомленность об обеспеченности такого предприятия запасами высокого качества.

Беседуя с Ф. Э. Дзержинским, я забывал, что передо мной сидит деятель крупного масштаба, играющий огромную роль в построении нового общества. Между ним и мною устанавливались товарищеские отношения. Во время бесед с Феликсом Эдмундовичем через несколько минут после начала разговора чувствовалось, что с этим человеком можно смело говорить обо всем, что поможет делу.

Вместе с тем каждый, кому приходилось иметь деловые отношения с Ф. Э. Дзержинским, знал, что никаких необоснованных уступок и поблажек он не сделает, потому что все вопросы он решал в интересах того великого дела, которому служил всю жизнь.

Если нужна была помощь в каком-нибудь справедливом деле — всегда можно было смело идти к Ф. Э. Дзержинскому. Я и другие хорошо знали, что такая помощь будет оказана.

За индустриализацию, 1936, 20 июля

НАСТАВНИК ЮНОСТИ

Когда смотришь па детей, то не можешь не думать — все для них! Плоды революции… им.

Ф. Э. Дзержинский

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
ДЗЕРЖИНСКИЙ В НАРКОМПРОСЕ

Как всякий участник нашей революции, как член правительства, я, конечно, много раз встречал Феликса Эдмундовича, видел его в разных ролях и переделках, слушал его доклады, припимал участие вместе с ним в обсуждении различных вопросов и т. д.

Но именно потому, что Феликс Эдмундович был чрезвычайно многогранен, что он связан был многочисленнейшими и разнообразнейшими нитями со многими сотнями более или менее ответственных деятелей партии и пашей эпохи, воспоминания о нем будут очень обильны, и мне не хочется прибавлять к ним что-нибудь такое, что может лучше рассказать другой.

Были, однако, у меня с Феликсом Одмундовичем встречи совсем особого характера, которые, правда, имели широкий общественный отголосок, но которые все же менее известны, чем другие формы деятельности Дзержинского, а между тем вносят в этот незабвенный образ своеобразные черты, которые не должны быть забыты.

Имя Дзержинского в то время (1921 год) было больше всего связано с его ролью грозного щита революции. По всем личным впечатлениям, которые я получал от него, у меня составился облик суровый, хотя я прекрасно сознавал, что за суровостью этой не только таится огромная любовь к человечеству, но что она-то и создала самую эту непоколебимую алмазную суровость.

К тому времени самые кровавые и мучительные годы оказались позади. Но войны и катастрофа 1921 года оставили еще повсюду жгучие раны.

Страна переходила к эпохе строительства, но, обернувшись лицом от побежденного врага, увидела свое жилище, свое хозяйство превращенным почти в груду развалин.

На том кусочке фронта, где работали мы, просвещенцы, и который в то время называли «третьим» фронтом для обозначения его третьеочередности, к которому даже у самых широко смотревших на вещи вождей было отношение как к группе нужд и вопросов, могущих подождать, на этом кусочке общего фронта не счесть было всякщ пробоин, которых нечем было забить, всяких язв, которые нечем было лечить.

Теперь, во времена несравненно более обильные, спокойные и мирноплодотворные, когда иной раз не без жути измеряешь

расстояние между необходимым и возможным, лучше всего бывает вспомнить о тогдашних сумрачных днях, тогда вся обстановка кругом кажется куда светлее.

В один из дней того периода Феликс Эдмундович позвонил мне и предупредил меня, что сейчас приедет для обсуждения важного вопроса.

Вопросов, на которых перекрещивались бы наши линии работы, бывало очень мало, и я не мог сразу догадаться, о чем же таком хочет поговорить со мною творец и вождь грозной ВЧК.

Феликс Эдмундович вошел ко мне, как всегда, горящий и торопливый. Кто встречал его, знает эту манеру: он говорил всегда словно торопясь, словно в сознании, что времени отпущено недостаточно и что все делается спешно. Слова волнами нагоняли другие слова, как будто они все торопились превратиться в дело.

— Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное, сил ВЧК на борьбу с детской беспризорностью, — сказал мне Дзержинский, и в глазах его сразу же загорелся такой знакомый всем нам, несколько лихорадочный огонь возбужденной энергии.

— Я пришел к этому выводу, — продолжал он, — исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие! Ведь когда смотришь на детей, то не можешь не думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им! А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК, конечно при ближайшем участии Наркомпроса, широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат — один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность, и даже хищничество! Мы все больше переходим к мирному строительству, я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность.

Я не мог найти слов в ответ. Если само предложение поразило меня и своей оригинальностью, и своей целесообразностью, то еще больше поразила меня манера, с которой оно было сделано, И тут был все тот же «весь

Дзержинский». И тут то же взволнованное, словно на кого-то рассерженное лицо, раздувающиеся ноздри, как будто вдыхающие веяние бури, те же горящие глаза. Дело, как будто бы постороннее обычным интересам человека, а вот оно прикоснулось к нему, и он уже вспыхнул, и уже горит, и уже течет от него богатым током волнующее, побуждающее к творчеству живое электричество.

Как известно, деткомиссия создалась.[106] Если подсчитать количество детей, спасенных ею при постоянном деятельном участии ЧК, позднее ГПУ, то получится внушительнейшее свидетельство благотворности тогдашнего движения мысли и сердца Феликса Эдмундовича.

Расставаясь со мною и пожимая руку, он повторял:

— Тут нужна большая четкость, быстрота и энергия. Нужен контроль, нужно постоянно побуждать, тормошить. Я думаю, мы всего этого достигнем.

И он ушел, торопясь куда-то к новому делу. Но вот Феликс Эдмундович призван к мирной строительной деятельности в огромном масштабе. Он поставлен во главе Наркомата путей сообщения.

Прошло немного дней с его назначения, он только-только мог разобраться в важнейших проблемах порученной ему огромной области хозяйственной жизни, но уже наткнулся и на такой вопрос, который, по-видимому, при непосредственном соприкосновении каждый раз особенно волновал его: опять на вопрос о детях.

Вновь звонок Дзержинского. И опять он у меня в кабинете, куда я вызвал, узнав, о чем идет дело, ближайших заинтересованных в нем членов коллегии и сотрудников.

С самого начала жизни Наркомпроса у нас тянулся вопрос с железнодорожниками о сети их школ. У губернских отделов народного образования была тенденция разобрать их по губерниям. Они же цепко держались за свои «линии» и докалывали, что линии эти нельзя резать границами губерний и уездов, что школы по линии ближе друг к другу и к своему центру, чем подчас к районному или губернскому отделу народного образования. Железнодорожники доказывали, что их могучее хозяйство умело и еще сумеет поддержать свои школы, не только профессиональные, но и общеобразовательные, на более высоком уровне, чем общий. Но эти доводы натыкались на стремление ведомства и его органов на местах до конца довести своеобразную монопольную централизацию народного образования, не позволить разбивать отдельных кусков единого целого — просвещения.

Вот об этом-то и заволновался, на этот счет и загорелся Феликс Эдмундович.

Когда кто-то из моих помощников в несколько полемическом тоне завел речь о единстве, о разбазаривании, о необходимости централизовать методическое руководство и т. п., Ф. Э. Дзержинский вспыхнул.

Все знают эти его вспышки, это его глубокое волнение, эту торопливую, страстную речь — речь человека, до конца свято убежденного, которому хочется как можно скорее высказать свои аргументы, устранить с дороги дорогого дела какие-то недоразумения, фальшь или волокиту.

— Я не ведомственник, — торопился Дзержинский, — и вам не советую им быть. Руководство — пожалуйста! Напишите сами какой хотите устав. Обеспечьте за собой руководство полностью. Готов подписать не глядя! Вам и книги в руки. Но администрировать, но финансировать дайте нам! В чем дело? У нас есть какая-то лишняя копейка. Мы можем прибавлять какие-то гроши к каждому билету. И вот возможность несколько тысяч детей учить немного лучше, чем остальных. Поддержать их привилегию! Да, привилегию! Или вы хотите непременно сдернуть их до той нищеты в деле образования, в которой сейчас вынуждены барахтаться ваши школы? Ведь мы же общий уровень поднять не можем? Эти наши деньги мы вам отдать на все дело образования не можем? Зачем же вы хотите помешать, чтобы дети рабочих хоть одной категории имели эту, скажем, «привилегию» — учиться немножко лучше? Придет время, и это совсем не нужно будет. Я вовсе не сепаратист, я, только знакомясь с этим делом, увидел, что многочисленная группа детворы из-за ведомственной распри может пострадать в своем обучении. А этого нельзя. Что хотите, какие хотите условия, только без вреда для самих детей.

Именно эта, с огненной убежденностью сказанная речь, которую я передаю, кажется, почти дословно, послужила основой нынешнего положения о Цутранпросе, которое и сейчас многим кажется спорным, которое, может быть, в свое время будет отменено, но благодаря которому детишки железнодорожников в течение этих лет получили весьма значительные блага образовательного характера.

Я не хочу давать здесь места общим характеристикам, общим суждениям об этом прямом слуге пролетариата… Я хочу только вплести эти два воспоминания в тот строгий, но грандиозный венок, сплетенный из полновесных заслуг, который сам себе нерукотворно создал безвременно погибший герой. Мне хочется, чтобы два эти цветка, показатели горячей любви к детям, лишний

раз свидетельствовали о том, что нам, сподвижникам великого человека, было хорошо известно, но что отрицают ослепленные молниеносным гневом революции, носителем которой он был, далекие от него круги, — я хочу, чтобы они свидетельствовали о том, что этот рыцарь без страха и упрека был, конечно, рыцарем любви.

Правда, 1926, 22 июля

Р. П. КАТАНЯН
ОТЕЧЕСКАЯ ЗАБОТА

Феликс Эдмундович очень любил детей. Однажды произошел такой случай. Была арестована банда грабителей, считавшаяся долгое время неуловимой. Секрет этой неуловимости заключался в том, что каждый из бандитов имел при себе мальчика-оруженосца. Когда бандиты шли на «дело», мальчики следовали за ними в некотором отдалении и должны были передавать оружие по первому их требований. Если бандитов задерживали, они делали вид, что совершают прогулку. Не обнаружив оружия, чекисты за отсутствием улик отпускали их.

Однако оперативные работники раскусили, в чем дело, и арестовали банду вместе с оруженосцами. И тогда на коллегии ОГПУ встал вопрос: как быть с малолетними помощниками бандитов? Я категорически возражал против направления ребят в исправительно-трудовые лагеря, указывая, что единственно разумным было бы применение к ним воспитательных мер. С этой целью, на мой взгляд следовало бы ОГПУ создать специальное учреждение. Но некоторые из членов коллегии не согласились со мной. Так мы ни до чего не договорились, и вопрос о малолетних преступниках был перенесен.

На следующее заседание кроме заместителей предсе дателя и прокурора ОГПУ явился председатель ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский. Он принял участие судьбе арестованных мальчиков и всецело присоединился к точке зрения прокуратуры.

Тогда-то и решили организовать под Москвой исправительно-воспитательную колонию для малолетних. Она называлась коммуной и была полузакрытого типа, без вооруженной охраны, без внешних признаков принуждения, с широким самоуправлением. Коммуне было присвоено имя Феликса Эдмундовича. Причем сделано это было в отсутствие Дзержинского, иначе он воспротивился бы этому.

Болшевская коммуна имени Ф. Э. Дзержинского сыграла исключительную роль в перевоспитании малолетних преступников.

Когда крестьяпе узнали, что близ их села организуется коммуна, в которой будет находиться молодежь, связанная с преступной средой, они решили протестовать и послали к Дзержинскому специальную делегацию. Феликс Эдмундович принял ходоков. Они просили перенести коммуну в другое место, так как опасались, что несовершеннолетние правонарушители

обворуют их и развратят местную молодежь.

Дзержинский долго беседовал с крестьянами и просил их передать всем односельчанам, что он будет лично наблюдать за коммуной, не допустит никаких беззаконий и, в случае чего, закроет коммуну.

Делегация уехала и о результатах переговоров доложила односельчанам, которые решили несколько повременить и посмотреть, «во что выльется, — как выразился один из крестьян, — вся эта петрушка». Через месяц-другой они успокоились. Коммуна завела у себя мастерские, которые принесли большую пользу крестьянам. Им необходимо было где-то ремонтировать свой сельскохозяйственный инвентарь. А тут мастерская под рукой.

К колонистам присматривались и старики и молодежь. Видят — ничего, с ними жить можно. Когда же в коммуне стали устраиваться спектакли, танцы и показ кино, тогда вся сельская молодежь открыто перешла на сторону коммуны. Не поступало ни одной жалобы на безобразия, хулиганство, а тем более на пропажу имущества. Село признало своего соседа.

Феликс Эдмундович часто бывал в гостях у колонистов. Его беседы с ними отличались большой задушевностью. Впоследствии по настоянию Дзержинского и под его непосредственным руководством была создана целая сеть детских исправительных учреждений, подобных Болшевской коммуне. Доказывая необходимость этого, Феликс Эдмундовпч говорил:

> «Борьба с детской безнадзорностью есть средство искоренения контрреволюции… Забота о детях является одним из важнейших вопросов республики…»

Так мог рассуждать только большой человек, ибо любовь к детям — это первый признак человеческого величия.

Рассказы о Дзержинском.

М., 1965, с. 173–175

В. В. ШИШКИН, М. П. ШРЕЙДЕР
ДРУГ МОЛОДЕЖИ

Империалистическая и гражданская война оставили в наследство молодой Советской республике не только разруху и голод, но и детскую беспризорность. Беспризорники буквально наводняли железные дороги, улицы и подвалы домов Москвы и других городов.

Нынешнее поколение молодежи не видело этих оборванцев, но хорошо знает их по книге А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» и по первому советскому звуковому кинофильму «Путевка в жизнь»…

Надо было не дать погибнуть этим молодым гражданам Республики Советов, и В. И. Ленин поручил это святое дело Ф. Э. Дзержинскому, чекистам.

27 января 1921 года при ВЦИК была создана комиссия по улучшению жизни детей. Председателем комиссии был назначен Ф. Э. Дзержинский. Он развернул кипучую деятельность по борьбе с беспризорностью, призвал на помощь детям всех чекистов, широкие народные массы.

По призыву Дзержинского комсомольцы-чекисты приняли самое непосредственное участие в ликвидации детской беспризорности. Дзержинский неоднократно приглашал к себе партийно-комсомольский актив и требовал принять срочные меры к спасению беспризорных детей и малолетних преступников. На одной из таких бесед он взволнованно говорил:

— Ведь подумайте только, огромное число детей-сирот не имеют ни крова, ни призора. Миллионы детей требуют немедленной реальной помощи. Мы, чекисты, и особенно наши комсомольцы, должны полностью отдать все свои силы этой благородной цели — спасению детей. Иначе мы не будем достойны звания коммунистов и комсомольцев. Ведь это почетное дело поручил нам Владимир Ильич Ленин.

Феликс Эдмундович говорил об ужасающих формах детской преступности, угрожающей тяжелыми последствиями для подрастающего поколения, о нехватке средств, обуви, одежды и продовольствия, о трудностях, связанных с недостатком детских учреждений.

— Но эти трудности не должны нас останавливать, — подчеркивал Дзержинский. — Они должны мобилизовать нас на их преодоление. Все можно найти и сделать при желании, находчивости, упорстве и настойчивости. Дело за нами…

В ответ па призыв своего любимого руководителя комсомольцы-чекисты ринулись на борьбу с детской беспризорностью. Это они первыми проводили ночные облавы, проникали в подвалы домов, лезли в котлы для плавки асфальта и вытаскивали оттуда чумазых малышей и подростков.

Вот судьба одного из многих беспризорников, спасенных комсомольцами-чекистами.

1920 год. В отделе происшествий центральных газет неоднократно упоминалось о молодом рецидивисте под кличками Цыган, Директор.

Во время одной из облав у Краснохолмского моста Цыган был задержан чекистами. Им оказался Павел Железнов. При обыске комсомолец Иванов нашел у Железнова тетрадь стихов, написанных под влиянием есенинской «Москвы кабацкой». Прочитав стихи, Иванов начал с Павлом разговор о содержании стихов и о будущности их автора.

Павел Ильич Железнов, ставший известным поэтом, об этой встрече с чекистом Ивановым писал:

Перелистал. Улыбнулся: «Приятель,
Здесь есть и огонь и страсть.
Но хватаешь зря! Трудней и приятней
Делать вещи, чем красть».

«Иванов, — вспоминает Павел Ильич, — по-отечески отнесся ко мне. Он не только устроил меня на работу, но и побеспокоился о моих способностях. Привел меня в литературный кружок «Вагранка», сделал мне, так сказать, первый «привод» в литературу. Отнес мои стихи в редакцию журнала «Друг детей», где они и были напечатаны. Стихи эти помогли мне в то время познакомиться с Алексеем Максимовичем Горьким, который «содрал с моей совести мох, отечески добр и суров».

В портновской, сапожной, столярной мастерских, в гараже и в других хозяйственных и подсобных подразделениях ВЧК и МЧК наряду со взрослыми работали и молодые рабочие, и подростки в качестве учеников и подмастерьев. Одновременно они учились в вечерних школах.

Ф. Э. Дзержинский держал их в поле зрения, добиваясь, чтобы их обучение и воспитание было качественным и чтобы они стали достойными советскими гражданами.

В записке своему секретарю В. Л. Герсону 19 января 1921 года он писал: «Нам надо заняться как следует молодежью и подростками и поставить это дело образцово, в пример другим. Необходимо наблюдать, чтобы не нарушались постановления об

охране труда ребят, находящихся в учении в инженерной роте и др. Обеспечить действительное учение труду, а не безделью или прислужничеству, обеспечить прохождение общих наук и технических». В записке далее указывается, что добиваться всего этого надо не путем привилегий и опеки, не путем оторванности от Наркомпроса и других органов, ведающих этим делом, а «путем вовлечения самой заинтересованной молодежи, сотрудников ЧК; путем создания и развития энергии через союз молодежи, бюро ячеек…

Родители, — подчеркивается в записке, — должны знать, что молодежь у нас воспитывается как следует».[107]

Ф. Э. Дзержинский часто приглашал к себе комсомольцев, ставил перед ними очередную конкретную задачу и разъяснял, как ее выполнить. Комсомольцы-чекисты делали все, чтобы помочь беспризорным детям и с честью выполнить задание В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского,

Вот лишь один из многочисленных документов, свидетельствующих об этом: «Бюро ячейки В и МЧК[108] доводит до сведения всей молодежи, что, согласно постановлению общего собрания всей молодежи ВЧК и МЧК от 11 января 1922 года, будет производиться ежемесячное отчисление однодневного пайка хлеба в пользу интерната для голодных детей Поволжья».

Это постановление общего собрания молодежи было доведено до сведения всех сотрудников ВЧК и МЧК приказом управделами ВЧК от 14 января 1922 года.

Комсомольская ячейка добилась зачисления одной группы бывших беспризорников в полк, а другой — в духовой оркестр дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ, размещавшейся тогда в Покровских казармах. Командование и политработники полка уделяли большое внимание работе с «сыновьями полка», как их называли в дивизии. Они учились в общеобразовательной школе. Кроме того, для них было организовано несколько кружков политграмоты и текущей политики. Кружками руководили комсомольцы-чекисты: Павел Иванов-Загревский, Сергей Жилин, Владимир Шишкин, Михаил Шрейдер.

Когда комсомольцы рассказали Дзержинскому о хорошем поведении бывших беспризорников в дивизии, Феликс Эдмундович посоветовал не ослаблять работу с ними и лучших из них готовить к приему в комсомол.

Конец 1922 года. Приближалась знаменательная дата — пятилетие со дня образования ВЧК-ГПУ. Комсомольская ячейка ГПУ и Московского губернского отдела ГПУ[109] учитывая особые заслуги Дзержинского перед чекистской молодежью, решила присвоить ему звание почетного комсомольца.

20 декабря 1922 года состоялось комсомольское собрание… На собрание пригласили Феликса Эдмундовича. Здесь объявили ему о присвоении звания почетного комсомольца и поздравили с этим событием.

Отвечая на поздравления, Дзержинский сказал:

— Конечно, я постараюсь выполнить свой комсомольский долг, хотя вы сами понимаете, как я занят. Но то, что я не доделаю по линии комсомола, думаю, за меня сделает мой подрастающий комсомоленок.[110]

Весной 1924 года по инициативе Ф. Э. Дзержинского в районе станции Болшево по Северной железной дороге была создана первая в стране трудовая коммуна несовершеннолетних правонарушителей. Сюда привезли малолетних виновников, из которых одни находились в услужении у бандитов, другие занимались карманными и квартирными кражами. В коммуне их накормили, вымыли, одели в чистое белье и сказали: «Все остальное зависит от вас самих. Вот вам кладовая с продуктами, с бельем и постельными принадлежностями, располагайтесь и хозяйничайте. В вашем распоряжении мастерские и материалы для труда. Вы можете работать в них под руководством опытных мастеров. Заведующий трудовой коммуной только ваш помощник и наставник. В чем будут у вас трудности, обращайтесь к нему. Охраны никакой нет. Устраивайте жизнь так, как ее ведут советские рабочие и крестьяне»,

И правонарушители начали устраивать новую жизнь.

Ф. Э. Дзержинский и партком ОГПУ поставили перед комсомольцами-чекистами ответственное поручение: вести в трудовой коммуне политико-воспитательную и культурно-массовую работу. На эту работу были выделены грамотные и знающие комсомольцы: Фивейский, Жилин, Калинин, Филасов, Миронов, Кондратьев и Казаков.

На третий день после завоза в коммуну первых поселенцев туда приехали шефы и представились:

— Мы — комсомольцы-чекисты. Приехали вам помогать. В чем нужна будет наша помощь, мы сделаем все, что в наших силах.

Начались расспросы: «А оружие у вас есть?»

Комсомольцы ответили, что оружия у них нет, так как приехали они к таким же молодым ребятам, как и они сами, и с оружием им здесь делать нечего.

Все рассмеялись, и началась задушевная беседа. Между комсомольцами и коммунарами установились непринужденные дружеские отношения.

Коммунары показали шефам свое хозяйство. При этом

неоднократно раздавались радостные возгласы: «Все это наше! Никто нас не охраняет!» Рассказали, что у них создан совет коммуны, приняли распорядок дня и что они сами будут руководить хозяйством. Беседа затянулась до поздней ночи, и, когда комсомольцы собрались уезжать, их провожали всей коммуной.

Коммунары просили приезжать шефов чаще. И комсомольцы старались выполнять их просьбу. Почти каждый день в коммуне был кто-нибудь из комсомольцев.

Комсомольцы-чекисты так подружились с коммунарами, что нередко после бесед оставались у них ночевать.

Результаты повседневной воспитательной работы не замедлили сказаться. Несколько коммунаров изъявили желание вступить в комсомол. Коммунары сами на собрании дали им положительные характеристики. В комсомол принимали на торжественном собрании, посвященном 1 Мая.

За хорошие показатели в труде и в поведении коммуне в торжественной обстановке было вручено почетное знамя партийной организации ОГПУ.

Большим и радостным событием для коммунаров было участие в праздновании 1 Мая и 7 ноября 1924 года в Москве. Через Красную площадь в колоннах демонстрантов они шли под знаменем, преподнесенным им коммунистами-чекистами.

Коммунары от всей души благодарили Ф. Э. Дзержинского, чекистов, которые помогли им встать на путь честной трудовой жизни. Они клялись, что никогда не свернут с этого пути. Коммунары привезли Дзержинскому свои первые трудовые подарки…

Аналогичные трудовые коммуны, по инициативе чекистов, были образованы и в ряде других городов страны.

В марте 1924 года комсомольская организация ОГПУ праздновала свой четырехлетний юбилей. В день юбилея комсомольцы подтвердили клятву, данную у гроба В. И. Ленина: упорным трудом и учебой, непоколебимой верой в победу Октября оправдать высокое звание ленинца.

По случаю этого праздника Ф. О. Дзержинский обратился к комсомольцам-чекистам с приветствием, в котором писал:

> «Дорогие товарищи! К четвертой годовщине существования вашей ячейки шлю вам горячий привет и пожелание не только закаляться на боевом посту чекистов, стоящих на страже завоеваний Великого Октября, но и найти в себе волю и энергию добиваться своим трудом больших внаний и большой культуры, без

которых великое здание Октября — коммунизм — не может быть построено. Шлю вам коммунистический привет.

Ваш Ф. Дзержинский».

Преждевременная смерть Ф. Э. Дзержинского явилась для комсомольцев ОГПУ особенно тяжелым ударом. Они лишились своего друга и учителя, человека, который был путеводной звездой в их жизни и боевой работе.

Но смерть любимого наставника не сломила их силы, стремления и порывы жить и работать так, как жил, боролся и работал Дзержинский. Следуя заветам В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского, они не только самоотверженно охраняли завоевания Великого Октября, но и упорно овладевали знаниями, чтобы вместе со всем советским народом, под руководством Коммунистической партии построить первое в мире социалистическое общество.

Публикуется впервые

В. В. ОВСЕЕНКО
ОН УМЕЛ ПРИВЛЕКАТЬ К СЕБЕ ЛЮДЕЙ

Москва. Зима 1921/22 года. Хотя гражданская война закончилась и лишь последние всполохи ее догорают на Дальнем Востоке, положение страны трудное. В столице — холодно и голодно; топлива не хватает. Моя мать работает в госпитале фельдшерицей; там же мы и живем в маленькой комнате, рядом с больными. Она и сама часто болеет. Сказываются годы гонений за участие в революционной работе, скитаний, длительные поездки на фронт за ранеными… Очень скудно у нас и с питанием. Но мы не теряем бодрости. Война окончена. Страна начинает подниматься из руин, у матери есть любимая работа и я; у меня — она, учеба и комсомол.

Однажды мать мне сказала:

— Володя, сегодня мы пойдем к товарищу Дзержинскому; будь свободен к концу дня.

По рассказам матери я знал, что с Феликсом Эдмундовичем она впервые познакомилась в 1904 году в эмиграции в Кракове. В 1905 году, работая в Военно-революционной организации РСДРП, она вновь встречалась с Юзефом — одним из руководителей подпольной организации Социал-демократии Королевства Польского и Литвы и активным деятелем Варшавского комитета ВРО.

В ответ на предложение матери пойти к Феликсу Одмундовичу я стал отнекиваться, хотя мечтал увидеть легендарного Юзефа. Он давно стал моим героем. Но мне, 15-летнему комсомольцу, казалось, что председателю ВЧК, день и ночь занятому борьбой с врагами революции, будет не до нас. Все же желание увидеть его преодолело застенчивость.

…Вот мы у заснеженного Кремля. Идем мимо манежа к будке у Троицких ворот. Пропуска нам уже заказаны. Проходим охрану и — вверх по Троицкому мосту. Поднявшись, идем направо, в сторону Большого Кремлевского дворца, до арки; под аркой входим в корпус напротив этого Дворца; два марша ступенек — и мы на втором этаже; затем попадаем в длинный коридор, в самом его конце — квартира Дзержинских.

Нас встречает красивая, черноволосая, среднего роста женщина. Мать называет себя. Приветливо улыбаясь, женщина приглашает нас раздеться и вводит в небольшую комнату. Навстречу нам из соседней комнаты слева выходит высокий, стройный мужчина с большим лбом под слегка редеющими

волосами. Его бледное лицо с правильными острыми чертами удлинено небольшой бородой; лицо усталое, но оно освещено внутренней силой больших серо-зеленых, проницательных глаз. На нем простой военный костюм, сапоги. Феликс Эдмундович здоровается с матерью и со мной, знакомит с встретившей нас Софьей Сигизмундовной.

— Какой у вас, Анна Михайловна, большой сын, — говорит он просиявшей матери.

Усадив нас за большой стол, Феликс Эдмундович расспрашивает мою мать о ее работе, здоровье, о нашем житье-бытье. Мать говорит, что работает по специальности в госпитале и живет там.

— Все в порядке. Теперь ведь еще тяжелые времена, Феликс Эдмундович.

Но от Юзефа, помнящего цветущую, жизнерадостную подпольщицу Аню, не скрыть ее надорванных сил и здоровья.

Софья Сигизмундовна знакомит меня со своим сыном Ясиком, десятилетним мальчиком, спрашивает, почему мы долго не приходили. Мать рассказывает о моих сомнениях. Софья Сигизмундовна не может удержать улыбки, а Феликс Эдмундович, лукаво посмотрев на меня, говорит:

— Конечно, мне надо много работать, но для вас у меня время найдется.

Софья Сигизмундовна интересуется, где я учусь, работаю ли в комсомоле. Затем нас угощают чаем и домашним печеньем. Беседа становится все непринужденней, застенчивости моей как не бывало. Мы с Ясиком быстро подружились, смотрим новые книги. Так проходит вечер. Уже поздно. Прощаемся. Феликс Эдмундович, отойдя с Софьей Сигизмундовной в угол комнаты, что-то тихо говорит ей, посматривая на меня и улыбаясь. Она утвердительно кивает головой.

Софья Сигизмундовна приглашает меня бывать у них каждый день, а Феликс Эдмундович просит мать зайти к нему завтра на работу и дает номер телефона.

Согретые душевной лаской, мы уходим, навсегда унося память о сердечности этой встречи с самыми человечными из людей, с которыми нас свела жизнь.

И наша жизнь после этой встречи изменилась к лучшему. Через несколько дней мать по рекомендации Ф. Э. Дзержинского поступила на работу в санчасть ГПУ, а через неделю мы переехали в просторную светлую комнату.

* * *

В то время семья Ф. Э. Дзержинского занимала квартиру из трех небольших комнат. Кроме столовой была спальня и маленькая комната, в которой жил Ясик. Кабинета у Феликса Эдмундовича не было. Он не хотел стеснять товарища, жившего рядом, и отказался от предложения расширить свою квартиру. Его письменный стол находился в спальне. Единственным украшением квартиры было большое зеркало в столовой. Там же, у стены, — вместительный шкаф с книгами. В нем бережно хранились старые друзья Феликса Эдмундовича и Софьи Сигизмундовны — произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Было в шкафу много книг и брошюр на политические темы. Среди них — книги на польском языке. Из художественной литературы выделялись произведения Максима Горького с дарственными надписями писателя; кроме новинок советских писателей — первые наши толстые журналы «Красная новь» и «Молодая гвардия».

Напротив книжного шкафа, в углу комнаты, стоял рояль. В квартире чистота и порядок, особенно на рабочем столе Феликса Эдмундовича. Часто бывая у Дзержинских, я видел, что в семье царит атмосфера взаимного уважения, любви и напряженного творческого труда. Между Феликсом Эдмундовичем и Софьей Сигизмундовной всегда было полное понимание, согласие, основанные на единой высокой цели, скрепленные совместной борьбой. Своего единственного сына Яна Феликс Эдмундович и Софья Сигизмундовна воспитывали просто и скромно, прививали ему уважение к труду. Относясь к сыну ласково и бережно, Феликс Эдмундович вовремя ограждал его от чуждого и наносного. Внушая ему любовь к труду, он говорил:

— Каждый должен научиться хорошо работать и этим заслужить уважение людей.

Ясик был спокойный и общительный мальчик; он охотно и серьезно занимался, особенно любил математику. С детства отличался добротой и отзывчивостью; был хорошим товарищем и другом. Окончив Военно-инженерную академию, Ян стал инженером-строителем, а затем до конца своей жизни работал в ЦК КПСС. Он был такой же скромный, чуткий и трудолюбивый, как его отец, целиком отдавался партийной работе. Все знавшие Яна глубоко уважали его.

Феликс Эдмундович не любил нас поучать, а исподволь, с большим умением, на примерах и фактах показывал, каким должен быть настоящий человек.

Затаив дыхание, слушали мы с Ясиком его рассказы о работе в подполье, о революционерах, ни перед кем не склонявших головы. С большим юмором Феликс Эдмундович изображал

незадачливых царских слуг — жандармов, сыщиков и урядников, часто оставшихся в дураках, хотя у них были и власть и оружие. Перед нами возникали безлюдная тайга, бескрайние просторы, могучие реки Сибири, по которым не один раз (туда — по воле царя, а обратно — по своей) плывет заре навстречу неукротимый Юзеф.

…Вспоминал Феликс Эдмундович и свои приключения в детстве. Так, однажды он залез на крышу двухэтажного дома, но, чтобы поскорей вернуться вниз, решил спускаться с крыши по водосточной трубе. Труба была старая, с острыми закраинами. Когда он спускался, железо впивалось в его тело, Феликс разодрал в кровь ноги и руки, но, преодолевая боль, все же достиг земли.

Любил Феликс Эдмундович и пошутить с нами, рассказывал нам иногда разные забавные истории.

С большим одобрением относился он к нашим занятиям спортом. Не раз говорил, что спорт развивает смелость, силу, выносливость и меткость. Хотя Ясик, родившийся в тюрьме, не отличался хорошим здоровьем, Феликс Эдмундович и Софья Сигизмундовна никогда не стремились создать ему какие-либо искусственные условия. Летом мы с Яном ходили босиком и в одних трусах, катались на велосипеде, гребли на лодке, часто купались; были завсегдатаями на спортивном плацу в Кремле, где тогда происходили конноспортивные и легкоатлетические соревнования и играла в футбол местная команда. Зимой ходили на лыжах, катались на коньках…

Мы много читали. Не вмешиваясь в наше чтение, Феликс Эдмундович охотно откликался, когда я делился с ним впечатлениями о прочитанном.

Помню, я с ним беседовал о повести «Шоколад», в которой изображалось падение большевика-подпольщика Зудина. На работу в аппарат губчека он принял кокотку Вальц. Она же, используя доверие и беспечность Зудина, занялась шантажом и взяточничеством, одновременно возобновила свою связь с американским шпионом, участником белогвардейского заговора. Об этом узнали чекисты. За подрыв доверия к Советской власти в условиях белогвардейского наступления Зудин приговаривается к расстрелу.

— Был примерно такой случай, — задумчиво сказал Феликс Эдмундович, — но обобщать не следовало.

Особенно ценил Феликс Эдмундович произведения Алексея Максимовича Горького, его рассказы о людях труда, его автобиографические повести. Со своей стороны Горький, близко познакомившись с Феликсом Эдмундовичем в 1910 году на

острове Капри после его побега из сибирской ссылки, увидел в Дзержинском человека редкой душевной чистоты и твердости. В дальнейшем они много раз встречались. И как свидетельство крепнущей дружбы дарственная надпись писателя на заглавном листе ею произведения «В людях»: «Дорогому Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому с искренним уважением М. Горький. 19.IV.21…».

Феликс Эдмундович резко отрицательно относился к пьянству.

— Человек может потерять контроль над собой и докатиться до преступления, — говорил он.

Даже в те немногие часы, когда Феликс Эдмундович бывал дома, он продолжал работать. К нему на квартиру приходили по делам: секретарь коллегии ОГПУ В. Герсон, помощник чекист А. Я. Беленький и многие другие. Запомнился мне визит работника ВСНХ П. А. Богданова. Посмотрев на Софью Сигизмундовну, встретившую гости в красном платке на черных вьющихся волосах, он воскликнул:

— Какая у вас, Феликс Эдмундович, живописная жена!

Феликс Эдмундович улыбнулся, и в его глазах загорелись веселые огоньки, когда он заметил смущение Софьи Сигизмундовны. Вскоре между П. А. Богдановым и Ф. Э. Дзержинским завязалась оживленная беседа.

Феликс Эдмундович обладал великим даром привлекать к себе людей. Внимательный, отзывчивый, он умел, как немногие, выслушивать людей, дать им совет, оказать помощь.

…Часто бывал у Дзержинских курьер ВЧК-ОГПУ Г. К. Сорокин. Это был среднего роста старик с окладистой бородой, голубоглазый, в очках; одет он, как заправский чекист, в кожаный костюм. Работая курьером еще в петроградском градоначальстве, Сорокин затем перешел на службу в ВЧК, всей душой привязался к Феликсу Эдмундовичу. Войдя в квартиру, Сорокин прежде всего спрашивал у Софьи Сигизмундовны, как здоровье Феликса Эдмундовича, величал его, ко всеобщему удивлению, «господин председатель». Феликс Эдмундович с уважением относился к старому служаке, иногда в шутку называл его Голубком за привычку Сорокина так обращаться к сотрудникам ОГПУ. Несколько лет спустя после смерти Феликса Эдмундовича Сорокин скончался.

У Дзержинских в то время домработницей была Елена Прокофьевна Ефимцева. Она недавно приехала из деревни в Москву, была неграмотна и очень религиозна. Скромный образ жизни и трудолюбие Феликса Эдмундовича поражали ее.

Софья Сигизмундовна поручила нам с Ясиком ликвидировать

неграмотность Лены. Мы начали усердно не только учить ее писать и читать, но и вести беседы на антирелигиозные темы. Если первое проводилось нами вдумчиво и с успехом, то во втором мы проявляли больше рвения, чем такта. К счастью, добродушная Лена не обижалась на наши непочтительные замечания по адресу бога и его служителей. Возможно, что наши беседы в какой-то мере зародили в ней сомнения в святости религии. Главное же — Лена видела, что вот такие честные, хорошие люди, как Феликс Эдмундович и Софья Сигизмундовна, — сущие безбожники. Это очень сильно подорвало ее веру в мудрость господню. Позднее Е. П. Ефимцева ушла на фабрику «Красный Октябрь», где стала хорошей производственницей. Бывая у Дзержинских, она с гордостью рассказывала о своей работе на фабрике. От религии Лена отошла. Впоследствии она принимала участие в Великой Отечественной войне.

Таких примеров, когда душевный магнетизм, пронизывая встречавшихся с Дзержинскими людей, оставлял у них неизгладимый след, делал перелом в их сознании, множество. Они были готовы по зову Феликса Эдмундовича выполнять любое задание, идти, как говорят, в огонь и воду.

Жизнь Софьи Сигизмундовны также протекала в напряженном труде. Руководя Польским бюро Агитпропа ЦК РКП (б), она не ограничивалась дневными занятиями. У нее на квартире устраивались совещания бюро. Завершались эти совещания товарищеским чаем, в котором принимали участие также старые польские революционеры. Было много шуток и смеха, и друзья по работе, особенно прибывшие из-за рубежа, отдыхали от забот и тревог. Среди них бывали: один из основателей польской социал-демократии — Адольф Барский, высокий бодрый старик с копной белоснежных волос; стройный моложавый Эдвард Прухняк, участвовавший с Феликсом Эдмундовичем в организации восстания крестьян и солдат в Пулавах в 1905 году, Стефания Пшедецкая, подруга Софьи Сигизмундовны по подполью, член бюро, и другие польские коммунисты, жившие в СССР.

…Софья Сигизмундовна находила время и для отдыха. Вспоминается зимний вечер. Гаснут отблески дня, догорает закат, озаряя красным светом купола кремлевских соборов и шпиль Большого дворца. У Софьи Сигизмундовны свободный час. Она садится за рояль и увлеченно играет. Шопен, Григ, Бетховен, Чайковский, Шуман. Особенно нравилась нам музыка из «Пер Гюнта». В мелодиях норвежских народных песен и танцев, обогащенных гением Грига, рождались образы суровой и

прекрасной природы, мужественных людей и созданный их фантазией таинственный мир грозных троллей и горных волшебниц.

Замирает последний аккорд, и мы возвращаемся в явь. Надо готовить уроки и задания на завтра. Софья Сигизмундовна также садится за работу до позднего вечера.

Изредка удавалось Софье Сигизмундовне побывать с нами в театре. Однажды мы с ней были в Большом театре. Слушали оперу Вагнера «Лоэнгрин». В главных ролях выступали: Собинов (Лоэнгрин), Нежданова (Эльза), Держинская (Ортруда), Мигай (Тельрамунд). Впечатление незабываемое. Чудесное пение и музыка пленили нас с Яном, и мы полюбили оперное искусство навсегда…

* * *

Замечательная черта Феликса Эдмундовича — цельность его характера, непоколебимая вера в победу коммунизма. Раз решив посвятить себя борьбе рабочего класса против царизма и буржуазии, он с юношеских лет отказался от привилегий своего происхождения и никогда не сворачивал с трудного пути профессионального революционера. Никакие соблазны не могли отвлечь его от революционной деятельности. Партия, партийная работа были для него превыше всего.

В краткие часы отдыха Феликс Эдмундович объяснял мне многие сложные вопросы политической экономии и диалектического материализма, а также внутрипартийной Жизни.

Во время обострения борьбы с троцкистской оппозицией (1924 год) Феликс Эдмундович однажды спросил меня:

— Скажите, Володя, во что коммунист может верить?

Мне такой вопрос показался странным. Уловив мое недоумение, Феликс Эдмундович со свойственной ему прямотой сказал:

— В коммунизм он должен верить, я так считаю. Не только по книгам, но всем своим существом, коммунист должен быть уверен в победе революции.

По молодости лет я не мог тогда достаточно ясно попять всю силу и правду его слов. Позднее, особенно во время Великой Отечественной войны, не раз мне вспоминались эти проникновенные слова Феликса Эдмундовича…

Конец 1925 года. Помню, с каким негодованием говорил он мне о том, что оппозиционеры отвлекают партия от полезной работы, заставляют впустую тратить мног драгоценного времени.

— Пусть они спорят, а я буду работать и работать. Жизнь покажет, что они не правы, — говорил Феликс Эдмундович.

* * *

Феликс Эдмундович ценил мнение других людей и всячески поддерживал новое и полезное. Помню такой характерный эпизод.

Летом 1925 года по выходным дням Феликс Эдмундович бывал на даче под Москвой. Эта дача, как и другие, снабжалась электрической энергией от дизельной электростанции. Отдыхавший у Дзержинских вместе с Ясиком во время летних каникул мой товарищ по учебе в МВТУ Шура Романов заинтересовался этой электростанцией. Проведя расчеты, он пришел к заключению, что дома и такие небольшие объекты выгоднее питать от подстанции Мосэнерго по линии электропередачи. Свои расчеты Шура показал Феликсу Эдмундовичу. Тогда идея электрификации небольших потребителей от районных государственных электрических сетей не была такой ясной и бесспорной, как теперь. Однако Феликс Эдмундович с большим интересом выслушал Шуру, ознакомился с его расчетами. Он не только убедился в правоте молодого студента, но и помогал осуществить его предложение.

В дальнейшем дизельная электростанция была демонтирована, а электроснабжение дач и села стало производиться от районной сети.

Феликс Эдмундович как-то сказал Романову, что, если бы удалось увеличить хотя бы на одну треть скорость движения поездов, высвободился бы миллиард рублей народных денег.

В 1924 году газеты опубликовали постановление Совнаркома о широкой организации радиовещания. Начал выходить журнал «Радиолюбитель». Это было ново для нашей страны. Мы еще не вышли из военной разрухи, много трудностей и прорех было в народном хозяйстве. Не все работники понимали великое будущее радиовещания, боялись, что трудно будет найти средства для этой цели.

Феликс Эдмундович в разговоре со мной сказал:

— Это дело большого государственного значения. Деревня сразу приблизится к городу; легче станет управлять государством; сильно возрастут возможности для агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы среди населения.

* * *

21 марта 1926 года Феликс Эдмундович пригласил меня на концерт «Синей блузы», организованный в пользу беспризорных детей, о которых он заботился до конца своей жизни. «Синяя блуза» возникла из клубных кружков самодеятельности и быстро завоевала популярность.

Концерт, состоявшийся в Бетховенском зале Большого театра, шел живо и интересно. Наряду с декламацией, сценками на злободневные производственные темы были и акробатические, сложные по тому времени, номера.

После окончания концерта артисты избрали Феликса Эдмундовича почетным синеблузником и просили его выступить. Поблагодарив артистов за хороший концерт и избрание синеблузником, он, извинившись, что не подготовлен к выступлению, сказал:

— Не являясь специалистом в вашей области, считаю, что «Синяя блуза» стоит на верном пути; она должна сохранить злободневность своих выступлений. Это будет способствовать ее успеху как массовому искусству.

* * *

Какими талантами, богатством душевных сил надо было обладать, чтобы, пройдя тяжелый путь профессионального революционера, вести, не сгибаясь, такую колоссальную государственную и партийную работу!

Несмотря на надорванное каторгой, ссылками, непомерным трудом здоровье, Феликс Эдмундович обладал необыкновенной работоспособностью и душевной бодростью.

Даже в последние годы своей жизни, когда начала сильно сказываться болезнь сердца, он после отдыха как бы расправлял свои плечи, преображался, молодел, становился бодрым и веселым. Он шутливо боролся со мной, говоря, что скоро примется за физкультуру и приведет себя в спортивную форму.

В одном из портретов, который до конца жизни хранила Софья Сигизмундовна, художнику удалось хорошо схватить эти черты оптимизма Дзержинского, человека гармоничного в своем внутреннем и внешнем облике. Небольшой портрет выполнен маслом с фотографии. Феликс Эдмундович нарисован вполоборота, посвежевшим, смеющимся, озаренным лучом солнца. Глядя на этот портрет, вспоминаешь прекрасные строки одного из писем Ф. Э. Дзержинского к родным:

«Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, которое он может достигнуть».

Так писать мог только человек, борющийся за счастье всех трудящихся, кристальной чистоты души, любящий жизнь и людей.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 308–318

Н. П. ДУБИНИН
ПОВОРОТ В СУДЬБЕ

Отдавая дань глубокого уважения Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, я, без всякого преувеличения, должен сказать, что в моей собственной судьбе трудно переоценить роль, которую он сыграл.

Я родился в Кронштадте в семье балтийского моряка. Отец — начальник минного отряда в самом начале гражданской войны, в 1918 году, был убит. На руках моей матери, Анны Герасимовны, осталось пятеро детей, один другого меньше; всех их надо было кормить, одевать. Время было невыразимо тяжелое для всей страны, рассчитывать на какую-то ощутимую помощь государства никто не имел права. Мы жили в деревне, но и там содержать большую семью моей матери оказалось не под силу. Мне шел одиннадцатый год. У меня не было, как и у других детей нашей семьи, детства. Не помню, с чего началось, но моя мысль стала работать в одном-единственном направлении — уехать в другие места, уехать с младшим братишкой. Правдами-неправдами мы оказались в Самаре. Бедствовали, попали в детский приемник, а спустя месяц — в детдом.

Гражданская война была в разгаре — ее огонь полыхал и на севере, и на юге, и на востоке. В стране был голод; трудно жилось и мне с братишкой в детдоме. И я снова решил бежать, на сей раз из детского дома. Сели на поезд, направлявшийся на Москву, благополучно добрались до столицы.

Много позже, обозревая прошлое, вспоминая свои тогдашние настроения, я понял, что они были продиктованы далеко не единственным желанием быть сытым. Мы искали романтику, жаждали приключений и, конечно, не представляли даже тысячной доли тех неожиданностей, которые подстерегали беспризорника на каждом шагу.

Москва нас встретила сурово. Какой она была в 1919 году, достаточно хорошо известно. Приходилось бедствовать, в буквальном смысле побираться, каждодневно выискивать места, где с большей вероятностью успеха можно было поесть и обогреться. Вечерами нас немилосердно гоняли с московских вокзалов, на ночь мы устремлялись в город, где в трепетном ожидании тепла забирались в грязные котлы из-под асфальта, и вот именно тогда, суровой зимой 1919 года, состоялась моя встреча с чекистами. Это произошло на бывшей Никольской улице (ныне улица 25 Октября).

Сотрудники ВЧК — их было несколько человек — шли с Большой Лубянки, в сторону Кремля и, проходя по Никольской улице, заглядывали в асфальтовые котлы. Неподалеку от Красной площади чекисты «выгребли» хилых, замызганных, перепуганных ребят, среди которых был и я.

Прошедшие десятилетия, разумеется, стерли детали этой встречи, но она была и остается незабываемой в моей жизни. По-разному воспринял эту встречу каждый из тех, кто был со мной, но у всех было одинаковое ощущение испуга: никто не знал, как обернется для нас неожиданное препровождение на Лубянку. Именно туда нас повели сотрудники ВЧК. Расстояние от «места происшествия» до здания ВЧК очень небольшое, и, не успев опомниться, мы очутились в каком-то кабинете. Здесь стали знакомиться с каждым в отдельности. Рассказал о себе и я. Узнав, что я бежал из детского дома в Самаре, один из тех, кто нас привел, спросил:

— Хочешь обратно или в другой дом?

Этот вопрос был мне задан человеком, который по возрасту был старше других и, судя по всему, был главным. Я не стал долго раздумывать. Посмотрев прямо в лицо спрашивавшего меня человека, без обиняков, сразу ответил, что хочу поехать обратно в Самару. В душе я радовался, что ничего другого, то есть ничего похуже, очевидно, со мною не произойдет. Вся обстановка, беседа с нами в ЧК, взгляд этого человека, его приветливые глаза, его улыбка — все вселяло доверие.

— А учиться? — тихим голосом спросил наш собеседник и посмотрел в нашу сторону, как бы стараясь запомнить не только лицо, но и вид каждого. Я и другие молчали. И до того ли нам было.

Нас накормили, приодели. Хорошо помню свою обратную поездку в Самару: поездка была «официальной», и никто не мог обидеть беспризорника в дороге. В Самаре также голодали, и меня вывезли в санитарном поезде в Жиздру, что на Брянщине. В санитарном поезде потому, что тяжело заболел. В Жиздре, в детском доме, я стал учиться. Желание учиться настолько овладело мною, что для меня ничего не было более святого, чем эта учеба: за три года я одолел среднюю школу. В Жиздре в 15-летнем возрасте я взял винтовку и стал бойцом ЧОНа — части особого назначения.[111] Состоял в рядах комсомола. По путевке комсомола поехал учиться во 2-й МГУ, в Москву.

Моей стихией стала уаука. Я стал профессором, доктором наук, когда мне исполнилось 28 лет. Я был очень счастлив, узнав, что обо мне с похвалой отозвался Максим Горький. Вспоминаю об этом не для того, чтобы говорить о себе, а для того, чтобы

вспомнить о Ф. Э. Дзержинском, который дал мне правильное направление в жизни.

Да, это лично Феликс Эдмундович Дзержинский вместе со своими сотрудниками в заснеженной Москве зимой 1919 года вытащил нас из ночного убежища на Никольской улице. Об этом мне стало известно уже после того, как Дзержинского не стало. Рассказал мне об этом профессор В. Н. Чайванов, бывший чекист.

Я, естественно, поинтересовался, каким это образом В. Н. Чайванов спустя многие годы узнал обо мне. Оказалось, что в ВЧК велся своеобразный учет беспризорных, которым дал «путевку в жизнь» Ф. Э. Дзержинский и которые стремились оправдать его доверие. Среди них оказался и я. Со слов покойного чекиста профессора Чайванова, обо мне знали в семье Феликса Эдмундовича.

В 1936 году меня и нескольких других бывших беспризорников пригласил Михаил Иванович Калинин. Шло заседание Президиума ЦИК в связи с 15-летием со дня создания деткомпссии по оказанию помощи детям, возглавлявшейся в самом начале Ф. Э. Дзержинским. Кроме меня на заседании были бывшие беспризорники — смелый и отважный летчик Матвеев, слушатель 3-го курса Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева Мудрагей, работница-шляпница, передовой рабочий одного из предприятий — слесарь. Шла речь о многом благородном, сделанном деткомиссией за длительный период ее существования, и, конечно, о том, кто вкладывал всю свою отзывчивую душу в дело помощи детям республики, о Феликсе Дзержинском.

Рыцарь революции.

М., 1967, с. 191–194

А. С. МАКАРЕНКО
ПРЕКРАСНЫЙ ПАМЯТНИК

В январе 1928 года президиум ОГПУ Украины в письме всем украинским чекистам сообщал:

«Усилиями украинских чекистов, при поддержке советской общественности построен лучший памятник первому чекисту — организована детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского».

Памятник Ф. Э. Дзержинскому в Харькове действительно один из лучших. Коммуна не только хорошее учреждение, несущее на своем знамени имя Ф. Э. Дзержинского. Во всей своей деятельности, в каждом дне своей жизни, в сложном кружеве детского коллектива она отражает и оживляет образ Феликса Эдмундовича. Коммуна — живая композиция живых движений прекрасных новых людей. Именно поэтому коммуна прежде всего производит впечатление большой художественной силы, ее жизнь вылеплена с такой же экспрессией таланта, какую мы обычно встречаем и находим в произведениях искусства. И поэтому, говоря о коммуне, нельзя не говорить об ее авторах, о тех людях, которые изваяли этот замечательный памятник. Достаточно только один раз побывать в коммуне, только прикоснуться к жизни дзержинцев, чтобы сразу увидеть, сколько глубокой мысли, сколько внимания, любви и вкуса заложено в каждом кирпиче ее здания, в каждом луче пронизывающего ее солнца, в каждой линии цветника и в особенности в жизни тридцати коммунарских отрядов, в их быте, традициях, законах, в высоком человеческом стиле этого коллектива.

Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, так же прекрасна история коммунаров: в течение всех десяти лет коммуна не знала провалов, не знала разложения или упадка энергии, ни одного дня в ее истории не было такого, когда бы имя Ф. Э. Дзержинского звучало укором. И это случилось вовсе не потому, что в коммуну приходили какие-либо особые дети, здоровые и радостные. В коммуну приходили те, о которых Ф. Э. Дзержинский сказал: «Сколько их искалечено борьбой и нуждой!»

Великая и простая любовь Ф. Э. Дзержинского к детям выражена была им в таком коротком и выразительном слове: «Когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции не нам, а им».

Не призрение, не высокомерную подачку, не ханжеское

умиление перед человеческим несчастьем подарили чекисты этим искалеченным детям. Они дали им то, о чем с таким человеческим чувством говорил Феликс Эдмундович, — дали самое дорогое в нашей стране — плоды революции, плоды своей борьбы и своих страданий. А среди этих плодов не паркет, не цветы, не чудесные солнечные комнаты — главное. Главное — новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуну, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. Об этом хорошо знают коммунары, потому что и самый путь коммунара в коммуне обозначается знаменательным чертежом движения: вот ты пришел в коммуну — ты только воспитанник; ты уже пошел вперед — ты получаешь звание коммунара; наконец, ты ведешь других, ты борешься впереди, ты хорошо знаешь, за что борешься, — ты получаешь звание коммунара-дзержинца. Этот путь не такой уж легкий, ибо на легком пути создаются и легкие люди, а коммунары-дзержинцы справедливо утверждают: «Человека нужно не лепить, а ковать».

Этот путь нелегкий, не всегда неизменно радостный, бодрый путь победителя. Коммуна «железного Феликса» умеет воспитывать в своих прекрасных дворцах, окруженных цветами, не только улыбку друга, не только хорошее, теплое товарищеское слово, но и суровое слово большевика, железное требование и непоколебимую принципиальность. В ее жизни, как в зеркале, отражается личность Ф. Э. Дзержинского, личность великого гуманиста, скромного и доброго человека.

К сожалению, в нашем обществе мало знают о жизни коммуны и мало людей наблюдали те чудесные операции, которые с таким блеском и с таким спокойствием умеют совершать коммунары. Постановление партии и правительства от 1 июня 1935 года о полной ликвидации беспризорности застало коммуну в составе 500 коммунаров. В течение нескольких месяцев к ним пришли новые пятьсот, пришли с улицы, из зала суда, из неудачных, деморализованных семей. И в настоящее время только очень опытный глаз способен отличить, где старые, испытанные дзержинцы, а где новые, только что налаженные воспитанники. В коммуне давно не существует института воспитателей, и, принимая новых пятьсот, ни один коммунар не предложил в панике: давайте все-таки пригласим воспитателей.

Проделывая эту совершенно невероятной трудности операцию, коммунары не просили помощи, но и закончив ее, они не возгордились, не кричали о своих успехах, они, кажется, даже

и не заметили успеха, потому что у них много забот и много новых дел и новых стремлений. Среди этих стремлений лицо коммунара-хозяина особенно прелестно.

Ф. Э. Дзержинский оставил коммунарам и второй большевистский завет — строительство. И поэтому, выковывая для советского общества сотни новых большевиков, коммунары делают это как будто между делом, а дело у них серьезное, одно из славных дел нашего времени. Кто теперь не знает ФЭД — советской «лейки»? Кто не мечтает иметь в своих руках эту прекрасную вещь, и ФЭД, пожалуй, даже более известен, чем коммуна Ф. Э. Дзержинского. История ФЭДа — сама по себе чудеснейшая история, это история борьбы, страстного стремления к победе и страстного неутомимого терпения. Эта машинка оказалась гораздо более трудной, чем казалось вначале, а дзержинцам пришлось освоить ее без заграничной помощи.

Выполняя многомиллионные промфинпланы, с гневом вгрызаясь в каждое производственное препятствие, с огромным чувством и размахом подхватив стахановское движение, они способны были всегда поставить «Тартюфа» на своей сцене, не пропустить ни одной премьеры в харьковских театрах, танцевать, петь, сотнями считать значки ГТО и требовать от каждого коммунара, чтобы он был ворошиловским стрелком. И уже совсем как будто нечаянно из последнего класса коммунарской деятельности ежегодно выходят десятки культурных, образованных людей, а через год приезжают в коммуну в гости и рассказывают простыми словами о своем новом пути: инженера, врала, педагога, летчика, радиста, актера. И, пожалуй, никто из них не думает о том, что в своей жизни они выражают лучшие стремления нашего советского строя, они находят те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский.

Правда, 1936, 20 июля

ЛЮБЯЩИЙ ЖИЗНЬ И ЛЮДЕЙ

Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, какого он… может достигнуть.

Ф. Э. Дзержинский

Я. Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ
МОЙ ОТЕЦ, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

До 1918 года я знал отца лишь по фотокарточкам и по рассказам матери и партийных товарищей моих родителей. Правда, в 1912 году, в период подполья, ему удалось однажды увидеть меня, причем в целях конспирации он выдал себя за моего дядю. По мне тогда не было еще и года, и о самом этом факте я узнал лишь значительно позже от матери.

Вскоре после этого, в том же 1912 году, отец был арестован царскими опричниками и приговорен к каторге, где и пробыл до 1917 года.

Во время первой мировой войны я находился с матерью в Швейцарии, куда она вынуждена была эмигрировать после побега из Сибири. Несмотря на строгий режим царской каторги, дальность расстояния и трудности, порожденные войной, отец находил способы для поддержания связи с нами. Хоть и редко, но все же до нас доходили его письма, в которых он выражал свою любовь к семье, вселяя в нас бодрость, и неизменно высказывал уверенность в победе революции, в скором освобождении.

9 марта 1914 года он писал мне из мрачного X павильона Варшавской крепости: «Фелек здоров и вернется…»

В другом письме, от 24 мая (6 июня) 1916 года, отправленном из Московской губернской тюрьмы, были такие строки:

> «Милый мой Ясик! Я получил твои слова (от 11/IV), которые ты мне послал с Губель, с высокой горы. Они, как маленькие птички, летели ко мне и долетели. Они теперь со мной в камере моей, и мне весело, что мой Ясик помнит обо мне и что он здоров. Да, мой милый, когда я вернусь, мы пойдем и на еще более высокую гору, высоко, высоко, туда, где тучи ходят, где белая шапка снега покрывает верхушку горы, где орлы вьют свои гнезда. И оттуда будем смотреть вниз на озера и луга, деревни и города, зеленые рощи и бурые голые скалы, и вся жизнь будет перед нашими глазами. Я буду рассказывать тебе о своей жизни, где я был и что видел, как радовался и огорчался…
>
> Цветочки, которые ты собрал для меня и прислал, тоже у меня в камере. Я смотрю на них и на карточку твою думаю о тебе. Мы будем вместе любоваться живыми цветами на лугах — белыми и красными, желтыми и

голубыми, всеми и будем смотреть, как пчелы на них садятся и ароматный сок их собирают. И будем слушать всю музыку — и пчел, и цветов, и деревьев, и птичек, и звон колокольчиков, а потом дома будем слушать, как мамуся играет; а мы будем тогда тихо сидеть и молчать, чтобы не помешать, — только слушать».[112]

Особенно характерно письмо к моей матери от 18 (31) декабря 1916 года, в котором отец за три месяца до Февральской революции с исключительной силой подчеркивал свою уверенность в близком освобождении. Он писал в этом письме:

«Милая Зося моя!

Вот уже пришел последний день и 16-го года, и хотя не видно еще конца войны — однако мы все ближе и ближе ко дню встречи и ко дню радости. Я так уверен в этом… Что даст нам 17-й год, мы не знаем, но знаем, что душевные силы наши сохранятся, а ведь это самое важное. Мне тяжело, что я должен один пережить это время, что нет со мной Ясика, что не внжу его развивающейся жизни, складывающегося характера. Мыслью я с вами, я так уверен, что вернусь, — и тоска моя не дает мне боли…»[113]

Письмо это оказалось в своем роде пророческим. Дзержинский вскоре действительно вернулся к активной политической жизни. Освобожденный Февральской революцией, он целиком отдался партийной работе. На VI съезде партии он избирается членом ЦК. В октябре 1917 года он является членом Военно-революционного центра по подготовке восстания и под непосредственным руководством В. И. Ленина участвует в проведении Великой Октябрьской революции.

В декабре 1917 года по инициативе Ленина Дзержинский назначается председателем ВЧК. Всю свою революционную страсть и неукротимую энергию он вкладывает в борьбу с контрреволюцией, беспощадно пресекая все происки внешних и внутренних врагов молодой Республики Советов…

Наконец наступил памятный для меня октябрь 1918 года, когда я впервые увидел отца. Мне было тогда семь лет. Мать работала в то время в советской миссии в Швейцарии. Получив кратковременный отпуск, инкогнито, со сбритой для конспирации бородой отец приезжает к нам в Берн, и мы вместе отправляемся на несколько дней в Южную Швейцарию, на живописное озеро Лугано.

Однажды, совершая прогулку по Лугано, отец встретился чуть

ли не лицом к лицу с одним крупным иностранным агентом, который за несколько месяцев до этого был арестован ВЧК и которого он лично допрашивал. Агент этот был освобожден ввиду его дипломатической неприкосновенности или в порядке обмена,[114] а затем по случайному стечению обстоятельств также оказался в Лугано. Отец сразу же узнал его, а тот, к счастью, так и не признал в отце грозного председателя ВЧК.

Недолго пришлось Дзержинскому отдыхать с нами в Лугано. Но я, как сегодня, помню эти счастливые дни, наши совместные прогулки по парку вдоль озера, где мы снялись с отцом, подъем на фуникулере на гору Сан-Сальваторе, с которой открывался чудесный вид на горную альпийскую цепь и на окрестности Лугано, наши экскурсии на пароходе по озеру.

Эта неделя, промелькнувшая наподобие чудесного сна, запомнилась мне гораздо ярче, чем все четыре года пребывания в Швейцарии. Отец, которого я знал до этого лишь по рассказам близких, стал теперь для меня еще более дорогим, я непосредственно ощутил все его чувства ко мне, о которых он часто писал в письмах из тюрьмы, и еще более горячо полюбил его.

Интересы революции требовали присутствия Дзержинского в осажденной врагами Советской России, и на следующий день после нашего возвращения в Берн он выехал обратно на родину.

Лишь в феврале 1919 года, приехав с матерью в Москву, я снова увиделся с отцом. Незадолго до этого он как раз вернулся с Восточного фронта, куда был послан вместе со Сталиным для расследования причин сдачи Перми.

Отец встречал нас на вокзале и привез к себе домой. До нашего приезда он обычно проводил круглые сутки в ВЧК, ночуя в своем кабинете. Лишь в связи с нашим прибытием он переселился в свою комнату в Кремле.

Настали счастливые, но такие недолгие годы, когда мы жили вместе — всего семь с половиной лет, до дня его столь преждевременной смерти. Но и в эти годы не так-то уж часто мне приходилось видеть отца: все свое время, дни и ночи, почти без сна и отдыха, он отдавал работе.

Превыше всего он ставил интересы партии, интересы дела, а свои личные потребности подчинял им всегда и во всем. Именно эта глубочайшая партийность, внутренняя потребность отдавать всего себя революционному делу, полное слияние личных интересов с интересами партии — вот что являлось главной чертой характера Дзержинского.

Еще в 1901 году отец писал своей сестре Альдоне из Содлецкой тюрьмы: «Я не умею наполовину ненавидеть или

наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего…» И он отдал всего себя делу социалистической революции.

В другом письме, 27 мая 1918 года, он писал: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская…» Обстановка условия работы менялись: подполье, ВЧК, НКПС, ВСНХ, — а Дзержинский оставался все тем же непоколебимым солдатом революции, отдававшим всего себя великому делу пролетарской революции. Таким он и запомнился мне на всю жизнь.

Видеть отца, повторяю, мне приходилось мало. Часто, особенно в 1920–1922 годах, он выезжал из Москвы в длительные командировки.

В феврале 1922 года, будучи послан партией в Сибирь на восстановление железнодорожного транспорта, что имело тогда решающее значение для поставки сибирского хлеба в рабочие центры, отец писал мне: «Я чувствую себя хорошо — работы у меня много. Живу в вагоне… Не знаю еще, как скоро вернусь в Москву, не могу вернуться, пока не закончу работу, которую мне поручили сделать…» И в этом же письме он прислал мне вырезку из местной газеты с остроумным фельетоном, остро бичующим недостатки советского аппарата.

Но и во время пребывания отца в Москве я видел его лишь урывками. Вставал он часов около девяти, а я в это время уходил в школу, возвращался же он поздно ночью. Зимой отец и по воскресеньям почти не отдыхал, лишь несколько раньше обычного возвращался домой. Даже когда ему случалось заболеть, то и тогда он не прекращал работать, просматривал многочисленные деловые документы.

Только в летние месяцы я видел отца чаще. По воскресеньям он ездил за город, но и там большую часть дня работал. Однако по вечерам нам удавалось выходить с ним на прогулку. Несколько раз мы гуляли с ним по Москве.

Как-то весной 1919 года, в один из воскресных дней, мы все трое — отец, мать и я отправились из Кремля на прогулку в город.

На Троицком мосту мы встретили Ленина. Отец начал его журить за то, что Владимир Ильич, лишь недавно оправившийся после ранения, вышел из Кремля без всякой охраны. В ответ на это Ленин в свою очередь стал в шутливой форме упрекать отца: «А почему вы сами выходите в город без охраны?»

Отец отнюдь не был аскетом, каким его кое-кто считал. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, во всем ее богатстве, умел

пошутить, посмеяться. Отец страстно любил природу, особенно лес, напоминавший ему детство, которое он провел среди лесов в Дзержинове. На прогулках он водил нас обычно не по проторенным дорогам, а напрямик, сквозь лесную чащу, по оврагам, по нехоженым местам.

Осенью 1919 года, во время кратковременного отдыха в Любанове, близ Москвы, да и позже, отец часто ходил на охоту; он был прекрасным стрелком. Как-то подстреленный им ястреб запутался в верхушке высокой ели; отец полез за ним на дерево и радовался, как ребенок, когда ему удалось его достать. С огромным наслаждением отец катался на лодке по живописной реке и занимался греблей. Во время одной из таких прогулок он рассказал, как однажды бежал на утлой лодчонке из сибирской ссылки и чуть было не утонул.

Отец очень любил животных. Часто он вспоминал, что когда-то, будучи в вятской ссылке, приручил медвежонка настолько, что тот ходил за ним по пятам, как верный пес. Мне как-то удалось приручить трех бельчат, и, когда они выросли, отец любил кормить их и играть с ними.

Три раза я был с отцом в Крыму. Отец весь предавался отдыху, наслаждаясь морем, купаясь, катаясь на лодке и совершая большие прогулки. Особенно он любил бурю, когда море бушевало, а он подолгу сидел где-нибудь на берегу, бросая камни в воду и любуясь разъяренной и грозной стихией.

В то же время каждый свой отпуск отец использовал для деловых встреч и для ознакомления с работой подведомственных ему организаций на местах. На обратном пути в Москву он обычно останавливался по делам службы в Донбассе, Харькове и других городах.

Отец глубоко понимал и любил искусство, музыку, но, всегда загруженный работой, он лишь изредка имел возможность посетить театр или концерт.

Широко известна любовь Дзержинского к детям. Еще в 1902 году он писал сестре Альдоне: «Не знаю, почему я люблю детей так, как никого другого… Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю, и я думаю, что *собственных* детей я не мог бы любить больше, чем несобственных… Часто-часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я…»[115]

В своих письмах из тюрьмы к сестре Альдоне и к моей матери отец постоянно возвращался к вопросу о детях, об их воспитании, давал советы, проявляя глубокое понимание вопросов педагогики и воспитания. Как известно, в 1921 году он возглавил деткомиссию ВЦИК, используя аппарат ВЧК для борьбы с детской беспризорностью. У нас сохранилось немало писем, фотографий

и альбомов от воспитанников детских домов и трудовых коммун ОГПУ с выражением их глубокой признательности и любви к Дзержинскому.

Как воспитатель отец был ко мне строг и требователен, но одновременно чуток и отзывчив. Он прививал прежде всего преданность Родине, смелость, трудолюбие, скромность и честность. Он не любил делать наставлепия, а воспитывал живым показом, личным примером. Больше всего он ненавидел ложь и мещанское сюсюканье, сентиментальничанье, не имеющее ничего общего с подлинным большим чувством.

Отец систематически следил за моими успехами в школе и в свободную минуту помогал мне, особенно по математике. Я всегда удивлялся его блестящей памяти, тому, как хорошо он помнил сложные алгебраические формулы, которые изучал еще в школьные годы. Отец горячо интересовался моим пребыванием в пионерском лагере, расспрашивал о жизни отряда, о моих товарищах и т. д. Особенно настойчиво он стремился привить мне трудовые навыки, дисциплину и любовь к учебе.

Дзержинский неоднократно говорил моей матери: «Мы, коммунисты, должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы не дорвавшаяся к власти ради личных интересов каста, не новая аристократия, а слуги народа». И здесь, как всегда и во всем, слова Дзержинского не расходились с делом. Требовательный к другим, но еще более требовательный к себе, умевший смело преодолевать все трудности и ломать любые препятствия в борьбе за построение социализма, он в личной жизни был чрезвычайно скромен, ненавидел всякую роскошь, излишества, постоянно помня о тяжелых условиях, в каких жили трудящиеся в годы гражданской войны и восстановительного периода. Он органически не выносил даже малейших признаков лести и подхалимства, с чьей бы стороны они ни исходили.

Его скромность проявлялась на каждом шагу, в каждом поступке. Отец сам стелил свою кровать и чистил обувь, не позволяя этого делать другим. Он не разрешал матери покупать ему новые вещи, если они не были абсолютно необходимы. Вообще он не терпел, чтобы за ним ухаживали, и старался все делать сам.

Дзержинский никогда не чурался никакой, даже весьма незначительной с виду работы. Например, будучи председателем ВСНХ, он не раз лично занимался цифровыми выкладками, проверяя статистические таблицы к своим докладам. Он всегда подчеркивал, что каждый советский человек, добросовестно выполняя порученную ему работу, тем самым вносит свой вклад в строительство величественного здания коммунизма, и в этом

духе воспитывал других. Отец всегда был тесно связан с массами, с рабочим классом. Его собственная революционная деятельность началась с того, что он ушел из гимназии, чтобы, как он писал, «быть ближе к массе и самому с ней учиться». В теснейшей связи с массами он черпал свою уверенность в победе революции, не покидавшую его и в наиболее трудные моменты жизни.

Его ненависть к врагам, беспощадность в борьбе с ними диктовались глубочайшей любовью к народу, к простым людям, о чем он постоянно упоминал еще в своих письмах из тюрьмы. Это была не абстрактная, а действенная любовь, вдохновлявшая его и помогавшая ему на всех этапах его кипучей жизни. Эта любовь находила свое выражение и в величайшей чуткости к людям, заботливости к подчиненным.

Я постоянно видел проявления этой чуткости, человечности. В обращении он был прост, свои мысли высказывал прямо, без обиняков, и если в пылу спора ему случалось кого-либо обидеть, то, несмотря на занимаемый им высокий пост, он никогда не считал для себя зазорным извиниться или каким-нибудь иным образом смягчить невольную обиду. Вместе с тем он всегда строго требовал точного выполнения всех своих распоряжений, причем в первую очередь адресовал это свое постоянное требование ответственным работникам.

Преданность партии, высокая требовательность, принципиальность, самоотверженность, неутомимость — все эти замечательные качества Дзержинского снискали ему как верному соратнику Ленина самую искреннюю любовь широких масс трудящихся в нашей стране. Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что совершенно незнакомые люди, узнав о том, что я сын Дзержинского, проявляли горячее желание узнать побольше о его жизни и выражали свою скорбь по поводу того, что его нет больше с нами. В такие минуты я особенно отчетливо чувствую, что память о Дзержинском продолжает жить в нашем народе, а образ его зовет миллионы людей на боевые и трудовые подвиги.

Пограничник, 1946, М 14, с. 27–32

Л. Л. ФОТИЕВА
СИМВОЛ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Об огромной и самоотверженной партийной и государственной деятельности Феликса Эдмундовича Дзержинского скажут другие лучше и полнее, чем могу сделать это я. Мне же хочется рассказать лишь о некоторых небольших эпизодах, связанных с ним, сохранившихся в моей памяти.

Думается, что, когда речь идет о человеке масштаба Дзержинского, даже отдельные штрихи из его жизни, как бы скромны они ни были, представляют интерес, ибо дополняют или подчеркивают ту или иную особенность характера этого незабываемого человека.

Дзержинский был одним из наиболее ярких представителей старых кадров профессиональных революционеров, большевиков-подпольщиков, а в годы Советской власти — одним из крупнейших государственных деятелей на различных ответственных постах в Советском государстве.

Мне больше всего вспоминается Феликс Эдмундович как организатор и руководитель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Для тех, кто лично знал Дзержинского, навсегда останется в памяти его обаятельный образ страстного борца за народное дело, человека высокой духовной культуры, кристально честного и справедливого, горячо любящего жизнь, но готового в любую минуту пожертвовать ею во имя дела.

Исключительно напряженной и ответственной была деятельность ВЧК и ее руководителя Ф. Э. Дзержинского в первые годы революции.

В злобной ненависти к Советской власти внешняя и внутренняя контрреволюция организовывала заговоры и террористические акты против вождей революции. Требовались особая, немеркнущая бдительность и самоотверженный труд работников ВЧК, чтобы вовремя обнаружить и ликвидировать козни врагов.

Помню, в июле 1918 года, в дни левоэсеровского вос-стапия, мятежники арестовали Дзержинского и около суток продержали в своем штабе в качестве заложника.

Как только Дзержинский освободился, он пришел к Владимиру Ильичу в Совнарком. Владимира Ильича почему-то не было в это время в Совнаркоме, и вместо него Дзержинского встретил Я. М. Свердлов.

Больше всего презиравший неискренность и вероломство в людях, Феликс Эдмундович был потрясен подлым предательством левых эсеров, среди которых было немало сотрудников ВЧК, и подавлен тем, что попал к ним в руки.

Прохаживаясь по залу заседаний, он очень возбужденно рассказывал об этом Свердлову.

— Почему они меня не расстреляли? — вдруг воскликнул он. — Жалко, что не расстреляли, это было бы полезно для революции.

Яков Михайлович, горячо любивший Дзержинского, с большой нежностью обнял его за плечи и сказал:

— Нет, дорогой Феликс, хорошо, очень хорошо, что они тебя не расстреляли. Ты еще немало поработаешь на пользу революции.

Я в то время еще мало знала Феликса Эдмундовича. Слова, сказанные им с такой непосредственностью и искренностью, поразили меня и запомнились на всю жизнь. «Вот это настоящий человек! — подумала я. — Человек с большой буквы».

В связи с активными выступлениями контрреволюции в 1918 году среди некоторых работников создалась особая, часто излишняя настороженность ко всему, что могло хотя бы отдаленно быть связанным с контрреволюцией, и это сказывалось на настроении обывателей, которым всюду мерещились страхи и ужасы. Но даже для них имя Дзержинского было символом справедливости.

Вероятно, в будущем историки расскажут нам более обстоятельно о беспримерной героической работе чекистов Дзержинского, о том, сколько было своевременно раскрыто заговоров против вождей революции, сколько преступлений против Советской власти предупреждено.

Несомненно, многие из героических дел ВЧК все еще остаются достоянием архивов, и лица, подвергавшиеся смертельной опасности и спасенные органами ВЧК, часто даже не знали об этом.

Умел Феликс Эдмундович беречь душевное спокойствие товарищей и без необходимости не беспокоить их. Скромность, отсутствие похвальбы и паники, выдержка, мужество и бесстрашие в борьбе с врагами — стиль работы Дзержинского.

Этому учил он свои кадры.

Однажды, просматривая секретную почту Совнаркома, я прочла сообщение о готовящемся покушении на жизнь В. И. Ленина. Первым моим движением было броситься в кабинет Владимира Ильича и сказать ему об этом.

— Позвоните Дзержинскому, — спокойно сказал мне

Владимир Ильич.

Каково же было мое удивление и смущение, когда я услышала ответ Дзержинского:

— Да, мы знаем об этом. Не говорите Владимиру Ильичу, — подчеркнул он.

Вскоре меня вызвал Владимир Ильич и спросил, что сказал Дзержинский. Мне пришлось передать Владимиру Ильичу ответ Феликса Эдмундовича. Надо было видеть, как хохотал Владимир Ильич, откидываясь на спинку кресла и лукаво поглядывая на меня, подавленную своим промахом.

Так Феликс Эдмундович Дзержинский преподал мне урок спокойствия, выдержки и самообладания в критическую минуту.

Вспоминается еще один эпизод. Заседания Совнаркома под председательством В. И. Ленина начинались обычно с просмотра повестки и определения очередности слушания вопросов, причем некоторые вопросы снимались или переносились на следующие заседания. Народные комиссары часто пытались включить в повестку вопреки установленному порядку не подготовленные к слушанию вопросгл, мотивируя срочностью. Владимир Ильич настойчиво боролся с такой практикой. На одном из заседаний Совнаркома Ф. Э. Дзержинский попросил включить один срочный вопрос в повестку очередного заседания.

— А материалы есть? — спросил Владимир Ильич.

Феликс Эдмундович ответил утвердительно. Тогда Владимир Ильич спросил меня, есть ли материалы. Я ответила, что нет. На это Феликс Эдмундович со свойственной ему горячностью заявил, что его секретариат выслал вовремя материалы, а секретариат Совнаркома их затерял. Все же Владимир Ильич не включил этот вопрос в повестку. Когда я через несколько минут навела справку в секретариате Дзержинского, то выяснилось, что материал только что высылается.

Несправедливые обвинения со стороны наркомов, всеми правдами и неправдами добивавшихся срочного рассмотрения того или другого хотя бы и неподготовленного вопроса, были настолько обычны, что я нисколько не обиделась на резкое замечание Феликса Эдмундовича. Однако решила написать ему записку с объяснением, в которой прибавила в шутливом тоне: «Оказывается, Ваш секретариат виноват, зачем же Вы меня позорите публично?!» Но Феликс Эдмундович принял это всерьез. Он прервал заседание и заявил вслух:

— Я должен извиниться перед Лидией Александровной. Секретариат Совнаркома не терял бумаг, виноват наш секретариат.

Этот маленький эпизод прибавляет лишнюю черту для

характеристики щепетильной правдивости Феликса Эдмундовича Дзержинского.

С большим уважением и сердечной симпатией относился к Дзержинскому Владимир Ильич Ленин. Он высоко ценил его за беспредельную преданность Коммунистической партии, за кристальную чистоту души и за талант государственного деятеля.

Воспоминания о Дзержинском.

М., 1962, с. 17–20

Я. М. ГЕНКИН
СКРОМНЕЙШИЙ ИЗ СКРОМНЫХ

Все 20-е годы я работал в центральном аппарате ВЧК-ОГПУ. По характеру работы мне не приходилось иметь дело непосредственно с Ф. 3. Дзержинским, за исключением одного случая. Но видеть и встречаться с ним случалось довольно часто.

На службу Феликс Эдмундович приходил… к девяти часам утра. Не раз можно было наблюдать, как председатель ВЧК проходил по Лубянской площади… своей размеренной походкой. А фигура его заметно выделялась среди других пешеходов: высокого роста, летом — в поношенной, но всегда чистой и хорошо подогнанной военной гимнастерке, в брюках, заправленных в сапоги, и фуражке; зимой — в длинной армейской шинели и шапке-ушанке. На его одежде никогда не было каких-либо отличительных знаков.

В здание ВЧК на улице Большая Лубянка (теперь улица Дзержинского), 2, входил вместе с другими сотрудниками через 1-й (парадный) подъезд, что со стороны площади. Если он входил в лифт первым, то ждал, пока лифт не заполнится другими желающими ехать. Иногда в лифте становилось так тесно, что все стояли впритирку друг к другу.

Скромность этого необыкновенного человека поражала мое воображение.

Припоминается такой случай. Вместе с сотрудниками в лифт вошла пожилая женщина. Она спросила:

— На каком этаже находится товарищ Дзержинский?

— На третьем, — ответил присутствовавший здесь Феликс Эдмундович.

Когда лифт остановился, он обратился к женщине:

— Выходите, я вас провожу к Дзержинскому.

Оп пропустил посетительницу вперед и вышел за ней.

Все мы, находившиеся в лифте, улыбнулись и подумали про себя: «Чудесный человек наш руководитель».

Однажды мне было поручено доложить Дзержинскому одно следственное дело. С бьющимся от волнения сердцем входил я в его кабинет. Ведь мне впервые глаз на глаз предстояло быть с человеком, о котором ходили легенды.

Феликс Эдмундович в кабинете находился один. Я поздоровался и представился. Он ответил на приветствие и предложил мне сесть на стул против него. Закончив писать какой-то документ, попросил доложить интересовавшее его дело.

Простая и спокойная обстановка успокоила меня, и я подробно изложил содержание дела. Председатель слушал меня внимательно. Потом попросил дать ему дело. Он пеелистал его и прочел некоторые протоколы допроса. Возвращая дело, он сказал:

— Хорошо. Продолжайте следствие.

Публикуется впервые

В. В. СОКОЛОВ
НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

В начале 20-х годов меня и еще несколько молодых рабочих-комсомольцев призвали на работу в центральный аппарат ВЧК. О содержании работы «чрезвычайки» мы, рабочие, знали, так как не раз привлекались в помощь чекистам для производства обысков в домах буржуазии, участия в облавах на бандитов и спекулянтов. Знали мы и о Ф. Э. Дзержинском как о закаленном и бесстрашном революционере, прошедшем царские тюрьмы и каторгу, а теперь защищающем революцию от контрреволюции. Но одно дело знать об этом грозном учреждении со стороны, наблюдать, как в его огромном красивом здании на Лубянке, 2, во всех окнах за полночь горит свет. Другое дело — находиться и работать там. Было, естественно, боязно и заманчиво. Уж очень хотелось видеть «грозу буржуазии» и громить контрреволюцию под его руководством. Да и доверие рабочего коллектива, пославшего нас на работу в ЧК, нельзя было не оправдать.

Переступив порог здания ВЧК, мы вскоре убедились, что ничего страшного там нет. Нас встретили и окружили вниманием сотрудники, в прошлом тоже рабочие или красноармейцы, старые подпольщики или командиры Красной Армии. Кругом чувствовались порядок, организованность и дисциплина. Каждый был занят работой на своем участке. Жизнь била ключом.

По характеру работы мне не приходилось иметь дело лично с Ф. Э. Дзержинским, хотя встречаться с ним случалось не раз. Его можно было видеть прохаживающимся по тротуару у здания ВЧК в ожидании автомобиля, поднимающимся вместе с другими в лифте, шагающим по коридорам.

На всю жизнь запомнился обаятельный образ первого руководителя ВЧК: высокий, стройный, резкий профиль лица с бородкой, в полувоенной форме. Даже по его внешнему виду чувствовалось, что это настоящий рыцарь революции, «гроза буржуазии». Работать под его руководством, в одном с ним здании каждый из нас считал большим счастьем.

Направляющая рука председателя ВЧК, а затем ОГПУ проявлялась всюду и во всем. Написанные им документы изучались нами досконально. Оперативные совещания проходили под девизом выполнения указаний и распоряжений «отца». На комсомольских и партийных собраниях выступающие часто ссылались на Дзержинского. А когда возникал спор по какому-либо вопросу чекистской работы, то непререкаемым авторитетом

были высказывания об этом Феликса Эдмундовича…

Дзержинский требовал, чтобы во всем и всюду соблюдались порядок, чистота, дисциплина, и это требование исполнялось неукоснительно.

«Отец» презирал ложь, лицемерие, подхалимство, и, если кто «болел» этими «недугами», он должен был решительно исправиться, иначе он не подходил для работы в ВЧК. Отношения между начальниками и подчиненными строились исключительно на деловой, демократической и товарищеской основе.

Все мы знали, как самозабвенно работает Феликс Эдмундович, как справедливо, просто и внимательно он относится к подчиненным, и старались поступать так же, быть такими же, как и он… Феликс Эдмундович умел и пошутить с сотрудниками, сделать уместное замечание в тактичной форме.

В транспортном отделе ВЧК работал инспектором мой хороший друг Саша Лапшин, простой парень из рабочих, но любитель пофорсить.

Работники транспортных ЧК носили тогда довольно яркую форму: черная фуражка с малиновым верхом, гимнастерка защитного цвета с широкими красными стрелами на груди и с малиновыми петлицами со знаками различия, черные галифе с малиновым кантом и сапоги со шпорами. Знаки различия в сравнении с общевойсковыми были довольно высокими. У Лапшина эта форма всегда была тщательно подогнанной, отутюженной и выглядела новой, сапоги и шпоры — вычищенными до блеска, фуражка — набекрень.

Как-то Лапшин рассказал мне о своей неожиданной встрече с Дзержинским.

— Понимаешь, Вася, спешу я на службу. Вхожу в подъезд, что с Лубянской площади, и вижу, как лифтер уже закрывает дверь лифта, чтобы подняться вверх. Я кричу ему: «Эй, постой!»

Он открыл дверцу, и я, шагая через две ступеньки входной лесенки, пулей влетаю в лифт. Смотрю, а там стоит Феликс Эдмундович. Я было обратно из лифта. А он говорит мне:

— Куда же вы, товарищ? Вас подождали, а вы ехать не хотите?

Пришлось остаться. Я смутился, но поздоровался. Едем. Дзержинский смотрит на меня и улыбается и тут же спрашивает, показывая на мои знаки различия:

— Скажите, что это у вас за знаки различия?

— Командир полка, Феликс Эдмундович.

— А какую должность вы занимаете?

— Инспектор транспортного отдела.

— Каким же полком вы командуете?

Я смущенно промолчал.

— Ну а шпоры зачем, пришпоривать паровозы?

Я покраснел еще более, растерялся. Хорошо, что лифт остановился — третий этаж, и Феликс Эдмундович вышел из кабины, а мне ехать на пятый этаж. Но он, придерживая дверь, спросил меня:

— Как вы крикнули лифтеру, чтобы он подождал вас?

— «Эй, подожди!» — еле слышно и совсем растерявшись ответил я.

— Это правильно?

— Нет.

— А как надо было сказать?

— «Подождите, пожалуйста!»

— Вот видите, форма еще более обязывает нас быть вежливыми и культурными, — прикрывая дверь, по-отечески заметил Дзержинский.

— Знаешь, друг, — заключил Саша, — эта встреча с «отцом» на всю жизнь останется в моей памяти. Хороший урок преподал он мне.

Публикуется впервые

А. Х. АРТУЗОВ
СЛОВО ДРУГА О «ЖЕЛЕЗНОМ ФЕЛИКСЕ»

Те, кто долго был знаком с Феликсом Эдмундовичем, вспоминают его почти всегда работающим, дающим свои ясные указания работникам ВЧК, поглощающим груды материалов, подсчитывающим ряды цифр, горячо и нервно выступающим на собрании ячейки, когда над нами нависла угроза троцкистов расколоть партию.

Дзержинский так горел на работе, что, казалось, невозможно его представить себе на отдыхе, в быту, в семье, в компании друзей. В его кабинете за ширмой стояла кровать, где он обычно спал, редко уходя из ВЧК к семье в Кремль.

Горячая активность исходила от этого замечательного человека, передаваясь непосредственно (или посредством его маленьких записочек-приказаний) его помощникам-ученикам. В этих записочках кроме общей задачи, которую ставил Дзержинский, обычно заключался и способ разрешения задачи, причем способ наилучший, простой, ясный и стремительный.

Многие думают, что товарищ Дзержинский был всегда серьезен, молчалив и не любил смеяться. Это совсем неверно. Никто так весело не смеялся, как он, когда кому-нибудь из нас остроумным способом удавалось обмануть зазевавшегося врага или поймать его в ловушку.

Помню, как искренне смеялся Феликс Эдмундович над каждым эпизодом, который случался в наших «интригах» против парижских монархистов во главе с умершим теперь «гениальным» великокняжеским полководцем Николаем Николаевичем Романовым.

Действительно, трудно было удержаться от смеха при чтении инструкций для подпольной работы против нас, которые давал этот великокняжеский конспиратор…

Но особенно мне хочется рассказать о Дзержинском, отдыхающем в редкие минуты, когда он позволял себе передохнуть от своей колоссальной работы.

Это было в пятую годовщину ВЧК, когда группа товарищей, друзей Феликса Эдмундовича, устроила вечеринку в честь нашего юбилея. Дзержинский был весел, товарищи вспоминали разные эпизоды из первых шагов чекистской борьбы, все были в хорошем, шутливом настроении. Между прочим, было предложено каждому рассказать какой-нибудь эпизод из своей жизни либо произнести речь на какую-либо тему. Кому-то, кажется товарищу Аванесову,

пришла коварная мысль предложить Дзержинскому произнести речь на тему, для него особенно неожиданную, — о любви к женщине. Одно мгновение Феликс Эдмундович, сконфузившись, пытался уклониться от такой необычной темы, да и мы все никак не представляли его декламирующим (он вообще очень редко и неохотно выступал) в лирическом стиле. Но колебание его было недолгим. Он встал и произнес совершенно исключительную по теплоте, искренности и жизнерадостности речь о женщине-товарище, которая в революционной борьбе идет в ногу с нами, мужчинами, которая зажигает нас на великое дело борьбы, которая одобряет и воодушевляет нас в минуты усталости и поражений, которая навещает нас в тюрьме и носит передачи, столь дорогие для узника, когда нас арестуют, которая улыбается на суде, чтобы поддержать нас в момент судебной расправы над нами, и которая бросает нам цветы, когда нас ведут на эшафот.

Я никогда не слыхал у гораздо лучших ораторов и профессионалов артистов более проникновенных, более сильных слов, чем те, которые сказал на эту затасканную буржуазной культурой тему этот необыкновенный революционер.

Огонек, 1967, № 37, с. 5

Г. И. СЕРЕБРЯКОВА
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

Я видела Феликса Эдмундовича несколько раз. Помню, как в неуютной большой комнате с пыльными портьерами одной из меблированных квартир 2-го Дома Советов, нынешней гостиницы «Метрополь», за чайным столом он читал на польском языке стихи. Мицкевич и Словацкий никогда не звучали для меня столь музыкально и значительно, как в его устах. У Дзержинского был несильный, но глубокий голос. Он пылко любил поэзию и знал ее. Феликс Эдмундович и сам писал стихи, но, как его ни просили в тот вечер, он не согласился их прочесть и отделался иронической самокритикой. Тогда же моя мать, некогда окончившая Варшавскую консерваторию, играла шопеновские прелюды и «Балладу». И по тому, как слушал и говорил о Шопене Дзержинский, я поняла, как тонко и глубоко судит о музыке этот замкнутый, скорее, молчаливый и суровый с виду, но по сути очень впечатлительный и чуткий человек.

За ужином, типичным для той поры в доме партийных работников и состоявшим из пшенных лепешек, простокваши и черного хлеба, велись интересные разговоры. Коснулись молодой тогда ВЧК.

— Чекист, — сказал Дзержинский, — это три слова, начинающиеся на букву «ч», — честность, чуткость, чистоплотность. Душевная, конечно, — добавил он, улыбаясь одними глазами.

Позднее, году в 1923-м, я встретила Феликса Эдмундовича на Курском вокзале. Он был тогда наркомом путей сообщения и провожал своего заместителя, уезжавшего с государственным поручением за границу. На сером перроне Дзержинский показался мне особенно высоким в своей неизменной, до пят, не новой шинели. Он был тогда худ и по-юношески строен и двигался удивительно легко и плавно. Его одухотворенное удлиненное лицо с тонким носом и бородкой клинышком приводило на память портреты средневековых знатных флорентийцев и польских королей из рода Ягелло. Этот несгибаемый, мужественный коммунистический боец, одетый, как солдат, обладал внешностью, которой мог бы позавидовать изысканнейший аристократ.

Перед отходом поезда не вяжется беседа и господствует гнетущее напряжение. Свисток паровоза и скрип тронувшегося состава принесли невольное облегчение. Как раз в эту минуту

прибежал на перрон и вскочил на подножку вагона какой-то человек и, передав пакет, тотчас же спрыгнул наземь. Дзержинский подозвал этого неожиданного нарушителя железнодорожных правил и узнал в нем своего секретаря.

— Простите, Феликс Эдмундович, — сказал тот смущенно, — если бы я не сделал этого, то пакет не попал бы по назначению.

— И однако, на ходу поезда запрещается вскакивать на подножку вагона. Я вынужден дать распоряжение, чтобы вас оштрафовали, — строго, но с улыбкой в глазах сказал Дзержинский. — А так как я косвенно тоже виноват, что подвел вас, отдав слишком поздно свое распоряжение, то штраф мы заплатим пополам.

В последний раз я встретилась с Дзержинским в Кисловодске. Мы собирались вместе совершить прогулку к Красным камням. Я едва узнала в отекшем, иссиня-бледном человеке в белой, подпоясанной старым ремнем косоворотке Феликса Эдмуидовича. Он был, видимо, уже очень болен, хотя и упорствовал, заявляя, что чувствует себя хорошо. Глаза его не улыбались, и он тщательно старался скрыть одышку, когда поднимался в гору. Несколько раз он нагибался и срывал цветы, и я заметила, как осторожно он переставляет ноги, обутые в тяжелые сапоги, чтобы не наступить на красивое растение или муравейник. Постепенно лицо его оживлялось. Он рассказывал о Литве, где родился, о природе, которую любил так же нежно и сильно, как поэзию, музыку, живопись.

Вспомнил он и о долгих годах, проведенных в заточенье.

— Главное для революционера — не сдаваться, не опускаться и сохранить живыми мысль и душу.

Он рассказал о том, как постоянно тренировал волю в одиночной камере и боролся с апатией, ослабляющей больше, нежели отчаяние, которое родит бунт и действие.

Слушая Дзержинского, я думала о его героической, самоотверженной жизни, отданной безраздельно революции, коммунизму. Аскетически скромный, мечтательный, любящий все прекрасное, он не щадил себя в борьбе и труде.

Мне припомнился рассказ врача, который лечил его в эти годы. Дзержинский страдал упорной тяжелейшей бессонницей — следствие жестокого переутомления. 13 течение нескольких месяцев он проводил на работе не только весь день, но и оставался ночевать в кабинете наркомата. Физически он чувствовал себя все хуже и хуже. Лекарства не приносили ему облегчения.

— Что бы вам, Феликс Эдмундович, съездить домой, — уговаривал его врач, — пообедать в своей семье, лечь в постель

вместо этого дивана.

Как-то, вконец усталый, Дзержинский последовал этому совету и признался затем, что действительно почувствовал себя заметно лучше. Но тщетно просили его друзья сократить часы работы и поберечь себя. Этот человек сгорел в чрезмерном труде, не дожив и до пятидесяти лет.

Серебрякова Г. О других и о себе.

М., 1971, с, 49–50

Е. К. САМСОНОВА
ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мой муж Тимофей Петрович Самсонов в течение восьми лет работал под руководством Ф. Э. Дзержинского вначале в ВЧК-ОГПУ, затем в ВСНХ. Он часто делился со мной своими впечатлениями о Феликсе Эдмундовиче, а после его смерти собирался написать о нем книгу. Тяжелая и продолжительная болезнь и преждевременная смерть Самсонова не дали ему возможность осуществить задуманное…

Мне лично также посчастливилось работать под руководством Дзержинского в ВЧК, НКПС и ВСНХ. Пользуясь случаем, не могу не поделиться своими воспоминаниями об этом замечательном человеке, крупном государственном деятеле… Он был поразительно честен и на редкость объективен.

В 1919–1923 годах я работала в секретном отделе ВЧК-ОГПУ, затем сотрудником для поручений. Нам, машинисткам, по очереди приходилось дежурить при президиуме ВЧК-ОГПУ, В 1919 году в одно из моих дежурств было много работы: всем требовалось срочно печатать материалы, а к концу смены — к 12 часам ночи — я сильно устала. За 15 минут до конца дежурства пришла моя сменщица. Обратив внимание на мой вид, она сказала:

— Ты, я вижу, сильно устала. Я сейчас получу паек (кусок селедки, конфетку и четверть фунта хлеба) и приступлю к работе, а ты бросай печатать, отдохни.

Я так и сделала, отошла от машинки, села в мягкое кресло и закрыла глаза. Чувствую, что ко мне направляется человек, и решаю, что печатать не буду,

— Вы дежурная машинистка? — спросил он,

— Да, — ответила я, не глядя на него.

— Мне нужно срочно отпечатать документ.

— Сейчас придет другая машинистка, она и напечатает, — бурчу я себе под нос. А он не уходит и продолжает:

— Я слыхал, что вы очень хорошая машинистка, и мне хотелось бы, чтобы вы напечатали, я бы вам продиктовал.

Тут я взглянула и увидела, что передо мной стоит Дзержинский. Сильно смутившись, быстро встала и подошла к машинке. Феликс Эдмундович продиктовал мне, сказал спасибо и ушел. Я очень растерялась и не извинилась за свое поведение.

В удрученном состоянии я ушла домой. На другой день рассказала о случившемся своим коллегам. Все сочувствовали

мне, а я ждала должного наказания. Проходили дни, а взыскание не объявлялось. Тогда я не могла понять, почему мой проступок был прощен председателем ЧК.

Позднее поняла. Феликс Эдмундович был сердечным, чутким и внимательным человеком. Он хорошо понимал, как нелегко приходится нам, молодым (мне тогда было девятнадцать лет). Еще не имея достаточной жизненной закалки, мы вместе с оперативными работниками несли тяжелую физическую нагрузку. Были нередки случаи, когда мы сутками не выходили из здания ВЧК.

Феликса Эдмундовича мы видели часто в оперативных отделах, встречали его в коридорах, на лестницах. Он всегда выглядел приветливым, аккуратным. Его доброе лицо и глаза как бы говорили: «Вижу, трудно приходится. Но что поделаешь! Этого требует обстановка».

Эти его мысли как-то незримо передавались нам, и мы с еще большей энергией принимались за дело, не обращая внимания на усталость и лишения.

Однажды после выполнения какой-то операции сотрудники отдела собрались в комнате, куда принесли ночной паек. Смотрим, среди нас появился Феликс Эдмундович. Мы пригласили его поужинать с нами и из большого жестяного чайника налили стакан чая, заваренного цикорием. Он охотно согласился. Мы уселись вокруг него, и ужин прошел весело и дружно.

В 1922 году решением Центрального Комитета партии Феликсу Эдмундовичу был предоставлен отпуск. Он отдыхал в Сухуми. И, находясь в отпуске, он продолжал заниматься служебными делами.

В это время Тимофей Петрович вернулся с Северного Кавказа, где он занимался подавлением бандитизма. Узнав о возвращении Самсонова в Москву, Дзержинский вызвал его к себе, в Сухуми. С мужем поехала и я.

К нашему поезду Дзержинский прислал свою машину. Как только въехали в ворота дачи, увидели самого Феликса Эдмундовича, идущего навстречу. Он приветливо поздоровался с нами за руку, и мы пошли, как помню, по садовой дорожке к домику. В саду стояли стол и плетеные кресла. Феликс Эдмундович предложил нам сесть. Он выглядел отдохнувшим, загорелым. С его лица не сходила улыбка.

После беседы нас пригласили обедать. За столом я оказалась рядом с Феликсом Эдмундовичем и чувствовала себя неловко.

Он заметил это и, обращаясь ко мне, сказал:

— А я вас узнал! Это вы не хотели мне печатать?

Я была изумлена его памятью и не нашлась что ответить.

После обеда пошли гулять по саду. Мы любовались горами, морем, богатой растительностью юга, В конце прогулки Феликс Эдмундович нарвал большой букет роз и подарил мне.

Вспоминается и такой случай. Один сотрудник нашего отдела спешил на выполнение срочного задания. На лестнице он встретился с Феликсом Эдмундовичем, который тпел к себе в кабинет. Обратив внимание, что товарищ идет на улицу в одном пиджаке, а время было осеннее, шел холодный дождь, Дзержинский остановил его и спросил:

— Вы что, идете на улицу в такой легкой одежде?

— Да, Феликс Эдмундович.

— А по какому делу?

— У меня срочное задание, а на работу пришел без пальто.

— Тогда идемте со мной.

Они пришли в секретариат. Там на вешалке висело несколько курток работников секретариата. Товарищу было предложено надеть одну из них и по возвращении с задания вернуть ее.

— Здоровье надо беречь, — заметил председатель ВЧК молодому чекисту. — Оно — достояние не только лично ваше, но и государственное.

Заслуживает внимания и такой факт. Одна сотрудница нашего отдела увлеклась работой, забыла получить днем хлебный паек и теперь переживала: чем кормить завтра детей. Окончив поздно работу, опечаленная, она шла мимо секретариата президиума ВЧК и встретила Дзержинского. Феликс Эдмундович остановил ее и спросил:

— Чем вы озабочены, товарищ?

— Ничего, извините меня, пожалуйста.

Феликс Эдмундович посмотрел на нее и продолжал:

— Вы должны сказать мне правду, что вас беспокоит?

Она рассказала ому всю правду.

Дзержинский зашел с ней в секретариат и спросил у своих секретарей Герсона и Беленького: «Не найдется ли у вас немного хлеба, а то товарищ забыла получить паек и ей нечем завтра кормить детей?» Те дали ей хлеба, и она довольная ушла домой.

Последний раз я видела и слышала Дзержинского в 1925 году на собрании партийного и хозяйственного актива ВСНХ СССР. Собрание проходило в клубе ВСНХ на площади Ногина. Собрание открыл секретарь парторганизации ВСИХ. В президиуме Дзержинского не было. Когда председательствующий объявил, что с докладом о режиме экономии выступит Ф. Э. Дзержинский, все обернулись в зал и увидели председателя ВСНХ, сидящего в задних рядах, в кругу сотрудников ВСНХ. Он не пошел на

трибуну, а остановился у первого ряда партера, Опершись рукой на стул, он начал свою речь.

Говорил Феликс Эдмундович без заранее подготовленного текста, чуть волнуясь. В зале стояла абсолютная тишина.

Выглядел Дзержинский утомленным. Ведь он и в мирное время выдерживал сверхчеловеческую нагрузку, будучи одновременно и председателем ОГПУ, и председателем ВСНХ, и руководителем ряда комиссий.

Сердце пламенного борца и строителя не выдержало, и он преждевременно скончался…

Мы, старые чекисты, свято чтим память о Феликсе Эдмундовиче. Каждый год 11 сентября, в день его рождения, и 20 июля, в день смерти, мы приходим на Красную площадь и возлагаем живые цветы на его могилу у Кремлевской стены, проводим импровизированный митинг. Затем возлагаем цветы к подножию его памятника на площади его имени и вспоминаем те времена, когда работали и встречались с этим человеком — человеком большой души и доброго сердца, крупным партийным и государственным деятелем, соратником и другом Владимира Ильича Ленина.

Ф. Э. Дзержинский в ВЧК,

М., 1067, с. 149–158

И. П. БАРДИН
СЛУШАЯ ДЗЕРЖИНСКОГО

Я уже собирался покинуть Харьков, где был по делам Енакиевского завода, когда узнал, что в этот именно день на митинге в театре Муссури с докладом выступает Дзержинский.

Я отложил свой отъезд, чтобы попасть на митинг.

Помещение театра в тот вечер напоминало скорее осажденную крепость, нежели театр. Толпа людей запрудила площадь и плотным кольцом забаррикадировала входные двери. Все эти люди, жаждавшие увидеть и услышать Дзержинского, напирали друг на друга, теснились, волновались.

Желание услышать Дзержинского было настолько сильным, что в конце концов с помятыми боками я очутился в театре. Большой слабо освещенный зал был до отказа заполнен людьми. В солдатских шинелях, в тулупах, папахах и красноармейских шлемах люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, и казалось, что стены гудевшего зала не выдержат такого буйного натиска.

Но вот по залу пронесся нараставший шепот. Тысячи глаз обратились к сцене, где помещался длинный стол, покрытый красной скатертью.

К столу подошел высокий худощавый человек с запоминающимся характерным продолговатым лицом, обрамленным знакомой по портретам острой бородкой, в красноармейской гимнастерке, в сапогах.

Это был Феликс Дзержинский.

Несколько мгновений он стоял положив руку на сердце, выжидая, когда утихнет людской гул в зале, куда он устремил свой орлиный взор. Зеленовато-серые глаза его, казалось, горели. Я стоял близко к сцене и видел его хорошо.

Гул не унимался, и, не дождавшись, Дзержинский поднял руку и внятно произнес!

— Товарищи!

Зал покачнулся, притих и замер.

Обращаясь к красноармейцам, рабочим и крестьянам, Дзержинский начал свою речь невысоким, но четким голосом, в котором чувствовалась большая сила и который в самом начале наэлектризовал весь зал.

Люди слушали его с напряженным вниманием. По мере того как Дзержинский говорил, интонация его менялась, слова становились резче, чеканнее, он порывался всем корпусом вперед и нервно шагал по сцене. И весь он — высокий, худой,

энергичный, пламенный, как бы собранный в нервный узел, неумолимый и прямой — овладевал сознанием и волей сидящих перед ним людей.

Впервые в своей жизни я слушал такого пламенного оратора, видел такого большого политического борца, слова которого, мне казалось, выходили из самого сердца, возникали из кристаллических глубин человеческой души.

Я смотрел вокруг себя, на людей, обросших бородами, усталых, исхудавших, но уверенных в своей победе, опьяненных правдой, которой, точно пламенем, обжигал их Дзержинский.

Да! Да! Необычайной силой правды, неотразимой силой убеждения дышали слова Дзержинского, и я это почувствовал с первых же слов, брошенных им в зал. Его слушали настороженно, затаив дыхание. Дзержинский говорил о том, что такое Советская власть.

— Это — власть народа, власть рабочих и крестьян, разбивших цепи рабства, опрокинувших коронованных палачей и их золотопогонных сатрапов. Это — власть тружеников, уничтоживших кабалу, притеснение, эксплуатацию человека человеком. Это — вы сами, красноармейцы-бойцы, рабочие и крестьяне, сидящие в этом зале. Это — великий трудовой советский народ, уничтоживший царя, помещиков и капиталистов, — вот что такое, товарищи, Советская власть!

В зале бушевало море, стоял несмолкаемый гул, а Дзержинский, пламенея, рисовал суровому и разгневанному воображению людей задачу завтрашнего дня. В его коротких фразах вставали картины разрушений, причиненных войной, навязанной рабочим и крестьянам белыми генералами, помещиками и фабрикантами.

— Но для чего же мы воюем, для чего мы боремся на фронтах гражданской войны? — спрашивал Дзержинский.

И отвечал:

— Для того, чтобы с оружием в руках отстоять нашу власть, нашу свободу, наше право на жизнь, на труд, на счастье для всех; для того, чтобы завоевать свободу и счастье нашим детям и внукам!

Мы сами должны ковать свое счастье! Уже сегодня мы должны начать борьбу с разрухой, восстановить разрушенный транспорт, оживить заводы и фабрики, озеленить поля и пашни, накормить и одеть наших детей, сделать цветущим, радостным, могучим наше Советское государство.

Только ни на одну минуту не забывайте о мече, держите винтовку на боевом взводе, потому что враги наши не дремлют.

Сдавленный со всех сторон человеческими телами, я уже

ничего не замечал вокруг себя. Я видел только пылающие гневом и решимостью глаза людей, так же как и я, потрясенных до глубины души простыми, но такими волнующими словами Дзержинского. Правда, ясная, неотразимая правда — я это увидел и почувствовал — вот что захватило людей в зале, вот что поразило и мое сознание и сердце. Я видел перед собой не просто трибуна, но и храброго воина, чье имя ввергало в трепет врагов, чьи слова, словно разящий меч, с сокрушающей силой рассекали мои сомнения.

Тот вечер не сотрется в памяти. Я не забуду этот митинг в тускло освещенном зале, где слова большого человека взывали к сердцам людей, заставляли их кипеть гневом, воспламеняли надеждой. Я не забуду неотразимый образ Дзержинского, «железного Феликса», рыцаря революции, глубоко запавший мне в душу образ храброго воина с несокрушимой волей и всепобеждающей верой в великую правду, которую он убежденно и гордо нес как боевое знамя.

Дзержинский закончил свою речь. И тут раздалось яение, все поднялись на ноги. Люди пели «Интернационал».

Волнение душило меня, мешало петь.

Что-то важное, большое совершилось во мне в тот вечер. Я понял, что не только рассудком — сердцем приобщаюсь к новой жизни.

Бардин И. П. Жизнь инженера.

М., 1938, с. 86–90

М. Я. ЛАПШИН
СТРОИТЕЛЬ НОВОГО МИРА

Впервые я увидел Феликса Эдмундовича Дзержинского на V Всероссийском съезде Советов, делегатом которого меня избрали солдаты 50-го пехотного полка ржевского гарнизона. Когда левые эсеры убили германского посла Мирбаха и подняли мятеж против Советской власти, мы, делегаты-большевики, как один, выступили на защиту завоеваний революции.

На V Всероссийском съезде Советов меня избрали членом ВЦИК. После съезда прихожу к секретарю ВЦИК Варлааму Аванесову и говорю:

— Ведь я же военный, как буду выполнять обязанности члена ВЦИК?

— Товарищ Лапшин, — слышу в ответ, — будешь работать в ЧК с товарищем Дзержинским!

С 15 июля 1918 года я стал работать в следственной группе ВЧК.

Впечатление о Дзержинском можно выразить такими словами: беспредельно преданный делу партии. Человек большой душевной щедрости. Неимоверно отважный, храбрый. Простой и доступный в общении. Ответственно выполнявший любую работу, которую поручали ему партия и Владимир Ильич Ленин.

Феликс Эдмундович был удивительно тактичным человеком. Как-то после доклада на коллегии ВЧК я замешкался и не ушел вместе со своими товарищами. Одному выходить было как-то неудобно.

— Товарищ Лапшин, — обратился ко мне кто-то из членов коллегии, — у вас есть еще какие-то вопросы?

Заметив мое замешательство, Феликс Эдмундович сказал:

— Товарищ Лапшин присутствует на заседании коллегии как член ВЦИК! — И, улыбнувшись, добавил: — Мы с ним оба, как члены ВЦИК, обладаем одинаковыми полномочиями.

В те годы партия посылала чекистов на самые трудные участки борьбы и социалистического строительства.

В начале 1920 года Феликс Эдмундович вызвал меня и сказал:

— Михаил Яковлевич, создана комиссия по борьбе с сыпняком. Поедете от ЧК на Южный фронт, в Донбасс. Там во многих местах саботируют создание госпиталей, лечебных пунктов, снабжение медикаментами. Это поручение Владимира Ильича…

Во время голода в Поволжье Дзержинский направил меня в Самару для ликвидации транспортной «пробки», мешавшей продвижению грузов для голодающих. Когда при Совете Труда и Обороны была создана комиссия по борьбе с взяточничеством, Феликс Эдмундович командировал группу чекистов на Юго-Восточную дорогу. Я был в их числе.

Дзержинский лично инструктировал нас перед отъездом.

— Владимир Ильич поручил нам объявить взяточничеству войну! — взволнованно говорил он. — Это такое же зло, как и контрреволюция!

После смерти В. И. Ленина Дзержинский вызвал меня и тихим голосом, усталый после многих бессонных ночей, сказал:

— Решением Оргбюро ЦК сто человек направляются на партийную работу. Есть предложение послать вас в Екатеринослав (теперь Днепропетровск) на Брянский завод…

На заводе меня избрали секретарем партийной организации доменного цеха. В 1926 году, когда Дзержинский приезжал на Украину по делам ВСНХ, мы его ждали у себя на заводе. Рабочие приходили в партийный комитет, в завком и спрашивали, когда приедет Феликс Эдмундович. Неотложные дела не дали ему возможности побывать у нас. Но вскоре, будучи проездом в столице, я зашел к Дзержинскому в ВСНХ.

— Ждали-ждали вас, Феликс Эдмундович, но так и не дождались… — сказал я, радуясь возможности снова повидать его.

— Наверное, наводили на заводе чистоту и лоск? — шутил Дзержинский. — А вы считайте, что я могу приехать в любой момент. Пусть у вас в цехах всегда будет порядок!

Улыбка у Феликса Эдмундовича была на редкость обаятельная, запоминающаяся…

Он навсегда остался в моей памяти энергичным, уверенным в силе рабочего класса, увлеченным строителем нового мира…

Пограничник, 1977, № 12, с. 20

Ф. Т. ФОМИН
ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ, СКРОМНОСТЬ, ПРОСТОТА

…Суровый и беспощадный к тем, кто посягал на завоевания Великого Октября, Ф. Э. Дзержинский был внимателен и отзывчив к нуждам трудящихся. И что особенно для него характерно, очень любил детей, всегда заботился о них. Даже в самые ожесточенные моменты борьбы с контрреволюционным подпольем Феликс Эдмундович мечтал о том времени, когда сможет заняться воспитанием подрастающего поколения. В нем жил талантливейший педагог-воспитатель…

В 1924–1925 годах я работал начальником Терского окружного отдела ОГПУ. По согласованию с Дзержинским Северо-Кавказский крайком партии возложил на меня охрану членов ЦК партии и правительства, приезжавших на кавказские минеральные воды.

Летом 1924 года одним ранним утром у меня в кабинете раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал голос Дзержинского. Он сообщил, что в Кисловодск едут Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова.

— Прошу встретить их, хорошо устроить, а главное, уговорить, чтобы они подольше пожили в Кисловодске, они очень нуждаются в отдыхе и лечении.

Я встретил Надежду Константиновну и Марию Ильиничну на станции Минеральные Воды. Оттуда поехали в Кисловодск, на дачу «Каре»…

Приехали они больные. В первую неделю ни Надежда Константиновна, ни Мария Ильинична почти не выходили из комнаты. Но постепенно здоровье их улучшилось, и врачи разрешили им небольшие прогулки.

Феликс Эдмундович регулярно справлялся по телефону о состоянии их здоровья. Как обрадовался он, когда я сообщил, что Надежда Константиновна и Мария Ильинична почти целые дни проводят на воздухе и вот уже два дня как могут совершать прогулки до Красных камней…

Я знал и раньше, что у Феликса Эдмундовича доброе, отзывчивое сердце, но только теперь, наблюдая его отношение к членам семьи Владимира Ильича, смог по-настоящему оценить его душевную чуткость, теплоту, преданность друзьям…

Не прошло еще и месяца со дня приезда Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, как Надежда Константиновна заявляет мне:

— Нужно, товарищ Фомин, подумать об обратных билетах в

Москву.

Я доложил об этом по телефону Ф. Э. Дзержинскому. Он был очень огорчен.

— Нельзя их отпускать из Кисловодска. Ни в коем случае! Убедите их остаться. Раз сами себя они не жалеют, то надо нам их поберечь. По меньшей мере им еще нужен месяц на отдых и лечение…

Но все наши старания ни к чему не привели. Что делать?

Выручил зубной врач Бенинсон. Он уговорил Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, пока они в Кисловодске, подлечить зубы. Они охотно согласились.

— Вот и хорошо, — сказала Мария Ильинична, — пока есть у нас свободное время, займемся зубами. А в Москво некогда будет.

По моей просьбе лечение зубов растянулось почти на полтора месяца. За это время Н. К. Крупская и М. И. Ульянова хорошо поправились. Феликс Эдмундович был очень доволен находчивостью зубного врача и просил передать ему благодарность…

Ф. Э. Дзержинский поручил мне позаботиться о возвращении в Москву Надежды Константиновны и Марии Ильиничны.

Здоровье самого Феликса Эдмундовича находилось под угрозой. Оно было серьезно подорвано еще в молодости тюрьмами и ссылками. После Октябрьской революции, в годы гражданской войны, Феликс Эдмундович, не щадя своих сил, вел борьбу с контрреволюцией. Вот уж про кого действительно можно сказать, что он горел на работе.

Несколько раз правительство, ЦК партии и лично Владимир Ильич Ленин предлагали ему отдохнуть и полечиться. Но Феликс Эдмундович всегда горячо возражал, что сейчас нет причины ему волноваться о своем здоровье. Да и обстановка не позволяет. Вот кончится гражданская война, тогда можно будет и о здоровье побеспокоиться. Но кончилась гражданская война, и на очередь стали другие неотложные дела…

Летом 1925 года Центральный Комитет партии категорически потребовал, чтобы Ф. Э. Дзержинский отправился на курорт.

И вот Феликс Эдмундович получает отпуск. На станции Минеральные Воды его встретили секретарь Терского окружного комитета партии С. О. Котляр, директор курортов кавказских минеральных вод С. Л. Мамушип и я. По дороге Феликс Эдмундовнч буквально забросал нас вопросами: сколько рабочих работает на железнодорожном узле Минеральные Воды, каков их средний заработок, в каких бытовых условиях находятся? Интересовался курортами: какая пропускная способность их

летом, как поставлено медицинское обслуживание? И тут же сказал:

— Мне кажется, настало время все курорты перевести на круглогодовую работу. Потребность в этом у трудящихся очень большая. Вы, товарищ директор, соберите все данные о работе вверенных вам курортов и зайдите ко мне на дачу, ну хотя бы через недельку. Мы с вами подготовим материал для обсуждения этого вопроса в Москве. Как член правительства и председатель ВСНХ обещаю вам оказать помощь.

В Кисловодске Ф. Э. Дзержинский поселился на даче «Каре». Должна была приехать и жена его, Софья Сигизмундовна. На втором этаже для них была приготовлена квартира из трех комнат. Но Феликс Эдмундович решительно отказался в ней жить:

— Зачем мне такая большая квартира? Вполне достаточно одной комнаты.

Глубокая человечность Ф. Э. Дзержинского, его забота о людях проявлялись всегда и везде.

Однажды в разговоре кто-то выразил удивление терпеливости и внимательности Феликса Эдмундовича ко всем, кто обращался к нему.

— Чему же тут удивляться? Не вижу здесь ничего особенного, — сказал Дзержинский. — Все мы имели великий пример в лице Владимира Ильича. Ведь мы, большевики, считаем себя слугами народа. А как можно служить народу, если равнодушен к его нуждам или заражен барским высокомерием?

Тема эта, как видно, сильно волновала Феликса Эдмундовича. Говорил он возбужденно:

— Думаете, это правильно, когда не замечают просьб и нужд отдельных людей? Нет. Массы состоят из личностей. И каждый человек имеет право на внимание.

Вот я приведу такой пример, — продолжал Дзержинский. — Перед самым моим отъездом из Москвы сюда, в Кисловодск, я получаю сведения, что некоторые сотрудники ОГПУ, работающие в бюро пропусков, в столе справок, в общем, те, кто обычно сидят за окошками и к кому ежедневно обращаются сотни граждан, грубо отвечают на вопросы посетителей. При проверке это подтвердилось. И тогда я распорядился, чтобы в часы приема посетителей за окошками сидели только начальники управлений и отделов ОГПУ и чтобы они сами давали исчерпывающие ответы на все вопросы посетителей, и непременно в вежливой форме.

Помню и такой разговор Феликса Эдмундовича со мной. Речь зашла о чекистах, которые находились на лечении в Кисловодске:

— Весьма возможно, что кто-нибудь из них пожелает прийти

ко мне поговорить, посоветоваться. Я не должен лишать их такой возможности. Ведь во время отпуска я имею больше свободного времени и могу поговорить с каждым по душам. Вы, пожалуйста, не препятствуйте и пропускайте их ко мне.

И к Феликсу Эдмундовичу на дачу постоянно приходили сотрудники ОГПУ, да и не только они, а все, у кого была необходимость увидеться с ним. И ко всем он относился с дружеским участием, интересовался личной жизнью, работой, здоровьем, лечением.

Многие свои прогулки Феликс Эдмундович совершал вместе с В. Р. Менжинским, тоже лечившимся в то время в Кисловодске.

Однажды после обеда они решили поехать посмотреть Медовый водопад, находящийся за Кисловодском километрах в четырнадцати.

Утром прошел сильный дождь. А вслед за ним — радуга, солнце. День выдался отличный. Феликс Эдмундович и Вячеслав Рудольфович были в самом веселом настроении. Дорога шла по живописнейшим местам. Прогулка обещала быть на славу.

И вдруг машина резко затормозила. Шофер выскочил, осмотрел машину. Оказалось, что лопнула камера. Вид у него был испуганный. Феликс Эдмундович сразу обратил внимание на то, как изменились его лицо и голос.

— Товарищ Шибуняев, что это вы так сильно нервничаете? Спокойно заменяйте камеру, а мы пока походим, погуляем…

Феликс Эдмундович вышел из машины. Заметив, что я тоже волнуюсь, он спрашивает:

— А вы чего переживаете?

Я ответил, что мне крайне неприятно: хорошую прогулку испортил непредвиденный случай. Дзержинский прервал меня:

— Да что вы из-за такого пустяка волнуетесь! Лопнула камера — шофер заменит, и через десять минут поедем дальше. А если даже и не исправит машину — погода хорошая, отъехали мы немного, вернемся обратно пешком. Прогуляемся, и только.

Сняв с себя плащ, он разостлал его на траве, сел и нас пригласил сесть.

— Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом… Вот я вам сейчас расскажу кое-что тоже про автомобили. В годы гражданской войны положение с автотранспортом в Москве было очень тяжелое. Автомобили все старые, изношенные, резины мало, бензина нет, заправляли моторы спиртом, смешанным с эфиром. Пользоваться автотранспортом разрешалось только для оперативных служебных целей. Однако под выходные и в выходные дни много автомобилей все же направлялось за город. Даже в то тяжелое время (1919 год!) находились любители

покататься на государственный счет, покатать своих родственников и знакомых. И вот что интересно: резины, горючего и смазочных материалов в нерабочие дни расходовалось в Москве больше, чем в рабочие. Узнав об этом, я решил принять экстренные меры. Позвонил Владимиру Ильичу и сказал, что хочу на всех окраинах города и заставах выставить комиссаров ВЧК для регистрации автомобилей. Владимир Ильич одобрил мое предложение. И знаете, это возымело действие! Бывало, любители прогулок за город, как только увидят чекистов, быстро поворачивают обратно. В течение первых же двух недель расход горючего, резины и смазочного материала по Москве в нерабочие дни сократился наполовину…

Пока мы сидели и разговаривали, камера была заменена, и мы поехали дальше.

Феликс Эдмундович давно мечтал подняться на гору Машук.

— Иоанн Львович, — обратился он как-то к лечившему его доктору Баумгольцу, — я очень хочу осмотреть в Пятигорске лермонтовские места и подняться на гору Машук. Что вы на это скажете?

Доктор Баумгольц задумался:

— Что я могу ответить вам, Феликс Эдмундович? Если уж у вас такое большое желание подняться на Машук, то по крайней мере обещайте мне, что не будете переутомлять себя. Обязательно делайте через каждые 50 шагов минутную передышку.

Дзержинский дал слово неукоснительно выполнять все «требования медицины».

Вот и знаменитая гора…

Менжинский, тоже поехавший с нами, остался с одним из сотрудников у подножия Махлука. Я вызвался сопровождать Феликса Эдмундовича. Медленно стали мы подниматься по узкой тропке. Впереди шел Дзержинский. Обещание, данное врачу, он выполнял тщательным образом: как только пройдет 50 шагов, так минутную остановку сделает.

Поднялись мы на Машук. Прилегли отдохнуть. Феликс Эдмундович несколько минут лежал молча. Не знаю, о чем он думал. Может быть, о трагической судьбе гениального поэта, может быть, просто созерцал красоту горного пейзажа, а может быть, совсем иные мысли заставили его задуматься…

С Машука открывался необыкновенный вид на вершины гор, ущелья, долины. А вдали над всем величественно высился, сверкая снеговой шапкой, Эльбрус.

— Красота-то какая! — восхищенно воскликнул Феликс Эдмундович. — Хорошо бы везде побывать, посмотреть. И даже на

Эльбрус подняться. Вот здоровье только, пожалуй, не позволит. Как вы думаете, позволят мне врачи на Эльбрус подняться? Конечно, не на вершину, а так, хоть немного?

— Не позволят, Феликс Эдмундович, ни за что не позволят!

— И я так думаю, — вздохнул он. — Ну а близлежащие достопримечательности мы посетим обязательно. Это что за гора?

— Это гора Бештау, а там вдали — их отсюда не видно — Седло и Кольцо. А вон за этим ущельем — Медовый водопад. Вы там уже были. Есть тут недалеко замок «Коварства и любви»… — Я показывал Феликсу Эдмундовичу все интересные места и рассказывал о них, что знал.

Феликс Эдмундович с восхищением смотрел на раскрывшуюся перед ним панораму.

— Во что бы то ни стало надо побывать везде. Теперь, как только выдастся свободный от процедур день, я уже не усижу на даче. Поскорей бы Софья Сигизмундовна приезжала. Я и ее соблазню на эти прогулки. Пусть тоже полюбуется…

Когда пришла телеграмма: «Софья Сигизмуедовна сегодня выехала», я сразу же пошел к Феликсу Эдмундовк-чу, чтобы обрадовать его этим сообщением. Он спросил:

— Когда прибывает поезд в Минеральные Воды и когда нам нужно выехать отсюда?

Я ответил:

— Завтра в восемь часов утра нам нужно выехать из Кисловодска.

На следующий день Феликс Эдмупдович поднялся рано утром и принарядился. Он надел белую полотняную рубашку, белые парусиновые брюки, сандалии и белую, кавказскую, с большими полями, шляпу. Вышел на крыльцо и, увидев меня, поздоровался и сказал:

— Товарищ Фомин, я готов.

— Ну что ж, Феликс Эдмундович, двинемся, — отвечаю.

Мы пошли пешком на станцию. Сели в поезд у открытого окна. Я рассказывал Феликсу Эдмундовичу о достопримечательностях, встречавшихся по пути. Когда поезд остановился на разъезде Иноземцево, я увидел, что под окнами поезда девочки продают цветы. Я купил два хороших букета, по рублю каждый.

Феликс Эдмундович спросил:

— Кому это вы, товарищ Фомин, предназначаете эти букеты?

Я ответил:

— Софье Сигизмундовне.

— Вот так-так, чужой муж моей жене покупает цветы. А в какое положение вы меня ставите? Не обижайте уж меня,

уступите мне эти букеты.

— Охотно, Феликс Эдмундович.

— Сколько вы за них заплатили? Два рубля?

— Теперь уж вы меня не обижайте, Феликс Эдмундович, денег я не возьму.

— Э, нет! Я с вами должен расплатиться. Получите с меня стоимость цветов…

Подошел поезд. Феликс Эдмундович пошел к вагону навстречу Софье Сигизмундовне, радостно обнял ее и смущенно преподнес цветы.

В Кисловодск мы возвращались втроем. Феликс Эдмундович был весел и доволен.

Ежедневно потом Феликс Эдмундович и Софья Сигизмундовна совершали прогулки. Побывали они и в замке, и на Малом и на Большом седле, и в других местах. По излюбленным местом их прогулок были Красные камни, неподалеку от дачи, где на одной из скал высечен барельеф Владимира Ильича.

В последний раз я видел Феликса Эдмундовича Дзержинского в декабре 1925 года, когда был проездом в Москве. Я зашел к нему в ВСНХ. На Феликсе Эдмундовичо не было привычной, наглухо застегнутой защитного цвета гимнастерки. Он был в темном штатском костюме. Рубашка с крахмальным воротником, галстук…

— Видели ли вы меня когда-нибудь, товарищ Фомин, таким разодетым? — шутливо спросил он. — У меня даже ручка с золотым пером. Специально купил. Еду подписывать договор с англичанами о лесной концессии.

Дзержинский хоть и торопился, но принял меня с обычной сердечностью и вниманием. Интересовался моей работой, планами на будущее. Я обратился к нему с просьбой послать меня учиться.

— Мне очень приятно, — сказал Феликс Эдмундович, — что у вас появилось такое желание. Было время, когда мы только своей большевистской преданностью и чекистской храбростью побеждали контрреволюцию, а теперь к этому нужно еще добавить отличное знание своего дела и хорошее образование.

Узнав, что мне предстоит отпуск, Феликс Эдмундович стал заботливо расспрашивать, все ли есть у меня для отдыха, не нужна ли путевка, деньги и т. д.

Я поблагодарил и сказал, что ни в чем не нуждаюсь.

Прощаясь со мной, Феликс Эдмундович сказал:

— Обязательно пошлю вас учиться!

Думал ли я тогда, что в последний раз вижу и слышу этого

пламенного рыцаря революции…

Фомин Ф. Записки старого чекиста.

М., 1962, с. 175–202

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтайский Борис Николаевич — член КПСС с 1919 г. Красногвардеец. Участник гражданской войны. В 1924–1926 гг. сотрудник Политуправления Красной Армии.

Артузов Артур Христофорович — член КПСС с 1917 г. С 1919 г. на ответственной работе в органах ВЧК, ОГПУ.

Бардин Иван Павлович — действительный член Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР. Активный участник решения основных технических вопросов отечественной черной металлургии.

Барташевич Константин Михайлович — в 1918–1922 гг. сотрудник ВЧК, ГПУ. В 1923–1930 гг. работал в аппарате НКПС.

Беленький Абрам Яковлевич — член КПСС с 1902 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. С 1917 г. комиссар ВЧК. В 1919–1924 гг. начальник охраны В. И. Ленина.

Богданов Николай Петрович — член КПСС с 1914 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В 20—30-е годы на ответственной профсоюзной и хозяйственной работе.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — член КПСС с 1895 г. Советский партийный и государственный деятель. Участник трех революций. В 1917–1920 гг. управляющий делами Совнаркома.

Буйкис Ян Янович — член КПСС с 1917 г. В 1918–1938 гг. в органах ВЧК, ОГПУ.

Барский Адольф Ежи — деятель польского и международного коммунистического движения. Один из основателей в 1893 г. Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, в 1918 г. — Коммунистической партии Польши.

Ворошилов Климент Ефремович — член КПСС с 1903 г. Маршал Советского Союза. Участник трех революций, гражданской войны. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР.

Генкин Яков Михайлович — член КПСС с 1917 г. С 1920 г. в органах ВЧК, ОГПУ.

Герсон Вениамин Леонардович — член КПСС с 1917 г. После Октябрьской революции — секретарь Особого отдела ВЧК. С 1920 г. секретарь председателя ОГПУ.

Губкин Иван Михайлович — член КПСС с 1921 г. Академик, основатель советской нефтяной геологии. Активный участник решения вопросов индустриального развития Урала, Сибири, Дальнего Востока, Закавказья.

Гулъбинович Андрей — рабочий-поэт. Один из деятелей

литовской социал-демократии в 1894–1897 гг.

Дзержинская-Кояллович Альдона Эдмундовна — старшая сестра Ф. Э. Дзержинского. Во время пребывания Феликса Эдмундовича в тюрьмах, ссылках и на каторге заботилась о нем. Ей адресовано много его писем.

Дзержинская Софья Сигизмундовна — член КПСС с 1905 г. Участница революционного движения, жена и соратник Ф. Э. Дзержинского.

Дзержинская Ядвига Эдмундоена — сестра Феликса Эдмундовича.

Дзержинская Ядвига Генриховна — племянница Феликса Эдмундовича.

Дзержинский Ян Феликсович — член КПСС с 1939 г., сын Ф. Э. Дзержинского.

Дубинин Николай Петрович — член КПСС с 1969 г. Советский генетик, академик, лауреат Ленинской премии.

Иванов Андрей Прокофъевич — геолог. В 20-е годы — на ответственной работе в ВСНХ СССР.

Катанян Рубен Павлович — член КПСС с 1903 г. В 20-е годы — на ответственной партийной, дипломатической и юридической работах.

Константинов Михаил Михайлович — член КПСС с 1915 г. Делегат VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП (б). Участник Октябрьской революции и гражданской войны.

Кошутский Бронислав — деятель Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Позднее член Коммунистической партии Польши.

Красный Юзеф — участник революционного движения в Польше. С 1905 г. член Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.

Кржижановский Глеб Максимилианович — член КПСС с 1893 г. Ученый-энергетик, академик. Член ЦК партии в 1924–1939 гг. Член ВЦИК, ЦИК СССР.

Лазаревский Александр Александрович — инженер-железнодорожник. В 20-е годы на ответственных постах в Наркомате путей сообщения.

Лапшин Михаил Яковлевич — член КПСС с 1917 г. Работник ВЧК, ОГПУ.

Лацис Мартын Иванович — член КПСС с 1905 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Латвии и Октябрьской революции в Петрограде. С 1918 г. член коллегии ВЧК. В 1919–1921 гг. председатель Всеукраинской ЧК.

Ледер Сергей Александрович — участник революции 1905–1907 гг. и гражданской войны. В 1920–1939 гг. на ответственных

постах на транспорте.

Лещинский (Ленский) Юлиан — деятель польского и международного рабочего движения. С 1906 г. член Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Участник Октябрьской революции в России.

Луначарский Анатолий Васильевич — член КПСС с 1895 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. С 1917 г. нарком просвещения.

Макаренко Антон Семенович — советский педагог, писатель. Автор книг «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» и др.

Манцев Василий Николаевич — член КПСС с 1906 г. Участник Октябрьской революции в Москве. С 1918 г. заместитель председателя МЧК, затем председатель ЧК Украины. С 1920 г. член коллегии ВЧК (ОГПУ). Член ЦКК, член ЦИК СССР.

Межлаук Валерий Иванович — член КПСС с 1917 г. Участник борьбы за Советскую власть на Украине. С 1924 г. член президиума и заместитель председателя ВСНХ.

Менжинский Вячеслав Рудольфович — член КПСС с 1902 г. Участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С 1917 г. нарком финансов РСФСР. С 1919 г. член президиума ВЧК. С 1923 г. заместитель председателя, с 1926 г. председатель ОГПУ.

Милюков Аполлон Арсеньевич — ответственный работник Главметалла и Главмашстроя СССР в 20-е годы.

Овсеенко Владимир Владимирович — член КПСС с 1932 г. Инженер-энрргетик. Участник Великой Отечественной войны.

Петерс Яков Христофорович — член КПСС с 1904 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Латвии, Октябрьского вооружепного восстания в Петрограде. С 1917 г. член коллегии, заместитель председателя ВЧК, ОГПУ. В 1930–1934 гг. председатель Московской контрольной комиссии ВКП(б). Член ЦКК, член ВЦИК.

Равич Николай Александрович — член КПСС с 1919 г. Советский писатель. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 20-е годы работал в штабе тыла Юго-Западною фронта.

Редлих Оскар Эрнстович — член КПСС с 1917 г. В 1918 г. член комиссии ЧК Новгородской губернии, в 1919–1937 гг. военный комггесар в Омске.

Ривин Лазарь Борисович — член КПСС с 1918 г. Работал в органах ВЧК, ОГПУ, НКВД.

Рошаль Михаил Григорьевич — член КПСС с 1915 г. Участник Октябрьской революции. В 20-е годы на ответственной работе в ВСНХ.

Рудый Юлий Валентинович — рабочий-транспортник. В 1920–1930 гг. на ответственной работе в Наркомате путей сообщения.

Садовский Юрий Владимирович — член КПСС с 1920 г. С 1923 г. в органах ОГПУ, НКВД.

Самсонова Ева Константиновна — член КПСС с 1928 г. С 1919 по 1924 г. работала в органах ВЧК, ОГПУ.

Сверчков Дмитрий Федорович — член КПСС с 1920 г. В 20-е годы комиссар Петроградского округа путей сообщения.

Серебрякова Галина Иосифовна — член КПСС с 1919 г. Советская писательница.

Соколов Василий Васильевич — член КПСС с 1919 г. В 1920–1931 гг. в органах ВЧК, ОГПУ.

Стасова Елена Дмитриевна — член КПСС с 1898 Г. Участница революции 1905–1907 гг. и Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 1917–1920 гг. секретарь ЦК РКП (б). Член ЦКК, член ВЦИК, ЦИК СССР.

Студитов Петр Иванович — член КПСС с 1914 г. С 1920 по 1936 г. в органах ВЧК, ОГПУ.

Таллерчик Владимир Иванович — в 1917 г. красногвардеец. С 1922 г. в органах здравоохранения.

Танер-Таненбаум Жан Львович — инженер-энергетик. В 20-е годы на ответственной работе в ВСНХ СССР.

Тихомолов Сергей Григорьевич — личный шофер Ф. Э. Дзержинского в 1918–1926 гг.

Тухачевский Михаил Николаевич — член КПСС с 1918 г. Маршал Советского Союза, участник гражданской войны. В 1925–1928 гг. начальник Штаба Красной Армии.

Уншлихт Иосиф Станиславович — член КПСС с 1900 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Польше и Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член ВРК. С 1921 г. заместитель председателя ВЧК, ГПУ. С 1923 г. член Реввоенсовета Республики, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Уралов Сергей Герасимович — член КПСС с 1914 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. С 1918 г. член коллегии ВЧК.

Федоровский Николай Михайлович — член КПСС с 1904 г. Участник революции 1905–1907 гг. В 1917–1918 гг. председатель Нижегородского губкома партии, член ВРК.

Фомин Федор Тимофеевич — член КПСС с 1917 г. В 1918–1935 гг. работал в органах ВЧК, ОГПУ.

Фотиева Лидия Александровна — член КПСС с 1904 г. Участница трех российских революций. Секретарь В. И. Ленина и Совнаркома.

Френкель Люцина Моисеевна — член КПСС с 1920 г. Рабочая. Участница Февральской революции в Москве.

Цеткин Клара — деятель германского и международного коммунистического движения, один из основателей КП Германии.

Чайванов Владимир Николаевич — член КПСС с 1920 г. В 20-е годы работал в органах ВЧК, ОГПУ.

Шишкин Владимир Васильевич — член КПСС с 1923 г. В 1920–1925 гг. на хозяйственной работе в ВЧК, ОГПУ.

Шмералъ Вогумир — один из организаторов Коммунистической партии Чехословакии, член ее ЦК.

Шрейдер Михаил Павлович — член КПСС с 1919 г. С 1919 по 1938 г. работал в органах ВЧК, ОГПУ, НКВД.

Эйдеман Роберт Петрович — член КПСС с 1918 г. Участник Октябрьской революции в Сибири, гражданской войны. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Яворский Иван Петрович — член КПСС с 1917 г. Участник революции 1905–1907 гг., Октябрьской революции и гражданской войны на Украине. В 20-е гг. начальник Нижне-Днепровского пароходства и Херсонского морского порта.

notes

Примечания

1

У Ф. Э. Дзержинского было четыре брата: Станислав, Казимир, Игнатий и Владислав — и три сестры: Альдона, Ядвига и Ванда.

2

А. Домашевич — один из организаторов в Вильно литовской социал-демократии. В 90-х годах прошлого века был сослан на пять лет в Сибирь. После Октябрьской революции жил в буржуазной Литве, несколько раз подвергался арестам.

3

Воспоминания написаны в декабре 1926 г.

4

Шешкина гора, Снепишки, Заречье — предместья Вильно. В Заречье в 1896 г. жил Ф. Дзержинский.

5

Это были зачатки профсоюзных организаций. «Кассы сопротивления» собирали деньги на проведение забастовок. Кассы взаимопомощи выдавали небольшие ссуды своим членам. И те и другие работали нелегально и располагали небольшими средствами.

Очевидно, автор ошибся. Это было в 1896 г.

7

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. М., 1977, т. 1, с. 13.

8

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 1, с. 13.

9

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984, с. 134.

10

Дзержинский Ф. Э. Ибранные произведения. М., 1977, т. 2, с. 245–246.

11

Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) — член КПСС С 1898 г. С 1902 г. агент «Искры». Участник трех революций. В 1918 г. председатель Моссовета. С 1924 г. в ЦИК СССР. В 1921–1922 гг. член ЦКК партии. Член Президиума ВЦИК.

Ломов (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888–1938) — член КПСС с 1903 г. Участник Октябрьской революции. В 1918–1921 гг. член президиума и заместитель председателя ВСНХ. В последующие годы на партийной и хозяйственной работе. Избирался членом ЦК ВКП(б), членом ЦИК СССР.

Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928) — член КПСС с 1896 г. Участник революций 1905–1907 и 1917 гг. С 1925 г. редактор «Известий». Избирался членом ЦК партии, членом ВЦИК и ЦИК СССР.

12

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1940) — член КПСС с 1903 г. Участник революций 1905–1907 и 1917 гг. и гражданской воины. С 1924 г. начальник Политуправления Красной Армии, член Реввоенсовета СССР. С 1929 г. нарком просвещения РСФСР. Избирался членом и секретарем ЦК партии, членом ВЦИК и ЦИК СССР.

13

Усиевич Григорий Александрович (1890–1918) — член КПСС с 1907 г. В 1917 г. один из руководителей борьбы аа Советскую власть в Москве. В 1918 г. председатель революционного штаба в Тюмени. Погиб в бою.

московской

15

См.: Пролетарская революция, 1929, № 10. Протоколы Московской областной конференции.

16

Военно-революционный центр — партийный орган по руководству Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде. Вошел в Петроградский военно-революционный комитет как его руководящее ядро.

17

Петроградский военно-революционный комитет — военно-оперативный штаб по подготовке и проведению Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. ЦК РСДРП (б) во главе с Лениным руководил революционным комитетом через Военно-революционный центр. После низложения Временного правительства — чрезвычайный орган Советской власти. С созданием аппарата ВЦИК, наркоматов 5 декабря 1917 г. вместе с Военно-революционным центром прекратил свое существование.

18

Демократическое совещание было созвано в сентябре 1917 г. эсеро-меньшевистским ЦИК Советов. Оно ставило целью укрепить позиции буржуазного Временного правительства и отвлечь массы от революционной борьбы. Не достигнув цели, передало свои функции Предпарламенту (Временному совету республики) до созыва Учредительного собрания. Распущено Петроградским военно-революционным комитетом.

19

В то время Польша не была самостоятельным государством. С конца XVIII в. ее поработили и разделили три соседние державы: Пруссия, Австрия и царская Россия. Та часть Польши, которая входила в состав Российской империи, называлась Королевством или Царством Польским.

20

Викценты Матушееский (партийная кличка — Мартин) — один из активнейших членов СДКПиЛ, профессиональный революционер, неоднократно арестовывался царскими властями. После Февральской революции 1917 г. работал в Красноярском комитете большевиков, осенью 1918 г. зверски замучен белогвардейцами в Красноярске.

21

«Павиак» — мужская следственная тюрьма в Варшаве.

См.: Рыцарь революции. М., 1967, с. 78–79.

23

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с.86.

24

Там же, с. 134.

Меньшевиков.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 1, с. 130.

27

См.: *Дзержинская С.* В годы великих боев. М., 1975, с.98. Речь идет о второй части статьи В. И. Ленина «Заметки публициста» — «Объединительный кризис» в нашей партии» (Полн. собр. соч., т. 19, с. 252–304).

28

Леон — Я. Тышка.

29

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 178.

30

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 208.

31

Там же, с. 260.

32

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 2, с. 245.

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958.

Бонч-Бруевич В. Воспоминания о Ленине. М., 1965, с. 138.

35

С 1 (14) февраля 1918 г. даты приводятся по новому стилю.

36

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 262.

Е. П. Пешкова в то время была представительницей польского Красного Креста в Советской России.

Цит. по: *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1952, т. 17, с.35

39

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 269–270,272.

Имеется в виду округ железных дорог.

41

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с, 273–274.

42

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 69.

43

Там же, с. 183–184

44

Польревком — Временный революционный комитет Польши, образован в июле 1920 г. во время войны с буржуазно-помещичьей Польшей. Был первым в истории Польши рабоче-крестьянским правительством на освобожденной. Красной Армией польской территории.

45

Данная публикация является частью статьи Клары Цеткин, посланной С. С. Дзержинской вместе с письмом к ней 29 июля 1926 г. Клара Цеткин писала: «Позволю послать Вам копию своей работы, предназначенной для Германии. Из нее вы увидите, насколько высоко ценю я товарища Дзержинского как борца и как человека».

46

Имеется в виду «Союз защиты родины и свободы». Контрреволюционная офицерская организация. Возникла в марте 1918 г. в Москве, имела отделения в Казани, Ярославле и других городах, возглавлял ее Б. В. Савинков. В июле 1918 Г, «Союз» поднял антисоветские мятежи в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Елатьме. После подавления этих мятежей его деятельность прекратилась.

47

Левоэсеровский контрреволюционный мятеж был поднят 6–7 июля 1918 г. в Москве левыми эсерами с целью свержения Советского правительства, срыва Брестского мира.

48

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) — член КПСС с 1917 г., председатель Петроградской ЧК. 30 августа 1918 г. убит эсерами.

49

Особый отдел ВЧК был образован в декабре 1918 г. До этого в Красной Армии действовали военный контроль и армейские ЧК.

50

Павлуновский Иван Петрович (1888–1940) — член КПСС с 1905 г., участник трех российских революций. С 1918 г. в органах ВЧК, ОГПУ.

51

Дополнения в статью, опубликованную в книге «Рыцарь революции», сделаны автором.

52

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы, с. 31.

Второй Всероссийский съезд Советов. М, — Л., 1928, с. 17.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

55

Из истории ВЧК. М., 1958, с. 172.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 1, с. 296–298.

57

День покушения эсерки Каплан на жизнь В. И. Ленина.

58

На заседании Совнаркома от 6(19) декабря 1917 г. был заслушан вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». Постановили: «Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа…»

59

5 декабря 1917 г. Военно-революционный комитет был ликвидирован. Тогда же была образована ликвидационная комиссия, функции которой были ограничены «экстренными мерами борьбы с контрреволюцией».

60

Из истории ВЧК. М., 1958, с. 78–79.

61

«Обращение к населению Москвы» было опубликовано в «Известиях Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской области» № 62, 3 апреля 1918 г.

62

«Комитет членов учредительного собрания» — антисоветское эсеровское «правительство» в Самаре. Образовано в июне 1918 г. после захвата города белочехами.

63

Из истории ВЧК, с. 182–133.

64

Рынок на Сухаревской (ныне Колхозной) площади, где процветала спекуляция.

65

Государственное политическое управление при НКВД РСФСР — орган по охране государственной безопасности в 1922–1923 гг. Создано на основе ВЧК. Преобразовано в ОГПУ.

66

О раскрытии заговора Локкарта см. документы в книге «Из истории ВЧК».

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 410.

68

Склянский Эфраим Маркович (1892–1925) — член КПСС с 1913 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В гражданскую войну — заместитель наркома по военно-морским делам, заместитель председателя Реввоенсовета Республики, член Совета Труда и Обороны, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Ленинский сборник XXXIV, с. 304–305.

70

Соловьев Зиновий Петрович (1876–1928) — один из организаторов советского здравоохранения и военно-санитарной службы красной Армии. Член КПСС с 1898 г. Участник Октябрьской революции в Москве. С 1920 г. начальник Главного военно-санитарного управления РККА.

71

Из истории ВЧК, с. 374.

72

Из истории ВЧК, с. 103–104.

73

Там же. с. 411–412.

Речь идет о Юго-Западном фронте.

75

Речь идет о Ядвиге Эдмундовне Дзержинской, по мужу Кушелевской.

76

Азеф — известный провокатор в партии эсеров, занимавший в ней руководящие посты.

77

Попов — левый эсер, командовал отрядом ВЧК.

Мархлевский Юлиан Юзефович (1866–1925) — деятель российского и международного революционного движения. Один из организаторов и руководителей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Участник революции 1905–1907 гг. в Варшаве. В 1920 г. председатель Временного ревкома Польши. Организатор МОПР, первый председатель его ЦК. С 1922 г. ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Член ВЦИК.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) — российский и международный революционный деятель. Участник революции 1905–1907 гг. в Петрограде. Член КПСС с 1918 г. (партстаж с 1906 г). В 1921 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. Член ВЦИК, Президиума ЦИК СССР.

79

Богуцкий Вацлав Антонович (1884–1937) — деятель российского и польского революционного движения. Член КПСС с 1904 г. В 1918–1919 гг. участник борьбы за Советскую власть в Белоруссии. С 1922 г. секретарь Центрального бюро КП(б) Белоруссии и заместитель Председателя Совнаркома БССР. Член ЦИК СССР.

После реорганизации ВЧК в ГПУ вместо краевых и губернских чрезвычайных комиссий стали действовать полномочные представительства ГПУ края, губернии.

81

Трилиссер Меер Абрамович (1883–1940) — член КПСС с 1901 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Финляндии, борьбы за Советскую власть в Сибири, на Дальнем Востоке. С 1926 г. заместитель председателя ОГПУ. Член Президиума ЦКК партии. Член ВЦИК.

82

Дерибас Терентий Дмитриевич (1883–1939) — член КПСС с 1903 г., участник революции 1905–1907 гг. С 1920 г. в ВЧК, ОГПУ, с 1931 г. Член коллегии ОГПУ. Кандидат в члены ЦК партии с 1934 г.

83

Воспоминания написаны в июле 1927 г.

Здесь приводится лишь одно письмо.

85

Имеется в виду доклад Ф. Э. Дзержинского 9 февраля 1926 г. на пленуме ВЦСПС «Промышленное строительство и хозяйственные затруднения СССР» (см. его «Избранные произведения», т. 2, с. 364–380).

Декрет об этом назначепии Ф. Э. Дзержинского бьш опубликован 14 апреля 1921 г. Одновременно он оставался руководителем ВЧК и НКВД.

Цектран — Центральный комитет работников железнодорожного и водного транспорта.

88

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984, т, 3, с. 164. (Далее: КПСС в резолюциях…).

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т, 43, с. 143.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 1, с. 239.

91

Благонравов Георгий Иванович (1896–1938) — член КПСС с 1917 г. Участник Октябрьской революции. Член Петроградского военно-революционного комитета. С 1918 г. в ВЧК, ОГПУ. В 1932–1934 гг. заместитель наркома путей сообщения. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦИК СССР.

92

Имеется в виду паровоз системы «ФД» — Феликс Дзержинский.

93

Центральное управление железнодорожного транспорта.

94

Графтио Генрих Осипович (1869–1949) — советский ученый-энергетик, академик, один из пионеров отечественного гидроэнергетического строительства. Участник составления плана ГОЭЛРО. Руководитель строительства ряда крупных гидроэлектростанций.

95

ГОЭЛРО — первый единый государственный перспективный план восстановления и развития народного хозяйства Советской республики. Разработан в 1920 г. по заданию и под руководством В. И. Ленина Государственной комиссией по электрификации России.

Богданов Петр Алексеевич (1882–1939) — член КПСС с 1905 г. Участник Октябрьской революции в Гомеле. С 1921 по 1925 г. председатель ВСНХ РСФСР. Избирался членом ЦРК партии, ВТДИК, ЦИК СССР.

Главное экономическое управление ВСНХ.

КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 64.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. 2. с. 13.

100

Квиринг Эммануил Ионович (1888–1937) — член КПСС с 1912 г. Один из руководителей борьбы за Советскую власть на Украине. В 1920–1922 гг. секретарь Екатеринославского, Донецкого губкомов. В 1918, 1923–1925 гг. секретарь ЦК КПб) Украины. С 1925 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, Госплана. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР.

101

КПСС в резолюциях…, т. 3, с. 294.

102

Розмирович Елена Федоровна (1886–1953) — член КПСС с 1904 г. В 1913–1914 гг. секретарь фракции большевиков IV Государственной думы, член редакции «Правды». В 1917 г. член Всероссийского бюро Военной организации большевиков. В 1918–1922 гг. председатель следственной комиссии Верховного трибунала при ВЦИК. С 1922 г. в Наркомате РКИ. Избиралась членом ЦКК и членом ВЦИК.

103

Брюханов Николай Павлович (1878–1942) — член КПСС С 1902 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Уфе. Один из руководителей борьбы за Советскую власть на Южном Урале. В 1921–1924 гг. наркомпрод, в 1926–1930 гг. наркомфин СССР. Кандидат в члены ЦК партии.

104

Так в оригинале.

105

Геологический комитет руководил всей работой по исследованию земных недр страны. Образован в 1922 г. во главе с Губкиным.

106

Ф. Э. Дзержинский был назначен на пост председателя детской комиссии ВЦИК 27 января 1921 г.

107

Из личного архива составителя сборника.

Всероссийская и Московская чрезвычайная комиссии.

109

После реорганизации ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. Московская чрезвычайная комиссия стала называться «Московский губернский отдел ГПУ».

110

Феликс Эдмундович имел в виду своего сына Ясика.

111

Части особого назначения (ЧОН) создавались в 1919–1925 гг. при заводских партячейках, райкомах, укомах и губкомах партии. Оказывали помощь советским органам в борьбе с контрреволюцией, поддержании порядка, охране государственных объектов. Формировались из членов партии, сочувствующих, комсомольцев.

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 197, 244.

113

Там же, с 256.

Это был Локкарт, незадолго до этого обмененный на арестованного в Англии М. М. Литвинова.

115

Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма, с. 51–52.